

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 394 506

PSlav 424.50 (68)

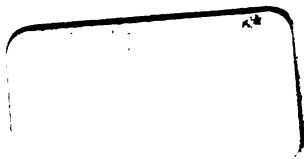
Slav 20.4.68

Harvard College Library

FROM

University of
St. Petersburg

5лав. 20.4.65

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1903.

**Записки Историко-Филологического Факультета ИМПЕРАТОРСКОГО
С.-Петербургскаго Университета.**

- Ч. I. Прокопія Кесарійскаго. Історія войнъ Римлянъ съ Персами, Ванди-
лами и Готами. Пер. съ греческ. Спиридо́на Дестуниса, ком-
ментарій Гавріла Дестуниса. П. К. Історія войнъ Римлянъ
съ Персами. Книга 1-я. 1876.
- " II. I. Ioannis Vossacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres.
Изд. А. Веселовскій.—2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя
въ Камаонѣ въ 1875 г. И. Минаевымъ. 1876.
- " III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. М. Бережкова. 1879.
- " IV. Изъ древней исторіи Болгаръ. Матвѣя Соколова. 1879.
- " V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ
П. И. Севастьянова, Тимофея Флоринскаго.—2. Antiphontis
orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.
- " VI. Прокопія Кесарійскаго. Історія войнъ Римлянъ съ Персами, Ванди-
лами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридо́на Дестуниса,
комментарій Гавріла Дестуниса. П. К. Історія войнъ Рим-
лянъ съ Персами. Книга 2-я. 1880. Приложение: О покореніи и плѣ-
неніи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳонѣ. Греческое сти-
хотвореніе эпохи турецкаго погрома. Издавъ, перевелъ и объяснилъ
Г. Дестунисъ. 1881.
- " VII. Психологія. Исслѣдованія основныхъ явленій душевной жизни. М. Вла-
диславлева. Томи I и II. 1881 г.
- " VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. Семей-
скаго. 1881.
- " IX. Моравія и Мадыары съ половинъ IX до начала X вѣка. К. Грота. 1881.
- " X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзи. 1-й и 2-й періоды
жизни и дѣятельности (1799—1826). А. Незеленова. 1882.
- " XI. Къ исторіи аѳонскихъ драматическихъ состязаній. П. Никитина. 1882.
- " XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant
à éclaircir les rapport de la Seigneurise avec les Grecs, les Slaves et la
Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle, par Vladimir La-
manski. 1884.
- " XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Е. За-
мысловскаго. 1884. Приложение: Матеріалы для ист.-геогр. атласа
Россіи XV в. 1884.
- " XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣ-
тіяхъ. Г. Форстена. 1884.
- " XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). А. Бар-
башева. 1885.
- " XVI. Буддизмъ. Исслѣдованія и матеріалы. И. Минаева. Томъ I. Вып.
1 и 2. 1887.
- " XVII. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Евгенія
Пѣтухова. 1888.
- " XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической фило-
софіи. А. Введенскаго. Часть первая. 1888.
- " XIX. Історія нравственныхъ идей XIX вѣка. Н. Ланге. Часть первая. 1888.

ОСНОВНЫЯ
УЧЕНІЯ ПСИХОЛОГІИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

ВОЛЮНТАРИЗМА.

ЗАПИСКИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

St. Petersburg, Russia - Univ. - Inst. for Faculty

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1903.

ОСНОВНЫЯ
УЧЕНІЯ ПСИХОЛОГІИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

ВОЛЮНТАРИЗМА.

Nikolai Demurievitch Losski
Н. ЛОССКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1903.

1065-6

P Slav 424.50 (68)

~~Slav. 20.1.1.4~~

University of St. Petersburg

3230

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ современной психологической литературѣ часто слышатся жалобы на то, что никогда еще психологія не была въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, какъ теперь. Ни одно изъ основныхъ направленій въ ней не пользуется преобладаніемъ. Ассоціационизмъ уже давно пересталъ всецѣло увлекать психологовъ, хотя и не вымеръ еще. Интеллектуализмъ въ послѣднее время очень часто встрѣчаетъ отпоръ со стороны волюнтаризма, но не падаетъ вслѣдствіе этого. Психо-физиологическое направленіе пользуется большимъ успѣхомъ, но его матеріалистическій характеръ вредитъ свободѣ изслѣдованія многихъ чисто психологическихъ проблемъ. Съ нимъ поэтому вступаетъ въ борьбу психологія, требующая чисто психологическаго изслѣдованія явленій и отвергающая попытки выводить психическія явленія изъ не психическихъ (*Bewusstseinspsychologie*; сюда можно отнести и психологию, широко пользующуюся понятіемъ безсознательной психической жизни).

Каждое изъ старыхъ направленій оказало такія очевидныя услуги психологіи, что невольно внушаетъ почтеніе къ себѣ. Новыя теоріи стремятся не столько переработать содержаніе психологіи, сколько отвоевать себѣ какую-либо частную область въ ней и приобрѣтаютъ эклектическій характеръ. Такимъ образомъ неопредѣленнымъ становится не только положеніе психо-

логіи въ цѣломъ, но и каждого направленія въ частности. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ направленій, напр., волонтаризмъ, начинающій теперь поднимать голову, требуютъ совершенно опредѣленной системы взглядовъ и могутъ быть согласованы съ результатами изслѣдованій, произведенныхъ представителями другихъ направленій, лишь путемъ переработки этихъ изслѣдованій. Поэтому работы, посвященныя вопросу, какія системы взглядовъ необходимо требуются или исключаются тѣмъ или другимъ направленіемъ, могли бы существенно способствовать оцѣнкѣ этихъ направленій.

Настоящая работа имѣетъ цѣлью развитіе рядъ ученій по основнымъ вопросамъ психологіи, необходимыхъ съ точки зрѣнія одной изъ разновидностей волонтаризма. Эта работа, конечно, не обрисовываетъ волонтаризма во всѣхъ его подробностяхъ и видоизмѣненіяхъ, но все же она опредѣляетъ общій характеръ этого направленія.

Оканчивая этотъ трудъ, я считаю своимъ долгомъ выразить благодарность Историко-филологическому факультету С.-Петербургскаго университета, командировавшему меня за границу и давшему средства на печатаніе этого сочиненія, и въ частности моему учителю проф. А. И. Введенскому. Не могу также не вспомнить о покойномъ учителѣ моемъ проф. А. А. Козловѣ, вліяніе котораго отразилось на нѣкоторыхъ сторонахъ этого сочиненія, въ особенности на главѣ «Сознаніе и знаніе».

Н. Лосскій.

ВВЕДЕНИЕ.

Предварительное опредѣленіе волюнтаризма.

Волюнтаризмъ есть направленіе въ психологіи, утверждающее, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаниемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ «я», протекають по образцу волевыхъ актовъ, что волевые акты суть типичная форма процессовъ сознанія. Иными словами въ жизни я нѣтъ *состояній* сознанія, а есть только цѣлестремительные акты, *поступки*. Таково предварительное опредѣленіе волюнтаризма, еще не обрисовывающее его фizioноміи, такъ какъ каждый изъ терминовъ въ этомъ опредѣленіи требуетъ особаго поясненія.

Психологическія понятія основываются въ волюнтаризмѣ, какъ направленіи строго эмпирическомъ ¹⁾, на тщательномъ наблюденіи надъ реальнымъ содержаніемъ душевной жизни, и каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ какая-либо группа фактовъ, находимыхъ въ сознаніи каждаго человѣка. Поэтому, знакомясь съ волюнтаризмомъ, мы обязаны отбросить все принесенное съ собою содержаніе понятій воли, волевого акта, поступка, я и т. п., и посмотрѣть, какіе факты намъ предлагаютъ обозначать этими именами. Исходнымъ пунктомъ при этомъ должны служить явленія, называемыя дѣйствіями

¹⁾ См. Вундтъ. Очеркъ психологіи, перев. подъ редакціей Грота, стр. 23—24.

по сознательному выбору: они состоятъ изъ наиболѣе дифференцированныхъ элементовъ и потому особенно пригодны для перечисленія фактовъ, мыслимыхъ въ понятіи волевого акта.

Исслѣдованіе волевыхъ актовъ должно привести къ установленію понятія воли, и вслѣдъ за этимъ можно будетъ дать уже окончательное опредѣленіе волюнтаризма. На этомъ пути сами собою намѣтятся тѣ коренные вопросы психологіи, рѣшеніе которыхъ получаетъ специфическую окраску подъ вліяніемъ исходныхъ утвержденій волюнтаризма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В о л я.

І. Элементы волевого акта.

Разсмотримъ слѣдующій случай: мы пишемъ научный рефератъ, въ комнату входитъ нашъ знакомый и зоветъ пойти прогуляться; мы отвѣчаемъ, что у насъ мало времени но вслѣдъ за этимъ намъ приходитъ въ голову, что получасовая прогулка освѣжитъ насъ, мы будемъ быстрѣе работать и успѣемъ дописать докладъ; какъ только является это соображеніе, мы встаемъ и идемъ гулять. Сложный внутренній процессъ заканчивается перемѣною въ нашемъ психо-физическомъ цѣломъ: у насъ является рядъ движеній, осуществляющихъ прогулку, и рядъ новыхъ состояній сознанія, связанныхъ съ чувствомъ удовлетворенія или неудовлетворенія. Этой перемѣнѣ предшествовалъ рядъ стремленій, изъ которыхъ одни, какъ намъ кажется, составляютъ условіе возникновенія перемѣны, а другія, наоборотъ, противодѣйствуютъ возникновенію ея. Иными словами, намъ *кажется*, что перемѣна *причиняется* нами, поскольку у насъ есть эти предшествующія состоянія сознанія, и возникаетъ тогда, когда причиняющія состоянія оказываются сильнѣе удерживающихъ. Замѣ-

тимъ при этомъ, что намъ не кажется, будто стремленіе само дѣйствуетъ, а мы пассивно созерцаемъ его дѣятельность; мы чувствуемъ, что мы сами, поскольку у насъ есть стремленіе, порождаемъ перемѣну. Волевыми мы будемъ называть тѣ дѣйствія, въ которыхъ есть всѣ три указанные элемента: 1) *мое* стремленіе, 2) *чувствованіе моей дѣятельности*, активности ¹⁾, 3) удовлетворяющая или неудовлетворяющая перемѣна, которая кажется мнѣ результатомъ *моей дѣятельности*.

Чувствованіе активности связываетъ стремленіе и соотвѣтствующую ему перемѣну и какъ бы показываетъ мнѣ, какое мое состояніе сознанія составляетъ причину перемѣны. Эта важная составная часть описываемаго нами процесса неразложима, одинакова по качеству, хотя и различна по интенсивности въ различныхъ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, если мы припоминаемъ забытую фамилію или подыскиваемъ возраженія на трудный вопросъ въ серьезномъ философскомъ спорѣ, чувствованіе усилія у насъ интенсивнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы, слѣдуя призыву товарища, тотчасъ встаемъ, чтобы отправиться гулять, но во всѣхъ этихъ дѣятельностяхъ чувствованіе активности по качеству одинаковое. Это утвержденіе можетъ вызвать возраженія лишь потому, что сознаніе активности никогда не существуетъ въ обособленной формѣ и потому его качество трудно опредѣлить: нельзя сознать себя просто дѣятельнымъ, можно лишь сознать себя дѣятельно припоминающимъ, размышляющимъ, разсматривающимъ и т. п. Недифференцированность чувствованія активности и простота его очень вредитъ изученію его, такъ какъ такія состоянія сознанія легко ускользаютъ отъ вниманія наблюдателя.

По поводу нашего анализа насъ легко могутъ обвинить въ томъ, что мы взяли только перечислить

¹⁾ Словомъ чувствованіе мы будемъ называть всякое непознавательное состояніе сознанія, которое не хотимъ или затрудняемся помѣстить въ какую-либо опредѣленную рубрику.

факты, находямые въ сознаниі, а на самомъ дѣлѣ вмѣсто этого построили цѣлую *теорію*: можетъ явиться предположеніе, будто мы уже говорили о я, какъ субстанции, объ активности я и о томъ, что стремленія составляютъ причину перемѣнъ въ я. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было: мы говорили лишь о *чувствованіи* активности (которое можетъ быть иллюзією), а не о *способностяхи* дѣйствительно производить перемѣны въ мірѣ и въ себѣ; о стремленіяхъ мы говорили, что намъ *кажется* (быть можетъ, это чувствованіе ложное), будто они именно находятся въ причинной связи съ перемѣнами, слѣдующими за ними. Упомяная о я, мы имѣемъ въ виду лишь не подвергнутое еще нашему анализу чувствованіе, присутствіемъ котораго характеризуются всѣ состоянія сознания, называемыя *моими* состояніями. Собственно говоря, все содержаніе каждаго индивидуальнаго сознания окрашено этимъ чувствованіемъ; однако если всмотрѣться ближе, окажется, что нѣкоторыя состоянія очень интенсивно и въ цѣломъ своемъ составѣ чувствуются, какъ «мои», а другія лишь отчасти кажутся «моими». Анализируя послѣднія, можно бываетъ выдѣлить въ нихъ элементы, вовсе не окрашенные упомянутымъ чувствованіемъ, т. е. вовсе не мои, а какъ бы данные мнѣ, найденные мною. Напримѣръ, если я смотрю на хорошо знакомую мнѣ чернильницу на своемъ столѣ, то цвѣтъ, форма и т. п. элементы этого воспріятія вовсе не кажутся мнѣ *моими* состояніями сознания; они даны, я готовъ назвать ихъ своими лишь постольку, поскольку *мое вниманіе* направлено на нихъ. Наоборотъ, процессъ отыскиванія отвѣта на какую-нибудь задачу-шутку, напр., на вопросъ, какъ построить изъ шести спичекъ четыре треугольника, можетъ быть очень дѣятельнымъ, такъ что въ немъ не моими, данными кажутся только случайные побочные отрывки мыслей, возникающіе по ассоціаціи идей. Каждый изъ элементовъ волевого акта, именно большинство стремленій, чувствованіе активности и большинство перемѣнъ, могутъ встрѣчаться также въ со-

знаніи, какъ не мои, какъ данныя мнѣ состоянія сознанія.

Такъ какъ съ помощью анализа можно отдѣлить, если не реально, то мысленно, элементы мои отъ данныхъ мнѣ, то мы различаемъ понятія *я и индивидуальное сознаніе*: подъ словомъ индивидуальное сознаніе мы разумѣемъ совокупность всѣхъ состояній сознанія, переживаемыхъ какимъ-либо я, а подъ словомъ я лишь ту часть индивидуальнаго сознанія, которая чувствуется, какъ моя.

Итакъ, до сихъ поръ мы занимались лишь описаніемъ фактовъ, но, безъ сомнѣнія, мы дѣлаемъ это для того, чтобы со временемъ перейти къ теоріи, къ ученію о дѣйствительной активности сознанія. Однако эта задача еще далеко впереди: раньше намъ нужно заняться изслѣдованіемъ элементовъ волевого акта, стремленій, чувствованія активности и перемѣнъ, и опредѣлить виды волевыхъ актовъ.

1. Стремленія.

Намъ предстоитъ теперь задача опредѣлить необходимыя составныя части всякаго стремленія. Этотъ трудъ въ значительной мѣрѣ облегченъ для насъ превосходнымъ сочиненіемъ Пфендера *Phänomenologie des Willens*. Пфендеръ задался въ немъ цѣлью опредѣлить лишь, избѣгая всякихъ теорій воли, составъ стремленій вообще и важнѣйшаго вида ихъ, хотѣній въ частности; вопросомъ о перемѣнахъ, слѣдующихъ за стремленіями, т.-е. объ актахъ, онъ вовсе не занимается. Результаты его анализа настолько точны и убѣдительны, по нашему мнѣнію, что намъ остается только передать ихъ и дополнить своими соображеніями о нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ стремленіяхъ, не принятыхъ, по нашему мнѣнію, въ расчетъ Пфендеромъ.

Во всякомъ стремленіи, говоритъ Пфендеръ, есть представленіе о какомъ-либо переживаніи, составляющемъ предметъ стремленія. Представленіе служитъ для

насъ замѣстителемъ этого переживанія, такъ какъ вниманіе сосредоточено не на тѣхъ его свойствахъ, которыя придаютъ ему характеръ представленія, а на тѣхъ, которыя у него общи съ замѣщаемымъ переживаніемъ. При этомъ содержаніе представленія, общее съ замѣщаемымъ переживаніемъ, представляется, какъ не находящееся въ настоящемъ, т.-е. какъ прошедшее, будущее или не локализованное во времени, хотя само представленіе, конечно, находится въ сознаніи въ настоящемъ времени ¹⁾. Присутствіемъ такого представленія не исчерпывается еще явленіе стремленія. Въ немъ замѣчается еще всегда опредѣленное отношеніе къ чувствованіямъ удовольствія и неудовольствія. Обыкновенно предполагаютъ, что предметомъ стремленія бываютъ всегда переживанія, заключающія въ себѣ воспоминанія (представленія) о прежнихъ удовольствіяхъ или, вѣрнѣе, относительныхъ удовольствіяхъ, доставленныхъ соответствующими переживаніями. Пфендеръ приводитъ рядъ соображеній, показывающихъ, что такія представленія о прежнихъ пріятныхъ переживаніяхъ, хотя и входятъ очень часто въ стремленія, вовсе не составляютъ необходимаго элемента ихъ. Въ дѣйствительности въ стремленія входитъ нѣчто совершенно иное по существу, именно не представленіе о пріятномъ переживаніи, а относительно *пріятное* представленіе о переживаніи, т.-е. представленіе о переживаніи, которое было, можетъ быть, и непріятнымъ, но теперь въ воспоминаніи сопровождается чувствованіемъ (не представленіемъ) относительнаго удовольствія. Это чувствованіе относительнаго удовольствія есть удовольствіе болѣе сильное, чѣмъ удовольствіе отъ нѣкотораго другаго представленія, или же удовольствіе въ противовѣсъ неудовольствію отъ нѣкотораго другаго представленія, или же неудовольствіе менѣе сильное, чѣмъ отъ нѣкотораго другаго представленія. Трудный вопросъ, какое другое представленіе, связанное съ другимъ чувство-

¹⁾ Pfänder, *Phänomenologie des Willens*, Leipzig 1900, стр. 1—36.

ваніемъ, всегда существуетъ налицо въ стремленіи, Пфендеръ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Стремленіе возникаетъ, когда мы переходимъ отъ представленія небытія къ представленію бытія переживания; оно проходитъ, когда антиципація переживания вполнѣ достигнута. Слѣдовательно, во время стремленія происходитъ движеніе отъ представленія небытія къ представленію бытія переживания». Стремленіе существуетъ только въ томъ случаѣ, если этотъ переходъ отъ представленія А къ не-А или наоборотъ связанъ съ чувствованіемъ «относительнаго удовольствія». Само собою разумѣется, эта относительность, обыкновенно, не познается, а только фактически существуетъ ¹⁾).

Однако представленіе, вызывающее чувствованіе относительнаго удовольствія, еще не составляетъ стремленія. Напримѣръ, если мы съ удовольствіемъ представляемъ себѣ какое-либо будущее событіе и совершенно убѣждены въ томъ, что оно осуществится безъ нашихъ усилій, наше состояніе вовсе не относится къ категоріи стремленій. Состояніе сознанія можно назвать стремленіемъ только въ томъ случаѣ, если къ перечисленнымъ выше элементамъ присоединяется своеобразное, неразложимое далѣе чувствованіе тяготѣнія (*Hindrängens*), *чувствованіе стремленія*, какъ его называетъ Пфендеръ ²⁾).

Если во всякомъ стремленіи есть «движеніе отъ представленія небытія къ представленію бытія переживания», при чемъ послѣднее предпочитается первому, то, слѣдовательно, въ каждомъ положительномъ стремленіи заключается въ скрытой формѣ отрицательное стремленіе (*Widerstreben*), стремленіе избѣжать какого-либо состоянія, находящагося къ первому въ отношеніи противорѣчащей противоположности (отъ А къ не-А или наоборотъ). Мы будемъ пользоваться этими описательными терминами, такъ какъ всякій простой терминъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 37—61.

²⁾ Тамъ же, стр. 60—70.

относящійся къ этой категоріи явленій, напр. терминъ отвращеніе, обозначаетъ не простое стремленіе, а стремленіе, осложненное эмоціею, что можетъ повести къ заблужденіямъ. По нашему мнѣнію, именно терминъ *Widerstreben* виноватъ въ томъ, что у Пфендера въ его анализъ отрицательныхъ стремленій есть одна маленькая неточность, которую мы отмѣтимъ далѣе.

Отрицательное стремленіе, скрывающееся во всякомъ положительномъ, легко можетъ выступить наружу, и такіе случаи особенно пригодны для анализа. Если мы идемъ вечеромъ по лѣсу и намъ немного, чуть чуть жутко, то, замѣтивъ впереди на дорогѣ человѣка, хотя бы и не особенно интереснаго для насъ, мы стремимся догнать его. При этомъ наше состояніе въ однихъ случаяхъ имѣетъ характеръ положительнаго, а въ другихъ отрицательнаго стремленія. Когда оно относится къ первой категоріи, вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы идти вмѣстѣ, а когда оно относится ко второй категоріи, вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы избѣжать одиночества.

Въ первомъ случаѣ вниманіе направлено на то состояніе, къ которому мы стремимся, а во второмъ на то, отъ котораго мы хотимъ удалиться: въ отрицательномъ стремленіи мы какъ бы оборачиваемся спиною къ мѣсту, куда направляется наше движеніе, и смотримъ на ту точку, отъ которой удаляемся. Нерѣдко одно и то же положеніе въ жизни въ зависимости отъ направленія вниманія, вызваннаго сопутствующими обстоятельствами, переживается то какъ положительное, то какъ отрицательное стремленіе. Можно даже выучиться производить искусственно такія превращенія (какъ можно выучиться воспринимать нѣкоторые простые схематическіе рисунки геометрическихъ тѣлъ, то какъ обращенные къ намъ выпуклостью, то какъ обращенные къ намъ вогнутостью) путемъ перемѣщенія фокуса вниманія. Теоретически такое превращеніе, конечно, возможно всегда, но въ дѣйствительности оно встрѣчается или искусственно достигается преимущественно

лишь въ томъ случаѣ, 1. если состоянія А и не-А *сами по себѣ оба имѣютъ цѣну для насъ* (обыкновенно, одно изъ этихъ состояній получаетъ для насъ цѣну только вслѣдствіе стремленія достигнуть или избѣжать другого состоянія), 2. если дѣйствіе, избавляющее насъ отъ какого-либо состоянія, не настолько сложно, чтобы выполнение его требовало полного вниманія къ нему (такъ что, выполняя его, можно повернуться къ нему спиною), напр., въ приведенномъ нами случаѣ, если намъ жутко, а встрѣтившійся человѣкъ вовсе не интересенъ, у насъ является, когда мы его догоняемъ, отрицательное стремленіе, не легко превратимое въ положительное; если встрѣтившійся человѣкъ интересенъ намъ, то является положительное стремленіе, не легко превратимое въ отрицательное. Если, встрѣтившись съ разъяреннымъ быкомъ, мы убѣгаемъ домой, то, вѣроятно все, во время бѣгства мы будемъ испытывать отрицательное стремленіе; но если при этомъ мы переходимъ черезъ рѣчку по узенькой жердочкѣ, наше отрицательное стремленіе замѣнится во время перехода положительными и другими отрицательными стремленіями.

Кромѣ разницы въ направленіи вниманія, отрицательное стремленіе отличается, по мнѣнію Пфендера, еще тѣмъ, что въ немъ антиципация избѣгаемаго состоянія сопровождается все возрастающимъ относительнымъ неудовольствіемъ, тогда какъ въ положительномъ стремленіи она вызываетъ все возрастающее относительное удовольствіе ¹⁾.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, если неприятное состояніе сопровождается дѣйствительнымъ активнымъ стремленіемъ избѣжать его (отрицательнымъ стремленіемъ), а не покорнымъ созерцаніемъ, то вниманіе сосредоточено на убываніи его, и это убываніе связано съ чувствованіемъ относительнаго удовольствія. Слѣдовательно, *составъ* отрицательныхъ стремленій въ этомъ отношеніи не отличается отъ положительныхъ стремле-

¹⁾ Тамъ же, стр. 70—81.

ній. Однако разница между тѣми и другими настолько велика, что объяснить ее однимъ различіемъ въ направленіи вниманія нельзя; поэтому необходимо допустить, что они различаются еще характеромъ самого чувствованія стремленія ¹⁾: въ отрицательномъ стремленіи мы испытываемъ не тяготѣніе, а *отталкиваніе*

Опредѣливъ, составъ стремленій вообще, Пфендеръ переходитъ къ изслѣдованію важнѣйшаго вида стремленій — *хотѣній*. Кромѣ элементовъ, входящихъ въ каждое стремленіе, въ хотѣніи есть еще рядъ новыхъ моментовъ, прежде всего чувствованіе возможности осуществить предметъ стремленія собственною дѣятельностью. Гдѣ нѣтъ этого чувствованія, напр., если предметомъ стремленія служитъ «хорошая погода завтра», тамъ мы имѣемъ дѣло не съ хотѣніемъ, а съ *желаніемъ*, надеждою и т. п. Въ связи съ этимъ, конечно, необходимо, чтобы мы также представляли себѣ эту свою собственную дѣятельность, и чтобы она тоже сдѣлалась предметомъ стремленія ²⁾. Эта собственная дѣятельность можетъ быть косвенною, напр., когда мы стремимся послушать музыку и уговариваемъ кого-либо сыграть нашу любимую пьесу, или же она можетъ быть опредѣлена въ моментъ хотѣнія лишь въ крайне общей, неясной формѣ, напр., когда мы стремимся рѣшить задачу, и тѣмъ не менѣе наличность представленія о собственной дѣятельности и готовность къ ней придаетъ первоначальному стремленію характерную новую окраску; состояніе сознанія, получающееся вслѣдствіе этого, заслуживаетъ того, чтобы выдѣлить его въ особую рубрику и обозначить особымъ терминомъ. Само собою разумѣется, прямого соотвѣтствія между хотѣніемъ и возможностью выполненія его нѣтъ. Чрезвычайно часто загнанные судьбою, измученные неудачами люди ограничиваются желаніями тамъ, гдѣ у нихъ могло быть хотѣніе, и наоборотъ люди самоувѣренные или неопыт-

¹⁾ Тамъ же, стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 82—104.

ные проявляютъ опредѣленно выраженное, типичное хотѣніе въ отношеніи событій, находящихся на самомъ дѣлѣ и прямо и косвенно внѣ ихъ власти.

Перечисленными элементами не исчерпывается еще составъ тѣхъ состояній, которыя Пфендеръ называетъ хотѣніями. Нерѣдко стремленіе, осложненное представленіемъ о собственной дѣятельности и готовностью къ ней, наталкивается на представленіе о какомъ-нибудь нежелательномъ послѣдствіи этой дѣятельности; тогда мы начинаемъ колебаться, наше стремленіе становится *связаннымъ*. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ, даже и послѣ такого столкновенія первоначальное стремленіе остается *побѣдоноснымъ* и чувствованіе положительнаго стремленія сохраняетъ или приобрѣтаетъ характеръ «полной или относительной свободы или рѣшимости». Только такія стремленія Пфендеръ называетъ хотѣніями ¹⁾.

Кромѣ того есть еще одинъ элементъ, включаемый Пфендеромъ въ хотѣнія. Его удобнѣе всего указать, разсматривая случаи, когда хотѣніе возникаетъ, какъ результатъ практическаго (не теоретическаго) обсужденія и выбора. Если пьяница сидитъ передъ стаканомъ водки и колеблется, не воздержаться ли на этотъ разъ, а потомъ вдругъ эти колебанія прерываются тѣмъ, что онъ схватываетъ стаканъ и выпиваетъ водку, то этотъ поступокъ не есть результатъ хотѣнія: въ немъ нѣтъ *волевого рѣшенія*, оно совершается противъ воли, оно осуществляется побѣдоносною страстью. Иной характеръ со стороны чувствованій имѣютъ тѣ поступки, которымъ, какъ и въ данномъ случаѣ, предшествуютъ борющіяся стремленія, при чемъ я сначала колеблется, на которую сторону стать, а потомъ «становится на сторону одного стремленія и, болѣе или менѣе успѣшно отталкивая другія стремленія, дѣлаетъ одно изъ стремленій исключительно своимъ». Поступокъ, описанный выше, можетъ относиться къ этой второй категоріи,

¹⁾ Тамъ же, стр. 105—108.

если онъ закончится выпивкою, напр., послѣ такого соображенія: «Э, къ чорту кисло-сладкую мораль! Хочется выпить, такъ и пей». Итакъ, «волевое рѣшеніе состоитъ въ томъ, что побѣдоносныя стремленія суть въ то же время стремленія, на сторону которыхъ стало я, или которыя оно въ концѣ концовъ сдѣлало своими. Если наоборотъ, нами овладѣетъ страсть, то это значитъ, что побѣдили стремленія, на сторону которыхъ не стало я или которыя я не сдѣлало своими» ¹⁾). Различая эти два вида стремленій, Пфендеръ называетъ одни изъ нихъ «моими стремленіями», а другія «стремленіями во мнѣ». Разницу между ними онъ описываетъ такъ: «Стремленіе, называемое «моимъ стремленіемъ», кажется прямо исходящимъ изъ я, а не вынужденнымъ или навязаннымъ нашему я со стороны чего-либо отличнаго отъ я. Иными словами, въ «нашемъ стремленіи» мы чувствуемъ себя стремящимися свободно, изъ себя къ представляемому переживанію; короче, мы чувствуемъ себя въ этомъ стремленіи спонтанными. Наоборотъ, въ случаѣ «стремленія въ насъ», хотя оно также въ концѣ концовъ есть «наше «стремленіе, мы чувствуемъ себя не свободно изъ себя стремящимися, не спонтанно стремящимися, а вынужденными или побуждаемыми къ этому стремленію чѣмъ то отличнымъ отъ нашего я» ²⁾).

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ эти соображенія Пфендера, такъ какъ находимъ въ нихъ сходство съ чрезвычайно важнымъ для насъ различіемъ состояній сознанія «моихъ и «данныхъ мнѣ». Однако Пфендеръ насчитываетъ только двѣ категоріи стремленій и видитъ разницу между ними въ томъ, что одни изъ нихъ какъ бы причиняются нашимъ я самостоятельно, а другія тоже какъ бы причиняются нашимъ я, но подъ вліяніемъ давленія извнѣ. Между тѣмъ мы находимъ, что въ однихъ случаяхъ стремленіе какъ бы

¹⁾ Тамъ же, стр. 125.

²⁾ Тамъ же, стр. 128.

исходитъ изъ я, самостоятельно дѣйствующаго, въ другихъ случаяхъ оно тоже какъ бы исходитъ изъ я, но подѣ влияніемъ давленія извнѣ, не свободно, а въ трехъ случаяхъ стремленіе какъ бы вовсе не исходитъ изъ я, оно уже существуетъ, какъ состояніе сознанія, безъ содѣйствія я, которое только присматривается къ нему; такое состояніе сознанія можетъ быть названо «моимъ» лишь постольку, поскольку *мое вниманіе* направлено на него.—Выраженія въ родѣ «стремленія борются во мнѣ», «страсть увлекаетъ меня» мы считаемъ не простыми метафорами, а точнымъ описаніемъ нѣкоторыхъ чувствованій. Чтобы подчеркнуть оттѣнки различныхъ состояній сознанія, мы покажемъ на модификаціяхъ одного и того же примѣра три описанныя формы стремленій. Если у пьяницы, сидящаго передъ стаканомъ водки, борьба съ собою *прерывается неожиданно для него* самого тѣмъ, что онъ судорожно хватаетъ стаканъ водки и выпиваетъ его, то мы имѣемъ дѣло здѣсь съ типичнымъ «*даннымъ во мнѣ стремленіемъ*». Если изъ такого стремленія возникаетъ поступокъ, то и онъ имѣетъ характеръ даннаго во мнѣ; подобные поступки мы будемъ обозначать терминомъ «поступокъ во мнѣ.» Само собою разумѣется, такое теченіе явленій возможно лишь въ простѣйшихъ случаяхъ и приводитъ лишь къ примитивнѣйшимъ поступкамъ. Если пьяница борется со стремленіемъ выпить, но совершенно подавленный этимъ стремленіемъ, когда оно овладѣваетъ всѣмъ полемъ сознанія, наконецъ, начинаетъ *самъ* обдумывать, гдѣ бы можно было достать водки, вспоминаетъ, что бутылка стоитъ въ шкафу, достаетъ ее и выпиваетъ, при чемъ до самого конца все-таки *не становится на сторону* стремленія выпить, а дѣйствуетъ какъ бы подѣ влияніемъ гипнотическаго внушенія, то стремленіе обдумать, какъ достать водки, можно назвать «*вынужденнымъ моимъ стремленіемъ*», а самое обдумываніе «*вынужденнымъ моимъ поступкомъ*». Наконецъ, въ-третьихъ, если пьяница, сидящій передъ стаканомъ водки, заканчиваетъ

борьбу съ угрызеніями совѣсти презрительнымъ восклицаніемъ по адресу морали, то, почти навѣрное, у него къ «данному стремленію» выпить присоединилось *собственное* свободное стремленіе выпить. Это присоединившееся стремленіе есть *мое стремленіе* и слѣдующій за нимъ поступокъ есть «мой». Конечно, это не типичный примѣръ «моихъ стремленій», такъ какъ я въ этомъ случаѣ только *дѣлаетъ своимъ* данное уже стремленіе или *присоединяетъ* къ нему свое стремленіе. Болѣе типичные примѣры «моихъ стремленій» встрѣчаются напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда честолюбецъ совершаетъ какой-либо поступокъ съ цѣлью выдвинуться.

Присоединеніе «моихъ» стремленій и поступковъ къ «даннымъ» и «вынужденнымъ» стремленіямъ и поступкамъ можетъ подготовить почву для появленія въ будущемъ вынужденныхъ или даже данныхъ во мнѣ поступковъ необычайно сложныхъ, такъ что даже не вѣришь, что они относятся къ этой категоріи. Сильная любовь, борющаяся съ чувствомъ долга въ семейномъ человѣкѣ и навязывающаяся его сознанію, какъ бы противъ воли, точно бы какой-то злой демонъ, можетъ вынудить его обдумывать планъ достиженія цѣли. Такое *вынужденное* обдумываніе въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ привести къ построенію сложнаго хитраго плана, потому что вынужденная дѣятельность постоянно прерывается, въ ней какъ бы не участвуютъ всѣ силы я. Однако стоитъ только явиться мысли: «Отчего же не подумать? Вѣдь это ничего: я все равно этого не сдѣлаю», и тотчасъ же положеніе мѣняется: борьба прекращается, вынужденное обдумываніе превращается въ мое обдумываніе и становится необычайно оживленнымъ, плодотворнымъ, является хитрый планъ, какъ удалить на время жену, какъ приблизить къ себѣ любимую особу п. т. п. Наконецъ, игра фантазіи прекращается, человѣкъ возвращается къ дѣйствительности и строго обрываетъ себя, опять утверждая, что никогда этого не сдѣлаетъ. Между тѣмъ самое трудное уже сдѣлано: планъ

построенъ, и когда страсть нахлынетъ вновь, воспоминаніе о планѣ и выполненіе его могутъ легко послѣдовать, какъ вынужденные поступки или даже поступки во мнѣ.

До сихъ поръ мы говорили о стремленіяхъ, имѣя въ виду лишь тотъ обширный классъ ихъ, который намѣченъ Пфендеромъ и состоитъ изъ антиципации переживанія въ формѣ относительно пріятнаго представленія въ связи съ чувствованіемъ стремленія. Только такія сложныя, сравнительно, состоянія сознанія Пфендеръ ставитъ въ тѣсную связь съ волевою дѣятельностью. Если нѣтъ антиципации въ формѣ представленія, то мы имѣемъ дѣло со слѣпымъ влеченіемъ (Trieb) и перемѣна, слѣдующая за такимъ влеченіемъ, не относится, по его мнѣнію, къ области волевыхъ актовъ: волевыми онъ называетъ лишь тѣ акты, которые слѣдуютъ за хотѣніями. Съ такимъ построеніемъ понятія волевого акта и съ такою классификаціею нельзя согласиться, потому что она преувеличиваетъ значеніе одного въ данномъ случаѣ сравнительно не важнаго признака, именно познанія, и заставляетъ поэтому ставить слишкомъ далеко другъ отъ друга явленія, по существу сходныя. Самымъ характернымъ элементомъ въ стремленіяхъ слѣдуетъ признать чувствованіе стремленія; какъ только оно появляется, тотчасъ же начинается оживленіе дѣятельности сознанія по направленію къ осуществленію какой-либо перемѣны, тотчасъ же такъ или иначе (даже и въ желаніяхъ) является чувствованіе активности. Поэтому, если намъ встрѣтятся состоянія сознанія, во всѣхъ отношеніяхъ сходныя съ описанными выше стремленіями и не заключающія въ себѣ только представленій, мы ихъ все же отнесемъ въ разрядъ стремленій. Таковы именно слѣпые влеченія. Войдя съ мороза въ комнату и увлекаясь разговоромъ, мы можемъ въ то же время, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, подойти къ печи, отъ которой пышетъ тепломъ, и начать грѣться. Когда мы отдадимъ себѣ отчетъ въ своемъ дѣйствіи, можетъ даже оказаться, что мы его не одобряемъ, напр., потому что считаемъ вреднымъ грѣться прямо у печи

послѣ мороза. Точно такимъ же образомъ, бесѣдуя, мы можемъ подойти къ столу съ хлѣбомъ и начать его ѣсть, если мы голодны. Если мы очень не любимъ какого-нибудь человѣка, мы можемъ при одномъ видѣ его вдругъ почувствовать какое-то смутное раздраженіе и сдѣлать ему рядъ непріятныхъ замѣчаній, противорѣчить ему на каждомъ шагу, вовсе не отдавая себѣ отчета въ томъ, что наше поведеніе руководится стремленіемъ раздосадовать его. Увидѣвъ некрасиво составленный букетъ, человѣкъ со вкусомъ испытываетъ непріятное чувство, подходитъ къ букету и, сдѣлавъ перестановку безъ всякаго предварительнаго плана въ воображеніи, сразу придаетъ букету лучший видъ. Дѣти, когда хотятъ ѣсть или спать, начинаютъ иногда капризничать, требуютъ то того, то другого, всѣмъ своимъ поведеніемъ показываютъ, что они чего-то ищутъ, чего-то добиваются, но сами себѣ не отдаютъ отчета, чего имъ нужно; опытная няня догадывается, въ чемъ дѣло, удовлетворяетъ ихъ смутное влеченіе, и они сразу успокаиваются. Такія черезчуръ простыя потребности, какъ голодъ, рѣдко приводятъ взрослыхъ въ положеніе ребенка, желающаго ѣсть, но неспособнаго опредѣлить, чего ему хочется, однако нѣкоторыми комбинаціями условій могутъ быть созданы и такія положенія, какъ это, навѣрное, всякій испыталъ; благодаря своей простотѣ они особенно удобны для анализа, которымъ намъ слѣдуетъ заняться теперь.

Несомнѣнно въ смутныхъ влеченіяхъ есть чувствованіе стремленія. Однако они не исчерпываются этимъ чувствованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно имѣетъ однообразный характеръ, между тѣмъ какъ стремленія и влеченія безконечно разнообразны. Слѣдовательно, чувствованіе стремленія и здѣсь присоединяется къ какимъ-то другимъ элементамъ. Да это и само собою разумѣется: это чувствованіе есть тяготѣніе къ чему-то, и это что-то такъ или иначе должно быть дано въ сознаніи, въ противномъ случаѣ мы бы не характеризовали свое чувствованіе, какъ *тяготѣніе*. Намъ остается

предположить, что и во влеченіяхъ антиципируется какое-либо переживаніе. Это подтверждается тѣмъ, что за влеченіями, какъ и за стремленіями, нерѣдко слѣдуетъ рядъ дѣйствій, осуществляющихъ перемѣну, которая какъ бы удовлетворяетъ влеченію, и оно послѣ этого утихаеъ. Эта антиципація, очевидно, сопровождается также относительнымъ удовольствіемъ, потому что приближеніе къ удовлетворенію влеченія сопровождается возрастаніемъ удовольствія, а удаленіе убываніемъ удовольствія. Однако антиципація переживанія въ слѣпыхъ влеченіяхъ не есть представленіе, т.-е. не есть познавательное состояніе: въ противномъ случаѣ мы бы не затруднялись указать ее, не называли бы влеченій слѣпыми и не отличали бы ихъ отъ стремленій. Повидимому эта антиципація проще антиципаціи въ стремленіяхъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы нашли въ слѣпыхъ влеченіяхъ всѣ тѣ же элементы, которые есть и въ стремленіяхъ, однако смутныя влеченія болѣе просты, чѣмъ стремленія; вслѣдствіе неразложимости чувствованій стремленія, активности и относительнаго удовольствія въ нихъ нельзя искать причину этой большей простоты, слѣдовательно, остается объяснить ее лишь большею простотою антиципаціи. И, въ самомъ дѣлѣ, антиципація во влеченіяхъ не есть *представленіе* переживанія, слѣдовательно ей остается лишь быть *простымъ сознаніемъ* переживанія, а всякое представленіе или знаніе бываетъ сложнѣе соотвѣтствующаго переживанія, если не принимать, конечно, въ расчетъ элементовъ переживанія, подвергнувшихся забвенію. Можно переживать сильное чувство ревности, зависти и т. п. и не познавать того, что переживаешь эти чувства. Безъ сомнѣнія, если мы даемъ себѣ отчетъ въ нихъ, наше состояніе сознанія сложнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ; такія состоянія сознанія мы будемъ называть *опознанными*, а первыя *неопознанными*. Неопознанныя состоянія встрѣчаются въ душевной жизни чрезвычайно часто, и вообще нельзя утверждать, что опознаніе есть необходимый факторъ при выполненіи сознательныхъ дѣйствій. При *воспріятіи*

пищи, напрімѣръ, можно руководиться только самимъ *чувствованіемъ* насыщенія, вовсе не познавая его, т.-е. не имѣя *представленія* насыщенія. Если такъ, то и *влеченіе* утолитъ голодъ тоже можетъ заключать въ себѣ антиципацію насыщенія не въ видѣ представленія, а въ формѣ простого переживанія. Болѣе подробно мы рассмотримъ вопросъ о различіи между знаніемъ и простымъ сознаніемъ, въ изслѣдованіи о такъ называемомъ безсознательномъ, а теперь ограничимся лишь указаніемъ на общеизвѣстные случаи, когда состояніе сознанія, безъ сомнѣнія, существуетъ, а знанія о немъ нѣтъ. Особенно часто эти состоянія встрѣчаются въ подготовительныхъ стадіяхъ волевого акта. Въ сложномъ волевымъ актѣ въ большинствѣ случаевъ бываютъ опознаны только конечная цѣль и осуществленіе ея, а рядъ промежуточныхъ стремленій, средствъ и вообще весь механизмъ дѣйствованій остается почти вовсе не опознаннымъ. Это легко подтвердить слѣдующимъ образомъ. Совершивъ какой-либо сложный актъ, требовавшій быстроты и затрогивавшій многія стороны душевной жизни, займемся сейчасъ же мысленнымъ воспроизведеніемъ его; при этомъ мы навѣрное сдѣлаемъ рядъ открытій въ своей собственной душѣ, подмѣтимъ такія чувствованія и мотивы, какихъ мы, можетъ быть, до того и не подозрѣвали въ себѣ. Конечно, такое воспроизведеніе и опознаніе требуетъ большого навыка. Всѣмъ извѣстно, какого труда и умѣнья требуетъ воспроизведеніе даже и ряда опознанныхъ состояній сознанія, напр. всего, что воспринято нами во время прогулки. Въ отношеніи неопознанныхъ состояній эта задача становится даже совсѣмъ невыполнимою, если не взяться за воспроизведеніе тотчасъ же послѣ акта, да и то при этомъ чувствуется, что память упрощаетъ пережитой процессъ, или опознаніе не вполне удается, такъ что нужна большая настойчивость, чтобы получить наконецъ картину процесса, которая бы казалась точною копіею прошлаго. Несмотря на это, изучать неопознанные состоянія, а, слѣдовательно, и большую часть волевыхъ

процессовъ, само собою разумѣется, приходится лишь на основаніи свѣжихъ воспоминаній, а не прямого наблюденія. Такой *ретроспективный* субъективный методъ заключаетъ въ себѣ еще большее количество недостатковъ, чѣмъ простой субъективный методъ, но съ этимъ приходится мириться, потому что лучшаго орудія у насъ нѣтъ.

Опознавая слѣпыя влеченія, мы находимъ, что они заключаютъ въ себѣ антиципацію желаемаго переживанія и отличаются отъ стремленій, разсмотрѣнныхъ раньше, только тѣмъ, что эта антиципація въ нихъ не есть представленіе. Поэтому мы будемъ обозначать ихъ терминомъ *неопознанныя стремленія*, а разсмотрѣнные раньше — терминомъ опознанныя стремленія; они такъ же, какъ и опознанныя стремленія, бываютъ или моими или данными во мнѣ, или вынужденными стремленіями. Соотвѣтствующіе имъ поступки бываютъ или опознанными, или неопознанными. Поступки, вытекающіе изъ неопознанныхъ *моихъ* стремленій, мы относимъ къ числу волевыхъ, слѣдовательно, расширяемъ понятіе воли сравнительно съ Пфендеромъ, который считаетъ волевыми только поступки, обусловленные хотѣніями. Расширеніе понятія происходитъ отъ того, что мы опускаемъ познавательный элементъ на основаніи соображеній, которыя выяснятся далѣе въ обоснованіи волюнтаризма. Здѣсь же мы сошлемся лишь на то, что опознанность всегда бываетъ лишь *относительною*, что всякій поступокъ и стремленіе заключаетъ въ себѣ неопознанные элементы, такъ что знаніе не есть признакъ, на которомъ можно было бы основывать *коренныя* подраздѣленія въ психологіи.

Раньше, чѣмъ доказывать эту мысль, мы должны разсмотрѣть еще одну замѣчательную особенность стремленій, состоящую въ томъ, что въ душевной жизни никогда не встрѣчаются одиночныя стремленія, а всегда цѣлыя системы ихъ. Если у насъ является стремленіе взяться за разработку какой-либо темы, заданной на конкурсъ, мы стремимся точно вспомнить текстъ ея;

когда это не удастся, мы стремимся вспомнить, гдѣ лежитъ книга, въ которой помѣщена тема; послѣ прочтенія книги является длинная серія новыхъ стремленій, напр. посовѣтоваться съ тѣмъ или другимъ лицомъ, обдумать тотъ или иной частный вопросъ, входящій въ тему, записать свои мысли, отправить по почтѣ рукопись и т. д.; возникновеніе и осуществленіе этихъ стремленій будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока или первоначальное стремленіе не будетъ осуществлено или не возникнутъ болѣе сильныя стремленія, удерживающія отъ всего этого предпріятія, напр. если усталость и опасенія за свое здоровье заставятъ насъ прекратить работу. Рядъ стремленій, возникающихъ по поводу первоначальнаго стремленія, составляетъ систематическое цѣлое: всѣ члены его находятся въ связи другъ съ другомъ и съ первоначальнымъ стремленіемъ. Ихъ можно разбить на три группы: на стремленія, поддерживающія нашу рѣшимость (напр., въ описанномъ случаѣ честолюбивыя стремленія), стремленія, ослабляющія ее, и стремленія къ средствамъ для осуществленія первоначальнаго стремленія. Послѣдній разрядъ ихъ мы будемъ называть *производными* стремленіями. Предметъ первоначальнаго стремленія мы будемъ называть *конечною цѣлью*, а предметъ производнаго стремленія *относительною цѣлью*. Конечно, производныя стремленія могутъ въ то же время относиться къ числу поддерживающихъ или ослабляющихъ, если они сами по себѣ составляютъ предметъ стремленія или отвращенія. Однако чаще всего средства сами по себѣ не бываютъ предметомъ стремленія и получаютъ смыслъ только въ связи съ первоначальнымъ стремленіемъ. Завертывая рукопись въ бандероль, мы не считаемъ этотъ актъ конечною цѣлью, а объясняемъ его своимъ намѣреніемъ отослать рукопись на почту. Точно такъ же относимся мы и къ самому отправленію рукописи на почту и т. д. Однако восходя въ ряду стремленій, обусловливающихъ другъ друга, мы, наконецъ, дойдемъ до первоначальнаго стремленія и конечной цѣли, ко-

торыя кажутся намъ ничѣмъ необусловленными. На вопросъ, почему мы ставимъ такую цѣль, мы отвѣчаемъ: «такъ себѣ», или: «я такъ хочу, и этого достаточно», или, если рѣчь идетъ о чемъ-либо важномъ: «вѣдь само собою разумѣется, что этого слѣдуетъ хотѣть».

Въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей своихъ поступковъ мы на каждомъ шагѣ дѣлаемъ ошибки, обнаруживаемыя всѣмъ остальнымъ нашимъ поведеніемъ. Эти ошибки интересны тѣмъ, что показываютъ, какъ широко распространены въ волевой жизни неопознанные элементы. Честолюбецъ, подготовляющій докладъ къ научному съѣзду будто бы исключительно изъ любви къ наукѣ, иногда не только увѣряетъ другихъ, но и самъ убѣжденъ въ чистотѣ своихъ побужденій. Ребенокъ, получившій въ подарокъ гармонику и наигравшійся уже вдоволь, беретъ, увидѣвъ, что рабочіе пришли съ поля, опять за нее, садится на крыльцо и играетъ, такъ, чтобы они слышали его; онъ хвастаетъ своею игрушкою и самъ не знаетъ побужденія, вызвавшаго его на крыльцо. Иной разъ въ обществѣ мы готовы уже сказать какую-либо фразу, но вдругъ что-то удерживаетъ насъ и потомъ мы радуемся этому: нашъ поступокъ оказывается *тактичнымъ*, потому что эта фраза могла бы обидѣть одного изъ присутствовавшихъ; иногда можно подмѣтить и внѣшнія подтвержденія того, что въ сознаніи было опасеніе затронуть это лицо, напр. такое движеніе по направленію къ этому лицу, какъ будто бы мы спохватываемся. Съ возрастаніемъ опытности чрезвычайно часто цѣли, казавшіяся намъ прежде первоначальными, сами по себѣ интересными, перестаютъ играть такую роль и превращаются лишь въ средство для осуществленія другихъ болѣе важныхъ цѣлей. Весьма вѣроятно, что во многихъ случаяхъ эти болѣе важныя цѣли уже и раньше существовали въ сознаніи, но не были опознаны. Напр., въ дѣтствѣ стремленія къ той или иной пищѣ кажутся цѣнными сами по себѣ; для многихъ

взрослыхъ тѣ же самыя стремленія превращаются уже лишь въ средство для удовлетворенія опредѣленной опознанной потребности организма и интересны лишь съ этой точки зрѣнія.

Если присоединить неопознанныя стремленія къ опознаннымъ, то окажется, что въ душевной жизни невозможно найти мимолетное *одиночно* стремленіе. Всегда оно окажется звеномъ цѣлой системы, въ которой мы по недостатку наблюдательности упустили изъ виду начало или конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всегда окажется, что оно вовсе не первоначальное, что въ основѣ его можно съ большою вѣроятностью допустить какое-либо другое неопознанное стремленіе. Или же еще легче бываетъ доказать, что въ связи съ появившимся стремленіемъ возникли также стремленія къ средствамъ для осуществленія его (часто лишь воображаемымъ), и эти производныя стремленія нерѣдко бываютъ неопознанными, въ особенности если они просты и очень привычны. Напр., если мы хотимъ взвѣсить себя на вѣсахъ, мы подзываемъ сосѣда и просимъ его положить гири на вѣсы. Несомнѣнно, эта просьба сопровождается специальнымъ стремленіемъ, но въ большинствѣ случаевъ оно остается неопознаннымъ; съ этимъ легко согласиться, если обратить вниманіе на тѣ случаи, когда оно становится болѣе продолжительнымъ и сложнымъ вслѣдствіе неудовлетворенія. Казалось бы, что мимолетныя стремленія, *не переходящія въ хотѣніе и не осуществляемыя* нами, могутъ оставаться и часто остаются одиночными. Однако и это не вѣрно: если стремленіе не развилось далѣе, то почти навѣрное вслѣдъ за нимъ возникло какое-либо противорѣчащее стремленіе и подавило его совсѣмъ или на время. Напр., послѣ обѣда при видѣ яблока у насъ является стремленіе съѣсть его, однако вдругъ оно обрывается, и мы забываемъ о немъ; всматриваясь въ этотъ процессъ, мы навѣрное найдемъ какое-либо побужденіе для отмѣны стремленія, напр. тягостное ощущеніе на-

сыщенія, вызывающее отвращеніе къ новому воспріятію пищи.

Впрочемъ въ системахъ стремленій часто происходятъ значительныя упрощенія: средства для достиженія конечной цѣли, въ особенности, если они очень просты, осуществляются иногда безъ всякихъ специальныхъ стремленій къ нимъ; они осуществляются какъ бы сами собою, такъ что эти акты нельзя даже назвать «поступкомъ во мнѣ». Напр., услышавъ крикъ журавля, мы поворачиваемъ голову и глаза, и эти средства, необходимые для акта видѣнія, вовсе не предваряются специальными стремленіями. Однако, если журавли летятъ очень высоко, и мы хотимъ непременно отыскать ихъ, разведеніе осей глазъ, сведеніе ихъ и т. п. акты могутъ стать предметомъ специальныхъ и даже *опознанныхъ* стремленій. Если мы видимъ возмутительный поступокъ, и у насъ вырывается восклицаніе: «это безобразіе», то *это средство* для выраженія негодованія почти всегда является безъ специального стремленія, потому что выраженіе чувствъ съ помощью рѣчи есть актъ въ высшей степени привычный для насъ. Однако, если это восклицаніе явится у насъ въ отвѣтъ на вопросъ, какъ мы относимся къ такому-то поступку, при чемъ мы не сразу найдемъ слова для выраженія своего чувства, то, обыкновенно, этимъ словамъ предшествуетъ неопознанное стремленіе произнести ихъ. Мало того, если въ обществѣ обсуждается какой-либо поступокъ, который мы хотимъ назвать безобразнымъ, если эта фраза уже заготовлена нами и мы ждемъ лишь, когда обратятъ на насъ вниманіе, чтобы сказать ее, то этотъ же актъ предшествуется специальнымъ и при томъ опознаннымъ стремленіемъ.

Мы изслѣдуемъ въ этой главѣ свойства стремленій только для того, чтобы перейти къ обоснованію волюнтаризма, и потому можемъ ограничиться слѣдующими добытыми результатами. Два важныхъ свойства стремленій, большая или меньшая близость къ я и большая или меньшая опознанность, даютъ основаніе для

дѣленія ихъ на стремленія мои, вынужденныя и данныя во мнѣ, а также на опознанныя и неопознанныя. Слѣдую Пфендеру, мы разсмотрѣли также составъ важнѣйшаго вида опознанныхъ стремленій, именно хотѣній; однако специфическія особенности хотѣній не имѣютъ существеннаго значенія для нашего изслѣдованія.

2. Чувствованіе активности и перемѣна.

Чувствованіе активности служитъ связующимъ звеномъ между стремленіемъ и соотвѣтствующею ему перемѣною. Какъ и другія состоянія сознанія, чувствованіе активности можетъ быть «моимъ» и «даннымъ мнѣ». Типичное чувствованіе «моей» активности возникаетъ, напр., тогда когда мы напряженно обдумываемъ какой-либо трудный вопросъ, усиливаемся припомнить что-либо или совершаемъ произвольное мускульное движеніе. Чувствованіе данной активности встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна слѣдуетъ за «даннымъ во мнѣ» стремленіемъ; однако отличіе ея отъ чувствованія моей активности въ этихъ случаяхъ рѣдко бываетъ ясно выражено. Въ типичной формѣ оно встрѣчается во многихъ органическихъ ощущеніяхъ, какъ составная часть ихъ; напр., когда мы испытываемъ одну изъ тѣхъ болей, которыя называются колющими, сверлящими и т. п., мы, поскольку называемъ эти боли такими именами, указываемъ на то, что сознаемъ присутствіе какой-то активности, но чувствуемъ ее, какъ постороннюю, а не свою; этой активности не предшествуетъ никакое стремленіе, или вѣрнѣе, мы не замѣчаемъ, не опознаемъ въ этомъ случаѣ никакого стремленія. Такое чувствованіе внѣшней активности встрѣчается даже въ воспріятіяхъ внѣшняго міра, напр., въ воспріятіи камня, разбивающаго окно, стремительно мчащагося курьерскаго поѣзда и т. п.

Перемѣны, слѣдующія за «моими стремленіями» и чувствованіе «моей» активности, бываютъ трехъ родовъ. Въ однихъ случаяхъ перемѣна во всемъ своемъ со-

ставѣ кажется «моею». Если мы обдумываемъ для маскарада костюмъ джентльмена эпохи Людовика XIV и, уже составивъ планъ его, стараемся представить себѣ, каковъ будетъ онъ, если къ зеленымъ отворотамъ рукавовъ пришить имѣющеея у насъ кружево, то этотъ *синтезъ* сознается, какъ мой. Конечно, представление самаго костюма и кружева можетъ при этомъ относиться къ числу «данныхъ» состояній сознанія. Мало того, черезъ нѣсколько минутъ послѣ мысленнаго осуществленія синтеза, если мы попытаемся опять вспомнить его, онъ почти навѣрное безъ труда всплываетъ въ нашемъ сознаніи, какъ «данное» состояніе. Въ другихъ случаяхъ перемѣна состоитъ изъ элементовъ отчасти моихъ, отчасти данныхъ мнѣ, напр., если я обдумываю, какъ устроить каталогъ библіотеки и при этомъ отчасти вспоминаю ящики и карточки подвижныхъ каталоговъ, отчасти самъ создаю новыя формы ихъ. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ перемѣна на первыхъ порахъ тоже кажется вполнѣ или отчасти моею, однако внимательное наблюденіе показываетъ, что она состоитъ исключительно изъ данныхъ элементовъ и кажется моею только потому, что послѣдовала за живымъ чувствованіемъ «моей» активности; слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ мы живо сознаемъ, что произвели что-то, но сами не знаемъ что. Напр., если мы произвольно поднимаемъ руку, эта перемѣна кажется намъ «моею»; однако она вся *для нашего сознанія* состоитъ изъ зрительныхъ и моторныхъ ощущеній, которыя *всегда* относятся къ числу данныхъ состояній сознанія; въ этомъ случаѣ иллюзія принадлежности моему я возникаетъ вслѣдствіе чрезвычайно живого сознанія, что наше усиліе не осталось безрезультатнымъ, что мы что-то произвели, но при внимательномъ анализѣ оказывается, что произведенное нами *вовсе не дано въ нашемъ сознаніи*. Перемѣны перваго рода мы будемъ называть терминомъ «мой внутренній актъ», перемѣны втораго рода—терминомъ «неполный мой внутренній актъ», а перемѣны третьяго рода—«мой внѣшній актъ».

Конечно, внѣшніе акты не необходимо бываютъ мускульными. Многіе изъ нихъ вовсе не обнаруживаются на периферіи тѣла. Напр., если мы усиливаемся припомнить стихотвореніе, и оно вдругъ всплываетъ въ нашемъ сознаниі въ готовомъ видѣ, то этотъ процессъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ типичнымъ внѣшнимъ актомъ: мы что-то произвели, однако данная въ сознаниі перемѣна есть не нашъ актъ, а какое-то болѣе или менѣе отдаленное послѣдствіе нашего акта.

Большая часть перемѣнъ настолько сложна, что относится ко второму разряду. Однако въ этомъ отношеніи возможны значительныя индивидуальныя различія. Если предложить нѣсколькимъ лицамъ исправить, напр., такую фразу: «Сознавая, что сознание преступника въ своей винѣ»..., то, навѣрное, этотъ актъ у однихъ лицъ будетъ относиться ко второму, а у другихъ къ третьему разряду. Если онъ относится къ третьему разряду, то онъ можетъ протекать, напр., слѣдующимъ образомъ: вниманіе сосредоточивается на содержаніи мысли, не выраженномъ раздѣльными словами, а являющемся въ формѣ какого-то неяснаго цѣльнаго клубка, и болѣе или менѣе продолжительное усилія выразить его въ новой формѣ вдругъ смѣняется всплываніемъ въ сознаниі новой готовой фразы вродѣ: «Находя, что сознание преступника въ своей винѣ»...

«Мои внѣшніе акты» нужно строго отличать отъ одного вида перемѣнъ, принадлежащаго къ совершенно иному типу, именно отъ перемѣнъ, являющихся вслѣдъ за стремленіями, но безъ чувствованія активности, и вообще безъ сознаниа, что мы произвели ихъ прямо или косвенно. Напр., утромъ, лежа въ постели, мы рѣшаемъ, что нужно встать, но не можемъ преодолѣть себя; потомъ начинаемъ думать о чемъ-либо постороннемъ и вдругъ замѣчаемъ, что мы уже встаемъ. Въ обществѣ иной разъ мы собираемся что-либо рассказать, потомъ рѣшаемъ, что нашъ рассказъ будетъ неумѣстенъ, но черезъ нѣсколько минутъ вдругъ замѣчаемъ, что языкъ измѣнилъ намъ и принялся говорить. Такія внѣшнія

перемѣны нельзя назвать волевыми, если примѣнять этотъ терминъ въ установленномъ нами смыслѣ ¹⁾, но въ то же время нельзя отнести ихъ къ числу рефлекторныхъ или автоматическихъ, потому что имъ необходимо предшествуетъ психическое состояніе. Мы будемъ называть эти перемѣны *психо-рефлекторными актами*. Существованіе ихъ вовсе не противорѣчитъ утверженію волюнтаризма, что всѣ перемѣны въ сознаниі, относимыя нами къ нашему я, протекаютъ по типу волевыхъ процессовъ: въ самомъ дѣлѣ, психо-рефлекторные акты въ цѣломъ въ такой же мѣрѣ не составляютъ единой перемѣны въ сознаниі, какъ, напр., наша мысль о какомъ-либо отвлеченномъ вопросѣ и послѣдовавшее за нею воспріятіе боя часовъ. Иными словами, психо-рефлекторный актъ состоитъ изъ *двухъ различныхъ перемѣнъ*; это тотчасъ же становится яснымъ, если сдѣлать точное описаніе того, что мы находимъ въ сознаниі въ подобныхъ случаяхъ, напр., въ первомъ изъ описанныхъ. Сначала у насъ было представленіе объ актѣ вставанія и стремленіе къ нему, а потомъ явилась перемѣна, которую нельзя описать словами «я всталъ» (гдѣ возможно такое описаніе, тамъ мы имѣемъ дѣло съ «моимъ внѣшнимъ актомъ», который предваряется живымъ сознаваніемъ того, что я что-то произвелъ), а точнѣе будетъ обозначить словами «я чувствую себя вставшимъ, я воспринимаю себя вставшимъ». Безъ сомнѣнія, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя отдѣльными явленіями въ сферѣ индивидуальнаго сознания: со стремленіемъ, отмѣненнымъ или, какъ кажется, не заключающимъ въ себѣ достаточной силы для осуществленія перемѣны, и съ воспріятіемъ перемѣны, повидимому, происшедшей помимо активности я. Это воспріятіе ничѣмъ не отличается отъ воспріятія рефлекторныхъ сокращеній: въ самомъ дѣлѣ, если мы ѣдимъ какой-либо черезчуръ кислый плодъ, и у насъ начинаютъ рефлекторно сокращаться мускулы лица, мы совершенно такимъ же образомъ воспринимаемъ

¹⁾ См. выше стр. 3.

эти сокращенія, какъ происшедшія помимо нашей воли. Поэтому-то мы и обозначили описанные только что процессы терминомъ психо-рефлекторные акты, быть можетъ, не совсѣмъ удачнымъ въ другихъ отношеніяхъ. Многіе психологи обозначаютъ подобныя явленія терминомъ идео-моторный актъ. Однако это понятіе у нихъ въ однихъ отношеніяхъ шире, а въ другихъ уже того, что нужно намъ. Оно шире потому, что подъ него часто подводятся всѣ движенія, слѣдующія за представленіемъ движенія, хотя бы къ такому представленію и присоединялось стремленіе (мой или вынужденный внѣшній актъ); оно уже въ томъ отношеніи, что подъ него подводятся только акты движенія, между тѣмъ какъ отмѣченныя нами специфическія черты психо-рефлекторныхъ перемѣнъ встрѣчаются и среди психическихъ явленій, не сопровождающихся перемѣнами на периферіи; такіе внутренніе психо-рефлекторные акты особенно часто встрѣчаются въ процессахъ припоминанія ¹⁾).

Чрезвычайно часто психо-рефлекторные акты бываютъ составною частью «неполныхъ моихъ внутреннихъ актовъ». Слѣдовательно, среди этихъ послѣднихъ нужно различать три разновидности: «мой внутренній актъ» въ однихъ случаяхъ сочетается съ «моимъ внѣшнимъ актомъ», въ другихъ случаяхъ съ психо-рефлекторнымъ актомъ, а въ третьихъ случаяхъ съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Конечно, на практикѣ различать эти разновидности почти невозможно, потому что для этого нужна необычайно изощренная способность наблюдать за отѣнками своихъ состояній.

3. Чувствованіе удовлетворенія.

Осуществленіе переживанія, антиципируемаго въ стремленіи, всегда сопровождается чувствованіемъ относительнаго удовольствія, удовлетворенія. Исключенія изъ этого правила бываютъ лишь кажущіяся. Если осуществленіе стремленія вызываетъ неудовольствіе, то это зна-

¹⁾ См. ниже, II. 1.

читать, что переменна оказалась противорѣчащею какому либо другому, болѣе сильному стремленію. Человѣкъ, ловко подслушивающій чужой разговоръ, почти навѣрное не испытаетъ отъ этого удовольствія, если услышитъ въ разговорѣ дурные отзывы о себѣ. Точно такъ же и наоборотъ. Если мы идемъ навстрѣчу къ болѣе или менѣе интересующему насъ человѣку и вдругъ окажется, что это не онъ, а ближайшій нашъ другъ, на долго уѣзжавшій отъ насъ, то мы навѣрное почувствуемъ не разочарованіе, а сильное удовольствіе. Впрочемъ, даже и въ этихъ случаяхъ нерѣдко можно бываетъ подмѣтить быструю смѣну зарождающагося неудовольствія удовольствіемъ и наоборотъ.

4. Виды волевыхъ актовъ.

Волевыми актами мы называемъ всѣ процессы, складывающіеся изъ «моихъ» стремленій, чувствованія «моей» активности и перемены (внутренней или внѣшней), сопровождающейся чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія. Свойства этихъ элементовъ, наиболѣе важныя для обоснованія волюнтаризма, мы уже разсмотрѣли: стремленія въ волевыхъ актахъ могутъ быть «моими» и вынужденными, опознанными и неопознанными, а перемены могутъ быть внутренними, неполными внутренними и внѣшними. На основаніи этихъ признаковъ можно насчитать двѣнадцать видовъ волевыхъ актовъ.

Среди неопознанныхъ актовъ можно различать двѣ разновидности: акты, въ которыхъ только стремленія неопознаны, и акты, въ которыхъ неопознано какъ стремленіе, такъ и переменна. Для насъ особенно важна первая модификація. и почти всегда мы имѣемъ въ виду ее, говоря о неопознанныхъ актахъ.

5. Составъ индивидуальнаго сознанія: волевые акты, «акты во мнѣ» и состоянія сознанія.

Съ точки зрѣнія даннаго опредѣленія волевыхъ актовъ всѣ явленія въ индивидуальномъ сознаніи могутъ

быть распределены въ слѣдующія три группы: волевые акты («мои» акты), акты во мнѣ и состоянія сознанія. Волевые акты и виды ихъ уже разсмотрѣны нами. Актами во мнѣ (поступками во мнѣ), какъ уже сказано выше, мы называемъ психическіе процессы, складывающіеся изъ «данныхъ во мнѣ» стремленій (стремленій во мнѣ) и перемѣнъ, слѣдующихъ за ними. По своему составу они во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ волевыми актами, за исключеніемъ лишь того, что исходнымъ пунктомъ ихъ служитъ стремленіе, окрашенное оттѣнкомъ данности. Акты во мнѣ, какъ и волевые, могутъ быть опознанными и неопознанными.

Наконецъ, *состояніями* сознанія мы называемъ такіа психическія явленія, которымъ не предшествуютъ въ индивидуальномъ сознаніи никакія стремленія, ни «мои», ни «данныя во мнѣ». Сюда относятся, напримѣръ, всѣ ощущенія высшихъ чувствъ: разсматривая какую-нибудь черную поверхность, мы ощущаемъ ея цвѣтъ, какъ пассивно данное состояніе, не заключающее въ себѣ никакихъ стремленій; само собою разумѣется, поскольку это состояніе становится предметомъ вниманія и измѣняется отъ этого, въ немъ тоже есть стремленія, оно тоже есть актъ, но основной «данный» матеріалъ въ этомъ процессѣ ни въ какомъ смыслѣ не подходитъ подъ понятіе акта.

Интересное промежуточное положеніе между актами во мнѣ и состояніями сознанія занимаютъ нѣкоторыя органическія ощущенія, въ родѣ жажды, усталости, ломоты въ костяхъ: въ нихъ смутно чувствуется что-то напоминающее стремленія и въ этомъ состоитъ главное отличіе ихъ отъ ощущеній органовъ высшихъ чувствъ.

II. Волюнтаризмъ.

1. Волевой характеръ всѣхъ «моихъ» процессовъ сознанія.

Мы намѣтили три группы процессовъ въ индивидуальномъ сознаніи: волевые акты, акты во мнѣ и состо-

янія сознанія. Если волюнтаризмъ правъ, утверждая, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаніемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ я, протекаютъ по образцу волевыхъ актовъ, то это значитъ, что всѣ «мои» процессы сознанія суть не состоянія, а волевые акты, т.-е. заключаютъ въ себѣ «мое» стремленіе, чувствованіе активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, и, наоборотъ, все то, что мы отнесли въ рубрику состояній сознанія (процессы, не связанные органически со стремленіями), всегда чувствуется, какъ «данное мнѣ». Намъ предстоитъ, слѣдовательно, установить чрезвычайно широкое обобщеніе. До сихъ поръ мы лишь описывали составъ нѣкоторыхъ «моихъ» процессовъ сознанія и для анализа выбирали по возможности типичныя формы, поэтому наше описаніе, можетъ быть, не вызывало возраженій. Однако теперь, лишь только мы обобщаемъ свой анализъ и говоримъ, что поскольку непосредственное чувство заставляетъ насъ включить въ свое описаніе душевнаго процесса слова «мое состояніе», мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, заключающимъ въ себѣ стремленія и чувствованіе активности, это утвержденіе навѣрное вызоветъ рядъ сомнѣній. Наше доказательство этого обобщенія будетъ состоять главнымъ образомъ въ устраненіи такихъ возможныхъ сомнѣній.

Прежде всего могутъ замѣтить, что всѣ процессы въ индивидуальномъ сознаніи безъ исключенія чувствуются, какъ «мои». Мы уже говорили объ этомъ выше, и тогда же указали на то, что все же между различными состояніями сознанія существуютъ огромныя различія въ отношеніи градаціи этого чувствованія: одни процессы сознанія, *наибольше* окрашенные имъ, кажутся *цѣликомъ* «моими», другіе процессы, *наименше* окрашенные имъ, кажутся моими лишь постольку, *поскольку мое вниманіе направлено на нихъ*, а въ остальныхъ отношеніяхъ, въ особенности со стороны содержанія, *цѣликомъ* кажутся данными мнѣ. Итакъ, вниманіе есть

самое общее изъ тѣхъ условій, благодаря которымъ процессы сознанія кажутся моими. Слѣдовательно, если мы хотимъ установить основное положеніе волюнтаризма, мы должны прежде всего доказать, что перемѣщенія фокуса вниманія и перемѣны, возникающія вслѣдствіе этого, подходятъ подъ наше понятіе волевого акта. Послѣ изслѣдованій Вундта эта задача не представляетъ затрудненій.

Во всякій данный моментъ наше сознаніе складывается изъ массы разнородныхъ состояній, совокупность которыхъ принято называть *полемъ сознанія*. Въ этомъ полѣ одна какая-либо болѣе или менѣе обширная группа занимаетъ центральное положеніе въ томъ смыслѣ, что она сознается наиболѣе ясно и отчетливо, она составляетъ *фиксаціонную точку* сознанія; на ней сосредоточено вниманіе, или, говоря языкомъ Вундта, ее мы *апперципируемъ*, а прочія состоянія только *перципируемъ*. Апперципированіе какого-либо состоянія, т.-е. переходъ его съ периферіи поля сознанія въ фиксаціонную точку, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ важнѣйшихъ внутреннихъ перемѣнъ: то состояніе сознанія, на которомъ преимущественно сосредоточивается вниманіе, оттѣсняетъ всѣ другія состоянія, становится наиболѣе яснымъ и пріобрѣтаетъ господствующее положеніе въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее теченіе сознательной жизни, напр. припоминаніе, мышленіе, картины воображенія, внѣшніе волевые акты, соотвѣтствуютъ апперципированному состоянію.

Анализируемъ сначала наиболѣе сложный видъ апперцепціи, тотъ, который у Вундта носитъ названіе активной апперцепціи. Предположимъ, что мы заняты обдумываніемъ вопроса объ апперцепціи, припоминаемъ теорію Вундта, между прочимъ вспомнили терминологию его на русскомъ языкѣ и хотимъ возстановить въ своей памяти нѣмецкую терминологию; на самой периферіи нашего сознанія уже явились термины *Blickpunkt* и *Blickfeld*, но въ такой неясной формѣ, что мы не могли бы ихъ записать и произнести; въ этотъ мо-

ментъ въ полѣ нашего сознанія неожиданно является новый элементъ: мы перцепируемъ едва доносящіяся до насъ звуки игры на скрипкѣ; дальнѣйшее теченіе нашей сознательной жизни прямо зависитъ отъ того, что мы апперципируемъ, если мелодію, то нѣмецкіе термины опять забудутся и, можетъ быть, надолго; если мы очень заняты работою и стараемся не отвлекаться отъ нея, но любимъ также музыку, то легко можетъ случиться слѣдующее: сначала мы необдуманно отвлечемся въ сторону мелодіи, нѣмецкіе термины станутъ потухать въ сознаніи, но мы, замѣтивъ это, тотчасъ спохватимся и, сдѣлавъ какое-то усиліе, отвлечемся отъ мелодіи, сосредоточимся на прежнемъ токѣ идей, мелодія потухнетъ въ сознаніи, можетъ быть, совсѣмъ, нѣмецкіе термины ясно всплывутъ, и мы запишемъ ихъ съ чувствомъ полного удовлетворенія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ процессѣ есть всѣ элементы волевого акта: перемѣнѣ предшествовали цѣлыхъ два представленія, которыя можно назвать стремленіями: они связаны съ тѣмъ своеобразнымъ безпокойнымъ чувствомъ, наличность котораго даетъ намъ основаніе называть ихъ такъ (стремленіе окончательно припомнить термины, стремленіе прослѣдить мелодію). Перемѣна сопровождается чувствованіемъ активности и наступаетъ съ чувствованіемъ удовлетворенія. Такая перемѣна заключаетъ въ себѣ элементы цѣлестремительнаго акта, именно относится къ числу неполныхъ внутреннихъ опознанныхъ актовъ. Это актъ неполный внутренний, потому что перемѣна, слѣдующая за усиліемъ, заключаетъ въ себѣ много «данныхъ» элементовъ, повидимому, составляющихъ болѣе или менѣе отдаленное слѣдствіе усилія, а не прямой результатъ его.

Гораздо чаще встрѣчаются въ сознаніи болѣе простые смѣны фокуса вниманія, неудачно названныя Вундтомъ пассивною апперценціею. Если мы не особенно увлекаемся работою и плохо владѣемъ собою, стоитъ только явиться любимой мелодіи, хотя бы на самой периферіи поля сознанія, и мы тотчасъ безъ

колебаній, станемъ усиливаться разслушать ее, а нѣмецкіе термины при этомъ совсѣмъ потухнутъ въ сознаніи. Стремленіе разслушать, чувствованіе активности и, наконецъ, перемѣна, наступающая съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, всѣ эти элементы несомнѣнно присутствуютъ въ такъ называемой пассивной апперцепціи; она также есть цѣлестремительный актъ, и описанный случай ея относится къ числу неопознанныхъ неполныхъ внутреннихъ актовъ.

Наконецъ, и все остальное содержаніе сознанія, находящееся на периферіи, тоже не лишено участія вниманія. Можно найти безчисленное количество переходныхъ ступеней, связывающихъ перцепцію съ апперцепціею, такъ что рѣзкой границы между этими процессами вовсе не существуетъ: они различаются лишь количественно, по степени опознанности и степени интереса, возбуждаемаго переживаемымъ состояніемъ. Послѣдній признакъ особенно важенъ: въ самомъ дѣлѣ, не только апперцепція, но и перцепція совершается лишь въ отношеніи явленій, болѣе или менѣе интересующихъ насъ: то, что ни въ какомъ отношеніи не интересно, вовсе не попадаетъ въ сферу сознанія. Поэтому и явленія на периферіи сознанія не кажутся намъ абсолютно данными; даже и они, хотя и въ очень слабой иногда степени, сознаются, какъ мои, поскольку я созерцаю ихъ, поскольку мое вниманіе направлено на нихъ.

Безъ сомнѣнія, вниманіе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ внутреннихъ актовъ. Однако даже и въ самой высшей формѣ, въ формѣ апперцепціи, переводящаго состоянія сознанія съ периферіи въ фиксаціонную точку, оно производитъ по существу лишь незначительную перемѣну, именно увеличиваетъ лишь ясность и отчетливость состоянія сознанія, но не создаетъ его. Иными словами, въ актѣ апперцепціи мы сознаемъ себя дѣятельными, но ясно чувствуемъ, что не все создано нами, что основной матеріалъ возникшаго явленія данъ намъ, и мы играемъ лишь роль

зрителя, дѣятельно разсматривающаго, но не творящаго свой объектъ.

Только въ томъ случаѣ, если мы анализируемъ такимъ образомъ психическія явленія и различаемъ въ нихъ данные и мои элементы, мнимыя противорѣчія тезису волюнтаризма могутъ быть устранены съ успѣхомъ. При этомъ оказывается, что *одно и то же* психическое явленіе, *поскольку* оно чувствуется, какъ мое. *заключаетъ* въ себѣ элементы волевого акта, а *поскольку* оно чувствуется, какъ данное, *вовсе не подходитъ*, да и не должно, съ точки зрѣнія волюнтаризма, подходить подъ понятіе волевого акта.

Всякое психическое состояніе пользуется хоть нѣкоторою долею вниманія, слѣдовательно, всякое психическое явленіе, должно, если не цѣликомъ, то хоть до нѣкоторой степени чувствоваться, какъ мое, что и подтверждается наблюденіемъ. Если психическое явленіе чувствуется, какъ мое, только постольку, поскольку мое вниманіе, направлено на него, то оно заключаетъ въ себѣ минимальное количество элементовъ активности. Если психическое явленіе все цѣликомъ чувствуется, какъ мое, и со стороны содержанія, и со стороны формы, и какъ объектъ вниманія, то оно заключаетъ въ себѣ максимальное количество элементовъ активности, оно все цѣликомъ подходитъ подъ понятіе моего волевого акта. Большинство психическихъ явленій располагается между этими двумя крайними ступенями, соединяя ихъ безчисленнымъ множествомъ переходныхъ формъ. Какъ и процессы вниманія, эти переходныя формы вызываютъ много опасныхъ для волюнтаризма недоумѣній, потому что въ нихъ мои элементы переищиваются съ данными. Мы рассмотримъ съ этой точки зрѣнія продукты всѣхъ главныхъ психическихъ дѣятельностей въ восходящемъ порядкѣ, т.-е. начиная съ продуктовъ, заключающихъ въ себѣ въ общемъ наименьшее количество моихъ элементовъ, именно начиная съ воспріятій.

Всякое воспріятіе состоитъ изъ 1. нѣсколькихъ,

обыкновенно, очень многихъ (наличныхъ и воспоминаемыхъ) ощущеній, 2. объединенныхъ извѣстнымъ образомъ, 3. опознанныхъ (напр., ощущение зеленого цвѣта не только переживается, но и признается за зеленый цвѣтъ) и 4. связанныхъ съ чувствомъ объективности и субстанціальности (сознаніе присутствія объекта). Каждый изъ этихъ элементовъ мы рассмотримъ отдѣльно.

Всѣ ощущенія въ воспріятіи чувствуются, какъ данныя намъ, а не произведенныя нами. Правда, для того, чтобы ощущение перешло въ фиксаціонную точку сознанія, нужно бываетъ сосредоточить на немъ вниманіе, иногда повернуть голову и глаза, наконецъ, для цѣлей воспріятія нужно опознать его. Однако, вниманіе придаетъ лишь большую отчетливость ощущенію, но не кажется причиною возникновенія самого ощущенія; импульсъ для поворота головы и глазъ есть, можетъ быть, причина этого движенія, но не зрительныхъ ощущеній; наконецъ, опознаніе ощущенія навѣрное требуетъ значительной активности во многихъ случаяхъ, напр., усиленнаго припоминанія другихъ ощущеній, сопоставленія новаго со старымъ и т. п., однако всѣ эти акты имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда ощущеніе уже есть, слѣдовательно, не они производятъ его, хотя, безъ сомнѣнія, они добавляютъ ему новый оттѣнокъ. Всѣ ощущенія не только органовъ высшихъ чувствъ, но и органическія, голода, жажды, усталости и т. п., отличаются этимъ характеромъ данности; активные элементы, встрѣчающіеся въ нихъ, лишь сопутствуютъ имъ, сообщаютъ имъ новые оттѣнки, но не составляютъ ихъ основы.

Гораздо больше чувствуемъ мы себя активными при объединеніи элементовъ воспріятія въ единое цѣлое. Если мы любуемся лѣснымъ пейзажемъ, пятнами солнечнаго свѣта на стволахъ березъ, сочетаніями свѣтлой зелени листвы съ темною зеленью хвои, темными углубленіями въ чащѣ деревьевъ, намъ нужно сочетать всѣ эти элементы въ сложное единство, *части* котораго даны (напр. *единство* какого-либо *отдѣльнаго* солнеч-

наго блика), но цѣлое вовсе не дано. Вообще, если мы воспринимаемъ какую-либо простую хорошо знакомую вещь, напр., лампу на своемъ столѣ, то единство ощущенія кажется даннымъ, если же вещь сложна и мало намъ знакома, напр., если мы впервые воспринимаемъ Страсбургскій соборъ, мы осматриваемъ башни, колонны, арки, фрески, и чтобы сдѣлать эстетическую оцѣнку цѣлаго, объединяемъ эти части въ одну общую картину, затрачивая на это большой трудъ и во всякомъ случаѣ сознавая, что это цѣлое не само входитъ въ наше сознание, а отчасти строится нами подъ руководствомъ стремленій охватить цѣлое и объединить его. Это построение заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта и, обыкновенно, имѣетъ характеръ неопознаннаго неполнаго внутренняго акта. Безъ сомнѣннй, въ этомъ отношеніи существуютъ огромныя различія между разными людьми и въ отношеніи къ разнымъ вещамъ: одни способны воспринимать очень сложныя вещи, почти не затрачивая силъ на синтезъ, другіе наоборотъ; одни легче схватываютъ сложныя группы звуковъ, другіе сложныя сочетанія красокъ, третьи сложныя сочетанія пространственныхъ формъ. Даже у одного и того же человѣка активность въ процессахъ воспріятія подвержена сильнымъ колебаніямъ. Въ случаѣ усталости, подавленнаго состоянія или смущенія приходится даже, воспринимая такую несложную вещь, какъ человѣческое лицо, строить ее.

Все сказанное о построеніи воспріятія относится и къ опознанію его элементовъ. Если мы имѣемъ дѣло съ простымъ или хорошо знакомымъ объектомъ, то онъ вмѣстѣ со своими элементами кажется даннымъ уже въ опознанномъ видѣ (напр., никакихъ особенныхъ усилій для опознанія зеленаго цвѣта листвы мы не замѣчаемъ въ себѣ). Наоборотъ, если объектъ, заключаетъ въ себѣ много новаго или если мы утомлены, опознаніе требуетъ иногда значительнаго труда и предшествуется стремленіями узнать, опредѣлить, вспомнить,

анализировать и т. п. Обыкновенно, эти акты относятся къ числу неопознанныхъ неполныхъ внутреннихъ актовъ.

Наконецъ, послѣдній элементъ воспріятія живое чувство объективности и субстанціальности (напр. деревьевъ) подобно ощущеніямъ, никоимъ образомъ не признается, какъ произведенное нами; характернѣйшая черта этихъ чувствъ въ томъ и состоитъ, что мы сознаемъ присутствіе чего то (не качества, а носителя качествъ) чуждаго намъ, навязывающагося нашему я извнѣ. Конечно, поскольку мы обращаемъ вниманіе на эти чувства, они *въ этомъ отношеніи* также сознаются, какъ мои, и *въ этомъ отношеніи* подходятъ подъ понятіе волевого акта.

Нашъ анализъ долженъ устранить всевозможныя мнимыя возраженія, возникающія вслѣдствіе того, что данные и мои элементы вездѣ тѣсно переплетаются въ воспріятіи. Однако одно изъ такихъ возраженій мы все же разберемъ здѣсь спеціально. Намъ могутъ замѣтить, что воспріятіе нѣкоторыхъ интенсивныхъ, а также внутреннихъ органическихъ раздраженій, въ родѣ грохота пушечнаго выстрѣла, боли отъ раны, зубной боли и т. п., возникаютъ у насъ, казалось бы, безъ всякой нашей активности, даже безъ напряженія вниманія, а между тѣмъ чувствуются, какъ мои, и находятся въ фиксаціонной точкѣ сознанія; слѣдовательно, они составляютъ отрицательную инстанцію противъ нашего обобщенія: это мои состоянія сознанія, повидимому, не подходящія подъ понятіе волевого акта ни въ какомъ отношеніи. Однако даже и въ этихъ случаяхъ тезисъ волюнтаризма подтверждается анализомъ. Крайне интенсивныя и органическія раздраженія, обыкновенно, исходятъ отъ причины, такъ или иначе опасной или важной для насъ, и потому на основаніи приспособленія, выработаннаго продолжительною эволюціею, должны пробуждать одно изъ самыхъ мощныхъ стремленій, стремленіе къ само-сохраненію. Слѣдовательно, у насъ должна быть общая тенденція легко и моментально сосредоточивать вниманіе прежде всего на такихъ раздраженіяхъ, такъ что

даже и въ томъ случаѣ, если вниманіе раньше было поглощено другимъ объектомъ, мы тотчасъ же покидаемъ его. Какъ это часто бываетъ, психологическій тактъ человѣчества, выразившійся въ языкѣ, правильно утверждаетъ, что отъ этихъ раздраженій «трудно отвлечь вниманіе»: въ этихъ случаяхъ мы безъ борьбы слѣдуемъ за примитивнѣйшимъ, мощнымъ и почти всегда неопознаннымъ стремленіемъ. Если бы въ жизни не встрѣчалось ни одного примѣра, когда такія раздраженія не были бы восприняты вслѣдствіе отвлеченія вниманія въ сторону другимъ, слѣдовательно, болѣе сильнымъ стремленіемъ, это не значило бы, что они безъ помощи вниманія и стремленій, сами входятъ въ фиксаціонную точку нашего сознанія: это показывало бы только, что стремленіе къ самосохраненію и *примитивныя* вытекающія на него (производныя) стремленія суть самый мощный двигатель для насъ. Къ счастью, мы можемъ найти доказательство въ пользу волонтаризма болѣе вѣское, чѣмъ это разсужденіе. Какъ ни мало развито человѣчество, все же нѣкоторые люди, хотя на время, подъ вліяніемъ различныхъ другихъ стремленій съ такою силою сосредоточиваютъ вниманіе на болѣе высокихъ сравнительно объектахъ, что примитивныя проявленія стремленія къ самосохраненію отступаютъ на задній планъ, и интенсивное или органическое раздраженіе остается невоспринятымъ. Всѣмъ извѣстны случаи, когда раненые люди въ пылу битвы или драки не замѣчали своихъ ранъ, увлекшись чѣмъ-либо интереснымъ, мы не ощущаемъ зубной боли, хотя разрушительные процессы въ зубахъ по прежнему продолжаются и т. п.

Исходя изъ анализа воспріятія, мы уже можемъ высказать слѣдующія важныя положенія относительно «моихъ» и «данныхъ» элементовъ сознанія.

1. *Всѣ чувственные элементы сознанія (ощущенія) относятся къ числу «данныхъ» состояній.*

2. *Нѣкоторые нечувственные элементы могутъ быть то моими, то данными (напр., единства ощущеній), другіе*

нечувственные элементы всегда бывают данными (напр., сознавание объективности); третьи нечувственные элементы всегда бывают моими (напр., тотъ оттѣнокъ состояній сознанія, который обуславливается сосредоточеніемъ вниманія на нихъ).

3. Вся мои элементы сознанія относятся къ числу нечувственныхъ.

Въ воспріятіи, какъ мы видѣли, подавляющее количество элементовъ «дано». Такимъ же характеромъ отличаются и процессы припоминанія, такъ какъ въ нихъ, обыкновенно, въ высокой степени активны лишь начало и нѣкоторые промежуточные пункты, а вслѣдъ за тѣмъ тянутся цѣлыя полосы воспоминаній, возникающихъ какъ бы произвольно и требующихъ лишь активности вниманія для апперципированія. Обыкновенно, процессы припоминанія объясняютъ законами ассоціаціи идей и вовсе не ставятъ ихъ въ связь со стремленіями, однако на дѣлѣ, если законъ ассоціаціи и управляетъ чѣмъ-либо, такъ это только «даннымъ» матеріаломъ припоминанія, а поскольку этотъ матеріалъ становится «моимъ», въ особенности, поскольку онъ переходитъ съ периферіи сознанія въ фиксаціонную точку, всегда можно бываетъ доказать присутствіе стремленій и чувствованія активности; иными словами, поскольку процессъ припоминанія чувствуется, какъ мой, постольку онъ тоже подходитъ подъ понятіе волевого акта. Для анализа мы воспользуемся опять уже описаннымъ процессомъ припоминанія терминовъ Blickpunkt и Blickfeld. Когда мы думаемъ о какой бы то ни было вещи, напр. о теоріи вниманія Вундта, на периферіи нашего сознанія толпятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ болѣе или менѣе смутно ряды идей, связанныхъ по ассоціаціи съ апперципируемою идеею; однако появленіе этихъ идей на периферіи вовсе не сопровождается чувствованіемъ дѣятельности и не относится нами къ нашему я: онѣ возникаютъ у насъ такъ же, какъ психо-рефлекторные акты ¹⁾; безъ

¹⁾ См. стр. 26 с.

предшествующаго моего акта (апперцепціи) эти идеи не появились бы на периферіи сознанія, однако я вовсе не считаю себя виновникомъ ихъ возникновенія; ихъ возникновеніе вовсе не есть мой волевой актъ. Гораздо опредѣленнѣе становится чувствованіе активности съ того момента, когда я апперципирую ту или другую изъ этихъ «данныхъ» въ смутной формѣ идей. При этомъ въ типичномъ актѣ припоминанія (а не построенія) быстро и отчетливо вступаетъ въ фиксаціонную точку сознанія нѣкоторое сложное цѣлое (напр. слово Blickfeld) и даже *синтезъ его частей* чувствуется, какъ «данный», совершенно такъ же, какъ въ простѣйшихъ воспріятіяхъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло, какъ мы уже рѣшили выше, говоря объ апперцепціи вообще, съ неполнымъ внутреннимъ актомъ.

Отсюда ясно, что если мы хотимъ наблюдать смѣну идей, наименѣе зависимую отъ нашихъ стремленій и управляемую однимъ лишь закономъ ассоціаціи (если такой законъ существуетъ), то мы должны, насколько возможно, подавить въ себѣ апперципирующую дѣятельность, отказаться отъ всякихъ опредѣленныхъ своихъ цѣлей и присматриваться къ игрѣ идей, которая возникнетъ вслѣдъ за этимъ. Точнѣе говоря, мы и въ этомъ случаѣ не отказываемся совсѣмъ отъ апперципированія, а ставимъ себѣ очень оригинальную цѣль—апперципировать (не особенно интенсивно) все, что всплываетъ въ полѣ сознанія. При этомъ искусственномъ условіи начинается безумная скачка идей, и только она даетъ настоящіе типичные случаи слѣпого чередованія идей по смежности. Такая же скачка можетъ явиться и въ другихъ случаяхъ ослабленія апперципирующей дѣятельности, напр., при усталости, душевной болѣзни. По мнѣнію Вундта, «у нормальнаго человѣка ассоціація въ формѣ ряда, т.-е. содержащая болѣе двухъ членовъ, встрѣчается очень рѣдко», и достигается легче всего описаннымъ искусственнымъ путемъ ¹⁾.

¹⁾ Вундтъ. „Очеркъ психологіи“, стр. 278.

Переходъ состояній сознанія съ периферіи въ фиксаціонную точку кажется намъ зависящимъ отъ нашихъ стремленій. Слѣдовательно, если опираться на непосредственное чувство, то нужно признать, что смѣна идей въ фиксаціонной точкѣ зависитъ отъ смѣны стремленій, а потому основной законъ теченія сознательной жизни будетъ найденъ тогда, когда удастся опредѣлить законъ смѣны стремленій. Этотъ вопросъ мы рассмотримъ подробно въ главѣ, посвященной критикѣ закона ассоціаціи идей.

До сихъ поръ мы говорили лишь объ активности вниманія въ процессахъ припоминанія; если бы они не заключали въ себѣ, кромѣ этого, никакихъ другихъ «моихъ» элементовъ, то они должны были бы казаться еще болѣе пассивными, чѣмъ воспріятіе: весь процессъ припоминанія состоялъ бы въ томъ, что на периферіи сознанія психо-рефлекторно появлялись бы идеи, соотвѣтствующія апперципируемымъ идеямъ, а мы только сосредоточивали бы вниманіе то на той, то на другой изъ нихъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если нужная для нашей дальнѣйшей дѣятельности идея не появляется на периферіи сознанія, можно замѣтить, что мы не просто сосредоточиваемъ вниманіе на апперципируемой идеѣ, связанной съ искомою по закону ассоціаціи, а роемся какъ бы въ сознаніи, подыскивая другія идеи, связанныя съ искомою (при этомъ мы руководимся непосредственнымъ чувствованіемъ приближенія къ цѣли или удаленія отъ нея), и вообще направляемъ вниманіе не столько на самыя эти идеи, сколько на ихъ *связи* съ искомою идеею, дѣлая при этомъ какія-то своеобразныя усилія. Такой процессъ припоминанія подходитъ подъ понятіе внѣшняго волевого акта.

Гораздо болѣе напряженною и непрерывною кажется активность я въ болѣе высокихъ дѣятельностяхъ, чѣмъ припоминаніе, напр. при построеніи картинъ воображенія, при размышленіи и сложной (не превратившейся въ автоматическую) практической дѣятельности, которая

разлагается на дѣятельность воображенія, мышленія и сокращенія мускуловъ (внѣшній волевой актъ). Всѣ эти процессы опираются на матеріалъ, доставляемый памятью; слѣдовательно, здѣсь требуется та же активность, что и въ процессахъ припоминанія, да кромѣ того всевозможныя сравненія, анализы, синтезы, большинство которыхъ относится нами къ нашему я, сопровождается стремленіями и чувствованіемъ активности. Напр., когда мы рисуемъ мысленно картину тропическаго лѣса, намъ сразу припоминаются, если у насъ живое воображеніе, деревья, задрапированныя ползучими растеніями, магноліи, бамбуки и т. п., и синтезы, заключающіеся въ этихъ представленіяхъ, въ большинствѣ случаевъ кажутся данными, но чтобы изъ нихъ получилась картина роскошнаго лѣса, намъ нужно изъ этихъ матеріаловъ *построить цѣлое*, и этотъ синтезъ, какъ намъ кажется, производимъ мы сами, согласно своему стремленію получить картину, подавляющую воображеніе, или удовлетворяющую эстетическому вкусу, или типичную для тропиковъ. Впрочемъ, именно при особенно успѣшной творческой дѣятельности даже и эта обработка матеріала памяти отчасти происходитъ гдѣ-то за предѣлами я, такъ что нѣкоторые *новые* синтезы, анализы, сопоставленія оказываются «данными», и намъ остается лишь апперципировать ихъ. Различіе между талантливыми учеными или поэтами и обыкновенными смертными, быть можетъ, главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что у первыхъ соотвѣтственно ихъ апперцепціямъ, на периферіи сознанія сразу являются въ огромномъ количествѣ сложные матеріалы, такъ что имъ остается лишь строить изъ нихъ еще болѣе сложное цѣлое, а обыкновенному человѣку приходится тратить силы на припоминаніе еще и этихъ матеріаловъ.

Итакъ во всѣхъ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ нами, мы всегда сознаемъ себя лишь, какъ часть причины психическихъ явленій, разыгрывающихся въ нашемъ сознаніи: они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сознаются, какъ «мои», и въ этихъ же отношеніяхъ подходятъ подъ

понятіе волевого акта, такъ какъ содержатъ въ себѣ всѣ элементы его. Слѣдовательно, для устраненія недоразумѣній необходимо лишь анализъ, обособляющій «мои» элементы отъ «данныхъ мнѣ».

Однако намъ могутъ возразить, что мы до сихъ поръ вовсе не принимаемъ въ расчетъ эмоцій и чувствъ, тогда какъ эта темная область психическихъ явленій заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, много отрицательныхъ инстанцій противъ волюнтаризма. Въ отвѣтъ на это здѣсь мы скажемъ только, что анализъ «моихъ» и «данныхъ» элементовъ примѣнимъ и къ этимъ психическимъ явленіямъ, при чемъ всегда можно показать, что «мои» элементы стоятъ въ связи со стремленіями; напр., въ такой эмоціи, какъ гнѣвъ, чувствуется очень большое количество «моихъ» элементовъ, но наряду съ ними въ ней же живо чувствуется большое количество стремленій, слѣдовательно, воспользоваться ею, какъ отрицательною инстанціею противъ волюнтаризма, нельзя. Такъ какъ явныхъ опроверженій волюнтаризма эта плохо разработанная область психологіи не даетъ, то мы считаемъ себя въ правѣ оставить теперь этотъ вопросъ и рассмотреть его значительно позже въ специальной главѣ.

Наконецъ, мы должны устранить еще одно возможное недоразумѣніе. Такъ какъ волевой актъ состоитъ изъ ряда элементовъ, которые относительно самостоятельны или, по крайней мѣрѣ, путемъ анализа могутъ быть обособлены мысленно, то легко является соблазнъ взять отдѣльно одинъ изъ элементовъ волевого акта и представить его въ качествѣ примѣра психическаго явленія, сознаваемого какъ «мое» и тѣмъ не менѣе вовсе не заключающаго въ себѣ всѣхъ составныхъ частей волевого акта. Особенно легко могутъ подать поводъ къ такому недоразумѣнію начальный и конечный пунктъ волевого акта, стремленіе и чувствованія удовлетворенія или неудовлетворенія.

Мы нарочно избѣгаемъ терминовъ удовольствіе и неудовольствіе, потому что ими обозначаются чрезвычайно разнообразныя психическія состоянія, и говоримъ

о чувствованіи удовлетворенія и неудовлетворенія, чтобы отмѣтить лишь тотъ пріятный или непріятный оттѣнокъ соотвѣтствія или противорѣчія нашимъ стремленіямъ, который окрашиваетъ всѣ «мои» перемѣны въ нашемъ сознаніи и настолько простъ, что подвергнуть его дальнѣйшему анализу нельзя. Само собою разумѣется, этотъ оттѣнокъ не есть волевой актъ, но онъ необходимая составная часть волевого акта. Очень часто въ сознаніи являются психическія состоянія, похожія на это чувствованіе, но болѣе сложныя и сопровождающіяся болѣе или менѣе явственно выраженными измѣненіями въ дѣятельности сердца, дыханіи и состояніи кровеносныхъ сосудовъ¹⁾. Объ этихъ состояніяхъ дѣйствительно можно сказать, что они составляютъ самостоятельное цѣлое. Въ главѣ объ эмоціяхъ мы покажемъ, что эти состоянія сложны, что они относятся къ числу эмоцій и, какъ всѣ эмоціи, отчасти состоятъ изъ «данныхъ», отчасти изъ «моихъ» элементовъ.

Наконецъ, что касается стремленій, мы дѣйствительно соглашаемся, что неосуществленное стремленіе или система ихъ можетъ сознаваться, какъ мое состояніе сознанія, и тѣмъ не менѣе вовсе не заключаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта. Однако этого и слѣдовало ожидать: весьма возможно, что именно «мои» стремленія, поскольку они окрашены чувствованіемъ принадлежности мнѣ, придаютъ эту окраску и всѣмъ слѣдующимъ за ними перемѣнамъ, такъ что неосуществленное стремленіе есть единственный примѣръ психическаго состоянія, которое не заключаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта и тѣмъ не менѣе можетъ сознаваться, какъ «мое» состояніе сознанія: это не волевой актъ, а начало волевого акта.

Впрочемъ, типичныхъ примѣровъ такихъ неосуществленныхъ стремленій вовсе нельзя найти. Какъ мы уже говорили выше, въ душевной жизни не бываетъ одиночныхъ мимолетныхъ стремленій, стоящихъ особня-

¹⁾ См. Lehmann, Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens.

комъ отъ другихъ душевныхъ процессовъ. Всякое стремленіе или непосредственно, или какъ членъ цѣлаго ряда стремленій, относящихся другъ къ другу, какъ средства къ цѣлямъ, заканчивается волевымъ актомъ. Слѣдовательно, было бы несправедливо выхватить изъ такого органическаго цѣлаго одно какое-либо стремленіе и, рассматривая его отдѣльно, приводитъ его какъ примѣръ психическаго состоянія, не заключающаго въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта и тѣмъ не менѣе сознаваемаго, какъ «мое» состояніе. Поэтому наше предположеніе относительно исключительнаго положенія неосуществленныхъ стремленій нужно формулировать слѣдующимъ, образомъ: хотя всякое стремленіе прямо или косвенно приводитъ къ волевому акту, однако нѣкоторыя стремленія особенно относящіяся къ числу конечныхъ цѣлей¹⁾, осуществляются не вполне и тѣмъ не менѣе цѣликомъ чувствуются, какъ мои, и это-то именно обстоятельство наводитъ на мысль, что стремленія занимаютъ въ душевной жизни исключительное положеніе, что они, даже и вовсе не осуществившись, могутъ сознаваться, какъ мои, и что, можетъ быть, именно «мои» стремленія разливаютъ эту окраску на другія психическія состоянія.

Надобно замѣтить еще, что существуетъ цѣлый классъ стремленій, чувствуемыхъ нерѣдко, какъ вполне самостоятельное цѣлое, какъ относительно законченный, обособленный отъ другихъ психическихъ явленій процессъ: таковы многія опознанныя стремленія. И на самомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія волюнтаризма они имѣютъ право на такое положеніе, потому что стремленіе, *поскольку оно опознано*, включаетъ въ себѣ нерѣдко полный волевой актъ: опознаніе стремленія есть одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* для осуществленія стремленія, и совершается очень часто по типу неопознанныхъ волевыхъ актовъ.

Кромѣ того, бываютъ еще психическія состоянія, на

¹⁾ См. стр. 20.

первый взглядъ относящіяся къ числу стремленій, а на самомъ дѣлѣ принадлежащія къ разряду эмоцій и заключающія въ себѣ, какъ всѣ эмоціи, зачастую множество внутреннихъ и внѣшнихъ волевыхъ актовъ; таково, напр., состояніе человѣка, слишкомъ поздно пріѣхавшаго на вокзалъ и торопливо, взволнованно бѣгущаго по платформѣ къ поѣзду. Объ этихъ состояніяхъ мы будемъ говорить въ главѣ объ эмоціяхъ.

Мы разсмотрѣли различныя возраженія, основанныя на недоразумѣніяхъ, и указали способъ для устраненія другихъ подобныхъ возраженій, именно обособленіе «моихъ» и «данныхъ» элементовъ въ каждомъ психическомъ состояніи. Опираясь на такой анализъ, мы можемъ, безъ опасенія встрѣтить опровергающіе факты, признать установленными на основаніи метода единственнаго совпаденія слѣдующія обобщенія.

1. *Всякое психическое состояніе, поскольку оно чувствуется, какъ мое, включаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта, мое стремленіе, чувствованіе моей активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія; такое состояніе кажется мнѣ произведеннымъ мною.*

2. *Только стремленія могутъ сознаваться, какъ мои, даже и въ томъ случаѣ, когда они не сопровождаются остальными элементами волевого акта.*

2. Основное положеніе и окончательное опредѣленіе волюнтаризма.

Если исходнымъ пунктомъ «моего» психическаго процесса необходимо служить «мое» стремленіе, то мы имѣемъ право утверждать, что «мое» стремленіе есть причина (вѣрнѣе, конечно, часть причины) такого процесса. Поэтому мы можемъ выразить первое изъ установленныхъ обобщеній въ слѣдующей формѣ: *всѣ сознательные процессы, поскольку мы относимъ ихъ на основаніи непосредственнаго чувства къ своему я, включаютъ въ*

себя всть элементы волевого акта и причиняются «моими» стремленіями. Мы можемъ теперь также опредѣлить волюнтаризмъ, какъ направленіе въ психологій, исходящее изъ этого обобщенія.

Итакъ, чувствованіе активности, внушающее намъ мысль, что сознаніе вовсе не есть нѣчто пассивное, что оно можетъ быть источникомъ новыхъ перемѣнъ въ мірѣ, не обманывало насъ: тѣ причинныя связи, которыя мы описывали, какъ кажущіяся, оказываются дѣйствительно существующими; боясь довѣриться непосредственному чувству, мы установили ихъ при помощи обыкновеннаго индуктивнаго метода единственнаго совпаденія. Однако теперь мы можемъ опять придать больше цѣны непосредственному чувству и имѣемъ право заявить, что согласіе результатовъ индукціи съ непосредственнымъ чувствомъ въ высшей степени свидѣтельствуетъ въ пользу волюнтаризма. Въ самомъ дѣлѣ, всякое эмпирическое знаніе прямо или косвенно опирается на данныя внѣшняго или внутренняго воспріятія; волюнтаризмъ можетъ прямо опираться на этотъ основной источникъ эмпирическаго знанія, и въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ преимуществъ его передъ другими направленіями.

Однако оба метода для обоснованія волюнтаризма, какъ методы, не застрахованы отъ возраженій. Противъ индуктивнаго обобщенія по методу единственнаго совпаденія можно возразить, что имъ доказано только существованіе двухъ явленій, а не причинная связь ихъ: быть можетъ, это сосуществованіе обусловливается какимъ-либо третьимъ явленіемъ, причиняющимъ и стремленіе и перемѣну, слѣдующую за нимъ. Такъ какъ въ сферѣ психическихъ процессовъ такого третьяго явленія нельзя найти, то, очевидно, это возраженіе можетъ возникнуть лишь въ психологій, предполагающей, что психическія явленія могутъ причиняться и даже всегда причиняются не другими психическими явленіями, а какимъ-либо бытіемъ иного рода. Такимъ бытіемъ иного рода можетъ быть только бытіе матеріальное

или какая-то неизвѣстная и непознаваемая сущность (агностическая точка зрѣнія). Слѣдовательно, указанное возраженіе можетъ возникнуть или въ матеріалистической психологіи, или въ психологіи агностицизма. Такъ какъ психологія агностицизма вообще должна отказаться отъ познанія причинныхъ связей и принуждена ограничиваться изученіемъ необходимыхъ сосуществованій, то волюнтаризмъ не разрушается ею: она не замѣняетъ его законовъ другими. Иначе поступаетъ матеріалистическая психологія: она не только утверждаетъ, что связи между явленіями, указанные волюнтаризмомъ, не имѣютъ причиннаго характера, но еще и указываетъ причины этихъ явленій, низводящія сознание на степень призрачнаго бытія, вполне подчиненнаго законамъ механики или вообще матеріальнаго міра. Слѣдовательно, для окончательнаго обоснованія волюнтаризма вслѣдъ за индуктивнымъ изслѣдованіемъ нужно еще побороть матеріализмъ. Дальше, рассматривая логически возможные ученія о волѣ, мы постараемся обстоятельнѣе показать, что это единственный опасный противникъ.

Второй источникъ обоснованія волюнтаризма, непосредственное чувствованіе активности и связи между психическими процессами, также не можетъ считаться абсолютно застрахованнымъ отъ ошибокъ. Въ самомъ дѣлѣ, опираясь на воспріятія, человѣчество, напр., думало до Коперника, что солнце вращается вокругъ земли. Однако, безъ сомнѣнія, *onus probandi* лежитъ на сторонѣ тѣхъ, кто признаетъ то или другое воспріятіе иллюзією: пока астрономія не представила убѣдительныхъ доводовъ въ пользу теоріи, противорѣчащей этому воспріятію, естественно и необходимо было опираться на него. Въ такомъ же положеніи находится и волюнтаризмъ. Если въ психологіи есть теоріи, отвергающія причинную дѣятельность сознания и объясняющія, какимъ образомъ, несмотря на это, въ связи съ стремленіями возможна иллюзія активности, то сторонники волюнтаризма обязаны выйти изъ состоянія покоя и рассмотреть доводы противниковъ; но если окажется,

что доводы ихъ не выдерживаютъ критики, то этого даже и безъ помощи индуктивнаго изслѣдованія уже достаточно, чтобы вернуться опять къ свидѣтельству непосредственнаго чувства.

Итакъ, если мы рассмотримъ матеріалистическое ученіе о душевной жизни, утверждающее полную пассивность сознанія, и покажемъ что оно не выдерживаетъ критики, и что другія направленія въ психологіи примиримы съ волюнтаризмомъ, мы получимъ право считать это направленіе достаточно обоснованнымъ. Матеріалистическую психологію мы рассмотримъ въ особомъ изслѣдованіи, а теперь займемся изученіемъ чувствованія активности съ психологической точки зрѣнія, въ особенности опроверженіемъ противорѣчащаго волюнтаризму ученія о томъ, что чувствованіе активности есть моторное ощущеніе.

3. Чувствованіе активности.

Мы уже говорили, что чувствованіе активности можетъ быть «моимъ» или «даннымъ мнѣ». Если на поверхность нашей руки, лежащей на столѣ, давитъ гиря, мы сознаемъ присутствіе какой-то активности, но приписываемъ ее не себѣ, а гирѣ. Когда мы испытываемъ одну изъ тѣхъ болей, которыя мы называемъ колющими, сверлящими и т. п., мы, поскольку называемъ эти боли такими именами, указываемъ на то, что сознаемъ, можетъ быть, по ассоціаціи идей, присутствіе какой-то активности, но приписываемъ ее опять-таки не себѣ, а чему-то постороннему, что какъ бы колетъ, сверлитъ и т. п. Когда мы сами производимъ давленіе на какую-нибудь вещь или вообще совершаемъ произвольное мускульное движеніе, у насъ является психическое состояніе, похожее по качеству на только-что указаннаго, но съ тою разницею, что его мы относимъ къ себѣ: въ этихъ случаяхъ не «что-то дѣйствуетъ», а «я дѣйствую». Какъ мы уже видѣли раньше, это

простое, неразложимое чувствованіе сопутствуетъ не только произвольнымъ движеніямъ, но и всѣмъ явленіямъ сознанія, относимымъ нами къ нашему я. Объ этомъ чувствованіи мы и будемъ говорить, но раньше займемся чувствованіемъ внѣшней активности, чтобы показать, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть источникомъ знанія о внутренней активности, и, если ужъ выводить одно изъ другого, то скорѣе изъ знанія о внутренней активности можно выводить знаніе о внѣшней активности.

Чѣмъ интенсивнѣе давленіе или боль, тѣмъ болѣе интенсивною намъ кажется эта внѣ насъ существующая активность, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что чувствованіе активности есть сознаніе интенсивности ощущенія. Во-первыхъ, нѣкоторыя ощущенія, напр. ощущеніе тепла, свѣта, вовсе не сопровождаются такимъ живымъ нарастаніемъ чувствованія активности, какое мы замѣчаемъ при возрастаніи давленія или нѣкоторыхъ болей, и, наконецъ, во-вторыхъ, мы живо сознаемъ въ приведенныхъ случаяхъ, что боль, давленіе и сознаваемая нами активность того, что производитъ эту боль или давленіе, различны. Если такъ, то для объясненія чувствованія внѣшней активности можно себѣ представить лишь слѣдующіе три пути: или непосредственное сознаніе внѣшней активности (мистическое воспріятіе), или воспріятіе ея съ помощью особаго органа чувствъ, вродѣ того, какъ мы воспринимаемъ звукъ, свѣтъ, или же, наконецъ, воспріятіе активности во внутренней жизни я, перенесенное по ассоціаціи идей на внѣшній міръ.

Всякій, кто высказываетъ первую гипотезу, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не только во внѣшнемъ мірѣ существуетъ активность и непосредственно сознается нами, но и наше я проявляетъ активность и непосредственно сознаетъ ее въ себѣ. Вторую гипотезу никто серьезно не станетъ защищать, и потому отрицаніе непосредственнаго воспріятія внѣшней активности роковымъ образомъ приводитъ къ третьему утвержденію,

что материалъ для этой идеи, все равно, истинная ли она или ложная, данъ не иначе, какъ въ воспріятіи внутренней жизни я и затѣмъ уже переносится на внѣшній міръ. И въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя гипотеза наиболее распространена: она раздѣляется всѣми, кто говоритъ, что, надѣляя природу силами, хотя бы и бессознательными, мы антропоморфируемъ ее.

Итакъ, чувствованіе внутренней активности, чувствованіе активности я не можетъ быть выведено изъ чувствованія внѣшней активности. Теперь однако является вопросъ, принадлежитъ ли чувствованіе активности къ психическимъ состояніямъ центральнаго происхожденія или же оно есть органическое или близкое къ органическимъ ощущеніе (конечно, эта гипотеза по существу утверждаетъ, что у насъ есть органъ для воспріятія активности, однако лишь внутренней).

Среди психологовъ, склонныхъ къ психо-физиологическому направленію, существуетъ тенденція принимать чувствованіе активности, за ощущеніе, именно, считать его составною частью моторныхъ ощущеній. Такъ какъ эта теорія прямо противорѣчитъ волюнтаризму, то мы подробно разсмотримъ ее, сначала въ изложеніи Мюнстерберга ¹⁾, у котораго она перекечивается съ другою мыслью, также требующею критики. Въ своемъ сочиненіи *Die Willenshandlung* Мюнстербергъ (на стр. 62) рѣшительно заявляетъ, будто современная психологія признаетъ, что всѣ психическія состоянія разлагаются на ощущенія, какъ на свои элементы. Отсюда онъ прямо приходитъ къ выводу, что и «воля есть лишь комплексъ ощущеній». Разсматривая внутренніе волевые акты, напр., произвольное припоминаніе, рѣшеніе задачи

¹⁾ Мы изучаемъ здѣсь прежніе взгляды Мюнстерберга, выраженные въ сочиненіи *Die Willenshandlung*. Въ новомъ сочиненіи *Grundzüge der Psychologie* онъ по прежнему утверждаетъ, что для психологіи (*однако не для нормативныхъ наукъ*) воля есть лишь комплексъ ощущеній, но каждое ощущеніе есть результатъ сенсорно-моторнаго центральнаго процесса и элементъ дѣятности ощущенія онъ относитъ за счетъ моторнаго центрального процесса. Такіе взгляды на чувствованіе активности не противорѣчатъ волюнтаризму.

и т. п., онъ приходитъ къ слѣдующей мысли: «во всѣхъ случаяхъ произвольнаго движенія представленій ясному сознанию представленія а предшествуетъ другое состояніе сознанія, въ которомъ по содержанію уже заключается представленіе а; въ случаяхъ произвольной перемѣны представленію а не предшествуетъ ничего, что бы содержало въ себѣ а. По моему мнѣнію, въ этомъ состоитъ все различіе...»¹⁾

Если бы все различіе состояло только въ этомъ, то это значило бы, что у насъ нѣтъ особаго чувствованія активности, чувствованія зависимости нѣкоторыхъ явленій отъ нашихъ стремленій; съ этимъ еще можно было бы примириться, если бы можно было утверждать, что, различая произвольныя перемѣны, мы сознательно или полусознательно умозаключаемъ, исходя изъ такой посылки: «если перемѣнѣ а предшествуетъ представленіе а, то перемѣна *зависитъ* отъ меня, отъ моей воли». Но на самомъ дѣлѣ этого нельзя утверждать: если бы процессы въ сознаніи протекали такъ, какъ описываетъ Мюнстербергъ, то понятіе *зависитъ* не имѣло бы никакого другого реального содержанія, кромѣ все того же наблюденія, что представленію а предшествуетъ въ смутной формѣ представленіе а. Мюнстербергъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренніе акты мышленія развиваются спокойно и планомѣрно, у насъ нѣтъ сознанія волевой дѣятельности и «только при послѣдующемъ размышленіи мы признаемъ, что это были волевые акты, при чемъ это познаніе опирается исключительно на тотъ важнѣйшій критерій, что представленіе каждый разъ уже въ предшествовавшей моментъ было дано въ сознаніи»²⁾. Итакъ, предшествованіе представленія а представленію а служитъ основаніемъ для холоднаго умозаключенія о томъ, что мы были дѣятельны, но не даетъ еще живого сознанія нашей активности во время самой работы. Поэтому нужно отыскать случаи, когда мы во

¹⁾ Тамъ же, стр. 67.

²⁾ Тамъ же, стр. 72.

время самой работы живо сознаемъ себя дѣтельными и опредѣлить, какое условіе, *кроме предшествованія представленія а представленію а*, необходимо для этого. Мюнстербергъ рѣшаетъ эту задачу такъ: «Тамъ же, гдѣ мы уже во время волевого акта сознаемъ о своей внутренней работѣ, налицо всегда существуетъ живое иннервационное чувство; именно въ немъ состоитъ въ особенности чувство внутренней дѣтельности, и сила волевого напряженія есть непосредственное выраженіе интенсивности иннервации» ¹⁾. Если отъ *интенсивности иннервационнаго чувства* зависитъ сознание волевого напряженія, то, значитъ, *само это чувство, а не связь его съ послѣдующими состояніями* составляетъ сознание активности. Остается только опредѣлить, какое это психическое состояніе, можно ли его считать чисто центральнымъ психическимъ процессомъ, какъ это утверждала старая школа психологовъ и фізіологовъ, создавшая терминъ «иннервационное чувство», или оно есть ощущеніе периферическаго происхожденія.

Разсматривая этотъ вопросъ, Мюнстербергъ приходитъ къ мысли, что иннервационное чувство есть воспоминаніе о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ, т.-е. складывается изъ ощущеній суставныхъ, кожныхъ, осязательныхъ, сухожильныхъ и мускульныхъ. Отсюда слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что живое чувствованіе активности, сопровождающее произвольную мускульную работу, есть составная часть моторныхъ ощущеній, напр. есть мускульное ощущеніе. Однако, замѣтивъ, что при этой точкѣ зрѣнія на иннервационное чувство внѣшнія волевыя дѣйствія такъ же, какъ и внутреннія, складываются изъ воспріятій (моторныхъ), которымъ предшествуютъ похожія на нихъ представленія (моторныя воспоминанія), Мюнстербергъ перестаетъ искать источника живого чувствованія активности и возвращается къ мысли, что словомъ волевая дѣтельность обозначается только предшествованіе представленія а пред-

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

ставленію а; «также и при мускульномъ сокращеніи умозаключили бы мы отсюда» (т.-е. если иннервационное чувство въ самомъ дѣлѣ сводится къ воспоминаніямъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ) «то, что называется импульсомъ сводится, кромѣ напряженій въ головѣ» (онъ имѣетъ здѣсь въ виду иннервационное чувство и моторныя ощущенія отъ сокращенія мускуловъ лица при вниманіи), «лишь къ тому обстоятельству, что воспріятію наступившаго эффекта предшествуетъ уже представленіе о немъ» ¹⁾.

Итакъ, у Мюнстерберга перекрещиваются двѣ гипотезы: во-первыхъ, ученіе о томъ, что сознание активности есть мускульное ощущеніе и, во-вторыхъ, ученіе о томъ, что сознание активности есть сознание о предшествованіи представленія а представленію а. Первая гипотеза является у него лишь въ зачаточной формѣ; поэтому мы разберемъ ее дальше, развивая ее болѣе подробно въ связи съ взглядами другихъ психологовъ, а теперь займемся лишь второю.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что Мюнстербергъ противорѣчитъ себѣ: рассматривая внутренніе волевые акты, онъ замѣчаетъ, что предшествованія представленія а представленію а не достаточно для живого сознанія активности, и находитъ это живое чувствованіе во внѣшней волевой дѣятельности, но послѣ анализа ея утверждаетъ, что здѣсь оно тоже происходитъ изъ предшествованія представленія а представленію а. Во вторыхъ, Мюнстербергъ противорѣчитъ фактомъ: сознаніе активности есть простое неразложимое чувство, а не сложное интеллектуальное состояніе, холодная *идея предшествованія* представленія а представленію а. Мало того, такое предшествованіе представленія встрѣчается въ дѣятельности, которую мы непосредственно оцѣниваемъ, какъ волевою, не всегда: въ неопознанныхъ актахъ перемѣнѣ предшествуетъ смутное влеченіе, вовсе не заключающее въ себѣ *представленія* о перемѣнѣ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 76.

Наоборотъ, простое чувствованіе активности сопровождается всѣ акты, относимые нами къ волевымъ. Въ третьихъ, гипотеза Мюнстерберга приводитъ къ абсурднымъ выводамъ, опровергаемымъ дѣйствительностью: согласно его гипотезѣ, въ томъ случаѣ, если бы мы, напр. вспомнили о боѣ часовъ и вдругъ услышали бы тотчасъ вслѣдъ за этимъ дѣйствительный бой часовъ, мы должны были бы относить такую переменную къ числу волевыхъ въ такой же мѣрѣ, какъ и процессы мышленія.

Впрочемъ, существованіе болѣе *простого и специально* источника сознанія активности до такой степени очевидно, что гораздо интереснѣе рассмотреть другую гипотезу, ученіе о томъ, что сознаніе активности есть составная часть моторныхъ ощущеній, именно мускульное ощущеніе ¹⁾.

Психологи, утверждающіе это, полагаютъ, что внѣшніе волевые акты суть рефлексы, предшествуемые воспоминаніемъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ. Встрѣчая чувствованіе активности во внутреннихъ поступкахъ, они естественно принуждены утверждать, что какъ бы ни были эти переменны глубоко внутренними, онѣ сопровождаются все же сокращеніемъ мускуловъ (напр. мускулатуры лица при напряженномъ вниманіи) и задержками ихъ сокращеній, или хотя бы воспоминаніями о прежнихъ сокращеніяхъ мускуловъ (воспроизведеніе моторныхъ элементовъ, входящихъ даже въ самыя общія представленія) ²⁾.

Этотъ основной для философіи вопросъ, влекущій за собою рядъ важнѣйшихъ выводовъ о природѣ воли (отрицаніе воли), о характерѣ сознанія вообще, о личности и т. п., рѣшается нерѣдко съ поразительною легкостью. Въ подтвержденіе приведемъ характерный примѣръ изъ «Психологіи» Тиченера, изъ того мѣста ея, гдѣ онъ поднимаетъ вопросъ, существуетъ ли въ психической жизни, кромѣ ощущенія и аффекта, еще эле-

¹⁾ (См. Рибо: „Психологія вниманія“, гл. вторая, III.

²⁾ Тамъ же, глава вторая, II.

ментъ воли, и приходитъ къ отрицательному выводу. «Волевое сознание, — говоритъ Тиченеръ ¹⁾, — есть сознание, состоящее главнымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, весьма замѣтнымъ образомъ изъ дѣлаемаго нами усилія. Намъ, значитъ, надо собрать примѣры подобнаго усилія и при помощи многократнаго анализа и построения его вновь убѣдиться въ томъ, что оно не содержитъ въ себѣ какого-нибудь специфическаго сознательнаго процесса, помимо ощущенія и аффекта. Усиліе, совершаемое человѣкомъ, можетъ происходить въ различныхъ сочетаніяхъ. Оно всегда неразлучно съ сильнымъ или продолжительнымъ тѣлеснымъ движеніемъ, съ движеніями, напр. фехтованія или гимнастики съ гирями. Оно заключено въ испытываемомъ нами сопротивленіи, какъ напр., когда мы держимъ дверь, стараясь не впускать ломящагося въ комнату человѣка, или внутренне сопротивляемся какой-нибудь неотвязной заботѣ. Усиліе участвуетъ также въ тѣхъ состояніяхъ души, которыя мы называемъ побужденіемъ, желаніемъ, стремленіемъ, томительнымъ ожиданіемъ, а также въ томъ, что мы называемъ «стараніемъ вспомнить», «стараніемъ сохранить бодрость духа» и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ произвести самонаблюденіе».

«Первое, что обнаруживаетъ самонаблюденіе, это то, что усиліе, подобно идеѣ, есть сложный сознательный процессъ. Содержитъ ли оно въ себѣ специфическое качество — новый сознательный процессъ, — или не содержитъ, оно несомнѣнно заключаетъ въ себѣ ощущенія и аффекты. Аффектъ можетъ быть удовольствіемъ или неудовольствіемъ, смотря по силѣ или степени даннаго усилія. Ощущенія же — это ощущенія напряженія (сухожильнаго) и ощущенія, сопровождающія движеніе (ощущенія кожного и суставнаго давленія и мускульнаго сокращенія)».

«Никто не станетъ сомнѣваться, что эти два ощущенія имѣются налицо въ первыхъ трехъ примѣрахъ

¹⁾ „Очерки психологій“, перев. Чепинской, стр. 95.

усилія: фехтованія, гимнастикѣ съ гирями, напираниі на дверь. Присутствіе этихъ ощущеній въ другихъ упомянутыхъ нами явленіяхъ, повидимому, менѣе ясно».

«Мы должны однако помнить, что ощущенія могутъ возникать въ центрѣ (вспоминаемая или воображаемая ощущенія) такъ же, какъ и на периферіи, и что они и въ первомъ, и во второмъ случаѣ одинаково заслуживаютъ названія ощущеній. Поэтому, если ощущенія дѣйствительнаго движенія и дѣйствительнаго напряженія могутъ входить въ составъ усилія, то въ составъ его могутъ также входить ощущенія вспоминаемаго или воображаемаго движенія и вспоминаемаго или воображаемаго напряженія. Пусть читатель анализируетъ свое сознаніе, когда въ ближайшій разъ подумаетъ: «Я бы желалъ, чтобы наступило скорѣе время обѣда». Онъ увидитъ, что въ желаніи этомъ заключается удовольствіе, соединенное съ идеею обѣда, и также различныя идеи о самомъ себѣ, отправляющемся на обѣдъ, т.-е. совершающемъ извѣстный тѣлесный моціонъ. Если это желаніе очень сильно, то онъ найдетъ въ немъ еще нѣчто большее: тѣло его начнетъ дѣйствительно двигаться, самъ онъ начнетъ подниматься со стула или направится къ умывальнику, или станетъ проводить рукою по волосамъ—воображаемая движенія и воображаемая ощущенія смѣшаются съ дѣйствительными движеніями и дѣйствительными ощущеніями, вызванными ими. Или представимъ себѣ, что кто-нибудь пишетъ картину для иллюстраціи фразы: «Я страстно желаю ѣхать въ Италію». Можно было бы изобразить фигуру, сидящую въ креслѣ, наклоняющуюся впередъ, сжавъ руки и пристально устремивъ глаза вдаль, т.-е. пишущій картину постарался бы изобразить, что данное лицо видитъ Италію «духовными очами», представляетъ себѣ путешествіе и, болѣе того, дѣйствительно собирается ѣхать, т.-е. дѣйствительно начинаетъ необходимыя движенія. Здѣсь мы имѣемъ также воображаемое движеніе, центральныя ощущенія напряженія и давленія, смѣшанныя съ дѣйствительными ощущеніями мускуловъ, сухожилій

и суставовъ. Наклоненіе тѣла впередъ и пристальное устремленіе глазъ вдаль показываетъ, что идеи даннаго момента пріятны. Или же пусть читатель анализируетъ свое сознание, когда онъ въ ближайшій разъ скажетъ: «Если бы только я могъ вспомнить это имя». Онъ замѣтитъ, что все тѣло его напрягается, когда онъ старается вспомнить имя, что онъ морщитъ лобъ, сдвигаетъ брови, что глаза его блуждаютъ по всей комнатѣ, что, можетъ быть, онъ время отъ времени задерживаетъ дыханіе и закрываетъ глаза съ цѣлью избѣжать развлеченій извнѣ. вмѣстѣ со всѣмъ этимъ исчезаетъ непріятный аффектъ, возникающій благодаря сознанию своей неудачи».

«Итакъ, всегда усиліе заключаетъ въ себѣ качество аффекта и совокупность органическихъ ощущеній, и главнымъ образомъ ощущеній сухожильнаго напряженія».

«Но затѣмъ наше самонаблюденіе, открывъ эти составныя части усилія, вдругъ останавливается. Отнявъ отъ сложнаго явленія ощущенія и аффектъ, мы видимъ, что отъ явленія усилія ничего болѣе не остается; ощущеніе и аффектъ—единственные процессы, которые можетъ обнаружить самонаблюденіе. Если же мы станемъ провѣрять анализъ синтезомъ и попытаемся вновь построить усиліе изъ органическихъ ощущеній и аффекта, то придемъ къ тому же результату; этихъ составныхъ частей оказывается достаточно для того, чтобы вызвать усиліе. Поэтому намъ остается только придти къ заключенію, что усиліе не обнаруживаетъ существованія третьяго сознательнаго элемента, а именно предполагаемаго элементарнаго процесса активности».

Итакъ, оттѣнокъ активности, присущій всѣмъ состояніямъ сознанія, оказывается съ этой точки зрѣнія не оттѣнкомъ, а цѣлымъ особымъ ощущеніемъ, и при томъ ощущеніемъ моторнымъ. Сразу чувствуется, что эта гипотеза, вплетающая во всякій моментъ всякаго процесса нашей душевной жизни моторныя ощущенія, невѣроятна. Легко догадаться, почему она явилась. Если

сознаніе активности есть всеобщій оттѣнокъ душевныхъ процессовъ, оттѣнокъ, какъ и всѣ оттѣнки, неотдѣлимый реально отъ самаго содержанія процессовъ (какъ тембръ неотдѣлимъ отъ тона), и если этотъ оттѣнокъ сильнѣе всего чувствуется въ связи съ моторными ощущеніями, то въ психологіи должна была явиться гипотеза, цѣликомъ относящая сознаніе активности при мускульныхъ сокращеніяхъ за счетъ периферическихъ раздраженій и стремящаяся объяснить всякое сознаніе активности сокращеніями мускуловъ или, по крайней мѣрѣ, воспоминаніями о нихъ.

Чтобы убѣдиться въ ошибочности этой мысли, подвергнемъ анализу моторныя ощущенія. Какъ извѣстно, они складываются изъ ощущеній осязательныхъ, получающихся отъ растяженія кожи, изъ ощущеній въ суставахъ и сухожиліяхъ и, наконецъ, изъ мускульныхъ ощущеній, получающихся, вѣроятно, отъ сдавливанія центростремительныхъ нервныхъ волоконъ, заканчивающихся въ мускулахъ, быть можетъ, въ соединительной ткани между мускульными волокнами. Сюда присоединяютъ еще «иннервационныя ощущенія», которыя прежде считались ощущеніями центральнаго происхожденія, но теперь, обыкновенно, находятъ, что факты, приводимые въ пользу ихъ существованія (наблюденія надъ паралитиками и ампутированными) удовлетворительно объясняются воспоминаніями о прежнихъ движеніяхъ, предшествующими и сопутствующими новому движенію. Слѣдовательно, этотъ элементъ моторныхъ ощущеній по *качеству* ничего новаго къ старымъ элементамъ не прибавляетъ ¹⁾, и потому въ дальнѣйшемъ анализѣ мы можемъ разсматривать лишь три первые элемента. Чтобы получить ихъ въ чистомъ видѣ, отдѣлимъ отъ нихъ, хотя бы мысленно, всѣ постороннія примѣси. Во-первыхъ, выдѣлимъ сознаніе объективности, являющееся въ особенности въ связи съ ощущеніемъ твердости, вообще сопротивленія. Этотъ элементъ явственно

¹⁾ См. Wundt, *Physiol. Psychologie*, 4 изд. I т., стр. 422—426.

примѣшивается не только къ ощущеніямъ моторнымъ, но и къ ощущеніямъ зрительнымъ и слуховымъ, и въ слабой, иногда очень слабой формѣ входитъ во всѣ другія ощущенія, даже ощущенія голода, жажды и т. п. Сдѣлавъ этотъ анализъ, уже нетрудно выполнить еще одну задачу, именно отдѣлить отъ моторныхъ ощущеній представленія пространства (иногда даже по ассоціаціи идей представленія пространства, связанныя съ *зрительными* воспоминаніями, оказываются тѣсно сросшимися съ *моторными* ощущеніями). Мысленно сравнивая оставшіяся послѣ такого анализа ощущенія, мы найдемъ, что они все же рѣзко отличаются отъ другихъ ощущеній, напр. ощущенія тепла, прикосновенія, вкуса и т. п., своимъ элементомъ активности. Сознаніе активности въ такой же мѣрѣ отличается отъ ощущеній, какъ и чувственный тонъ ощущеній; если мы относимъ оттѣнокъ пріятности и непріятности, присущій всѣмъ состояніямъ нашего сознанія, въ особый отдѣлъ, приписывая ему болѣе субъективное значеніе, чѣмъ ощущеніямъ, то является предположеніе, что и сознаніе активности по ошибкѣ попало въ разрядъ ощущеній. И въ самомъ дѣлѣ, особый характеръ этого чувствованія настолько замѣтенъ, что ни одному психологу не приходитъ въ голову относить его за счетъ осязательныхъ раздраженій отъ растяженія кожи при движеніи: слишкомъ хорошо извѣстно, что они ничего подобнаго дать не могутъ. Суставнымъ раздраженіямъ можно бы навязать эту роль, такъ какъ они менѣе извѣстны, однако сходство между процессами тренія кожи и суставныхъ поверхностей заставляетъ многихъ (однако не всѣхъ) психологовъ воздержаться отъ мысли, будто *изъ суставовъ приходитъ въ наше сознаніе чувствованіе активности*. Итакъ, остается лишь прибѣгнуть къ мускульному или сухожильному чувству, тѣмъ болѣе, что пассивныя движенія не сопровождаются чувствованіемъ активности въ его наиболѣе яркой формѣ. Процессы раздраженія въ мускулахъ по внѣшности менѣе напоминаютъ намъ осязаніе, наконецъ, представленіе о со-

кращеніи мускульнаго тѣла, какъ и всѣ представленія о движеніи, живо связаны у насъ съ идеею активности (почему это такъ, этотъ вопросъ должна рѣшать гносеологія), и поэтому мы легко примиряемся съ странною мыслію, будто бы это чувствованіе возникаетъ у насъ отъ давленія мускула на периферію заканчивающихся въ немъ нервовъ. Однако и этотъ процессъ по существу ничѣмъ не отличается отъ осязанія; мускульныя ощущенія нерѣдко причисляются даже на ряду съ суставными къ внутреннимъ осязательнымъ ощущеніямъ. Поэтому если мы сомнѣваемся, что осязаніе можетъ быть источникомъ чувствованія активности, то намъ остается окончательно остановиться на предположеніи, что оно не есть ощущеніе, что оно зависитъ отъ центральныхъ процессовъ и путемъ болѣе тонкаго анализа могло бы быть отдѣлено отъ моторныхъ ощущеній. Для такого анализа можно создать также облегчающія его внѣшнія условія, именно наблюдать не акты сокращенія мускуловъ, а психическія состоянія, которыя являются тогда, когда мускульныя ощущенія возникаютъ у насъ, какъ и большинство осязательныхъ ощущеній, отъ раздраженій, *не зависящихъ отъ насъ*. Таковы рефлексъ или, напр., сокращенія мускуловъ отъ электрическаго тока.

Наблюденія надъ такими мускульными ощущеніями дѣлались въ экспериментальной психологіи, но всѣ они производились не для опредѣленія качества этихъ ощущеній, а съ иными цѣлями, напр. съ цѣлью опредѣлить, какъ оцѣнивается величина движенія на основаніи такихъ ощущеній. Поэтому я вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ врачомъ Василиемъ Ѳедоровичемъ Ланге произвелъ рядъ опытовъ, задавшись лишь цѣлью сравнить въ отношеніи элемента активности такія мускульныя ощущенія съ ощущеніями отъ произвольныхъ движеній. При этомъ а priori можно было ожидать, что къ чисто периферическимъ мускульнымъ ощущеніямъ, хотя бы они были такъ же пассивны, какъ зрительныя ощущенія, могутъ присоединяться по ассоціаціи идей вос-

поминанія обь элементахъ произвольнаго движенія. Поэтому даже и въ томъ случаѣ, если бы результаты опытовъ прямо противорѣчили мыслямъ, высказаннымъ въ этой главѣ, это еще не значило бы, что онѣ опровергнуты фактами. Далѣе, такъ какъ чувствованіе активности входитъ также во всякое произвольное воспріятіе (въ формѣ сознанія усилія для воспріятія, хотя бы лишь для сосредоточенія вниманія) и, кромѣ того, входитъ въ очень многія воспріятія внѣшняго міра (напр. въ воспріятіе движенія, столкновенія двухъ тѣлъ и т. п.), въ формѣ сознанія внѣшней активности (активности не моей, а принадлежащей внѣшнему міру), то нужно было ожидать, что во всякомъ случаѣ въ какой-либо формѣ чувствованіе активности встрѣтится и при мускульныхъ сокращеніяхъ чисто периферическаго происхожденія, такъ что потребуется большая наблюдательность, во-первыхъ, чтобы отличить его отъ чувствованія внутренней активности («я дѣйствую») при произвольномъ движеніи, и, во-вторыхъ, чтобы опредѣлить, можетъ ли такое чувствованіе активности послужить первоначальнымъ источникомъ для развитія чувствованія внутренней активности. Эти предположенія и оправдались въ дѣйствительности.

Опытамъ подвергались шесть лицъ. Сокращеніе вызывалось электрическимъ токомъ, постояннымъ и переменнымъ. Чтобы уничтожить мѣшающія наблюденію кожныя ощущенія отъ электрическаго тока, мы въ нѣкоторыхъ опытахъ кокаинизировали кожу. Впрочемъ, особенной надобности въ этомъ не было, такъ какъ при нѣкоторомъ навыкѣ легко отвлечься отъ этихъ добавочныхъ ощущеній. Рефлекторное раздраженіе мышцъ оказалось менѣе подходящимъ для опытовъ: оно вызывается съ бѣльшимъ трудомъ, и къ тому же ударъ перкуссіоннымъ молоточкомъ по сухожилію слишкомъ отвлекаетъ вниманіе. Впрочемъ, рефлекторное раздраженіе мышцъ брюшнаго пресса прикосновеніемъ быстро движущагося холоднаго предмета (металлической рукоятки молотка) даетъ хорошіе

результаты. Болѣе подробнаго описанія этихъ опытовъ я не даю, такъ какъ нахожу, что количество ихъ было не достаточно велико для того, чтобы придавать имъ рѣшающее значеніе.

Опыты показали, что моторныя ощущенія отъ чисто периферическаго раздраженія дѣйствительно отличаются отъ моторныхъ ощущеній произвольнаго движенія; они болѣе похожи на органическія ощущенія вообще, однако сознаются не въ такой мѣрѣ пассивными, какъ большинство органическихъ ощущеній или какъ зрительныя ощущенія, потому что въ нихъ входитъ сознание внѣшней активности. Впрочемъ, этотъ элементъ присутствуетъ въ нихъ настолько, насколько, напр., въ боляхъ, называемыхъ колющими, рвущими, стрѣляющими. Онъ особенно повышается, если лицо, знакомое съ анатоміей, во время опыта представляетъ себѣ, что у него въ тѣлѣ сократилась и передвинулась значительная масса мускула. Наоборотъ, если такихъ добавочныхъ ассоціацій нѣтъ, сокращеніе дѣйствительно обширной массы мускула, напр., *vastus externus* даетъ широкое чисто органическое ощущеніе. Наблюдая такое ощущеніе, не удивляешься тому, что люди необразованные, почувствовавъ рядъ рефлекторныхъ сокращеній, быстро смѣняющихся другъ друга (напр., мускуловъ лица), говорятъ иногда: «это кровь переливается», т.-е. приравниваютъ свое состояніе къ *осязательнымъ ощущеніямъ* отъ прикосновенія движущагося предмета. Чувствованіе внѣшней активности, входящее въ составъ моторныхъ ощущеній отъ чисто периферическаго раздраженія, до такой степени отличается отъ чувствованія внутренней активности, сопутствующаго произвольнымъ движеніямъ (не «рука поднимается», а «я поднимаю руку»), что нельзя себѣ представить, чтобы изъ перваго получалось второе. Допуская такое происхожденіе чувствованія внутренней активности, пришлось бы допустить также, что изъ ощущенія колющей или рвущей боли можетъ развиваться идея активности я.

Надъ самимъ собою мнѣ удалось произвести болѣе

сложныя наблюденія, именно удалось замѣтить сходство моторныхъ ощущеній, получившихся въ опытахъ, съ другими органическими ощущеніями пассивнаго характера; обсуждая причины такихъ ощущеній, я находилъ, что они или завѣдомо происходятъ отъ рефлекторнаго сокращенія мышцъ, или съ большою вѣроятностью могутъ быть объяснены такъ. Эти наблюденія не были подтверждены моимъ товарищемъ и другими подвергавшимися опытамъ лицами, но это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что они менѣе занимались этимъ вопросомъ, тогда какъ у меня въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ежесекундно часть вниманія была направлена на то, чтобы отмѣчать всѣ ощущенія, похожія на ощущенія, пережитыя во время опытовъ. Состояніями, сходными съ моторными ощущеніями отъ электрическаго раздраженія, оказались слѣдующія: легкое чувство голода, въ особенности тогда, когда желудокъ находится въ состояніи вполнѣ нормальномъ и вѣроятно, пусть, т.-е. не раздражается какими-либо застоявшимися остатками пищи; легкое чувство тошноты; рефлекторное чрезвычайно длительное сокращеніе мышцъ ноги, являющееся иногда во время сильной усталости (у человѣка, очень утомленнаго и сидящаго на стулѣ, въ этихъ случаяхъ ноги нѣсколько приподнимаются, такъ что опираются лишь на пальцы и остаются въ этомъ положеніи иногда съ $\frac{1}{4}$ минуты; ощущеніе при этомъ получается настолько пассивное, напоминающее вообще чувство усталости, и движеніе ногъ совершается сравнительно такъ медленно, что нужно специальное наблюденіе надъ этимъ явленіемъ для того, чтобы признать въ немъ рефлекторное сокращеніе мышцъ); чувство физической усталости вообще (извѣстно, что во время физической усталости мышцы раздражаются продуктами разложенія и поддерживаются въ напряженномъ состояніи); ощущенія отъ зѣвка, рефлекторнаго или начатаго произвольно, но продолжающагося, какъ это часто бываетъ, автоматически; ощущенія отъ потягиванія, когда оно, какъ это иногда бываетъ, переходитъ

изъ произвольнаго въ какое-то какъ бы произвольное движеніе.

Изложенныя нами теоретическія соображенія, а также описанныя наблюденія, количество которыхъ, какъ мы сами это сознаемъ, нужно все же увеличить, показываютъ, что актъ произвольнаго сокращенія мускуловъ заключаетъ въ себѣ не только воспоминанія о прежнихъ сокращеніяхъ, происшедшихъ рефлекторно, но и еще какой-то элементъ, именно чувствованіе активности, необъяснимое центростремительными токами. Полученный выводъ можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что мы вернулись къ старой теоріи «иннервационныхъ ощущеній», допускавшей ощущенія, совершенно особаго характера, именно чисто центральнаго происхожденія. Однако такое сопоставленіе, несмотря на долю истины, заключающуюся въ немъ, нежелательно, потому что эта старая гипотеза возникла главнымъ образомъ вслѣдствіе анатомическихъ затрудненій въ истолкованіи мускульныхъ ощущеній (предполагалось, что въ мускулахъ нѣтъ центростремительныхъ нервовъ), а потому была слишкомъ узка и соединена съ заблужденіями; эта узость ея выразилась даже въ терминѣ «иннервационныя ощущенія». Приписывая этому состоянію сознанія чисто центральное происхожденіе, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что оно *не ощущеніе*, и даже если бы мы предполагали вмѣстѣ со сторонниками старой гипотезы, что сознаніе активности соответствуетъ нервному разряду, непосредственно влекущему за собою иннервационный токъ, мы должны были бы, какъ мы и дѣлаемъ это, утверждать, что *сознаніе активности вовсе не находится въ какой-то наибольшей связи съ мускульными сокращеніями*, но что оно сопутствуетъ *всѣмъ перемѣнамъ* въ нашемъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, гипотетическая картина нервнаго разряда влекущаго за собою иннервационные токи, ничѣмъ не отличается отъ ассоціационныхъ токовъ, распространяющихся къ другимъ центрамъ мозга, напр., въ томъ случаѣ, когда мы сосредоточиваемъ вниманіе

на идеѣ причинности и начинаемъ такимъ образомъ возбуждать въ воспоминаніи ряды связанныхъ съ нею идей, т.-е. начинаемъ мыслить. Если разряды, предшествующіе мускульному сокращенію, связаны съ чувствованіемъ активности, то и эти разряды должны сопровождаться тѣмъ же состояніемъ сознанія.

Мы пришли къ убѣжденію, что сознаніе активности не есть мускульное ощущеніе. Отсюда получается слѣдующій выводъ: упомянутые выше психологи, утверждающіе, что наше сознаніе активности, истолковываемое нами какъ свидѣтельство нашей дѣйствительной активности, есть иллюзія, доказываютъ свою мысль тѣмъ, что сознаніе активности есть мускульное ощущеніе; но этотъ аргументъ ложенъ, слѣдовательно, выводъ, опирающійся на него, не доказанъ. Изъ этого отрицательнаго результата получается очень важное положительное слѣдствіе. Мы можемъ теперь настаивать на томъ, что чувствованіе активности указываетъ не на иллюзорную, а на дѣйствительную активность нашего я. Мы имѣемъ право на это, потому что *oprobandi* лежитъ на нашихъ противникахъ, сомнѣвающихся въ правильности ежеминутно переживаемаго нами свидѣтельства нашего сознанія, которому мы, наоборотъ, довѣряемъ. Наша задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы опровергать аргументы своихъ противниковъ, если они явятся.

Конечно, кромѣ упомянутыхъ противниковъ, у насъ есть еще другіе, съ которыми намъ нужно справиться, если мы хотимъ отстоять права непосредственнаго сознанія. Однако раньше, чѣмъ перейти къ нимъ, мы рассмотримъ еще одинъ вопросъ: почему такой *всеобщій* элементъ, какъ сознаніе активности, отчасти отрицается совершенно психологами, отчасти въ тѣхъ случаяхъ, когда его замѣчаютъ, отождествляется съ другими состояніями сознанія.

Пожалуй, именно всеобщность этого элемента и вредитъ его изученію. Какъ извѣстно, мы различаемъ прежде всего тѣ элементы, которые сами облегчаютъ

намъ эту работу, вступая въ различныя комбинаціи съ другими элементами сознанія, то встрѣчаясь въ соединеніи съ ними, то выходя изъ этого соединенія. Къ счастью еще, сознаніе активности, хотя и никогда не исчезающее вполнѣ, во-первыхъ, мѣняется по интенсивности, и, во-вторыхъ, сопутствуетъ самымъ разнообразнымъ въ другихъ отношеніяхъ состояніямъ, а потому не остается совсѣмъ недифференцированнымъ, хотя и съ трудомъ различается. Къ тому же мы и не даемъ себѣ труда обращать вниманіе на этотъ элементъ сознанія. Повинуясь практическимъ потребностямъ, мы, какъ уже сказано выше, пропускаемъ всѣ подготовительныя промежуточныя стадіи всякаго процесса (воспріятія, припоминанія, размышленія) и обращаемъ вниманіе лишь на болѣе или менѣе устойчивый результатъ (отчетливое воспріятіе, воскресшую въ памяти идею, выводъ) сохраненіе котораго въ сознаніи уже не требуетъ большихъ усилій, такъ что достигнутое кажется намъ не актомъ, а состояніемъ. Если же мы и обратимъ вниманіе на эти стадіи душевныхъ процессовъ, мы впадаемъ въ еще худшую ошибку: замѣтивъ въ нихъ элементъ активности, мы называемъ эти стадіи процессовъ словами стремленіе, желаніе, влеченіе, намѣреніе, рѣшеніе и начинаемъ считать ихъ типичными и единственными образцами проявленія воли. Впослѣдствіи же, когда анализъ показываетъ, что эти стадіи процессовъ суть сложные комплексы состояній, что чувство и познаніе входятъ въ нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и въ другіе конечные результаты дѣятельностей, возникаетъ ошибочная мысль, что состояній сознанія, подходящихъ подъ понятіе волевыхъ, вовсе нѣтъ, а потому и воли нѣтъ. Эта путаница возникаетъ тѣмъ естественнѣе, что и въ самомъ дѣлѣ особыхъ состояній сознанія, подходящихъ подъ понятіе воли, нѣтъ, но зато въ каждомъ состояніи сознанія есть элементъ, отгѣнокъ активности, приводящій къ понятію воли.

4. Воля и законъ причинности.

На основаніи обобщенія, установленнаго нами выше, понятіе воли можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: *воля есть активность сознанія, проявляющаяся въ томъ, что каждое состояніе сознанія, непосредственно чувствуемое, какъ «мое», причиняется «моими» стремленіями, и выражающаяся въ чувствованіи активности.*

Итакъ, воля есть не что иное, какъ причинность сознанія. Съ точки зрѣнія волюнтаризма слово воля можно было бы даже уничтожить и замѣнить выраженіемъ причинность сознанія или активность сознанія. Однако старое слово воля, влекущее за собою массу глубоко укоренившихся предразсудковъ и въ этомъ смыслѣ опасное, приходится все-таки ради удобства сохранить, потому что причинность сознанія есть одинъ изъ частныхъ видовъ причинности вообще и, какъ видъ своеобразный, онъ требуетъ особаго наименованія. Эта необходимость въ особомъ названіи тотчасъ же выяснится, если мы опредѣлимъ, какіе признаки мыслятся нами въ родовомъ понятіи причинности, по крайней мѣрѣ въ современной эмпирической наукѣ, и въ видовомъ понятіи волевой причинности.

При всякой точкѣ зрѣнія подъ причиною разумѣется то условіе, при наличности котораго данный фактъ происходитъ съ необходимостью. Современная эмпирическая наука смотритъ на эту необходимость, обыкновенно, такъ, какъ будто бы она обнаруживается лишь въ формѣ необходимой связи во времени. Поэтому для изученія этой связи она пользуется научною индукціею, именно подборомъ фактовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ метода единственнаго совпаденія или различія. Большинство другихъ точекъ зрѣнія на необходимость причинной связи включаетъ въ себя и признаки, указываемые эмпирическою наукою. Поэтому можно сказать, что родовое понятіе причинности, общее для всевозможныхъ точекъ зрѣнія, включаетъ въ

себѣ признакъ необходимой связи, а родовое понятіе причинности въ современной эмпирической наукѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе признаки: 1) необходимая связь, 2) обнаруживающаяся во временномъ порядкѣ, 3) открываемая методомъ единственнаго совпаденія или различія.

Въ нашемъ понятіи волевой причинности есть всѣ эти элементы, но къ нимъ присоединяются еще три очень важные признака. Во-первыхъ, волевая причинная связь обнаруживается не только во временномъ порядкѣ, но и *непосредственно сознается* въ чувствованіи активности. Во-вторыхъ, между причиною и дѣйствіемъ въ этой причинности всегда существуетъ своеобразное соотвѣтствіе, давшее намъ право называть всякое волевое дѣйствіе *цѣлестремительнымъ актомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, причиною такого акта всегда служитъ стремленіе къ перемѣнѣ (часто не опознанное), а дѣйствіе есть перемѣна, наступающая съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, при чемъ въ первомъ случаѣ оно представляется намъ осуществленіемъ какого-либо стремленія, а во второмъ случаѣ неосуществленіемъ какого-либо стремленія. Въ-третьихъ, волевая причинность всегда отличается *творческимъ* характеромъ. Дѣйствіе заключаетъ въ себѣ здѣсь новые элементы въ сравненіи съ причиною, оно не есть простая перекомбинировка элементовъ причины, какъ это бываетъ въ причинныхъ рядахъ механическихъ явленій. Въ какой-нибудь, напр., картинѣ воображенія, рисующей горную страну заключается нѣчто большее, чѣмъ то, что было въ стремленіи построить картину и въ отдѣльныхъ элементахъ (водопадъ, снѣжныя вершины и т. п.), которыми мы воспользовались по воспоминанію.

Итакъ, причинность сознанія заключаетъ въ себѣ столько своеобразныхъ видовыхъ признаковъ, что должна быть выдѣлена въ особую группу волевой причинности, дѣятельности по цѣлямъ. Пользуясь словомъ воля въ такомъ смыслѣ, мы не злоупотребляемъ этимъ терминомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ понятіи при-

чинности сознанія сохраняются два наиболѣе важные признака всѣхъ положительныхъ ученій о волѣ: *цплетремительность* волевыхъ актовъ и *свобода* ихъ, конечно, *относительная*, т.-е. зависимость ихъ не отъ внѣшнихъ условій, а отъ *самого сознанія* (отъ стремленій).

Въ то же время мы имѣемъ право называть волю причинностью сознанія, такъ какъ всѣ признаки понятія причинности заключаются въ нашемъ понятіи воли. Между этими двумя понятіями въ такой же мѣрѣ нѣтъ противорѣчія, какъ и между понятіемъ собаки и млекопитающаго. Вообще, между телеологіею и причинностью вовсе нѣтъ той противоположности, которую предполагаютъ, обыкновенно, естествоиспытатели, не занимающіеся всестороннею критикою этихъ понятій. Всякій рядъ явленій, обуславливающихъ другъ друга, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, или какъ рядъ причинъ и дѣйствій, или какъ рядъ средствъ и цѣлей ¹⁾. Но этого мало, если согласиться съ волюнтаризмомъ, то телеологическое и причинное разсмотрѣніе рядовъ событій суть не двѣ различныя, а одна и та же точка зрѣнія, по крайней мѣрѣ, въ психической жизни.

Такъ какъ причинная связь между явленіями психической жизни обнаруживается не только во временномъ порядкѣ ихъ, но и непосредственно усматривается благодаря чувствованію активности, то строить индуктивныя обобщенія въ психологіи легче, чѣмъ въ наукахъ о физическомъ мірѣ. Конечно, это не значитъ, что изучать связи психическихъ явленій можно безъ всякаго труда, просто наблюдая смѣну психическихъ явленій и сразу на основаніи одной пары явленій строя индуктивное обобщеніе. Въ нашей душѣ всегда сочувствуетъ множество стремленій, чувствъ и представленій, которыя не остаются безъ послѣдствій, и потому нерѣдко вслѣдствіе недифференцированности чувствованія

¹⁾ См. Wundt, Logik, 2-е изд., I т., стр. 642—646.

активности и неравномерной опознанности душевных состояний, а также вследствие плохого наблюдения мы неверно объясняем связь явлений в своей душе. Например, человек, нашедший потерянную вещь и, с беспокойством оглядываясь во все стороны, спрятавший ее, может отдать ее по принадлежности из страха, но воображать, будто отдал ее из сострадания к обезпеченному владельцу. Для того, чтобы решить, совершается ли поступок некоторым я, поскольку оно боится или поскольку оно страдает, нужно несколько раз наблюдать это я в аналогичных, удовлетворяющих требованиям метода различия или совпадения положениях. Посobie при изслѣдованіи, оказываемое непосредственнымъ чувствованіемъ активности, состоитъ всего лишь въ томъ, что оно возбуждаетъ въ насъ *догадку*, какія пары психическихъ явлений причинно связаны, но эту догадку затѣмъ нужно проверить обычнымъ путемъ — методами индукции. Однако, если бы у насъ не было чувствованія активности, у насъ никакъ не могла бы возникнуть догадка о томъ, какія явленія связаны между собою, — догадка, служащая исходнымъ пунктомъ индуктивнаго изслѣдованія. Если я сижу въ лѣсу, люблююсь красивымъ ландшафтомъ, слышу въ то же время свирѣль пастуха и вспоминаю игру пастуха въ «Тангейзерѣ», а потомъ, услышавъ шорохъ въ травѣ, подмѣчаю въ себѣ чувство страха и оглядываюсь во все стороны, непонятно, какимъ образомъ я могъ бы выдѣлить изъ сложнаго цѣлаго связь *именно послѣдней пары* явлений, если бы у меня не было непосредственнаго чувства ихъ связи.

Согласно этому теорія индуктивнаго умозаключенія о психическихъ связяхъ должна быть измѣнена. Мало того, индуктивное изслѣдованіе физическихъ явлений не можетъ кореннымъ образомъ отличаться отъ индуктивнаго изслѣдованія психическихъ процессовъ, и потому вслѣдъ за этимъ можно поставить вопросъ, нѣтъ ли у насъ непосредственнаго воспріятія также и причинной

связи явленій внѣшняго міра. Однако всѣ эти вопросы относятся къ области гносеологіи, и потому должны составить особое изслѣдованіе, которымъ мы надѣемся заняться впослѣдствіи.

5. Волюнтаризмъ и интеллектуализмъ.

Слово волюнтаризмъ легко можетъ подать поводъ къ сопоставленію этого направленія съ интеллектуализмомъ, несмотря на то, что по существу никакой аналогіи здѣсь нѣтъ. Интеллектуализмъ утверждаетъ, что всѣ психическія состоянія суть модификаціи мышленія (раціоналисты XVII вѣка) или, по крайней мѣрѣ, полагаютъ, что познавательныя состоянія, напр., представленія, составляютъ основу всей душевной жизни, а явленія чувства и воли надстраиваются надъ ними, какъ побочный результатъ ихъ дѣятельности (гербертианцы). Ничего подобнаго не можетъ утверждать волюнтаризмъ уже потому, что психическое состояніе, въ которомъ обнаруживается воля, какъ причинность сознанія, есть однообразное, варьирующее лишь по интенсивности чувствованіе активности. Само собою разумѣется, изъ одного этого элемента никто еще не пытался построить душевную жизнь. Онъ важенъ лишь постольку, поскольку указываетъ на волю, какъ активность сознанія. Слѣдовательно, понятіе воли господствуетъ въ волюнтаристической психологіи, поскольку подъ волею мыслится *свойство* индивидуальнаго сознанія быть активнымъ, а не *особое состояніе сознанія*. Отсюда ясно, что никакой аналогіи между интеллектуализмомъ и волюнтаризмомъ нѣтъ.

Однако надобно сознаться, что сами волюнтаристы, пользуясь терминомъ воля въ различныхъ, неопредѣленныхъ точно значеніяхъ, даютъ поводъ къ такимъ сопоставленіямъ. Такъ какъ всякій актъ психической жизни зависитъ отъ стремленій, то волюнтаристы нерѣдко разумѣютъ подъ волею не только зависимость

состояній сознания отъ стремленій, но и самыя стремленія. Такая точка зрѣнія, во-первыхъ, вноситъ путаницу въ понятія, такъ какъ разумѣетъ подъ волею то причинность сознания, то самую причину явленій личной жизни, и, во-вторыхъ, ставитъ волюнтаризмъ на одну доску съ интеллектуализмомъ, такъ какъ, выдѣляя стремленія въ особую группу воли, она признаетъ приматъ стремленій и считаетъ ихъ основою другихъ состояній сознания совершенно такъ же, какъ интеллектуализмъ признаетъ приматъ представленій и считаетъ ихъ основою другихъ состояній сознания. Между тѣмъ, волюнтаризмъ, хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ признаетъ приматъ стремленій, вовсе не придаетъ психологіи того односторонняго характера, который она получаетъ въ интеллектуализмѣ. Стремленія вовсе не могутъ быть выдѣлены въ особую рубрику *рядомъ* съ чувствованіями, представленіями, и т. п., потому что они заключаютъ въ себѣ всѣ эти элементы. Всякое опознанное стремленіе, напр., есть представленіе поставленной цѣли, но представленіе своеобразно окрашенное чувствованіемъ лишенія, недостатка и сознаниемъ о затрачиваемой энергіи для достиженія цѣли. Неопознанныя стремленія, наши влеченія, инстинкты и т. п., повидимому, составляютъ то активное недифференцированное цѣлое, изъ котораго впоследствии развиваются всѣ дифференцированные элементы высшей духовной жизни — отчетливое сознание активности, чувствованіе, знаніе и т. п. Поэтому признавая приматъ стремленій, волюнтаризмъ не выдвигаетъ на первый планъ ни одного изъ тѣхъ *элементарныхъ* явленій, которыя обособляются нами въ абстракціи при анализѣ высшихъ формъ душевной жизни. Однако, повторяю, поводъ къ такому обвиненію дали сами волюнтаристы, относя стремленія въ рубрику воли. Только этою ошибкою ихъ и можно объяснить то, что такой осторожный критикъ, какъ Освальдъ Кюльпе, заканчиваетъ свою оцѣнку волюнтаризма во «Введеніи въ философію» слѣдующими словами: «Результатомъ этой критики волюнтаризма

является отнюдь не признаніе правоты интеллектуализма, а познаніе того, что ни одно изъ элементарныхъ явленій нашей психической жизни не можетъ быть признано безусловно первичнымъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, и интеллектуализмъ, и волюнтаризмъ — оба неправы»¹⁾).

6. Логически возможные ученія о волѣ.

Перечисленіе логически возможныхъ ученій о волѣ намъ нужно для того, чтобы сопоставить ихъ съ волюнтаризмомъ и такимъ образомъ подчеркнуть его особенности. Поэтому, классификацію ученій о волѣ мы построимъ на основаніи существенныхъ признаковъ, входящихъ въ волюнтаристическое понятіе воли, и проведемъ рядъ подраздѣленій до конца лишь въ томъ классѣ и отдѣлѣ, къ которому относится волюнтаризмъ. Волюнтаризмъ разумѣетъ подъ волею *свойство* индивидуальнаго сознанія, *активность*, какъ способность осуществлять стремленія и соответствующее этому основному свойству особое основное *состояніе* сознанія, *чувствованіе активности*. Опираясь на эти два признака, можно намѣтить слѣдующія формы ученій о волѣ:

I. Отрицательныя ученія о волѣ, именно ученія, отрицающія активность индивидуальнаго сознанія, какъ способность осуществлять стремленія.

II. Положительныя ученія о волѣ, именно ученія, признающія активность индивидуальнаго сознанія, какъ способность осуществлять стремленія.

Отрицательныя ученія могутъ быть подраздѣлены на два отдѣла:

1. Ученія о полной пассивности сознанія.

2. Ученія о причинности индивидуальнаго сознанія, но безъ цѣлестремительности, безъ способности ставить цѣли и осуществлять ихъ, т.-е. ученія о слѣпой причинности сознанія.

¹⁾ „Введеніе въ философію“, пер. подъ редакціею Струве, стр. 242.

Соотвѣтственно второму признаку волюнтаристическаго понятія воли эти отдѣлы отрицательныхъ ученій можно подраздѣлить такъ:

а. Ученія, отрицающія существованіе особаго класса состояній сознанія, заносимыхъ въ рубрику воли.

б. Ученія, признающія существованіе особаго класса состояній сознанія, заносимыхъ въ рубрику воли, хотя и не имѣющихъ значенія, приписываемаго имъ положительными ученіями.

Продолжать это дѣленіе отрицательныхъ ученій для нашихъ цѣлей нѣтъ надобности, и потому мы вернемся къ положительнымъ ученіямъ о волѣ. Ихъ можно разбить на два отдѣла:

а. Ученія о томъ, что волевые акты, т.-е. возникновеніе стремленій и осуществленіе ихъ, причинно обусловливается характеромъ индивидуальнаго сознанія.

б. Ученія о безпричинности волевыхъ актовъ.

Послѣдній отдѣлъ не играетъ никакой роли въ эмпирической психологіи; поэтому мы не будемъ слѣдить за нимъ дальше, а займемся лишь первымъ отдѣломъ, который можно подраздѣлить на:

1. Ученія, признающія, что лишь нѣкоторыя состоянія сознанія, относимыя нами къ нашему я, сѣтъ волевые акты.

2. Ученія, признающія, что всѣ состоянія сознанія, относимыя нами къ нашему я, сѣтъ волевые акты (волюнтаризмъ).

Для наглядности это дѣленіе ученій о волѣ можно вкратцѣ выразить слѣдующимъ образомъ:

Отрицательныя ученія.	{	пассивность сознанія	{	волевыхъ состояній сознанія нѣтъ.
		слѣдная причинность сознанія		волевыхъ состояній сознанія нѣтъ.
Положительныя ученія	{	причинная зависимость волевыхъ актовъ отъ характера индивидуальнаго сознанія	{	волевыхъ состояній существуютъ.
				волевыхъ состояній существуютъ.
		безпричинность волевыхъ актовъ.	всѣ душевныя явленія сѣтъ волевые акты.	
				нѣкоторыя душевныя явленія сѣтъ волевые акты.

Для поясненія этой классификаціи мы приведемъ примѣры ученій каждаго рода.

Ученіе о полной пассивности сознанія нигдѣ не является въ такой рѣшительной формѣ, какъ въ послѣдовательномъ материализмѣ. Каждое состояніе сознанія причиняется съ точки зрѣнія материализма какимъ-либо физическимъ процессомъ въ нервныхъ центрахъ, который, кромѣ того, согласно законамъ физики и химіи, причиняетъ еще другія физическія явленія. Итакъ, цѣпь физическихъ явленій развивается самостоятельно и надъ ними кое-гдѣ *надстраиваются* психическія явленія, вполнѣ ими обусловленныя и безсильныя произвести какое-либо измѣненіе въ мірѣ, начать новый рядъ событий. Обыкновенно, это ученіе отрицаетъ не только активность сознанія, но даже и существованіе особаго разряда, хотя бы иллюзорныхъ, волевыхъ состояній: волевой актъ, съ точки зрѣнія материалиста, есть своеобразная комбинація ощущеній и воспоминаній о прежнихъ ощущеніяхъ. Конечно, это вовсе не обязательно для материализма. Можно придерживаться такой же точки зрѣнія на зависимость психическихъ явленій отъ физическихъ, но въ то же время утверждать, что всякому разряду физической энергіи въ нервныхъ центрахъ соотвѣтствуютъ не только ощущенія, но еще и особое чувствованіе активности, порождающее иллюзію воли. Такой материализмъ служилъ бы примѣромъ ученій, совершенно отрицающихъ активность сознанія, но допускающихъ существованіе особаго разряда волевыхъ состояній сознанія.

Ученіе о слѣпой причинности сознанія и отсутствіи особаго класса волевыхъ состояній сознанія рѣшительно выражено въ психологіи Спинозы. Что касается перваго пункта, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, а для поясненія втораго достаточно сослаться на теорему XLIX во второй части Этики: «Въ душѣ нѣтъ никакого желанія или утвержденія и отрицанія, кромѣ того, которое заключаетъ въ себѣ идея, поскольку она есть

идея» ¹⁾. Королларій къ этой теоремѣ гласитъ: «воля и разумъ одно и то же».

Въ такой же мѣрѣ, какъ и у Спинозы, слѣпа причинность сознанія въ психологіи Гербарта; основное явленіе душевной жизни—представленіе—слѣпо обусловливается простотою реальной сущности, души, и ея само-сохраненіемъ. Однако Гербартъ, въ противоположность Спинозѣ, признаетъ существованіе особаго класса волевыхъ состояній сознанія. Но эти состоянія онъ вовсе не считаетъ выразителями воли, какъ способности ставить цѣли и осуществлять ихъ. Онъ считаетъ эти состоянія, стремленіе, усиліе и т. п. побочнымъ результатомъ столкновенія между представленіями, а не источникомъ ихъ.

Примѣромъ положительныхъ ученій, признающихъ, что лишь нѣкоторыя душевныя явленія суть волевые акты, могутъ служить взгляды Лотце. По мнѣнію этого психолога, всѣ проявленія душевной жизни необходимо обуславливаются свойствами души, но въ большинствѣ случаевъ эта причинная зависимость слѣпа; въ ней нѣтъ ничего заслуживающаго названія воли. «Мы, конечно, слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и стремленія,—говоритъ онъ, и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь, какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо; движенія представлений и чувствованій, происходящія въ насъ только по разнымъ поводамъ со стороны общаго психическаго механизма и подмѣчаемыя нами по мѣрѣ ихъ совершенія, мы ошибочно принимаемъ за дѣятельности, будто бы пущенныя въ ходъ нашею рѣшительною волею или, пожалуй, хоть и менѣе настойчивымъ стремленіемъ нашего я» ²⁾. Однако не всегда бываетъ такъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше я сознательно ставитъ цѣли, стремясь къ осуществленію ихъ и на самомъ дѣлѣ осуществляя ихъ. Это бываетъ въ

¹⁾ Перев. подъ ред. Модестова, 3. изд., стр. 108.

²⁾ Лотце. Микрокосмъ, перев. Корша, I кн., II, гл. V, стр. 320.

актахъ выбора, въ рѣшеніяхъ, «когда ясно сознаются влекущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе, насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ духа» ¹⁾. Иными словами, Лотце считаетъ волевыми актами только тѣ явленія, которыя Вундтъ называетъ сложными волевыми дѣйствіями. Въ отличіе отъ Лотце волюнтаризмъ и въ болѣе простыхъ перемѣнахъ (акты съ непознанными стремленіями) находитъ постановку цѣлей и чувствованіе активности, а потому считаетъ всѣ перемѣны, *относимыя нами къ нашему я*, волевыми.

Наконецъ, нѣкоторыя ученія утверждаютъ, что личность, способная ставить цѣли и быть причиною ихъ осуществленія, въ самой постановкѣ цѣли абсолютно свободна, именно не опредѣляется при этомъ ни внѣшними условіями, ни внутренними своими свойствами, т.-е. характеромъ, выражающимся въ стремленіяхъ. Въ новѣйшее время такого рода взгляды высказываются, напр., Секретаномъ, который полагаетъ, что даже Божественное всевѣдѣніе безсильно въ отношеніи свободныхъ поступковъ, что Богъ можетъ знать ихъ только послѣ ихъ осуществленія.

Приведенная схема, составленная примѣнительно къ нашей узкой цѣли, конечно, слишкомъ обща для того, чтобы дать хотя бы приблизительное понятіе о безконечномъ множествѣ и разнообразіи ученій о волѣ. Не говоря уже о чисто психологическихъ различіяхъ, зависящихъ отъ того, напр., какія психическія состоянія (стремленія, желанія, чувствованіе активности и т. п. относитъ въ рубрику воли тотъ или другой авторъ, безчисленныя варіаціи обусловливаются общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ психологовъ. Напр., въ сферѣ самого волюнтаризма возможны варіаціи въ зависимости отъ того, придерживается ли психологъ дуализма или

¹⁾ Тамъ же, стр. 322.

идеалистическаго монизма, примыкаетъ ли онъ къ теоріи причинности Канта, Юма, Вундта и т. п.

Перебирать всѣ безчисленныя теоріи воли и разсматривать, не опасны ли онѣ для волонтаризма, невозможно, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Волонтаризмъ—направленіе, сравнительно новое; онъ опирается на факты и оттѣнки состояній сознанія, отмѣченные во всей ихъ полнотѣ лишь недавно; онъ исходитъ изъ анализа фактовъ, углубленнаго до такой степени, какая не встрѣчалась въ прежней психологіи; въ особенности много онъ черпаетъ изъ новаго матеріала, доставляемаго сравнительно новымъ въ психологіи экспериментальнымъ методомъ, если разумѣть подъ нимъ не психофизиологическое изслѣдованіе, и не механическій подсчетъ однообразныхъ мелочныхъ цифръ и фактовъ, а *усовершенствованное внутреннее наблюденіе*. По крайней мѣрѣ, главный представитель волонтаризма и въ то же время важнѣйшій основатель экспериментальнаго метода Вундтъ рѣшительно заявляетъ, что его направленіе въ психологіи обязано своимъ возникновеніемъ экспериментальному методу. Мы приведемъ здѣсь слѣдующія поучительныя слова его. «Если бы меня спросили, въ чемъ состояла и состоитъ еще для меня психологическая цѣнность экспериментальнаго наблюденія, я бы отвѣтилъ, что оно породило во мнѣ и все болѣе укрѣпляло совершенно новое воззрѣніе на природу и связь душевныхъ процессовъ. Когда я въ первый разъ приступалъ къ психологическимъ проблемамъ, я раздѣлялъ общій, распространенный среди физиологовъ предразсудокъ, что образованіе чувственныхъ воспріятій есть исключительно результатъ физиологическихъ свойствъ нашихъ органовъ чувствъ. Прежде всего на чувствѣ зрѣнія я научился понимать тотъ актъ творческаго синтеза, который постепенно сдѣлался моимъ руководителемъ и открылъ мнѣ глаза на развитіе высшихъ функцій воображенія и разсудка, тогда какъ старая психологія не оказывала никакой помощи въ этихъ проблемахъ. Затѣмъ, когда я приступилъ къ изслѣдованію

отношеній во времени теченія представленій, мнѣ открылись новыя перспективы въ вопросѣ о развитіи волевыхъ функцій, внѣшнихъ изъ внутреннихъ, сложныхъ изъ простыхъ, и въ то же время я усмотрѣлъ тѣсную связь всѣхъ психическихъ функцій, въ родѣ представленія, чувства, воли, раздѣленныхъ искусственными абстракціями и именами, однимъ словомъ увидѣлъ недѣлимость и внутреннюю однородность душевной жизни на всѣхъ ея ступеняхъ. Хронометрическое изслѣдованіе процессовъ ассоціаціи, обратившее мое вниманіе на отношеніе между образами воспоминанія и воспріятія, показало мнѣ, наконецъ, что понятіе «воспроизведеннаго» представленія есть одинъ изъ тѣхъ многихъ самообмановъ, которые, будучи выражены въ застывшихъ понятіяхъ, постоянно ставятъ для насъ на мѣсто дѣйствительности несуществующій призракъ. Я научился понимать «представленіе», какъ процессъ не менѣе измѣнчивый и преходящій, чѣмъ актъ воли и чувства, и понялъ, что вслѣдствіе этого старый ассоціационизмъ не выдерживаетъ критики, что онъ долженъ замѣниться допущеніемъ процессовъ, связующихъ ощущенія, и эта точка зрѣнія сама собою приводитъ къ ученію о постепенномъ переходѣ и близкомъ отношеніи между послѣдовательными и одновременными ассоціаціями. Но важнѣйшимъ результатомъ этихъ новыхъ воззрѣній я считаю то представленіе о принципахъ психической причинности, которое я попытался формулировать выше¹⁾.

Безъ сомнѣнія, такое новое направленіе, опирающееся на богатый новый фактическій матеріалъ, подкапываетъ старыя ученія и вызываетъ необходимость ихъ пересмотра, но не наоборотъ. Это замѣчаніе въ особенности относится ко всѣмъ ученіямъ, признающимъ причинность сознанія, такъ какъ всѣ эти ученія, даже спинозистическій слѣпой детерминизмъ, легко могутъ быть согласованы съ психологическимъ волюнтаризмомъ

¹⁾ Wundt, Ueber psychische Causalität und das Princip des psycho-physischen Parallelismus. Philosophische Studien, 1897 г., I вып., стр. 122—124.

и разногласіе ихъ можетъ быть объяснено, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые факты прежде не были приняты въ расчетъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, опредѣляя причинныя связи, психологи *не дѣлали* чрезвычайно *важнаго различенія* между состояніями сознанія, *относимыми на основаніи непосредственнаго чувства къ нашему я*, и состояніями, которыя вполнѣ или отчасти кажутся *дан-ными*; если не дѣлать этого различенія, то, конечно, многія состоянія сознанія придется признать не зависящими отъ стремленій, а обусловленными, повидимому, слѣпою причинностью.

Въ иномъ положеніи находится волюнтаризмъ въ отношеніи къ ученіямъ о полной пассивности сознанія: здѣсь указаніе на новые психологическіе факты и новыя чисто психологическія различенія не можетъ устранить разногласія, потому что оно вызывается болѣе глубокою причиною, именно различіемъ въ теоріи познанія и онтологіи. Впрочемъ такихъ ученій немного. Они могутъ возникнуть или на почвѣ агностицизма, если онъ утверждаетъ полную пассивность и безсвязность явленій сознанія, и истинную подкладку этихъ явленій, причиняющую ихъ, считаетъ непознаваемою, или на почвѣ матеріализма, утверждающаго полную пассивность и безсвязность явленій сознанія, но указывающаго опредѣленную причину ихъ, именно дѣятельность матеріи. Какъ мы уже говорили, агностицизмъ можетъ принять факты и различенія, устанавливаемая волюнтаризмомъ, и только воздержаться отъ утвержденія, что указываемыя волюнтаризмомъ послѣдовательности явленій относятся къ числу причинныхъ. Поскольку онъ ограничивается этимъ воздержаніемъ и не указываетъ настоящей причины явленій, онъ не вступаетъ въ столкновеніе съ волюнтаризмомъ.

Наоборотъ, матеріализмъ, даже и согласившись съ волюнтаристическимъ описаніемъ теченія душевныхъ процессовъ, можетъ утверждать, что эти процессы не обусловливаютъ другъ друга, что причина ихъ извѣстна, именно заключается въ дѣятельности матеріи, и что те-

ченіе душевныхъ процессовъ рано или поздно будетъ выведено изъ законовъ механики или матеріальнаго міра вообще. Съ этимъ непримиримымъ принципиальнымъ противникомъ нужно познакомиться поближе. Мы займемся этимъ, какъ уже сказано, въ главѣ объ «Отношеніи между физическими и психическими явленіями».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе между физическими и психическими явленіями.

Въ предыдущей главѣ мы пришли къ заключенію, что основной тезисъ волюнтаризма доказывается главнымъ образомъ съ помощью индуктивнаго метода единственнаго совпаденія, но не можетъ считаться вполне обоснованнымъ до тѣхъ поръ, пока не опровергнуто утвержденіе, что состоянія сознанія, относимыя нами къ нашему я, причиняются не стремленіями, а физическими явленіями, сопутствующими стремленіямъ.

Отсюда слѣдуетъ, что волюнтаризмъ не согласуется съ ученіями, допускающими зависимость психическихъ процессовъ отъ физическихъ, какъ объективно реальныхъ. Для того, чтобы развить волюнтаристическія теоріи безъ противорѣчій, нужно, слѣдовательно, исходить изъ положенія, что психическія явленія могутъ причиняться только психическими явленіями. Существуетъ безчисленное количество философскихъ ученій, обосновывающихъ это положеніе или путемъ доказательства, что психическій и матеріальный міръ не могутъ вступать во взаимодействіе (напр. въ психологіи различныя формы координаціоннаго параллелизма), или путемъ доказательства, что матеріальный міръ разлагается на рядъ психическихъ процессовъ (напр. въ психологіи идеалистическій субординаціонный параллелизмъ).

Доказательство каждаго изъ этихъ ученій можетъ совершаться не иначе, какъ на почвѣ теоріи знанія. Слѣдовательно, намъ остается или углубиться въ эту далеко выходящую за сферу психологіи область, или же примкнуть къ какому-либо опредѣленному уже существующему гносеологическому ученію или, по крайней мѣрѣ, къ какому либо болѣе или менѣе широкому теченію въ этой наукѣ.

Мы имѣемъ право ограничиться послѣднимъ приемомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящей работѣ мы занимаемся *психологическимъ* обоснованіемъ и психологическою характеристикою волонтаризма. Дойдя до того пункта, гдѣ намѣчается необходимость окончательнаго утвержденія его правъ съ помощью высшей науки, теоріи знанія, мы можемъ ограничиться условнымъ рѣшеніемъ вопроса, именно ссылкой на то, что въ современной гносеологіи есть идеалистическія и агностически-дуалистическія направленія, отстаивающія не безъ успѣха необходимую для волонтаризма независимость психическихъ явленій отъ физическихъ. Слѣдовательно, окончательная судьба волонтаризма зависитъ отъ того, побѣдитъ ли или нѣтъ одно изъ этихъ направленій, а въ настоящее время, при неопредѣленномъ положеніи гносеологіи, защитники волонтаризма всегда могутъ найти въ ней цѣлый арсеналъ доводовъ въ свою пользу, не менѣе вѣскихъ, чѣмъ доводы противниковъ.

Мы бы могли удовольствоваться этимъ условнымъ рѣшеніемъ вопроса. Однако въ настоящее время споры о взаимодействіи между душою и тѣломъ чрезвычайно оживились, въ особенности параллелизмъ сталъ пробуждать недовѣріе къ себѣ, и въ литературѣ явились новыя попытки доказать, что физическія явленія могутъ быть причиною психическихъ и наоборотъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ рассмотреть *возможныя* попытки такого рода, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы показать, что онѣ не достигаютъ цѣли.

Для большей систематичности посмотримъ, какія возможны ученія о физическомъ мірѣ. Исходнымъ пун-

ктомъ нашего знанія о физическомъ мірѣ служатъ внѣшнія воспріятія. Въ нихъ входятъ 1) ощущенія, 2) чувствованіе объективности и субстанціальности, 3) сознаваніе отношеній, напр. пространственно-временныя связи, чувствованіе внѣшней активности и т. п., 4) большее или меньшее опознаніе всѣхъ этихъ элементовъ и, наконецъ, 5) всевозможные другіе элементы, болѣе или менѣе отчетливо сознаваемые, какъ субъективные (напр. чувственный тонъ ощущеній). Наивный реализмъ, предшествующій философскому разсмотрѣнію вещи, принимаетъ весь этотъ сложный комплексъ за объективную самостоятельную реальность; дальнѣйшее развитіе представленія о физическомъ мірѣ состоитъ въ томъ, что часть этого комплекса признается за объективную реальность, существующую самостоятельно внѣ всякаго сознанія (движеніе, форма и т. п.), а другая часть (все болѣе и болѣе) разсматривается, какъ психическій процессъ, разыгрывающійся въ индивидуальномъ или міровомъ сознаніи, такъ что въ концѣ концовъ воспріятіе цѣликомъ переносится въ сферу человѣческаго я или мірового сознанія, и получается какое-либо идеалистическое истолкованіе физическаго міра. Этотъ процессъ можетъ осложняться еще включеніемъ въ представленіе о физическомъ мірѣ субстанцірованныхъ абстракцій (напр. силъ и т. п.). Мы разсмотримъ только важнѣйшія ученія на этомъ пути, именно механистическое и динамистическое представленіе о физическомъ мірѣ, а также идеалистическія ученія.

Серьезную опасность для волюнтаризма представляютъ, собственно говоря, только механистическое и динамистическое ученіе о природѣ, такъ какъ они, обыкновенно, бываютъ связаны съ ученіемъ о пассивности психической жизни. Однако, если прибѣгнуть къ самому мощному философскому орудію (къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало интересующему натуралистовъ), именно къ теоріи знанія, то эти противники отъ одного удара разлетаются въ прахъ. Въ самомъ дѣлѣ, они допускаютъ

существованіе реальностей, находящихся внѣ всякаго сознанія; въ человѣческомъ опытѣ такія реальности не только не даны, но и не могутъ быть данными, такъ какъ это было бы *contradictio in adjecto* (данная въ человѣческомъ сознаніи реальность, находящаяся внѣ всякаго сознанія). Со времени появленія критической философіи ученія, пользующіяся такими противорѣчными понятіями, не имѣютъ никакого права на существованіе. Однако такъ какъ они до сихъ поръ еще пользуются кредитомъ, особенно, среди натуралистовъ, то мы не ограничимся этимъ рѣшительнымъ аргументомъ, а рассмотримъ механистическія и динамистическія ученія о причинной связи между психическими и физическими явленіями и покажемъ, что они или внутренно противорѣчивы настолько, что сами себя разрушаютъ (механистическое ученіе), или дѣйствительно доказываютъ взаимодѣйствіе между психическими и физическими явленіями, но при этомъ приближаютъ понятіе физическаго явленія къ психическимъ и въ то же время оставляютъ его нѣсколько неопредѣленнымъ (динамизмъ). Положительный неоспоримый результатъ послѣднихъ теорій сводится лишь къ слѣдующему утвержденію: явленія индивидуальнаго сознанія зависятъ, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ причинъ, лежащихъ *внѣ* этого индивидуальнаго сознанія и данныхъ намъ въ *воспріятіи* внѣшняго міра.

Строго механистическое ученіе получается тогда, когда всѣ элементы воспріятій переносятся въ сферу я, за исключеніемъ времени, пространства и наполняющей его непроницаемой движущейся матеріи, которымъ приписывается самостоятельное существованіе внѣ какого бы то ни было сознанія. Единственный процессъ въ этомъ мірѣ есть движеніе; различныя формы энергіи, напр. свѣтовая, тепловая, электрическая энергія, рассматриваются, какъ различныя формы движенія; даже потенциальная энергія должна считаться при этомъ энергіею движенія, настолько скрытаго отъ насъ, что его нельзя обнаружить доступными намъ средствами;

слѣдовательно, всѣ явленія въ такомъ мірѣ относятся къ числу механическихъ и объясняются механистически. Конечно, рассуждая о движеніяхъ, механисты пользуются также понятіемъ силы, но подъ силою они разумѣютъ только причину движенія, и при этомъ причину движенія, которая сама обнаруживается не иначе, какъ въ формѣ уже существующаго движенія. Слѣдовательно, понятіе силы не вноситъ ничего новаго въ ихъ міросозерцаніе и обозначаетъ собою лишь движеніе, какъ причину новаго движенія.

Какъ же должны представлять себѣ отношеніе между психическими и физическими явленіями сторонники строго механистическаго ученія о физическомъ мірѣ?

Самое простое рѣшеніе этого вопроса состоитъ въ утвержденіи, что физическія явленія могутъ быть причиною психическихъ (прикосновеніе—осязательное ощущеніе) и психическія причиною физическихъ (желаніе поклониться—поклонъ). Съ этой точки зрѣнія, непрерывный причинный рядъ явленій можетъ заключать въ себѣ вперемежку и психическія, и физическія явленія. Схематически ее можно выразить слѣдующимъ образомъ, обозначая физическія явленія латинскими, а психическія греческими буквами.

$$a - b - c - \gamma - \delta - l - m \dots$$

Этою же схемою мы будемъ пользоваться при изложеніи другихъ точекъ зрѣнія, и потому для большей наглядности придадимъ каждой буквѣ какое-либо опредѣленное значеніе. Буквами *a* и *b* обозначимъ физическіе процессы, соотвѣтствующіе прогулкѣ какого-либо лица *A*; *c*—сложная совокупность дальнѣйшихъ физическихъ процессовъ прогулки этого же лица и идущаго на встрѣчу знакомаго ему лица *B*, которое, конечно, всею своею фигурою отражаетъ свѣтовые лучи, и они попадаютъ въ глаза *A*; γ —зрительное воспріятіе *A*; δ —размышленіе *A* о томъ, уйти ли незамѣтно или поклониться, и рѣшеніе поклониться: *lm*—поклонъ и продолженіе прогулки.

Въ этой схемѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что явленіе *l* не связано механически съ явленіемъ *c*, и что явленіе δ обусловливается чисто психическою причиною γ . Слѣдовательно, эта схема противорѣчитъ механистическому міросозерцанію. Впрочемъ это противорѣчіе не трудно устранить и спасти механистиче-

ское міросозерцаніе. Въ этой схемѣ слишкомъ упрощена дѣйствительность: упущено изъ виду множество физическихъ явленій, происходящихъ въ нервной системѣ и неизмѣнно сопутствующихъ психическимъ процессамъ. Именно, въ ней не указано сложное физическое явленіе, соотвѣтствующее воспріятію γ , развивающееся по законамъ механики изъ s и состоящее изъ нервнаго тока и процесса въ зрительныхъ центрахъ коры большого мозга (обозначимъ его буквою g), въ ней не указано также сложное физическое явленіе, соотвѣтствующее обдумыванію, что сдѣлать, и рѣшенію поклониться, развивающееся по законамъ механики изъ g и состоящее изъ токовъ отъ зрительныхъ центровъ къ другимъ центрамъ, между прочимъ къ моторнымъ центрамъ коры большого мозга, и заканчивающееся центробѣжнымъ токомъ къ мускуламъ руки, снимающей шляпу, и кланяющейся головы (обозначимъ всѣ эти процессы буквою s). Такимъ образомъ рядъ физическихъ явленій оказывается не прерваннымъ между s и l : если вставить между этими явленіями упущенные изъ виду физическіе процессы gs , то окажется, что рядъ $abcrls...$ есть непрерывный рядъ физическихъ явленій, развивающихся другъ за другомъ по законамъ механики и сводящихся къ механикѣ атомовъ.

Такой взглядъ на дѣйствительность необходимъ для сторонника механистическаго міросозерцанія также потому, что только онъ согласуется съ закономъ сохраненія энергіи и, въ особенности, съ закономъ инерціи *въ ихъ механистическомъ толкованіи*, тогда какъ предыдущая точка зрѣнія ниспровергаетъ оба эти закона.

Мы приведемъ здѣсь интересныя соображенія Геддинга по этому вопросу ¹⁾. Онъ указываетъ на то, что вмѣшательство душевныхъ процессовъ въ физическіе

¹⁾ См. Гедфингъ, Психологія, гл. II, Душа и тѣло.

Также Höffding, Psychische und physische Activität, Vierteljahrsschrift für wiss. Philosophie, XV, III.

противорѣчитъ не столько закону сохраненія энергіи, сколько закону инерціи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы вмѣшательство души состояло, напр., въ томъ, что она не порождала бы новаго движенія, а только измѣняла бы направленіе уже существующаго движенія, то такимъ вмѣшательствомъ законъ сохраненія энергіи не былъ бы нарушенъ, закону же инерціи оно уже противорѣчило бы. При этомъ, поясняетъ Гефдингъ, подъ закономъ инерціи нужно разумѣть тотъ именно законъ, который былъ установленъ Галилеемъ, Ньютономъ и признается современными физиками, напр., Максвелемъ: тѣло сохраняетъ то состояніе, въ которомъ находится, именно покой или равномерное движеніе до тѣхъ поръ, пока *внѣшнія* силы не заставятъ его перемѣнить свое состояніе. Если въ этомъ законѣ понятіемъ «внѣшней силы» замѣнить понятіе «какой либо силы», то онъ окажется перефразированнымъ закономъ причинности, и въ такой формѣ, конечно, не будетъ противорѣчить мысли, что душа вмѣшивается въ физическіе процессы.

Надобно замѣтить однако, что даже и такое толкованіе закона инерціи, при которомъ подъ словомъ сила разумѣется непременно внѣшняя сила, не исключаетъ воадѣйствія психическихъ явленій на физическія. Въ самомъ дѣлѣ, подъ словомъ внѣшняя сила Ньютонъ, напр., разумѣетъ движеніе, толчокъ или притяженіе. Такъ какъ въ понятіи притяженія вовсе нѣтъ указаній на то, какой дѣятель производитъ это дѣйствіе, то закону инерціи не противорѣчитъ утвержденіе, что между прочимъ и душа вліяетъ на физическіе процессы путемъ притяженія. Противорѣчіе получается лишь тогда, если придать закону инерціи чисто механистическій характеръ, именно разумѣть подъ внѣшнею причиною лишь толчокъ или давленіе *тѣла*. Иными словами, понятіе воадѣйствія между душою и тѣломъ противорѣчитъ лишь тому міросозерцанію, которое въ самомъ началѣ *предполагаетъ*, что такого воадѣйствія быть не можетъ, что движеніе возникаетъ только изъ движенія. Поэтому всякія попытки механистовъ доказать

невозможность взаимодействія между душою и тѣломъ заключаютъ въ себѣ *petitio principii* ¹⁾.

Впрочемъ, въ этихъ доказательствахъ механистическое ученіе о физическомъ мірѣ не нуждается: несмотря на недоказанность своихъ предположеній, оно имѣетъ право на существованіе, пока оказывается удобнымъ для изслѣдованія явленій, хотя, конечно, не можетъ считаться выраженіемъ абсолютной истины и требуетъ *истолкованія* и *дополненія* со стороны теоріи знанія.

Итакъ, для объясненія физическихъ явленій, даже и поклону I, сторонникъ механистическаго ученія вовсе не прибѣгаетъ къ ссылкѣ на психическія состоянія γ δ : если бы никакихъ психическихъ процессовъ и не было, все равно этотъ рядъ явленій въ разсматриваемомъ нами сложномъ тѣлѣ долженъ разыгратъ, если законы механики не пустая выдумка. Поклонъ, какъ движеніе головы и рукъ, снимающихъ шляпу, въ такой же мѣрѣ съ этой точки зрѣнія не обусловливается психическими состояніями, какъ и бой часовъ.

Продолжая разсматривать рядъ физическихъ явленій и такимъ же способомъ подыскивая всегда физической коррелятъ психическихъ состояній, мы придемъ къ мысли, что физической рядъ явленій составляетъ непрерывное безконечное цѣлое, въ которомъ каждый предыдущій членъ есть причина слѣдующаго, между тѣмъ какъ психическій рядъ прерывистъ; члены этого прерывистаго ряда необходимо являются на сцену соотвѣтственно *нѣкоторымъ* членамъ физическаго. (именно, соотвѣтственно нѣкоторымъ процессамъ въ корѣ большого мозга— γ , s — δ), однако ихъ могло бы и не быть, и цѣпь міровыхъ явленій отъ этого не измѣнилась бы: если бы соотвѣтственно γ s и не возникли γ δ , то все же Im должны явиться на сцену.

Такимъ образомъ получилось материалистическое механистическое ученіе объ отношеніи между духовными

¹⁾ См. Erhard, Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele.

и тѣлесными явленіями, которое можно выразить такою схемою:

$$a-b-c-r-s-l-m\dots$$

| |
γ δ

Согласно этому ученію только физическій рядъ явленій имѣеть реальный характеръ, тогда какъ сознаніе есть даже не феноменъ, а лишь эпифеноменъ, иногда появляющаяся надстройка надъ тѣлесными явленіями, не имѣющая никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ событій. Эта сторона матеріалистическаго ученія прекрасно выражена профессоромъ Лопатинымъ въ статьѣ «Параллелистическая теорія душевной жизни»¹⁾. «Получается крайне парадоксальный результатъ: паденіе малѣйшей пылинки оказывается безконечно болѣе могущественнымъ по отношенію къ міру въ его цѣломъ, нежели глубочайшія порожденія мысли или самыя возвышенные подвиги нравственнаго героизма: вѣдь паденіе пылинки вызываетъ въ окружающей средѣ неограниченный рядъ дѣйствій, хотя для насъ и незамѣтныхъ, напротивъ, мысль своимъ идейнымъ содержаніемъ, воля въ своихъ психическихъ мотивахъ и нравственной цѣнѣ, ничего не производятъ и не мѣняютъ въ природномъ ходѣ. Напримѣръ «Критика чистаго разума» Канта представляется намъ созданіемъ его творческаго генія и громадною работою его ума, но это только намъ *кажется*. На самомъ дѣлѣ, все, что Кантъ написалъ, было порождено внутреннимъ механизмомъ частицъ, составляющихъ его организмъ, и только имъ однимъ».

Вслѣдствіе законовъ нашей чувственности механистическая матеріалистическая точка зрѣнія инстинктивно привлекаетъ насъ къ себѣ, кажется чрезвычайно понятною и убѣдительною. Къ тому же на первый взглядъ она удовлетворяетъ стремленію нашего ума къ монизму, къ объясненію міра изъ одного начала. Однако, это

¹⁾ Вопр. философіи и псих., 1895. Май.

монизмъ лишь кажущійся. Иллюзія монизма возникаетъ потому, что матеріалисты часто смѣшиваютъ три слѣдующія мысли ¹⁾: 1) состоянія сознанія *суть* движенія атомовъ; 2) состоянія сознанія *причиняются* движеніями атомовъ; 3) состоянія сознанія *существуютъ* опредѣленными движеніями атомовъ, хотя и не причиняются ими (состоянія сознанія и движенія атомовъ суть два разныхъ выраженія одной и той же неизвѣстной сущности). Только первая изъ этихъ мыслей давала бы право утверждать, что матеріализмъ есть монистическая система. Однако эта мысль заключаетъ въ себѣ явный абсурдъ, особенно обращающій на себя вниманіе, если ее примѣнить къ конкретнымъ, случаямъ. Напр., съ этой точки зрѣнія нужно было бы сказать, что печаль *есть* сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ (блѣдность) и т. п. Эта мысль заключаетъ въ себѣ прямо таки утвержденіе, что «А есть не А», что сознаніе есть не сознаніе, а движеніе.

Если первая изъ этихъ мыслей не выдерживаетъ критики, то всего проще, какъ и дѣлаютъ обыкновенно матеріалисты, принять вторую, т.-е. утверждать, что состоянія сознанія причиняются движеніями атомовъ. При этомъ уже приходится прибавлять, особенно въ наше время, когда анализъ фактовъ и философскихъ воззрѣній достигъ значительной глубины, что между физическими явленіями и психическими лежитъ непроходимая пропасть, что причиненіе однихъ другими есть нѣчто совершенно непонятное, допускаемое нами лишь благодаря свидѣтельству опыта. Но если такъ, то механистическій матеріализмъ не есть система монистическая: онъ принужденъ признать существованіе двухъ абсолютно непохожихъ другъ на друга дѣйствительностей. Однако, желая во что бы то ни стало сохранить монистическій характеръ, онъ надѣляетъ психическую дѣйствительность странными свойствами и ставитъ ее въ какія-то непонятныя отношенія къ физической дѣйстви-

¹⁾ См. Паульсенъ, Введеніе въ философію стр. 83.

тельности. Въ самомъ дѣлѣ, психическій міръ, хотя онъ и есть совершенно особая дѣйствительность, и къ тому же субъективно для насъ самая дорогая, оказывается прерывистымъ, не имѣющимъ никакого причиннаго вліянія на дальнѣйшій ходъ событій въ мірѣ; онъ какъ-то иногда, правда, въ строго опредѣленные моменты надстраивается надъ физическимъ міромъ, но такъ, что законъ сохраненія энергіи и дальнѣйшее теченіе физическихъ явленій нисколько не нарушается: нѣкоторыя явленія, напр. явленіе g въ нашей схемѣ, оказывается, способны дѣйствовать на два фронта, причинять соотвѣтственно обыкновеннымъ законамъ механики явленіе s и въ то же время состояніе сознанія γ . Отношеніе между g и γ имѣетъ настолько необычный характеръ, что становится неловко называть его причиннымъ; поэтому въ разсужденіяхъ о нихъ понятіе причинять часто замѣняется болѣе неопредѣленнымъ понятіемъ обусловливать.

Въ эпоху увлеченія естествознаніемъ и пренебреженія къ психологіи и особенно къ теоріи знанія такое странное ученіе о психической жизни не смущало естествоиспытателей и не считалось отрицательною инстанціею противъ механистическаго міросозерцанія. Однако въ наше время положеніе измѣнилось: наука съ одинаковымъ вниманіемъ изслѣдуетъ какъ проявленія духа, такъ и физическую природу; гипотезы, плохо приспособленныя для объясненія жизни духа и, собственно, даже отвергающія ее, начинаютъ вызывать сомнѣнія. Поэтому сторонникамъ механистическаго объясненія природы приходится спасать свое міросозерцаніе съ помощью предположенія, что состоянія сознанія и соотвѣтствующія физическія явленія равноправны, что они не причиняютъ другъ друга, а законосообразно сосуществуютъ, быть можетъ, потому, что составляютъ два разныхъ выраженія какой-то одной сущности. Такимъ образомъ получается точка зрѣнія, называемая параллелизмомъ и напоминающая ученіе Спинозы. Для того, чтобы провести эту точку зрѣнія безъ противорѣчій,

рядомъ съ принятымъ въ современной наукѣ гипотетическимъ обобщеніемъ— «всякое психическое состояніе сопровождается строго опредѣленными физическими явлениями» нужно утверждать и обратное гипотетическое обобщеніе — «всякое физическое явленіе сопровождается строго опредѣленными психическими состояніями» (расширеніе желѣза отъ тепла, колебанія эфира и т. п. сопровождаются какими-то психическими состояніями). Иными словами, параллелисты должны проповѣдовать панпсихизмъ, что они и дѣлаютъ, когда бываютъ послѣдовательными и не пытаются избѣжать этого вывода путемъ ссылки на то, что ихъ параллелизмъ имѣетъ не метафизическій, а эмпирический характеръ.

Согласно этому ученію предыдущая схема приметъ слѣдующій видъ:

$$a-b-c-r-s-l-m\dots$$

$$\alpha-\beta-x-\gamma-\delta-\lambda-\mu\dots$$

Всѣ явленія міра, съ одной стороны, суть физическія явленія, непрерывно развивающіяся другъ изъ друга по законамъ механики; съ другой стороны, эти же явленія выражаются и въ формѣ ряда состояній сознанія, непрерывно развивающихся другъ изъ друга по законамъ психологіи, правда, до сихъ поръ плохо извѣстнымъ. Вселенная есть необъятный механизмъ и въ то же время такой же необъятный духъ. Кромѣ наукъ о причинной связи физическихъ явленій и такой же связи психическихъ явленій, параллелизмъ даетъ мѣсто еще одной наукѣ—психо-физиологіи, сфера которой также простирается на весь міръ. Эта наука изучаетъ связь между психическими и физическими явленіями; она опредѣляетъ, какіе члены необходимо соотвѣтствуютъ другъ другу въ этихъ параллельныхъ рядахъ. Отъ всѣхъ другихъ наукъ психофизиологія рѣзко отличается тѣмъ, что связи, изучаемыя ею, не имѣютъ причиннаго характера; это какія-то совершенно непонятнымъ образомъ возникшія сосуществованія. Даже и въ томъ случаѣ, если встать на точку зрѣнія филосо-

фовъ, утверждающихъ, что причинная связь есть лишь необходимое слѣдованіе явленій другъ за другомъ во времени, приходится признать, что соотвѣтствие между психическими и физическими явленіями, согласно теоріи параллелизма, имѣетъ иной характеръ, чѣмъ связь физическихъ явленій другъ съ другомъ.

Происходитъ это оттого, что параллелизмъ не только не устраняетъ, но даже возводитъ въ принципъ дуализмъ въ сферѣ явленій, найденный нами въ материализмѣ. Здѣсь заключается слабый пунктъ параллелизма (спинозистическаго), губящій его, такъ какъ можно доказать, во-первыхъ, что существованіе одного изъ параллельныхъ рядовъ есть недоказуемая произвольная гипотеза, и, во-вторыхъ, что эта гипотеза для параллелиста бесполезна какъ практически, такъ и теоретически. Въ самомъ дѣлѣ, рядъ явленій физическихъ данъ намъ въ опытѣ въ видѣ ряда воспріятій, и инымъ способомъ въ опытѣ ничто никогда не можетъ быть дано. Слѣдовательно, въ схемѣ параллелизма (а также материализма) было одно упущеніе, не отмѣченное нами до сихъ поръ: соотвѣтственно каждому физическому явленію не только существуетъ нѣкоторое психическое явленіе, но и само физическое явленіе извѣстно намъ, какъ наше воспріятіе, дѣйствительное или возможное, т.-е. какъ процессъ въ сознаніи (если мы знаемъ, что кто-либо огорченъ, мы знаемъ, что могли бы воспринять образъ плачущаго человѣка). Поэтому въ схемѣ параллелизма, соотвѣтственно каждому физическому явленію, мы должны внести въ рядъ психическихъ явленій еще одно дѣйствительное или возможное психическое явленіе, воспріятіе физическаго явленія:

$$\begin{array}{cccccccccccc}
 a & - & b & - & c & - & r & - & s & - & l & - & m & \dots \\
 \alpha - (\alpha_1) - \beta - (\beta_1) - \chi - (\chi_1) - \gamma - (\gamma_1) - \delta - (\delta_1) - \lambda - (\lambda_1) - \mu - (\mu_1) \dots
 \end{array}$$

Въ этой схемѣ воспріятія $\alpha_1 \beta_1$ и т. д. поставлены въ скобки потому, что не каждое изъ нихъ реально осуществляется, но каждое изъ нихъ возможно; напр., во время поклона мускулъ *biceps* господина А сокращался, но някто этой картины не видѣлъ, однако въ воображеніи мы на основаніи знанія анатоміи и механики можемъ воспроизвести и эту картину.

Такъ какъ физическія явленія даны намъ въ опытѣ

лишь въ нашихъ воспріятіяхъ, т.-е. въ состояніяхъ сознанія, то когда мы говоримъ, что физическія явленія существуютъ внѣ нашего сознанія, мы утверждаемъ одно изъ двухъ: или мы говоримъ, что внѣ нашего я существуютъ физическія явленія такъ же, какъ въ нашемъ сознаніи (въ моемъ сознаніи есть представленіе движенія и пространства и внѣ моего сознанія есть представленіе движенія и пространства, въ моемъ сознаніи есть ощущеніе краснаго цвѣта и внѣ моего сознанія есть ощущеніе краснаго цвѣта и т. п.), или мы утверждаемъ, что наши представленія о физическомъ мірѣ служатъ показателями существованія внѣ нашего я міра, состоящаго не изъ представлений, вообще не изъ состояній сознанія, а изъ чего-то не имѣющаго ничего общаго съ духовностью, сознательностью.

Конечно, не первое утвержденіе высказывается спинозистическимъ параллелизмомъ, а второе. Это второе утвержденіе широко распространено, такъ какъ оно высказывается не только параллелистами, которыхъ очень мало, но и многочисленными матеріалистами. Однако всякій высказывающій это утвержденіе долженъ помнить, что оно относится къ числу недоказуемыхъ гипотезъ, такъ какъ допускаетъ существованіе вещей, *которыя въ опытѣ не даны*; мало того, можно даже утверждать, что содержаніе этой гипотезы хотя и можетъ быть выражено словами, едва ли можетъ быть мыслимо ясно: вѣдь она допускаетъ существованіе вещей, не имѣющихъ ничего аналогичнаго съ ощущеніями, представленіями и т. п. т.-е. съ элементами опыта. Не будемъ однако такъ строги и остановимся на томъ, что эта гипотеза недоказуема. Въ такомъ случаѣ она имѣетъ право на существованіе, если полезна для практическихъ цѣлей, для предсказанія явленій или для дальнѣйшей разработки теорій. Однако именно для параллелиста она не имѣетъ такого значенія. Параллелистъ утверждаетъ, что психическія явленія не зависятъ причинно отъ физическихъ, а составляютъ непрерывный рядъ, развивающійся по собственнымъ законамъ. Если

это не слова, то нужно утверждать, что и наши восприятия, т.-е. вся картина физического міра (α β γ ...), какъ она бываетъ дана въ нашемъ сознаниі, не причиняется реальнымъ физическимъ міромъ, а возникаетъ соотвѣтственно законамъ чувственности. Слѣдовательно, психофизиологія, и даже физика, химія и всѣ науки о физическомъ мірѣ, развиваясь, какъ прежде, на основаніи воспріятій, могутъ и должны быть съ точки зрѣнія параллелиста истолкованы, какъ науки о мірѣ представляющемся, кажущемся, существующемъ соотвѣтственно законамъ психической жизни. Поэтому недоказуемая гипотеза существованія реального физического міра внѣ сознания для параллелиста бесполезна и практически и теоретически. Остается только выбросить ее, какъ ненужный балластъ. Такъ именно и поступаютъ параллелисты, придерживающіеся *идеалистическаго параллелизма*. Они также утверждаютъ, что каждому физическому явленію соотвѣтствуетъ психическое, но для нихъ этотъ законъ имѣетъ уже иное значеніе, чѣмъ для сторонниковъ спинозистическаго параллелизма: согласно этому послѣднему онъ обозначаетъ, что внѣ моего сознания находятся физическія явленія, извѣстныя мнѣ благодаря воспріятію, и вмѣстѣ съ этими физическими явленіями существуютъ также внѣ моего сознания психическія явленія, не воспринимаемая мною, такъ что я могу лишь догадываться о ихъ существованіи на основаніи воспріятыхъ физическихъ явленій. Слѣдовательно, параллелистъ (спинозистъ) можетъ разсматривать физическія явленія, какъ самостоятельную реальность и въ то же время, какъ символъ психическихъ явленій, а параллелистъ, отрицающій реальность физическихъ явленій, можетъ видѣть въ нихъ только символы чужихъ психическихъ состояній. Всякое чужое душевное состояніе можетъ по ученію идеалистическаго параллелиста вызвать въ нашей душѣ эти символы, если мы вступаемъ во взаимодействіе съ внѣшнимъ духовнымъ міромъ. Такимъ образомъ всѣ явленія въ мірѣ суть лишь духовные процессы; міръ можетъ быть объяс-

ненъ чисто монистически. Въ схемѣ явленій съ точки зрѣнія этого параллелизма можно обойтись безъ латинскихъ буквъ, такъ какъ все дѣйствительно данное въ опытѣ, подразумѣваемое подъ этими буквами, выражено уже значками α β χ ... Итакъ, схема принимаетъ слѣдующій видъ:

$$\alpha - (\alpha_1) - \beta - (\beta_1) - \chi - (\chi_1) \dots$$

Такъ какъ при этомъ допускается, что каждому психическому явленію можетъ соотвѣтствовать воспріятіе физическаго процесса, то и эту точку зрѣнія можно называть *параллелизмомъ*, но слѣдуетъ прибавлять, что это параллелизмъ *идеалистическій*.

Итакъ, къ психофизическому параллелизму мы пришли, исходя изъ *механистическаго* натурализма, такъ какъ онъ, развиваясь послѣдовательно, даже безъ давленія со стороны теоріи познанія, а просто съ цѣлью избѣжать внутреннихъ противорѣчій, принужденъ допустить независимость психическихъ явленій отъ физическихъ и наоборотъ. При этомъ, первоначально, какъ мы уже указали, является какая-либо форма психофизическаго параллелизма, утверждающая объективную реальность обоихъ рядовъ явленій.

Несмотря на искусственность этой точки зрѣнія, очень многіе психологи хватаются за нее именно потому, что она спасаетъ механистическій натурализмъ (Гегдингъ). Болѣе философскій характеръ она получаетъ, если привлечь на помощь теорію познанія критической философіи, которая подвергаетъ параллелизмъ глубокому преобразованію, именно превращаетъ его въ идеалистическій параллелизмъ (Фехнеръ, Вундтъ, Паульсенъ, Эбингаузъ, Геймансъ, Кенигъ), отрицая объективную реальность матеріальнаго міра, но въ то же время сохраняя механистическій натурализмъ, по крайней мѣрѣ, какъ ученіе о мірѣ внѣшняго воспріятія. Мы вовсе не принадлежимъ къ числу сторонниковъ идеалистическаго параллелизма, однако заниматься критикою его недостатковъ не будемъ, такъ какъ наша

задача здѣсь сводится лишь къ тому, чтобы показать, что механистическое міровоззрѣніе необходимо приводитъ къ ученіямъ о независимости психическихъ явленій отъ физическихъ, т.-е. къ ученіямъ, благопріятнымъ для волонтаризма, хотя, можетъ быть, и ложнымъ, потому что исходный пунктъ ихъ былъ ложный.

Теперь намъ предстоитъ еще заняться динамистическимъ натурализмомъ. Динамистическое ученіе характеризуется предположеніемъ, что матеріальные процессы причиняются различными физическими силами, при чемъ слово сила, если динамизмъ не становится чисто феноменалистическимъ, обозначаетъ нѣкоторую существующую внѣ сознанія *реальность*, а не есть лишь краткое абстрактное обозначеніе неизмѣнной зависимости между явленіями, данными въ воспріятіи. Законъ сохранения энергіи имѣетъ, обыкновенно, лишь формальное количественное значеніе, именно указываетъ на то, что механическая энергія, превращаясь въ другія формы энергіи, не утрачивается, а можетъ быть опять получена въ прежнемъ количествѣ путемъ обратнаго превращенія. Поэтому силы не должны быть данными въ воспріятіи и не должны непременно обнаруживаться въ формѣ движенія для того, чтобы произвести дѣйствіе, хотя бы онѣ и были движущими силами въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе, причиняемое ими, есть движеніе. Мало того, при этомъ возможно предположеніе, что нѣкоторыя физическія силы не суть движущія силы ни въ какомъ смыслѣ этого слова, и что явленія, причиняемыя ими, вовсе не сводятся къ движеніямъ (напр., химическія реакціи). Въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе неопредѣленности и неясно выраженного метафизическаго характера своихъ понятій, а также вслѣдствіе близости своей къ идеализму, динамизмъ даетъ возможность безъ внутреннихъ противорѣчій утверждать, что психическія явленія причиняются физическими и такимъ образомъ подрываетъ волонтаризмъ. Благодаря тѣмъ же свойствамъ, онъ можетъ принимать принимать самыя разнообразныя формы и,

опровергнутый въ одномъ видѣ, тотчасъ же воскресаетъ въ новой формѣ. Поэтому для борьбы съ нимъ мы прибѣгнемъ сразу къ самому мощному средству, къ теоріи знанія критической философіи, и не будемъ перечислять всѣхъ разновидностей его, а укажемъ лишь въ общихъ чертахъ на возможныя модификаціи его, что касается ученія о явленіяхъ, а не самихъ силахъ.

Во-первыхъ, сторонники динамизма могутъ утверждать, что всѣ физическія явленія суть движенія, или что только нѣкоторыя изъ нихъ суть движенія. Во-вторыхъ, они могутъ признавать движенія объективно реальными, а другія картины физическихъ перемѣнъ субъективными символами объективныхъ физическихъ перемѣнъ, или же считать также и движенія субъективными символами. Отсюда получается четыре вида динамизма, и каждый изъ нихъ можетъ допустить взаимодѣйствіе между душою и тѣломъ. Въ подтвержденіе этой мысли рассмотримъ динамизмъ, наиболѣе близкій къ строго механистическому міросозерцанію, именно тотъ динамизмъ, который всѣ физическія явленія считаетъ движеніями, приписываетъ движеніямъ объективную реальность и руководится въ изслѣдованіи природы закономъ косности и сохраненія энергіи. Отличіе такого динамизма отъ строго механистической точки зрѣнія состоитъ лишь въ томъ, что онъ, хотя и считаетъ всѣ силы, дѣйствующія на матерію, движущими силами, тѣмъ не менѣе не требуетъ, чтобы эти силы до причиненія какого-либо движенія уже обнаруживались въ формѣ другого предшествующаго движенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не требуетъ, чтобы потенциальная энергія была особою формою скрытой кинетической энергіи. Конечно, такой динамистъ можетъ допустить, что какая-либо психическая сила, порождающая рядъ психическихъ явленій, вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ дѣйствовать на матерію и даетъ начало движенію. Законъ косности отъ этого нисколько не нарушается, такъ какъ онъ требуетъ лишь, чтобы

перемѣны въ движеніи матеріи производились внѣшнею причиною, а это требованіе исполнено въ данномъ случаѣ. Законъ сохраненія энергіи также не нарушается, потому что онъ утверждаетъ лишь, что сумма потенциальной и кинетической энергіи остается постоянною, а намъ при настоящемъ положеніи нашихъ знаній ничто не мѣшаетъ предположить, что сумма работы, которую психическія силы способны производить, всегда постоянна, и что энергія ихъ становится потенциальною въ отношеніи физическаго міра, когда онѣ порождаютъ психическія явленія. Вообще а priori ясно, что, выходя изъ сферы явленій и пользуясь метафизическимъ понятіемъ силы, мы можемъ построить все, что угодно, такъ какъ можемъ надѣлать силы любыми свойствами.

Впрочемъ, и этотъ фиктивный міръ можно построить не иначе, какъ изъ того матеріала, который данъ въ явленіяхъ внутренняго или внѣшняго воспріятія. Такъ какъ силы не воспринимаются глазами, ушами и т. п., то надобно предположить, что реальное содержаніе этого понятія складывается изъ матеріала внутренняго воспріятія, напр., изъ чувствованія активности ¹⁾, или изъ какихъ-либо элементовъ внѣшняго воспріятія, до сихъ поръ не замѣченныхъ и приближающихся внѣшнее воспріятіе къ внутреннему. Поэтому динамисты съ такою легкостью доказываютъ, что психическія явленія могутъ быть причиною физическихъ и наоборотъ: при этомъ они, если принять въ расчетъ реальное содержаніе, мыслимое ими подъ словомъ физическая сила, собственно, утверждаютъ, что *психическія начала низшаго порядка (физическая сила) могутъ быть причиною психическихъ явленій высшаго порядка, или наоборотъ*. Одинъ изъ новѣйшихъ защитниковъ взаимодействія между душою и тѣломъ, Эргардтъ въ своемъ сочиненіи «Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele» говоритъ: «Какъ бы далеко мы ни зашли въ своемъ анализѣ тѣла, мы всегда будемъ

¹⁾ См. напр., Липсъ, Основы логики, стр. 103 с.

встрѣчаться только съ матеріальными элементами, а не съ силами, дѣйствующими въ этихъ элементахъ. Поэтому силы по существу нельзя разсматривать, какъ нѣчто тѣлесное; скорѣе ихъ нужно принимать за непространственные, динамическія начала, которыя связаны, правда, съ тѣломъ, но сами вслѣдствіе этого тѣмъ не менѣе не обладаютъ тѣлесными свойствами» ¹⁾... «Эти силы (физическія и химическія) необходимо должны разсматриваться, какъ внутреннія свойства своего носителя; поэтому онѣ находятся въ такомъ же отношеніи къ тѣлу, данному во внѣшнемъ воспріятіи, какъ и душа ²⁾»... «Такимъ образомъ оказывается, что дѣйствіе души на тѣло есть вовсе не исключительное явленіе, а просто частный случай дѣйствія вообще естественныхъ силъ на тѣла. Если тѣло, благодаря присущей ему силѣ притяженія или отталкиванія, принуждаетъ какое-либо другое тѣло приблизиться къ нему или удалиться, то этотъ процессъ, при правильной точкѣ зрѣнія на него, происходитъ совершенно такъ же, какъ если бы душа соотвѣтствующимъ образомъ дѣйствовала на тѣло ³⁾»...

Разсматривая доводы параллелистовъ въ пользу независимости душевныхъ явленій отъ физическихъ, именно ссылки на разнородность этихъ категорій явленій, на законъ сохраненія энергіи и законъ косности, на замкнутость физической причинности, Эргардтъ безъ труда показываетъ, что всѣ эти соображенія имѣютъ смыслъ только при *строга механистической* точкѣ зрѣнія, а при динамизмъ всѣ они теряютъ силу; динамизмъ даетъ ему возможность вернуться къ болѣе естественной точкѣ зрѣнія, къ ученію о взаимодействіи между душой и тѣломъ, и такимъ образомъ избавиться отъ странностей параллелизма. Это обстоятельство даетъ въ его глазахъ большой перевѣсъ динамизму надъ механистическою точкой зрѣнія. Впрочемъ, и безъ этого ди-

¹⁾ Стр. 57 с.

²⁾ Стр. 104.

³⁾ Стр. 59.

наимизмъ, по его мнѣнію, заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ даже явленія въ физическомъ мірѣ, физическія, химическія и особенно органическія, необъяснимы чисто механистически.

Нельзя не согласиться съ Эргардтомъ, что параллелизмъ, допускающій два параллельныхъ ряда явленій, не связанныхъ между собою причинно, вызываетъ рядъ недоумѣній и неразрѣшимыхъ вопросовъ; нельзя также не согласиться съ тѣмъ, что механистическое представленіе о природѣ, если считать его выраженіемъ объективной реальности, приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Однако устраненіе параллелизма и этихъ противорѣчій окупается слишкомъ дорогою цѣною: путемъ замѣны наглядной механистической метафизики неопредѣленною метафизикою динамизма, способною породить безконечные споры. Въ самомъ дѣлѣ механистическая метафизика, имѣющая цѣлью объяснить міръ внѣшняго воспріятія, создается путемъ проецированія явленій, данныхъ во внѣшнемъ воспріятіи. Она строго ограничена въ своихъ построеніяхъ и постоянно провѣряется внѣшнимъ опытомъ; единственный явный грѣхъ ея состоитъ въ томъ, что она принимаетъ явленія, разыгрывающіяся въ сознаніи, за объективную реальность, самостоятельно существующую внѣ всякаго сознанія. Наоборотъ, динамизмъ дополняетъ міръ явленій не явленіями, а абстрактными общностями, силами, между тѣмъ какъ силы и во внутреннемъ опытѣ даны лишь въ отдѣльныхъ психическихъ явленіяхъ, въ актахъ. Точной провѣрки здѣсь не можетъ быть ни путемъ внѣшняго, ни путемъ внутренняго опыта уже потому, что проецируемыя силы, своего рода я въ миниатюрѣ, должны выполнять функціи, слишкомъ не похожія на функціи нашего я, а потому ихъ приходится надѣлять свойствами, представляющими лишь крайне отдаленную аналогію въ сравненіи съ свойствами нашего я. Кромѣ того, динамизмъ, подобно механистической точкѣ зрѣнія, допускаетъ существованіе явленій или силъ внѣ всякаго сознанія и потому,

какъ мы уже раньше говорили, относится къ числу метафизическихъ ученій, не имѣющихъ права на существованіе послѣ трудовъ Канта.

Итакъ, оставаясь на почвѣ опыта, мы неминуемо должны придти къ какому-либо идеалистическому міровоззрѣнію, именно должны считать физическій міръ за воспріятіе. А всякое идеалистическое міровоззрѣніе приводитъ къ необходимому для обоснованія волонтаризма положенію, что психическія явленія причиняются не иначе, какъ психическими явленіями. Однако этимъ общимъ соображеніемъ нельзя удовлетвориться потому, что въ послѣднее время явились формы идеализма (въ имманентной философіи), дающія основаніе для психологическихъ теорій, чрезвычайно близкихъ къ материалистическимъ. Поэтому слѣдуетъ опредѣлить, какія возможны формы идеализма, и всѣ ли онѣ въ самомъ дѣлѣ согласимы съ волонтаризмомъ. Главныя различія между идеалистическими ученіями, съ точки зрѣнія нашей цѣли, обусловливаются различіями въ ученіи о физическомъ мірѣ, именно о томъ, какому сознанію принадлежитъ этотъ міръ и изъ какихъ элементовъ онъ складывается, поскольку онъ находится внѣ человѣческаго сознанія (элементы, встрѣчающіеся въ человѣческомъ сознаніи, перечислены нами).

На первый вопросъ можно отвѣчать четвероюко: во-первыхъ, можно утверждать, что воспріятія физическаго міра составляютъ лишь субъективное содержаніе человѣческаго сознанія, вызываемое или внутренними свойствами самого этого сознанія, или совершенно неизвѣстною внѣшнею причиною, или внутренними процессами, разыгрывающимися въ другихъ сознаніяхъ (такъ напр., смотрятъ на физическій міръ нѣкоторые сторонники идеалистическаго параллелизма); во-вторыхъ, можно утверждать, что часть элементовъ внѣшняго воспріятія принадлежитъ воспринимающему человѣческому сознанію (напр. «мои» элементы), а другая часть входитъ въ сферу другого или другихъ индивидуальныхъ сознаній (напр. «данные мнѣ» элементы); въ-

третьихъ, можно утверждать, что часть элементовъ принадлежитъ воспринимающему, а другая часть сверхъ-индивидуальному міровому сознанию, наконецъ, въ-четвертыхъ, второе и третье учение могутъ быть комбинированы.

На вопросъ, изъ какихъ элементовъ складывается воспріятіе физическаго міра, отвѣты могутъ быть даны самые разнообразныя, въ зависимости отъ того, какіе элементы индивидуальнаго воспріятія признаются «данными» извнѣ, изъ другого сознания (напр., нѣкоторые сторонники имманентной философіи считаютъ не только движеніе, но и цвѣта содержаніемъ сверхъиндивидуальнаго сознания), а также отъ того, какими процессами другого сознания они гипотетически дополняются (если выдѣлить изъ человѣческаго воспріятія несомнѣнно субъективные элементы, напр. «мое» построеніе, «мои» стремленія и тому подобное, то получается остатокъ, который можетъ быть признанъ за процессъ въ какомъ-либо чужомъ сознаніи только съ помощью допущенія, что онъ дополняется въ этомъ другомъ сознаніи элементами, не вошедшими въ наше воспріятіе).

Среди этихъ разнообразныхъ формъ идеализма существуетъ одна, легко подающая поводъ къ чрезвычайно сходному съ матеріалистическимъ учению о психическихъ явленіяхъ. Мы говоримъ о томъ направленіи имманентной философіи, которое признаетъ физическія явленія за процессы мірового сознания и слишкомъ матеріализируетъ эти процессы, потому что имѣетъ въ виду лишь «данные» элементы нашихъ воспріятій и упускаетъ изъ виду, что въ міровомъ сознаніи они должны дополняться какими-либо элементами, напоминающими «мои» элементы нашихъ воспріятій. Въ вопросъ о взаимодѣйствіи между душевными и тѣлесными явленіями сторонники этого направленія могутъ придерживаться всевозможныхъ ученій, подобныхъ дуалистическимъ и монистическимъ ученіямъ; они могутъ даже, какъ и матеріалисты, утверждать, что явленія въ человѣческомъ сознаніи суть совершенно пассивныя

эпифеномены, надстраивающіеся надъ опредѣленными физическими явленіями. Чаще всего, впрочемъ, это направление даетъ поводъ къ ученію о томъ, что психическія явленія могутъ быть причиною физическихъ и наоборотъ (Ремке, возраженія Рикерта противъ параллелизма въ статьѣ, помѣщенной въ сборникъ въ честь Зигварта и др.).

Однако эти формы идеализма не могутъ быть опасными для волюнтаризма, потому что ихъ судьба зависитъ отъ теорій волюнтаризма, но не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти формы идеализма, поскольку онѣ принимаютъ физическія явленія за процессы въ міровомъ сознаниі, должны строить теорію мірового сознаниа, не только исходя изъ гносеологическихъ соображеній, но и опираясь на психологическія теоріи относительно аналогичныхъ явленій въ человѣческомъ сознаниі. Если наблюденія надъ процессами въ человѣческомъ сознаниі приводятъ къ волюнтаристическимъ теоріямъ, то онѣ должны руководить нами при построеніи гипотетической картины процессовъ въ міровомъ сознаниі (поскольку онѣ не противорѣчатъ требованіямъ гносеологій), а не наоборотъ.

Итакъ, гносеологія, поскольку она приводитъ неизбежно къ идеалистическому міросозерцанію, благопріятствуетъ волюнтаризму: она обосновываетъ необходимое для волюнтаризма положеніе, что всякое психическое явленіе принимается не иначе, какъ психическимъ явленіемъ. Что же касается въ частности свойствъ взаимодействующихъ психическихъ явленій (напр. свойствъ тѣхъ психическихъ явленій, которыя въ нашемъ сознаниі являются въ видѣ воспріятій физическаго міра), рѣшеніе этого вопроса въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ изслѣдованій, приводящихъ къ волюнтаризму, а не руководить ими.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что въ психологій допустимо только чисто психологическое изслѣдованіе, и что психофизиологія должна уступить мѣсто наукѣ о взаимодействіи между психическими явленіями,

принадлежащими разнымъ сознаніямъ. Это возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось точно опредѣлить характеръ психическихъ процессовъ, соотвѣтствующихъ нашему воспріятію физическаго міра. Такъ какъ это, вѣроятно, никогда не удастся, то многіе вопросы психологіи (напр., вопросъ о связи между раздраженіемъ и ощущеніемъ, приходится изучать лишь психофизиологически, т. е. опредѣляя не самую психическую причину даннаго психическаго состоянія, а соотвѣствующее ей, существующее въ сознаніи наблюдателя *воспріятіе*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сознаніе и знаніе.

Волюнтаризмъ можетъ быть развитъ безъ противорѣчій только въ томъ случаѣ, если жизнь сознанія складывается не изъ однихъ познавательныхъ процессовъ, а еще изъ состояній, вовсе не заключающихъ въ себѣ знанія и названныхъ нами неопознанными. Въ самомъ дѣлѣ, если всякій «мой» актъ причиняется «моими стремленіями», и если «мое» знаніе есть также «мой» актъ, являющійся результатомъ моего стремленія къ знанію, то, по крайней мѣрѣ, новыя стремленія вначалѣ своего появленія должны быть состояніями сознанія, не заключающими въ себѣ знанія. Поэтому волюнтаризмъ не можетъ согласоваться съ интеллектуализмомъ, принимающимъ всякое состояніе сознанія за познавательное состояніе: для волюнтаризма понятіе сознанія шире понятія знанія. Мало того, волюнтаристы обыкновенно также широко пользуются понятіемъ безсознательной психической жизни. Мы займемся въ настоящей главѣ различеніемъ сознанія и знанія, а по пути рѣшится и вопросъ о безсознательномъ.

I. Неопознанныя состоянія сознанія.

Состоянія сознанія, *наблюдаемая* нами въ своей душевной жизни, т.-е. *познаваемая* путемъ непосредственнаго самонаблюденія, не составляютъ непрерывной цѣпи причинъ и дѣйствій: многіе новые члены возникаютъ такъ, что не могутъ быть объяснены непосредственно *извѣстными* намъ предыдущими душевными состояніями.

Рядъ наблюдаемыхъ явленій оказывается прерывистымъ, въ немъ есть пробѣлы. Опираясь на законъ причинности, необходимо допустить, что эти пробѣлы заполняются явленіями *неизвѣстными* намъ непосредственно, ни въ какомъ смыслѣ не относящимися къ области нашихъ познавательныхъ состояній, т. е. не заключающими въ себѣ интеллектуальныхъ элементовъ «моей» душевной дѣятельности. Что же это за явленія? Какъ извѣстно, правильная постановка вопроса заключаетъ уже въ себѣ наполовину рѣшеніе его, поэтому формулируемъ его точно и ясно. Мы хотимъ опредѣлить, какія явленія существуютъ въ мірѣ, кромѣ состояній сознанія, заключающихъ въ себѣ интеллектуальные элементы (таковы представленія, опознанныя эмоціи, опознанныя стремленія и т. п.); иными словами, мы ищемъ явленій, въ которыя не входитъ знаніе о нихъ, такъ что они ни цѣликомъ, ни какою-либо своею стороною (какъ напримѣръ опознанныя эмоціи) не относятся къ отдѣлу познавательныхъ состояній. Нашимъ требованіямъ должны удовлетворять или неопознанныя состоянія сознанія (если они существуютъ, т.-е., если не всякое сознаніе есть знаніе) или бессознательное.

Обыкновенно, эту проблему безъ дальнихъ разсужденій опредѣляютъ, какъ поиски за бессознательнымъ, т. е. въ самомъ началѣ производятъ роковое для дальнѣйшаго изслѣдованія отождествленіе понятій знаніе и сознаніе, и потому, не получая полной картины міра изъ интеллектуальныхъ состояній, даже и не пытаются

достроить ее другими состояніями сознанія, а сразу обращаются къ бессознательному.

Незаконность этого отождествленія становится ясною уже на основаніи слѣдующихъ общихъ соображеній. Понятія сознанія и знанія могутъ быть только или тождественными или относиться другъ къ другу, какъ родъ къ виду. Такъ какъ всякое наше переживаніе, всякій опытъ возможны не иначе, какъ въ формѣ состояній сознанія, то понятіе сознанія неразложимо дальше и неопредѣлимо, вслѣдствіе своей крайней общности. Для поясненія его у насъ нѣтъ иного средства, какъ привести рядъ примѣровъ состояній сознанія и сказать, что подъ словами состояніе сознанія мы разумѣемъ то общее, что есть во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ. Если бы понятіе познавательнаго состоянія, познавательнаго процесса было тождественно понятію сознанія, то это значило бы, что и оно неразложимо и неопредѣлимо. Между тѣмъ на дѣлѣ всякій психологъ и гносеологъ или прямо признаетъ сложность интеллектуальныхъ состояній, анализируя ихъ, или въ скрытой формѣ утверждаетъ ее тѣмъ, что даетъ опредѣленія знанія. Уже это обстоятельство наводитъ на мысль, что знаніе есть видъ сознанія и, какъ всякій видъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ общихъ свойствъ всякаго сознанія, еще спеціальные видовые признаки, вслѣдствіе чего и является возможность опредѣленія его.

Итакъ, намъ предстоитъ задача выдѣлить знаніе изъ области сознанія вообще и показать по крайней мѣрѣ путемъ ряда примѣровъ, что такое знаніе, не заключающее въ себѣ познавательныхъ элементовъ. Эта задача, а priori можетъ показаться невыполнимою. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря критической философіи мы твердо помнимъ, что наука имѣетъ право заниматься изслѣдованіемъ лишь того, что дано въ опытѣ, т. е. того, что входитъ въ сферу нашего наблюденія, воспріятія. Однако наблюденіе, воспріятіе суть процессы познавательнаго характера, а мы хотимъ теперь какъ разъ заняться явленіями, не заключающими въ себѣ

никакихъ познавательныхъ элементовъ. Слѣдовательно, правовѣрные сторонники, критической философіи могутъ забраковать наше предпріятіе, какъ попытку выйти за предѣлы опыта; они могутъ отвергнуть ее на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ, напр., признаются несостоятельными всѣ ученія о матеріальномъ мірѣ, приписывающія ему объективную реальность. Къ счастью, однако, наше положеніе не такое печальное. Не слѣдуетъ забывать, что явленія, которыхъ мы ищемъ, суть *процессы еознанія*. Слѣдовательно, возможно, что мы ихъ найдемъ, не нарушая требованій критической философіи, именно это удастся намъ въ томъ случаѣ, если искомыя состоянія всегда или хотя бы иногда входятъ въ познавательные процессы, какъ составная часть ихъ. Мы постараемся показать, что это и въ самомъ дѣлѣ такъ, и даже отыщемъ эти состоянія сознанія путемъ анализа интеллектуальныхъ процессовъ.

Всякое знаніе есть знаніе о чемъ-нибудь. При этомъ сама познаваемая вещь дана въ процессѣ знанія въ видѣ состоянія сознанія. Напр., если мы познаемъ какое нибудь растеніе (ботанизируемъ въ полѣ и, найдя новый для насъ видъ, разсматриваемъ его), прислушиваемся къ какому либо звуку, опредѣляемъ вкусъ вещи, знаемъ о какомъ-либо своемъ чувствѣ или изучаемъ процессъ своихъ умозаключеній, то это растеніе, звукъ, вкусъ, чувство и умозаключенія существуютъ не внѣ процесса познанія, а даны въ немъ, какъ составная часть, какъ исходный пунктъ для познанія. Противъ этой данности познаваемой вещи въ актѣ знанія нельзя спорить. Но можно спорить противъ того, что познавательные процессы всегда *сложны* и складываются изъ познаваемого состоянія и знанія о немъ. Можно утверждать, что бѣлый цвѣтъ, звукъ, образъ растенія суть не исходный пунктъ для познанія, а уже само знаніе. Во многихъ психологіяхъ ощущенія, напр., разсматриваются, какъ простыя неразложимыя далѣ познавательныя состоянія; они считаются не матеріаломъ для знанія, а знаніемъ о качествахъ предметовъ.

Чтобы опровергнуть эту мысль, рассмотрим сначала несколько случаев болѣе сложнаго и при томъ менѣе привычнаго опознанія, достигаемаго съ помощью нѣкотораго труда и сознательныхъ усилій. Представимъ слѣдующій случай: психологъ и въ то же время ботаникъ-любитель А. гуляетъ со своимъ товарищемъ Б., который не занимается этими науками; Б. срываетъ растеніе, разсматриваетъ его двѣ-три секунды и передаетъ своему товарищу со словами: «Ромашка». Б. разсматриваетъ его тоже всего двѣ-три секунды и укладываетъ въ коробку, улыбаясь, потому что это вовсе не ромашка, а одинъ изъ видовъ *Leucanthemum* и ему трудно себѣ представить, какъ можно смѣшать эти растенія; разсматривая растеніе самое короткое время, онъ воспринялъ образъ его во всѣхъ подробностяхъ, онъ видѣлъ и его полушаровидное цвѣтоложе, непохожее на коническое цвѣтоложе ромашки, и листья съ рѣдкими зубцами, но вовсе не подраздѣленными, какъ у ромашки, и т. д. и т. д. Мало того, онъ замѣтилъ еще, что листья этого экземпляра ненормально слабо развиты и потому не выбросилъ его. Заинтересованный причиною этого явленія, онъ начинаетъ думать о немъ, соображаетъ, что оно должно быть обусловлено недостаткомъ влаги, но удивляется этому, такъ какъ знаетъ, что въ прежніе года это мѣсто, наоборотъ, всегда изобиловало ею; это затрудненіе вызываетъ въ немъ какую то смутную эмоцію, въ головѣ являются обрывками разныя догадки, въ то-же время онъ безотчетно оглядывается во всѣ стороны и вдругъ замѣчаетъ вырытую въ этомъ году канаву; этимъ все объясняется; онъ тотчасъ же успокоивается и удовлетворяется; въ сознаніи его всплываютъ другія мысли, ему вспоминается сосѣдь, который провелъ эту канаву; это помѣщикъ, желающій повысить доходность своего имѣнія и постоянно толкующій о причинахъ упадка дворянскаго землевладѣнія въ Россіи; отсюда мысль А. переходитъ къ дворянству, какъ общественному классу, и т. д. Въ этомъ сложномъ примѣрѣ воспользуемся сначала его

первою частью: образомъ растенія въ сознаниі двухъ товарищей. Исходный пунктъ воспріятія у обоихъ былъ одинъ и тотъ же, а между тѣмъ конечный результатъ по истеченіи трехъ секундъ оказался безконечно различнымъ: у одного явился неисчерпаемо богатый индивидуальными подробностями образъ, а у другого довольно хаотичная смутная картина, такъ какъ смѣшеніе ромашки съ *Leucanthemum* произошло не только вслѣдствіе смутности воспоминанія о ромашкѣ, но и вслѣдствіе недостатковъ воспріятія. Разница между этими двумя воспріятіями главнымъ образомъ состоитъ въ слѣдующемъ: одно изъ нихъ оказывается расчлененнымъ на множество частей, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, тогда какъ въ другомъ части сливаются; мало того, въ одномъ изъ воспріятій каждая изъ этихъ частей индивидуализирована еще и въ томъ смыслѣ, что отличается отъ подобныхъ частей другихъ растеній, напр. цвѣтоложе воспринимается, какъ шаровидное, а въ другомъ изъ воспріятій этой опредѣленности нѣтъ. Для насъ особенно важно то, что смутный образъ, полученный Б., составляетъ также начальный пунктъ воспріятія А. Въ этомъ смыслѣ мы говорили, что у нихъ исходный пунктъ одинъ и тотъ же. Путемъ самонаблюденія легко подмѣтить, что первоначальныя стадіи воспріятія всегда бывають смутными, недостаточно индивидуализированными. Это явленіе еще недостаточно полно изслѣдовано, но и то, что есть, говоритъ въ нашу пользу. Сошлемся, на примѣръ, на интересное изслѣдованіе проф. Н. Ланге по этому вопросу. Конечные результаты воспріятія также могутъ оказаться очень сходными, если попросить Б. рассмотреть растеніе во всѣхъ подробностяхъ и дать ему на это много времени. Итакъ, повидимому, разница между этими двумя воспріятіями заключается не въ основномъ «данномъ» матеріалѣ, а въ обработкѣ его, въ перемѣнахъ, возникающихъ подъ вліяніемъ вниманія и другихъ «моихъ» дѣятельностей. Какія же это дѣятельности? Если попросить Б. рассмотреть растеніе хорошенько и подробно описать его, то

онъ начнетъ, обращая вниманіе на разныя части растенія, различать ихъ, что возможно не иначе, какъ путемъ нахожденія и сходствъ, и различій, и дастъ дѣйствительно хорошее описаніе разныхъ частныхъ, напр., формы волосковъ, только въ томъ случаѣ, если разсмотритъ нѣсколько другихъ растений: иначе положительно невозможно охватить массу мелкихъ подробностей. А. чрезвычайно быстро производитъ это различіе, въ его сознаніи какъ-будто безъ труда возникаетъ отчетливый образъ растенія. Однако эта легкость не должна вводить насъ въ заблужденіе: такой образъ растенія не самъ собою входитъ въ его сознаніе; до приобрѣтенія этой способности онъ внимательно и настойчиво разсматривалъ сотни растений и обогатилъ свою память множествомъ формъ. Эти дѣятельности сравненія относились къ числу «моихъ», и результаты ихъ настолько усвоены памятью, что нерѣдко всплываютъ въ сознаніи, какъ «данные»; потому-то, воспринимая отчетливый образъ растенія, А. затрачиваетъ теперь очень мало усилій. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ различіяхъ, которыя происходятъ отъ присоединенія идей, по существу далекихъ отъ образа растенія, но связанныхъ по ассоціаціи съ нимъ, напр. не о словахъ полусферовидный, описывающихъ форму цвѣтоложа, а о самомъ образѣ *Leucanthemum*, который послѣ многочисленныхъ дѣятельностей сравненія и различенія рисуется иначе, чѣмъ до этихъ дѣятельностей. Это измѣненіе образа тоже нужно объяснять обогащеніемъ его различными идеями, ассоціированными благодаря процессамъ сравненія, но эти ассоціаціи имѣютъ вовсе не внѣшній характеръ; онѣ не присоединяются такъ поверхностно, какъ слово полусферовидный, а органически срастаются съ образомъ. Если пользоваться терминологіею Вундта, то ихъ нужно отнести къ числу ассимилированныхъ идей.

Ту же самую мысль можно подтвердить еще слѣдующими соображеніями. Даже и самое примитивное

состояніе, напр., воспріятіе бѣлаго цвѣта, если оно относится къ числу интеллектуальныхъ состояній, именно если мы воспринимаемъ его, какъ «этотъ опредѣленный цвѣтъ», должно быть уже состояніемъ сложнымъ: чтобы воспринимать цвѣтъ, какъ «этотъ опредѣленный цвѣтъ», необходимо отличать его отъ всѣхъ другихъ состояній сознанія и цвѣтовъ; но различеніе можетъ производиться не иначе, какъ тогда, если въ сознаніи есть нѣсколько состояній, отличаемое и то, отъ чего оно отличается.

Однако эти другія состоянія, на фонѣ которыхъ *выдѣляется* нами воспринимаемое, остаются въ туманѣ, да это и не удивительно: мы заняты познаваніемъ не ихъ, а того, что выдѣляемъ изъ среды ихъ. Но если этотъ фонъ исчезнетъ, если одно какое-либо состояніе сознанія овладѣетъ всею областью душевной жизни, оно совершенно утрачиваетъ интеллектуальный характеръ. Такъ бываетъ въ случаяхъ экстаза или тогда, когда какая-либо сильная эмоція, напр. гнѣвъ, овладѣваетъ нами всецѣло.

Пока гнѣвъ не вытѣснилъ всѣхъ другихъ состояній, мы все еще воспринимаемъ его такъ же, какъ воспринимаемъ, напр., бѣлый цвѣтъ, мы сознаемъ свое состояніе, какъ «это опредѣленное состояніе»; но когда онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, когда всякая интеллектуальная дѣятельная обработка состояній сознанія исчезаетъ, мы теряемъ всякое *представленіе* о томъ бурномъ состояніи, которое переживаемъ. Мало того, и при наличности другихъ душевныхъ явленій мы съ большимъ трудомъ познаемъ тѣ состоянія сознанія, условія возникновенія которыхъ не благоприятствуютъ ихъ различенію, напр., осязая мокрый, холодный и твердый предметъ, трудно различить эти ощущенія, и вообще трудно отдѣлить осязательныя ощущенія отъ температурныхъ, потому что они всегда сопутствуютъ другъ другу. Точно такъ же трудно распознать психическія состоянія чрезвычайно распространенныя въ нашей душевной жизни и не сопутствуемыя

контрастирующими явлениями; таково, напр., чувство-
вание активности, всегда одинаковое по качеству и из-
мѣняющееся лишь по интенсивности. До тѣхъ поръ,
пока мы не обратимъ вниманія на эти состоянія со-
знанія, пока мы не выдѣлимъ ихъ, т.-е. не *произведемъ*
работу различенія и отождествленія, нельзя сказать,
что у насъ есть знаніе о нихъ, что мы воспринимаемъ
такія ощущенія и чувствованія такъ же, какъ «этотъ
опредѣленный цвѣтъ».

Въ психологіи давно уже укоренилось ученіе о томъ,
что знаніе возникаетъ лишь, какъ результатъ сравне-
нія, т.-е. различенія и отождествленія, для которыхъ,
конечно, нужна еще и память, т.-е. сохраненіе въ со-
знаніи прежде пережитыхъ состояній, служащихъ ма-
териаломъ для сравненія. Однако прямой выводъ отсюда,
что всякое знаніе должно быть *не первичнымъ*, а *вто-*
ричнымъ состояніемъ сознанія, что оно должно заклю-
чать въ себѣ познаваемый матеріалъ и знаніе о немъ,
какъ результатъ сравненія, не достаточно обращаетъ
на себя вниманіе, не достаточно использованъ въ психо-
логіи. Еще когда идетъ рѣчь о такихъ состояніяхъ,
какъ эмоціи, напр., гнѣвъ, легко соглашаются съ тѣмъ,
что гнѣвъ и знаніе о немъ—вещи разныя. Не вызы-
ваютъ особенныхъ сомнѣній въ этомъ отношеніи и
смутныя органическія ощущенія, напр., ощущенія въ
пищеводѣ, желудкѣ, сердцѣ и т. п. Но примѣнить этотъ
выводъ къ ощущеніямъ органовъ высшихъ чувствъ
рѣшится уже не всякій психологъ: въ очень многихъ
психологіяхъ напр., *ощущеніе* бѣлаго цвѣта, какъ простое
состояніе сознанія, относится къ разряду познаватель-
ныхъ состояній, между тѣмъ, если мы правы, надобно
признать, что всякое такое ощущеніе, подобно эмоціи
гнѣва или чувствованію удовольствія, есть *чувствованіе*,
а не интеллектуальная перемѣна въ сознаніи; но она
можетъ послужить *материаломъ* для знанія, можетъ
войти въ интеллектуальный познавательный процессъ,
если сдѣлается предметомъ вниманія, сравненія и т. п.

Мы полагаемъ, что эта мысль не достаточно распро-

странена въ психологii по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, опознаніе ощущеній органовъ высшихъ чувствъ сдѣлалось для насъ настолько *привычнымъ* актомъ, что мы не замѣчаемъ усилій, затрачиваемыхъ на него, и воспріятіе «этого опредѣленнаго ощущенія» кажется намъ состояніемъ простымъ; къ тому же у взрослога человѣка это опознаніе, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ происходитъ за предѣлами его я, такъ что результаты его кажутся «данными», и только въ исключительныхъ случаяхъ этотъ актъ распадается на рядъ процессовъ въ сферѣ я, доступныхъ наблюденію. Намъ случилось произвести такое наблюденіе, участвуя въ опытахъ надъ цвѣтовыми контрастами; опыты состояли въ томъ, что испытуемый субъектъ воспринималъ въ теченіе очень короткаго времени вращающійся дискъ, на периферіи и въ центрѣ котораго находился индуцирующій цвѣтъ большей или меньшей интенсивности, а посрединѣ чистый бѣлый цвѣтъ большей или меньшей интенсивности или же бѣлый цвѣтъ съ примѣсью индуцирующаго; фиксируя какую-либо среднюю точку средней полосы, нужно было опредѣлить ея цвѣтъ; такъ какъ оттѣнки цвѣтовъ получались при этомъ довольно непривычные, и воспріятіе продолжалось очень короткое время, то ясно было, что сознаніе «этого опредѣленнаго состоянія» — мы говоримъ объ опредѣленности зрительнаго образа, а не о появленіи въ сознаніи названія и т. п. внѣшнихъ для образа идей, — есть явленіе вторичное, возникающее вслѣдъ за появленіемъ просто состоянія сознанія, которое мало-по-малу путемъ сознаваемыхъ усилій опредѣляется нами. Во-вторыхъ, ощущенія органовъ высшихъ чувствъ *имѣютъ въ нашемъ душевномъ обиходѣ смыслъ* только постольку, *поскольку служатъ матеріаломъ для знанія*, тогда какъ другія состоянія, напр., гнѣвъ, имѣютъ смыслъ и помимо знанія; поэтому намъ трудно согласиться, что ощущенія, какъ и эмоціи, вовсе не суть познавательныя состоянія. Наконецъ, въ-третьихъ, психологiя и до сихъ поръ сохраняетъ чрезмѣрную

склонность къ интеллектуализму. Впрочемъ, объ интеллектуализмѣ въ современной психологіи и причинахъ распространенности его мы поговоримъ подробнѣе въ концѣ этого отдѣла.

Если мы правы, то сфера сознанія далеко не исчерпывается познавательными процессами. Каждое познавательное состояніе есть результатъ опознанія состояній сознанія, которыя до этого не заключали въ себѣ знанія, значитъ, такихъ неопознанныхъ состояній сознанія во всякомъ случаѣ есть столько, сколько есть актовъ опознанія; но этого мало: многія состоянія остаются вовсе неопознанными, и кромѣ того, всякое опознанное состояніе должно заключать въ себѣ неопознанные элементы уже потому, что самый актъ опознанія есть *ново состояніе сознанія*, которое требуетъ *спеціальной акта* для того, чтобы быть опознаннымъ, а если такой актъ опознанія совершившагося процесса опознанія и совершится, то для этого новаго акта нужно спеціальное опознаніе и т. д. Такого новаго акта не нужно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы былъ правъ крайній интеллектуалистъ Спиноза, утверждающій, что всякое состояніе сознанія есть не только *idea*, но и *idea ideae*. Возражать противъ насъ можетъ лишь тотъ, кто думаетъ, что всякое состояніе сознанія есть само по себѣ уже знаніе, т.-е. тотъ, кто отождествляетъ сознаніе и знаніе; наоборотъ, всякій, кто согласенъ съ тѣмъ, что въ актѣ знанія нужно различать матеріалъ для знанія (состояніе сознанія) и опознаніе его, долженъ допускать существованіе неопознанныхъ состояній сознанія, такъ какъ опознаніе по самому характеру своему (различеніе, отождествленіе) есть явленіе вторичное, надстраивающееся надъ матеріаломъ, который и безъ него можетъ и долженъ существовать. Для поясненія этого мы воспользуемся второю частью своего примѣра, приведеннаго раньше. Ботаникъ А., спрятавъ растеніе, задумался о причинахъ ненормальнаго развитія листьевъ его; у него явилось нѣсколько неправильныхъ догадокъ, которыми онъ не удовлетворился,

какая-то эмоція; онъ сталъ безотчетно оглядываться, увидѣлъ канаву, рѣшилъ вопросъ, успокоился, задумался о помѣщикѣ, о его взглядахъ на сельское хозяйство въ Россіи, потомъ перешелъ къ мысли о дворянствѣ и т. д. Въ его душѣ явился рядъ состояній сознанія, рядъ мыслей, эмоцій, чувствованій (неудовлетвореніе, удовлетвореніе), стремленій (напр., во время исканія отвѣта) и т. д. Мало того, этотъ рядъ вовсе не состоитъ изъ разрозненныхъ членовъ, внѣшне присоединенныхъ другъ къ другу, какъ колья частокола; это *непрерывный процессъ*, подобный, напр., процессу движенія какой-нибудь вѣточки дерева, увлеченной стремительнымъ ручьемъ; нѣкоторыя положенія этой вѣточки, то всплывающей на поверхность, то погружающейся подъ воду, особенно обращаютъ на себя вниманіе, выдѣляются нами, но никто не скажетъ, что промежутки между этими состояніями не связаны тѣмъ же процессомъ движенія. То же самое необходимо сказать и о процессѣ въ сознаніи: выдающіяся точки его (напр., разныя догадки о причинахъ ощущенія, воспріятіе канавы и т. п.) всѣ связаны съ однимъ и тѣмъ же приводящимъ къ отвѣту на вопросъ токомъ промежуточными звеньями, состоящими изъ чувствованій исканія, согласія или противорѣчія, неудовлетворенія, заставляющаго отвлечь опять вниманіе отъ всплывшей идеи и т. п., при чемъ самое возниканіе или потуханіе психическаго состоянія (догадки, воспріятія канавы) также есть процессъ, пробѣгающій рядъ стадій развитія. Между тѣмъ очень немногіе люди знаютъ о существованіи такого непрерывнаго процесса и подмѣчаютъ связующія звенья. Можно сказать, что на это способны только спеціалисты-психологи, постоянно сравнивающіе и сопоставляющіе ихъ, да и то, обыкновенно, процессъ въ цѣломъ опознается не одновременно съ теченіемъ его, а по свѣжему воспоминанію. Напр., если ботаникъ-психологъ А. интересуется неожиданными переходами мысли отъ одного предмета къ другому и привыкъ уже дѣлать наблюденія въ

этомъ родѣ, онъ, дойдя до мысли о дворянствѣ, почти навѣрное спохватится, почувствуетъ, что въ его сознаниі разыгрался процессъ, интересный для него, и мысленно вернется назадъ, чтобы повторить его въ воспоминаніи. При этомъ онъ будетъ воспринимать весь процессъ, какъ «этотъ опредѣленный процессъ», т.-е. какъ процессъ, состоящій изъ «этихъ опредѣленныхъ членовъ» (чтобы ясно себѣ представить, что это значить, нужно особенно обратить вниманіе на перемѣну, которая произойдетъ при этомъ съ эмоціями и чувствованіями), находящихся въ такомъ-то временномъ порядкѣ (мы говоримъ опять не объ опредѣленіяхъ порядка словами, а о самомъ *образѣ* этого порядка) и цѣпляющихся другъ за друга такъ-то. Несомнѣнно этотъ процессъ существовалъ въ сознаниі психолога А. до акта воспоминанія и опознанія; точно также несомнѣнно подобные процессы развиваются постоянно въ сознаниі не-психологовъ, которые однако въ теченіе всей своей жизни, обыкновенно, ни разу не *воспринимаютъ ихъ, какъ такой непрерывный процессъ*. Слѣдовательно, такой процессъ есть состояніе сознанія, не сопровождающееся знаніемъ, и если знаніе о немъ возникаетъ, то оно заключаетъ въ себѣ это состояніе сознанія, дополненное нѣкоторыми новыми состояніями, результатами акта опознанія.

Однако и это познавательное состояніе опять заключаетъ въ себѣ неопознанныя состоянія сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, опознавая процессы своего сознанія, ботаникъ А. почти навѣрное обращалъ вниманіе только на содержаніе опознаваемыхъ явленій, а не на самый актъ опознанія, который остался такимъ образомъ неопознаннымъ; для того, чтобы опознать и его, т.-е. чтобы знать о своей дѣятельности сосредоточенія вниманія, сравненія, различенія и т. п., нужно въ свою очередь и на ней сосредоточить вниманіе, отличить ее отъ другихъ дѣятельностей и т. д. Очевидно, эти акты пришлось бы повторять безъ конца, если бы мы захотѣли опознать каждый актъ опознанія. Такъ какъ это

невозможно, то уже по этой причинѣ необходимо признать, что въ каждомъ познавательномъ состояніи есть неопознанные элементы. Впрочемъ, кромѣ этого есть еще гораздо болѣе важныя причины существованія неопознанныхъ состояній, обуславливаюція чрезвычайную распространенность ихъ.

Мы уже говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., о томъ, что опознаніе возможно лишь тогда, если въ сознаніи есть нѣсколько состояній, а также о томъ, что оно облегчается присутствіемъ контрастирующихъ состояній. Эти причины можно было бы перечислить съ исчерпывающею полнотою, если бы въ психологіи существовало полное ученіе о процессѣ опознанія, особенно о томъ, *изъ какихъ актовъ* онъ складывается. Вѣроятно, онъ состоитъ не только изъ актовъ сосредоточенія вниманія, припоминанія (сходныхъ случаевъ), различенія и отождествленія. Однако этотъ вопросъ составляетъ тему спеціальнаго отдѣла психологіи, и потому мы не будемъ разрабатывать его. Укажемъ лишь на одну изъ причинъ недостаточности опознанія, интересную съ волюнтаристической точки зрѣнія. Опознаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно совершается въ отношеніи къ необычнымъ явленіямъ, есть типичный «мой актъ», заключающій въ себѣ стремленія (сравнить, вспомнить и т. п.), чувствованіе активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія. Конечно, очень знакомыя явленія, опознаваемые нами ежедневно, не требуютъ такого труда: достаточно бываетъ сосредоточить на нихъ вниманіе, чтобы они явились уже въ фиксаціонной точкѣ сознанія въ опознанномъ видѣ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что *вначалѣ* опознаніе ихъ не было также «моимъ актомъ». Если такъ, то опознанными должны оказываться тѣ состоянія, къ опознанію которыхъ мы *стремимся*, опознаніе которыхъ представляетъ *интересъ* на теперешней ступени нашего развитія. Первоначальныя настоятельныя потребности нашей жизни требуютъ умѣнія быстро опознавать данныя сознанія, относящіяся къ внѣшнему физическому

міру, цвѣта, звуки, формы и т. п. Гораздо менѣе важно для практическихъ повседневныхъ цѣлей опознаніе психическихъ состояній, *какъ таковыхъ*. Соотвѣтственно этому и знаніе о нихъ гораздо менѣе распространено. Очень многіе люди, можно сказать, не знаютъ о томъ, что у нихъ есть душевныя состоянія, и склонны къ матеріализму именно потому, что знаютъ только физическій міръ. Мало того, всякое явленіе въ сознаніи развивается, какъ сплошной непрерывный процессъ (стадіи развитія воспріятія, воспоминанія, умозаключенія и т. п.); для повседневныхъ цѣлей важны главнымъ образомъ заключительныя стадіи этихъ процессовъ (отчетливое воспріятіе, результатъ припоминанія, выводъ и т. п.) и можно сказать, что только эти заключительныя стадіи процессовъ и опознаются нами. Самое же развитіе этихъ процессовъ опознается только специалистами-психологами, да и то далеко не всѣми. Можно сказать, что и среди психологовъ только геніальные наблюдатели способны бывать въпервые опознать нѣкоторыя душевныя явленія и указать на нихъ, послѣ чего, конечно, уже не трудно и другимъ специалистамъ совершить этотъ актъ опознанія. Здѣсь достаточно указать, напр., на отмѣченные Джемсомъ «обертонъ», смутныя психическія состоянія, предшествующія всякой фразѣ, заготовляемой нами въ отвѣтъ на поставленный вопросъ, всякой мысли, умозаключенію и т. д. Такую же трудную работу опознанія нужно будетъ произвести въ отношеніи наиболѣе абстрактныхъ понятій, относительно которыхъ психологи, обыкновенно, придерживаются номиналистическаго ученія, именно утверждаютъ, что имъ не соотвѣтствуетъ специфическое психическое состояніе, что, мысля этими понятіями, мы имѣемъ въ сознаніи лишь обозначающія ихъ слова, которыя управляютъ дальнѣйшимъ теченіемъ идей по ассоціаціи. Между тѣмъ несомнѣнно, что слово, имѣющее для насъ значеніе, хотя бы оно обозначало самое абстрактное понятіе, и слово, лишенное значенія, воспринимаются нами совершенно различно, и это различіе приходится

объяснить добавочными, въ первомъ случаѣ, психическими состояніями, которыя чрезвычайно трудно опознать. Если принять въ расчетъ, какъ много есть такихъ состояній, сопровождающихъ чувственный образъ слова, или какъ много есть состояній вродѣ обертоновъ Джемса, то придется согласиться, что наше сознание есть въ каждый данный моментъ цѣлый океанъ состояній, въ которомъ намъ извѣстны только небольшіе островки, и работа опознанія извлечетъ изъ нѣдръ этого океана такія чудеса, какія и не сняты мудрецамъ, несмотря на то, что эти чудеса разыгрываются постоянно въ самомъ нашемъ я и создаются самимъ этимъ я, однако создаются въ процессѣ жизни сознанія, не освѣщеннаго знаніемъ.

Итакъ, на вопросъ, поставленный вначалѣ: «Какія существуютъ явленія, кромѣ состояній сознанія, заключающихъ въ себѣ познавательные элементы?» мы можемъ отвѣтить: непознанныя состоянія сознанія. Вслѣдъ за этимъ тотчасъ же возникаетъ вопросъ, не состоитъ ли вся психическая жизнь изъ этихъ двухъ разрядовъ явленій, изъ непознанныхъ и опознанныхъ состояній сознанія, иными словами, нельзя ли обойтись безъ понятія безсознательнаго; мы говоримъ, конечно, о психическомъ безсознательномъ; о матеріальномъ безсознательномъ мы уже говорили, что оно недоказуемо и не можетъ быть мыслимо безъ противорѣчій. На этотъ вопросъ тѣмъ легче отвѣтить утвердительно, что главная отличительная черта предполагаемыхъ безсознательныхъ психическихъ состояній также заключается въ ихъ непознанности, такъ что является предположеніе, не называютъ ли многіе психологи безсознательнымъ психическимъ процессомъ то, что мы называемъ словомъ непознанный психическій процессъ.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы разсмотримъ различныя ученія о безсознательномъ и постараемся показать, что они въ самомъ дѣлѣ охватываются нашимъ понятіемъ непознанныхъ психическихъ процессовъ и что въ большинствѣ случаевъ они фактически имѣютъ въ виду

разницу между опознанными и неопознанными состояніями сознанія, но опредѣляютъ ее сбивчиво и неясно, потому что исходятъ изъ ложнаго отождествленія сознанія и знанія.

II. Ученія о безсознательномъ.

Многочисленныя ученія о психическомъ безсознательномъ возникли, какъ мы уже говорили, потому, что причинная цѣпь опознанныхъ психическихъ явленій заключаетъ въ себѣ пробѣлы. Всѣ эти ученія пересказываютъ черезъ понятіе неопознаннаго состоянія сознанія, потому что не различаютъ понятій знанія и сознанія вообще. Вслѣдствіе этого въ нихъ является сбивчивость и неясность, затрудняющая ихъ классификацію. Однако разсматривать ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности, и потому мы, хотя бы и насильственно, попытаемся систематизировать ихъ.

Такъ какъ кромѣ сознанія въ опытѣ ничего не дано, то а ргіогі можно предвидѣть, что ученія о психическомъ безсознательномъ могутъ имѣть какое-нибудь положительное содержаніе, т.-е. построить понятіе безсознательнаго, хотя сколько-нибудь соотвѣтствующее опыту и полезное для объясненія явленій, только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ.

I. Если подѣ безсознательными психическими явленіями они разумѣютъ *такія же по составу* явленія, какъ и всѣ сознательныя, но въ нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ; или:

II. Если подѣ безсознательными психическими явленіями они разумѣютъ, какъ и мы, неопознанныя состоянія сознанія (но не развиваютъ во всѣхъ подробностяхъ ученія, отстаиваемаго нами, такъ какъ все же продолжаютъ смѣшивать сознаніе и знаніе).

Первый классъ можетъ заключать въ себѣ только слѣдующія двѣ группы:

1. Ученія, разумѣющія подѣ безсознательными состояніями психическіе процессы, совершенно такіе же

по составу, какъ и сознательные процессы какого-либо я, но разыгрывающіеся въ другомъ я (напр., въ спинномъ мозгу и т. п.) и потому не сознаваемые первымъ я; иными словами, это относительно безсознательные процессы: они сознательны для того я, въ которомъ происходятъ, но не сознаются другимъ я (о такомъ относительно безсознательномъ говорятъ, напр., Горвицъ, Гартманъ, Вундтъ).

2. Ученія, разумѣющія подъ безсознательными состояніями психическіе процессы, совершенно такіе же по составу, какъ и сознательные, но отличающіеся отъ нихъ по интенсивности, именно слишкомъ мало интенсивные (напр., ученіе Лейбница, Бенеке).

Ко второму классу относятся ученія, разумѣющія подъ безсознательнымъ неопознанное, но все же смѣшивающія знаніе и сознаніе; поэтому въ нихъ отдѣленіе неопознанныхъ состояній отъ опознанныхъ производится почти всегда сбивчиво и неполно: обыкновенно берется какая-либо группа психическихъ явленій, явно не заключающихъ въ себѣ знанія и заносится въ разрядъ безсознательнаго, а все остальное причисляется къ области сознанія. Поэтому ихъ можно разбить на слѣдующія двѣ группы:

1. Ученія, разумѣющія подъ безсознательнымъ всѣ неопознанныя состоянія сознанія.

2. Ученія, разумѣющія подъ безсознательнымъ какой-либо видъ неопознанныхъ состояній сознанія.

Само собою разумѣется, ученій, входящихъ въ послѣднюю группу, очень много и они очень разнообразны. Напр., одни разумѣютъ подъ безсознательнымъ первоначальныя стремленія, если они развиваются, не встрѣчая препятствій (Фортлаге), другіе относятъ къ области безсознательнаго первоначальные акты духа, служащіе условіемъ знанія и потому не заключающіе его въ себѣ (Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауеръ), третьи разумѣютъ подъ безсознательнымъ различныя формы творческой активности вообще (Гартманъ, Дильти, I. Г. Фихте) и т. п.

Слѣдующая таблица выражаетъ эту классификацію.

I. Безсознательное ка- чественно одинаково съ сознательнымъ.	}	1. Безсознательное = со- знание другихъ я.
		2. Безсознательное = мало интенсивное сознательное.
II. Безсознательное ка- чественно отличается отъ сознательнаго.	}	1. Безсознательное = всѣ неопознанныя состоянія со- знанія.
		2. Безсознательное = ка- кой-либо видъ неопознан- ныхъ состояній сознаниа.

Конечно, многіе психологи признають нѣсколько видовъ безсознательнаго и потому комбинируютъ ученія, относящіяся къ различнымъ отдѣламъ. Напр. Гартманъ различаетъ относительно и абсолютно безсознательное.

Ученіе объ относительно безсознательномъ, т. е. попытка заполнить пробѣлы въ причинной цѣпи опознанныхъ явленій нашей душевной жизни состояніями сознания другихъ я, имѣетъ, конечно, полное право на существованіе и должна входить во всякое ученіе о психической жизни. Однако она достигаетъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, если осложняется ученіемъ о неопознанныхъ состояніяхъ сознания, т. е. различеніемъ сознания и знанія. Въ самомъ дѣлѣ тотъ, кто признаетъ существованіе только опознанныхъ состояній сознания, не можетъ пользоваться гипотезою относительно безсознательнаго какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда больше всего нуждается въ ней, напр. тогда, когда нужно объяснить возникновеніе воспріятій, воспоминаній, или различныхъ чувствованій и стремленій, обусловленныхъ состояніемъ симпатической нервной системы и внутренностей: такому психологу пришлось бы допустить существованіе знанія въ такихъ низшихъ центрахъ, какъ спинной мозгъ, узлы симпатической нервной системы и т. п. Такъ какъ это невозможно, то пользоваться гипотезою относительно безсознательнаго въ подобныхъ случаяхъ можетъ лишь тотъ психо-

логъ, который допускаетъ болѣе примитивныя состоянія, чѣмъ наши познавательныя, именно состоянія сознанія, не сопровождающіяся знаніемъ о нихъ: въ большинствѣ случаевъ только такія неопознанныя состоянія и можно допустить въ низшихъ центрахъ. Но разъ сдѣланъ этотъ шагъ, то нѣтъ никакихъ основаній не допускать существованія неопознанныхъ состояній сознанія также и въ высшемъ центрѣ, т. е. въ человѣческомъ я.

Ученіе о томъ, что бессознательное есть мало интенсивное сознаніе, не выдерживаетъ критики какъ въ томъ случаѣ, если подъ сознаніемъ разумѣть знаніе, такъ и въ томъ случаѣ, если расширить это понятіе. Въ первомъ случаѣ стоитъ только замѣнить терминъ сознаніе терминомъ знаніе, т. е. сказать «бессознательное есть мало интенсивное знаніе», чтобы тотчасъ же почувствовать, что это нелѣпое утвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе есть результатъ сосредоточенія вниманія, сопоставленія, различенія и т. п.; эти акты и матеріалъ, обрабатываемый ими, могутъ быть неполными, ошибочными, болѣе или менѣе интенсивными и т. п., но во всякомъ случаѣ, *если они осуществились*, то возникаетъ та соотнесенность состояній сознанія, которая составляетъ специфическую черту знанія; если же они не осуществились, то мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ то отличающимся отъ знанія по составу, а не по интенсивности только. Если же въ понятіе сознанія включать и неопознанныя состоянія, то тогда мало интенсивныя состоянія, относимыя къ области бессознательнаго, окажутся не чѣмъ инымъ, какъ мало интенсивными неопознанными состояніями сознанія. Таковы примѣры, приводимые Лейбницемъ, — шумъ отдѣльныхъ капель моря, привычный шумъ мельничнаго колеса, *не привлекающій* больше къ себѣ *вниманія* и т. п. При этомъ совершенно непонятно, зачѣмъ выдѣлять мало интенсивныя неопознанныя состоянія въ особую группу отъ интенсивныхъ (напр. отъ неопознанныхъ состояній сильнаго гнѣва, экстаза, полового чувства и т. п.).

Впрочемъ, такого раздѣленія и не станетъ дѣлать тотъ, кто въ понятіи сознанія отчетливо различаетъ знаніе и неопознанныя состоянія. Разсматриваемое нами ученіе возникаетъ именно тогда, когда психологъ, обративъ вниманіе на классъ неопознанныхъ состояній, не замѣчаетъ, что отличительная черта его заключается въ неопознанности, а ищетъ ее въ чемъ-либо другомъ и находитъ ее, напр., въ слабой интенсивности, такъ какъ дѣйствительно мало интенсивныя состоянія очень часто остаются неосвѣщенными знаніемъ. Таково происхожденіе ученія о безсознательномъ у Лейбница. Къ области безсознательнаго онъ относитъ *perceptions petites*, мало интенсивныя психическія состоянія, которыхъ въ нашей душѣ всегда безчисленное количество, во-первыхъ потому, что ежесекундно *весь міръ* со всѣми его явленіями присутствуетъ въ нашей душѣ, однако апперципируется лишь незначительная часть его, а, во-вторыхъ, потому что *grandes perceptions* и *appetits* сложены изъ *petites perceptions* и *inclinations* ¹⁾. Если *perceptions petites* слагаются, напр., если слабыя дѣйствія лучей солнца или отдѣльныхъ колебаній воздуха сконцентрировываются благодаря приспособленіямъ въ такихъ органахъ, какъ глазъ или ухо, то дѣйствіе ихъ усиливается и они становятся сознательными ²⁾. Основываясь на этихъ разсужденіяхъ и примѣрахъ Лейбница, можно подумать, будто бы онъ видитъ разницу между сознательнымъ и безсознательнымъ *лишь въ интенсивности*. Но на самомъ дѣлѣ это было бы невѣрно: говоря о безсознательныхъ перцепціяхъ, онъ постоянно прибавляетъ, что это состоянія, которыхъ мы не замѣчаемъ, на которыя не обращаемъ вниманія, которыя не вспоминаются и не заключаютъ въ себѣ *connaissance reflexive*, составляющаго характерную особенность апперцепціи ³⁾. Слѣдовательно, кромѣ разницы

1) Lettre à M-eur Remond de Montmort, II.

2) Principes de la Nature et de la Grace, 25.

3) Principia philosophiae, 14.

въ интенсивности, есть еще гораздо болѣе важное качественное различіе. Недостатокъ интенсивности есть лишь условіе, затрудняющее вниманіе, но и то оно не единственное: очень часто Лейбницъ говоритъ о безсознательномъ, какъ о спутанномъ, неразличенномъ, вовсе не упоминая объ интенсивности, такъ что для него существенный признакъ безсознательнаго, повидимому, заключается въ томъ, что оно не опознано монадою. Впрочемъ, это ученіе изложено у Лейбница сбивчиво, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ рационалистъ, проявлялъ склонность разумѣть подъ всякимъ состояніемъ сознанія знаніе. Однако замѣчательно, что именно его отдаленные послѣдователи, связанные съ нимъ посредствомъ Лотце, развили ученіе о различіи между сознаніемъ и знаніемъ. Мы имѣемъ въ виду Тейхмюллера, Козлова и Аскольдова ¹⁾; впрочемъ они развивали свои взгляды на этотъ вопросъ для цѣлей гносеологіи и потому мы сличимъ ихъ ученіе съ нашими взглядами въ другомъ изслѣдованіи, посвященномъ теоріи познанія.

Утвержденіе, что сознаніе отличается отъ безсознательнаго только интенсивностью, гораздо опредѣленнѣе выражено въ психологіи Бенеке. По его мнѣнію ощущенія, напр., возникаютъ такимъ образомъ: сначала подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій возникаютъ однородныя безсознательныя психическія состоянія; при каждомъ новомъ соотвѣтствующемъ раздраженіи эти прежнія безсознательныя состоянія воспроизводятся, комбинируясь, и, слѣдовательно, становясь болѣе интенсивными; это увеличеніе интенсивности и приводитъ рано или поздно къ сознательности ихъ. Для Бенеке сознаніе есть лишь «Stärke des psychischen Seins» ²⁾

Возраженія, приведенныя нами выше противъ вся-

¹⁾ Teichmüller. Die wirkliche und die scheinbare Welt.—1882.

Козловъ. Свое Слово, 5 вып. Статя „Сознаніе Бога и знаніе о Немъ“. Вопр. фил. зн. 29, 30.

Аскольдовъ. Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи. 1900.

²⁾ Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft, 1877, 4. изд.

каго ученія о томъ, что бессознательное есть мало интенсивное сознательное, имѣютъ силу, конечно, и противъ Бенеке.

Гораздо болѣе распространены въ психологiи ученія о томъ, что бессознательное отличается отъ сознанія по качеству. Но мы уже говорили, что эти ученія могутъ дать какія-либо *положительныя свѣдѣнія* о бессознательномъ и не выходятъ за *сферу опыта* только въ томъ случаѣ, если разумѣть подъ бессознательнымъ неопознанныя *состоянія сознанія* или какую-либо наиболѣе распространенную группу ихъ. Конечно, терминъ бессознательное является на сцену потому, что эти ученія болѣе или менѣе явно отождествляютъ сознаніе съ знаніемъ и это сказывается между прочимъ въ томъ, что они часто даютъ *опредѣленіе* сознанія. Сюда относятся всѣ ученія, утверждающія, что сознаніе есть возвращеніе къ себѣ, сосредоточеніе на себѣ, что сознаніе существуетъ тогда, когда я существую для себя или міръ существуетъ для меня, что всякое сознаніе есть сознаніе объекта въ соотношеніи съ субъектомъ, что сознаніе есть вернувшаяся къ себѣ изъ инобытія идея, ставшая существовать не только въ себѣ, но и для себя и т. п. (напр., Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ). Всѣ эти опредѣленія имѣютъ въ виду ту сопоставленность и опредѣленность психическихъ явленій, которою характеризуется знаніе, и всѣ они *предполагаютъ* существованіе болѣе простыхъ состояній—состоянія не вернушагося къ себѣ, не сосредоточеннаго на себѣ, идеи въ себѣ, идеи въ формѣ инобытія и т. п. Эти болѣе простые состоянія входятъ въ сложныя и обладаютъ тѣмъ неопредѣлимымъ свойствомъ, которымъ характеризуется всякое состояніе сознанія, если разумѣть подъ этимъ словомъ не только познаніе, но и такія явленія, какъ эмоціи, чувствованіе удовольствія и т. п.

Въ большинствѣ случаевъ къ области бессознательнаго психологи относятъ творческую активность (въ особенности акты, составляющіе условіе знанія, напр., синтезъ, заключающійся въ категоріяхъ) и стремленія

(Иоганнъ Германъ Фихте, Фортлаге, Фолькманнъ, Гартманъ). Съ нашей точки зрѣнія этого и слѣдуетъ ожидать, такъ какъ первоначальныя стадіи дѣйствія или рѣдко опознаются или даже совсѣмъ не могутъ быть опознаны, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда они значительно предшествуютъ акту опознанія (таковы, вѣроятно, нѣкоторые синтезы, производимые нами самими, но до акта опознанія). Примѣромъ можетъ служить ученіе Фортлаге: по его мнѣнію, сознание отличается отъ безсознательнаго не степенью, а качествомъ: его можно сравнить съ свѣтомъ, а безсознательное съ тьмою, но *tertium comparationis* заключается здѣсь не въ чувствѣ *Helligkeit*, а въ существованіи различности и вниманія; дѣятельности различенія и вниманія возникаютъ по поводу *задержаннаго* стремленія, влекущаго за собою колебаніе, сомнѣніе, сопоставленіе. Если же стремленіе ничѣмъ не задерживается, то оно безъ колебаній осуществляется, и весь процессъ остается безсознательнымъ ¹⁾, т.-е. неопознаннымъ, сказали бы мы.

Гартманъ болѣе всего настаиваетъ на рѣзкомъ различіи между сознаниемъ и безсознательнымъ, а потому долженъ былъ бы указать какую-либо форму безсознательнаго, не подходящую подъ понятіе *неопознаннаго* состоянія *сознанія*: однако и онъ, какъ Фортлаге, утверждаетъ, что сознание возникаетъ только тогда, когда воля встрѣчаетъ препятствіе ²⁾; «только стѣсненная, задержанная, повернутая назадъ, отброшенная къ себѣ, отраженная дѣятельность становится сознательною для себя» ³⁾, говоритъ онъ.

Термины *Helligkeit*, различенность, задержка стремленія, возвратъ его къ себѣ и т. п., примѣры, производимые этими авторами, или, напр., у Гартмана опредѣленіе цѣнности сознанія для человѣческой жизни

¹⁾ Fortlage, System der Psychologie, I, § 7. Frage nach dem Wesen des Bewusstseins.— § 11. Entscheidung der Bewusstseinsfrage.

²⁾ Philosophie des Unbewussten, 10 изд., II т., стр. 37.

³⁾ Die moderne Psychologie, стр. 81. См. также Philosophie des Unbewussten, 10 изд., II, стр. 494—496.

(предотвращеніе ошибокъ знанія, производимыхъ аффектами, устраненіе неосмотрительности и нерѣшительности, правильный выборъ средствъ для осуществленія цѣли, опредѣленіе воли соотвѣтственно не минутному аффекту, а принципу наибольшаго общаго личнаго счастья, правильный выборъ призванія и т. д. и т. д. ¹⁾ показываютъ, что подъ сознаниемъ они разумѣютъ знаніе и потому, строя понятіе безсознательнаго, они включаютъ въ него все то, что мы отнесли отчасти къ области неопознаннаго сознания, напр., стремленія, процессы дѣятельности и т. п.

Намъ могутъ замѣтить, что сторонники ученій о безсознательномъ можетъ быть дѣйствительно включаютъ въ это понятіе неопознанныя состоянія сознания, но кромѣ того еще указываютъ и на такія явленія, которыя совсѣмъ не похожи на сознаніе, хотя и относятся къ области психической жизни. Естественнѣе всего искать указанія на такія явленія у Гартмана, такъ какъ онъ чрезвычайно подробно перечисляетъ всѣ формы безсознательнаго. Однако всѣ указанныя имъ явленія, напр., сознательное въ построеніи тѣла, въ инстинктѣ, въ половой любви, въ характерѣ и нравственности, въ эстетическомъ творчествѣ и т. д. ²⁾ не заключаютъ въ себѣ ничего *специфически* отличающагося отъ дѣятельности по опознаннымъ стремленіямъ, съ тою только разницею, что въ нихъ нѣтъ этой опознанности. Только одно качество, нерѣдко встрѣчающееся въ такъ называемыхъ безсознательныхъ процессахъ, можетъ побуждать къ признанію ихъ специфическаго отличія отъ сознанія: они совершаются какъ бы внѣ времени и составляютъ абсолютное сплошное единство, напр., въ интуитивныхъ умозаключеніяхъ послылки и выводы не слѣдуютъ другъ за другомъ, а какъ бы даны вмѣстѣ. Однако и это свойство безсознательнаго принадлежитъ тому, что мы называемъ сознаниемъ. Да

¹⁾ Philosophie des Unbewussten, 10 изд., I, отд. В. гл. XI, стр. 346—360.

²⁾ Philosophie des Unbewussten, I. Theil, Phänomenologie des Unbewussten.

мы и не имѣли бы объ этомъ свойствѣ никакого представленія, если бы состоянія сознанія, составляющія содержаніе знанія, не обладали имъ совсѣмъ. Правда, по мѣрѣ того, какъ цѣльное сплошное состояніе сознанія опознается, оно все болѣе утрачиваетъ свою цѣльность; подѣ влияніемъ процессовъ различенія оно все болѣе становится дискурсивнымъ и какъ бы растягивается во времени; однако тотъ, кто наблюдалъ за процессомъ опознанія, напр., умозаключенія, сначала совершившагося интуитивно (а, вѣрнѣе, они всѣ бывають сначала интуитивными), тотъ знаетъ, что въ результатѣ получается въ дискурсивной формѣ содержаніе, не заключающее въ себѣ ничего специфически новаго. Мало того, если мы привыкнемъ къ какой-либо длинной цѣпи построеній, напр., хорошо знаемъ философскую систему Спинозы, мы приобретаемъ со временемъ способность охватывать ее мысленно почти мгновенно цѣликомъ, такъ что это цѣлое остается опознаннымъ, но въ то же время опять приближается по своимъ свойствамъ къ цѣльному безсознательному Гартмана. Поэтому у насъ нѣтъ никакихъ основаній допускать еще какую-либо форму психическихъ явленій, кромѣ неопознанныхъ и опознанныхъ *состояній сознанія*.

Сравнивая наши взгляды съ нѣкоторыми ученіями о безсознательномъ, намъ можетъ быть скажутъ, что мы занимаемся лишь перестановкою терминовъ: называемъ неопознаннымъ состояніемъ сознанія то, что другіе психологи окрестили именемъ безсознательное. На это можно отвѣтить, что даже и простая перестановка этихъ терминовъ была бы уже полезнымъ предпріятіемъ, такъ какъ она устраняетъ неудачный терминъ безсознательное: психическая жизнь извѣстна намъ непосредственно лишь въ формѣ сознанія и потому, говоря о безсознательныхъ психическихъ процессахъ, мы какъ бы говоримъ о безсознательномъ сознаніи. Но, само собою разумѣется, мы занимались не одною перестановкою словъ. Она явилась у насъ результатомъ *различенія* двухъ группъ психическихъ

явленій, опознанныхъ и неопознанныхъ, которыя въ послѣднее время, по мѣрѣ постепеннаго освобожденія отъ интеллектуализма, не смѣшиваются цѣликомъ, но и не различаются отчетливо. Благодаря этому различенію возможно положительное ученіе о неопознанныхъ явленіяхъ, такъ какъ они тоже подходятъ подъ понятіе сознанія, и такъ какъ открывается опредѣленный методъ для изученія ихъ, именно наблюденіе надъ опознанными состояніями, сосредоточивающееся на содержаніи ихъ, помимо интеллектуальныхъ элементовъ, и опредѣленіе тѣхъ измѣненій, которыя вносятся въ это содержаніе актами опознанія. Наоборотъ, ученія, не основывающіяся на нашемъ различеніи и потому не имѣющія права на нашу перестановку терминовъ, не могутъ дать никакого положительнаго ученія о безсознательномъ и метода для изслѣдованія его; они могутъ говорить о безсознательныхъ процессахъ лишь, какъ о какихъ то нематеріальныхъ процессахъ, которые ближе неизвѣстны. Мало того, такое ученіе о безсознательной психической жизни, какъ выходящее за предѣлы опыта, должно быть отнесено въ разрядъ недоказуемыхъ метафизическихъ построеній, наряду съ ученіемъ о реальности матеріальнаго міра внѣ сознанія, и даже и наше понятіе неопознанныхъ состояній сознанія не выходитъ за предѣлы опыта только въ томъ случаѣ, если приписывать имъ то самое содержаніе, которое сохраняется въ актахъ знанія. Впрочемъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса и многочисленныя гносеологическіе выводы отсюда выходятъ за предѣлы психологіи, а потому мы минуемъ ихъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на нѣкоторыя неправильныя ученія о сознаніи, распространенныя въ психологіи вслѣдствіе отождествленія его съ знаніемъ, именно на ученія о непродуктивности, полной пассивности сознанія и относительности его.

Многіе сторонники ученія о безсознательномъ, качественно отличающемся отъ сознанія, напр., Имм. Германнъ Фихте, Фолькманнъ, Фортлаге, Гартманъ утвер-

ждають, что сознание совершенно непродуктивно, что активность совершается всегда за пределами сознания, которое въ этомъ смыслѣ можно назвать «паразитомъ», какъ это дѣлаетъ Фортлаге. И дѣйствительно, если разумѣть подѣмъ сознаниемъ знаніе, то съ этимъ до известной степени можно согласиться. Такъ какъ опознаніе состоитъ изъ актовъ вниманія, различенія, отождествленія и т. п. по поводу уже даннаго матеріала, то можно утверждать, что оно не создаетъ специфически новаго содержанія. Вслѣдъ за Гартманномъ можно сказать, что «сознательный разумъ только отрицаетъ, критикуетъ, контролируетъ, исправляетъ, измѣряетъ, сравниваетъ, комбинируетъ, со-и подчиняетъ, получаетъ путемъ наведенія общее изъ частнаго, согласуетъ частный случай съ общимъ правиломъ, но никогда не бываетъ творчески продуктивнымъ, никогда не бываетъ изобрѣтательнымъ» ¹⁾. Однако даже и здѣсь нужно сдѣлать важное ограниченіе. Въ процессахъ опознанія нужно различать результаты опознанія и самую дѣятельность опознанія, результаты этой дѣятельности и самую дѣятельность. Результаты дѣятельности совершенно пассивны, но самыя дѣятельности, порождающія ихъ, въ-первыхъ, конечно, не пассивны, а во-вторыхъ, не лишены творчески продуктивнаго характера, который называется и въ результатахъ опознанія. Такова, напр., дѣятельность опознанія, подводящая паденіе камня и обращеніе луны вокругъ земли подѣмъ понятіе, вообще устанавливающая широкіе новые синтезы и анализы. Но такая оригинальная познавательная дѣятельность сама въ свою очередь бываетъ неопознанною; только простѣйшіе, часто повторяющіеся и потому не творческіе акты сравненія, различенія могутъ быть въ моментъ своего осуществленія опознанными. Поэтому можно установить слѣдующія положенія: дѣятельность познанія бываетъ опознанною и неопознанною, первая не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, вторая—можетъ

¹⁾ Phil. des Unb., 10 изд., I, отд. В, гл. XI, стр. 358.

быть творческою; *результаты* опознанія, т. е. знаніе, всегда пассивны, какъ и всѣ результаты дѣятельностей.

То же самое относится и къ ученію объ относительности сознанія. Оно заключаетъ въ себѣ истину, если прилагать его къ знанію, но не къ неопознаннымъ состояніямъ сознанія. Дѣйствительно, состоянія знанія могутъ существовать, какъ знаніе, только постольку, поскольку они находятся въ ряду другихъ состояній, потому что знаніе возможно лишь тамъ, гдѣ есть различіе. Но нельзя распространить это правило на всѣ состоянія сознанія: нельзя сказать, что, напр., неопознанный гнѣвъ или состояніе экстаза только въ отношеніи къ другимъ состояніямъ обладаютъ качествами, которыя заставляютъ насъ называть ихъ состояніями сознанія. Конечно, гнѣвъ и экстазъ, какъ и всякій процессъ, возможны лишь въ причинномъ ряду другихъ явленій и въ этомъ смыслѣ относительны, но это совершенно иная относительность, чѣмъ та, которая необходима для возникновенія знанія и которую несправедливо подъ вліяніемъ несознаннаго интеллектуализма распространяютъ на всю область психическихъ явленій (напр., Бенъ).

Наконецъ, остается еще поговорить о томъ, почему въ психологіи и философіи такъ распространена наклонность къ отождествленію сознанія и знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ явному или скрытому интеллектуализму. Мы уже не разъ намекали на причины этого явленія. Опытъ, на которомъ основывается знаніе о мірѣ, складывается не иначе, какъ изъ опознанныхъ состояній сознанія: въ составъ изучаемыхъ явленій могутъ войти только тѣ состоянія, которыя наблюдаются нами, т. е. опознаны. Для того, чтобы пріобрѣсти знаніе о свойствахъ неопознанныхъ состояній, необходимо воспользоваться опять таки опознанными состояніями и мысленно отвлечься отъ интеллектуальныхъ элементовъ. Само собою разумѣется, такое абстрагированіе, такое различіе составляетъ довольно трудную задачу и можетъ явиться лишь довольно поздно въ психологіи. Поэтому

психологія, не прибѣгая къ этому искусственному приему, должна была вначалѣ видить вездѣ и изслѣдовать лишь интеллектуальные процессы, считая ихъ болѣе доступными изученію, чѣмъ чувство или волю, но при этомъ она должна была, конечно, на каждомъ шагѣ смѣшивать самыя разнородныя понятія, такъ какъ страдала отъ недостатка анализа.

Это и подтверждается ходомъ развитія психологіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Порядокъ смѣны душевныхъ процессовъ.

I. Порядокъ смѣны стремленій.

Всякое «мое» состояніе причиняется «моими» стремленіями, слѣдовательно, для того, чтобы установить законы теченія душевныхъ процессовъ, нужно узнать, какъ возникаютъ стремленія.

Въ психической жизни очень часто встрѣчаются цѣлыя болѣе или менѣе длинныя ряды дѣятельностей, которыя относятся другъ къ другу, какъ средство къ цѣли. Напримѣръ, если мы отдѣлываемъ квартиру и хотимъ оклеить ее обоями, мы осматриваемъ обивку мебели, предназначенной для разныхъ комнатъ, чтобы выбрать обои, соотвѣтственные ей, узнаемъ у компетентнаго человѣка, гдѣ можно купить хорошіе обои, пишемъ письмо, чтобы намъ прислали образцы, наконецъ, ѣдемъ въ магазинъ, нанимаемъ рабочихъ и т. п. Узнаваніе адреса магазина есть средство для того, чтобы написать письмо, отправленіе письма средство для полученія образцовъ и т. д. Каждая изъ этихъ дѣятельностей предшествуется и причиняется соотвѣтствующимъ стремленіемъ. Но чѣмъ причиняются стремленія? Стремленіе узнать адресъ магазина возникаетъ не иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда есть уже стре-

мленіе вступить въ сношенія съ магазиномъ, при чемъ знаніе адреса есть средство для осуществленія этого стремленія. Стремленіе написать письмо возникаетъ не иначе, какъ въ томъ случаѣ, если есть желаніе получить образцы обоевъ и т. п. Итакъ, стремленіе возникаетъ благодаря другому болѣе первоначальному стремленію, относящемуся къ первому, какъ цѣль къ средству; не узнаваніе адреса есть причина желанія написать письмо, а наоборотъ. Обусловливающее стремленіе мы будемъ называть *относительно первоначальнымъ*, а стремленія, вытекающія изъ него и относящіяся къ нему, какъ средства къ цѣли, *производными*. Тѣ стремленія, которыя, повидимому, ничѣмъ не обусловлены и составляютъ какъ бы коренное достояніе я, мы будемъ называть абсолютно первоначальными или просто первоначальными. Содержаніе первоначальнаго стремленія назовемъ конечною цѣлью, а содержаніе производнаго стремленія—относительною цѣлью.

Задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы показать, что отношенія между стремленіями, найденныя въ предыдущемъ примѣрѣ, всеобщи: иными словами, нужно доказать, что *всякое «мое» стремленіе есть или первоначальное, т.-е. искони принадлежащее данному я, или производное, т.-е. причиняется (отчасти) какимъ-либо другимъ «моимъ» стремленіемъ, къ которому оно относится, какъ средство къ цѣли*. Найти безчисленное количество примѣровъ, подобныхъ предыдущему, было бы нетрудно, но это не привело бы къ цѣли, такъ какъ всегда можно возразить, что приведенное правило дѣйствительно осуществляется въ этихъ случаяхъ, но все же приложимо не ко всѣмъ явленіямъ. Поэтому цѣлесообразнѣе вмѣсто нагроможденія самоочевидныхъ примѣровъ изъ различныхъ областей жизни приступить прямо къ разбору тѣхъ случаевъ, которые могутъ на первый взглядъ показаться отрицательными инстанціями.

Можно представить два рода такихъ случаевъ: первыхъ, иногда новый рядъ стремленій вдругъ воз-

никаетъ вслѣдъ за воздѣйствіемъ со стороны внѣшняго міра (вслѣдъ за воспріятіемъ) или вообще вслѣдъ за какимъ-либо «даннымъ» состояніемъ, такъ что, по-видимому, единственною причиною этихъ стремленій было явленіе во внѣшнемъ мірѣ или «данное» состояніе; во-вторыхъ, иногда, по-видимому, единственною причиною стремленія служитъ предыдущее «мое» состояніе. Особенно легко найти убѣдительные примѣры перваго рода. Мальчикъ, гуляющій безъ опредѣленной цѣли, проходитъ мимо орѣховаго куста и вслѣдъ за воспріятіемъ спѣлыхъ орѣховъ у него вдругъ возникаетъ стремленіе набрать ихъ и принести домой; прохожій, замѣтившій на дорогѣ оброненный кошелекъ, поднимаетъ его; неожиданно всплывшее въ умѣ воспоминаніе о письмахъ друга побуждаетъ перечитать ихъ и т. п. Нерѣдко подъ вліяніемъ новаго воспріятія начавшійся рядъ дѣятельности измѣняется или прекращается совершенно; человѣкъ, съ большимъ интересомъ принявшійся за чтеніе книги и рѣшившій непремѣнно дочитать ее до конца, прекращаетъ это занятіе, если приходятъ гости; отправляясь къ врачу, но услышавъ, что онъ беретъ за совѣтъ слишкомъ много, бѣдный или скупой человѣкъ избираетъ другого врача и т. п. Казалось бы, во всѣхъ этихъ случаяхъ новыя «мои» стремленія обусловлены исключительно воздѣйствіями извнѣ и возникаютъ безъ всякаго посредства другихъ «моихъ» стремленій. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ воспріятіе приводитъ къ той или иной дѣятельности не иначе, какъ комбинируясь съ предыдущими наклонностями, способностями, потребностями, т.-е. стремленіями. Это становится вполнѣ яснымъ, если разсмотрѣть, какимъ образомъ одно и то же воспріятіе приводитъ разныхъ людей къ различнымъ дѣяностямъ. Увидѣвъ орѣховый кустъ, мальчикъ можетъ нарвать орѣховъ, чтобы съѣсть ихъ самому, можетъ снести ихъ домой, чтобы угостить своихъ младшихъ братьевъ и т. п. Актъ собиранія орѣховъ обусловленъ интересомъ къ нимъ и

при томъ интересомъ, который совершенно не могъ бы возникнуть теперь, если бы въ прошломъ не было интересовъ, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Видъ кошелька можетъ быть поводомъ къ стремленію спрятать его и утаить деньги, къ стремленію отыскать владѣльца, къ стремленію пройти поскорѣе мимо, чтобы не впутаться какъ-нибудь въ грязную исторію и т. п. Точно такъ же одно и то же оскорбленіе можетъ привести къ совершенно различнымъ результатамъ: самолюбивый и смѣлый человѣкъ тотчасъ же дастъ отпоръ; самолюбивый, но трусливый человѣкъ обратитъ обиду въ шутку, затаитъ въ себѣ чувство злобы и отомститъ какъ-либо потомъ; человѣкъ, свободный отъ мелочнаго самолюбія и дорожащій прежде всего нравственнымъ достоинствомъ своего обидчика, не станетъ запугивать его, а постарается пробудить въ немъ раскаяніе и т. п. Даже и болѣе простыя положенія, какъ, напр., пожаръ въ театрѣ, вызываютъ различныя реакціи: одни изъ зрителей совершаютъ рядъ инстинктивныхъ, нецѣлесообразныхъ въ данномъ случаѣ дѣйствій, напр. кричать и плачутъ, сжимая руки, другіе бѣгутъ, сбивая съ ногъ встрѣчныхъ и давя ихъ, третій спасаетъ свою невѣсту, четвертый, видя, что выхода въ двери нѣтъ, останавливается, быстро осматриваетъ залъ и находитъ выходъ черезъ окно и т. д. и т. д.

Несомнѣнно, всѣ эти стремленія и дѣятельности не могли бы возникнуть подъ вліяніемъ одного только наличнаго воспріятія (орѣховъ, кошелька, головной боли, пожара и т. п.): они возникаютъ вслѣдствіе комбинаціи наличнаго воспріятія съ прошлымъ опытомъ человѣка. Къ сожалѣнію, это обстоятельство затрудняетъ нашу задачу. Противники волюнтаризма могутъ утверждать, что этотъ прошлый опытъ, обуславливающій новыя реакціи, можетъ не заключать въ себѣ стремленій. Напримѣръ, можно утверждать, что боязнь поднять кошелекъ обусловлена *знаніемъ* о какомъ-нибудь случаѣ, когда лицо, поднявшее найденную вещь, было принято за вора. что желаніе отыскать владѣльца обусловлено

воспоминаніемъ о похвалахъ за подобные поступки или *воспоминаніемъ о наградахъ* или же *воспоминаніемъ о радости* какого-либо человѣка, которому вернули утраченную вещь. Однако, возражающіе такимъ образомъ упускаютъ изъ виду, что похвалы возбуждаютъ къ дѣятельности не всякаго человѣка, а честолюбца, ожиданіе награды побуждаетъ къ дѣятельности человѣка, жаднаго къ собственности или нуждающагося въ ней для удовлетворенія своихъ потребностей, возможность быть несправедливо принятымъ за вора запугиваетъ человѣка, дорожащаго прежде всего мнѣніемъ другихъ, и, наоборотъ, подстрекаетъ къ риску честную и гордую натуру, презирающую легкомысленный судъ людей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, прошлый опытъ, комбинируясь съ наличнымъ воспріятіемъ, вліяетъ на разныхъ лицъ различно въ зависимости отъ ихъ склонностей и потребностей, такъ что реакція на воспріятіе всегда оказывается средствомъ для удовлетворенія уже ранѣ существовавшихъ влеченій. Опредѣляя причины различнаго по существу (а не по формѣ) поведенія разныхъ лицъ въ одномъ и томъ же положеніи, всегда приходится ссылаться на разницу въ ихъ натурахъ, въ ихъ характерахъ и указывать на такія свойства, какъ самолюбіе, честолюбіе, трусость, лѣнь, скупость, любознательность, эстетическій вкусъ и т. п., то-есть ссылаться на преобладающія стремленія.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ опыта у человѣка вырастаютъ новыя потребности и склонности, онѣ все же оказываются производными, вытекающими изъ другихъ потребностей. Напримѣръ, если человѣкъ, постепенно расширяющій свою дѣятельность, заводитъ для большей быстроты сношеній своихъ лошадей и съ теченіемъ времени пристращается къ нимъ, то эта новая потребность вытекаетъ изъ старыхъ: началомъ ея послужило желаніе ускорить сношенія, а дальнѣйшее развитіе можетъ быть обусловлено самыми разнообразными склонностями и стремленіями, напр., любовью къ собственности, честолюбіемъ, эсте-

тическимъ вкусомъ и т. п. Даже сторонники теоріи эвдемонистической мотивации, утверждающіе, что единственная цѣль человѣка всегда и вездѣ есть удовольствіе, и до крайности упрощающіе человѣческую натуру, принуждены согласиться съ нами: вѣдь они, обыкновенно, утверждаютъ, что всякое новое стремленіе есть болѣе или менѣе отдаленная производная изъ первоначальныхъ простѣйшихъ стремленій къ физическимъ удовольствіямъ.

Наличное воспріятіе не составляетъ полной причины возникновенія новаго стремленія. Но этого мало; въ главѣ о «Волѣ» было показано, что *само воспріятіе*, какъ «мое» состояніе сознанія, можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ «*мое*» *стремленіе построить его изъ «данныхъ» элементовъ или, по крайней мѣрѣ, сосредоточитъ вниманіе на «данномъ» матеріалѣ.* Объ этихъ направленіяхъ вниманія и синтетической дѣятельности опять-таки нельзя сказать, что онѣ обусловлены исключительно явленіями внѣшняго міра, «даннымъ» матеріаломъ. Изъ необъятнаго волнующагося моря событій во внѣшнемъ мірѣ каждое я выбираетъ для воспріятія только то, что соотвѣтствуетъ его преобладающимъ интересамъ, такъ что стремленіе воспринять ту, а не иную вещь, оказывается всегда производнымъ изъ какого-либо болѣе первоначальнаго стремленія. Всякое я воспринимаетъ лишь то, что соотвѣтствуетъ его натурѣ, его характеру. Войдя въ залъ, полный гостей, одинъ замѣчаетъ тотчасъ же даму, въ которую онъ влюбленъ, другой сразу выдѣляетъ изъ толпы генерала, увѣшаннаго звѣздами, а третій подмѣчаетъ въ сосѣдней комнатѣ буфетъ съ закусками и водкой. Проходя мимо окна магазина, заставленнаго множествомъ вещей, одинъ тотчасъ выдѣляетъ изъ всей массы ихъ интересный для него научный инструментъ, а другой видитъ лишь карточку полуобнаженной балерины, поставленную позади большой лупы. Какъ это ни парадоксально, можно даже утверждать, что въ большинствѣ случаевъ стремленіе воспринять какую-либо

вещь причиняется тѣмъ стремленіемъ, которое осуществляется вслѣдъ за воспріятіемъ, а не наоборотъ; напр., увидѣвъ грозно подступающую собаку, прохожій тотчасъ же воспринимаетъ и палку, которою можно защититься противъ нея; желая сказать человѣку что-либо пріятное, тотчасъ же замѣчаешь и тѣ измѣненія къ лучшему, которыя произошли въ немъ и т. п.

Нѣкоторыя явленія воспринимаются почти всегда всѣми людьми, но это значитъ лишь, что они соотвѣтствуютъ какому-либо очень распространенному стремленію. Зубная боль, боль головы, раны и т. п. органическія состоянія, а также чрезвычайно интенсивныя раздраженія, вродѣ пушечнаго выстрѣла, моментально привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Точно такъ же все необыкновенное, неожиданное или противорѣчащее законамъ природы воспринимается преимущественно передъ другими вещами; если человѣкъ поглощенъ разговоромъ, и въ это время кто-либо пройдетъ за его спиною и хлопнетъ дверцами шкафа, онъ почти навѣрное не обратитъ на это вниманія; если же пройти за его спиною совершенно тихо на цыпочкахъ и хлопнуть дверцою съ такою же силою, то онъ почти навѣрное обернется. Какъ уже сказано раньше ¹⁾, такія реакціи вытекаютъ изъ стремленія къ самосохраненію и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда вниманіе отвлечено въ другую сторону, конечно, также совершенно могутъ отсутствовать.

Въ огромномъ количествѣ случаевъ воспріятіе не приводитъ ни къ какимъ дальнѣйшимъ реакціямъ, однако это вовсе не значитъ, что воспріятіе не руководилось никакимъ интересомъ, а происходитъ отъ того, что дѣятельность, соотвѣтствующая воспріятому объекту, была бы несвоевременною или же отъ того, что объектъ оказывается неподходящимъ и т. п. и т. п.

Сказанное о воспріятіи относится также и ко всѣмъ другимъ «даннымъ» состояніямъ, напрімѣръ, къ «дан-

¹⁾ См. стр. 38 с

нымъ» воспоминаніямъ и комбинаціямъ идей. У чело-
вѣка, обдумывающаго, гдѣ и какъ напечатать свой
научный трудъ, толпятся на порогѣ сознанія въ без-
численномъ количествѣ воспоминанія, стоящія въ связи
съ этой цѣлью, вниманіе сосредоточивается то на одномъ,
то на другомъ изъ нихъ, они входятъ такимъ образомъ
въ сферу «моихъ» состояній, и какъ бы неправильно
ни развивалась мысль, всегда при этомъ можно под-
мѣтить, что направленіе вниманія обусловлено интере-
сами; въ сознаніи всплываютъ воспоминанія о разныхъ
типографіяхъ, о ихъ владѣльцахъ, о разныхъ формахъ
шрифта, быть можетъ, по пути вниманіе остановится
на секунду на какомъ-нибудь удивительномъ старинномъ
нѣмецкомъ шрифтѣ; большинство изъ этихъ воспоми-
наній тотчасъ же отбрасываются за ненадобностью, и
тѣмъ не менѣе весь этотъ процессъ колебаній вниманія
вовсе не имѣетъ случайнаго характера, а вытекаетъ
изъ цѣлей разсуждающаго лица; они напоминаютъ
процессъ отысканія какой-либо вещи, напримѣръ,
сундука въ амбарѣ желѣзнодорожной товарной станціи;
по пути вниманіе сосредоточивается на самыхъ разно-
образныхъ вещахъ; но преимущественно оно напра-
вляется на сундуки, напоминающіе отыскиваемую вещь
по формѣ, цвѣту, величинѣ. Иногда во время процесса
обдумыванія мысль отклоняется совершенно въ сторону
отъ первоначально поставленной цѣли и на первый
планъ выдвигается подъ вліяніемъ какого-либо воспо-
минанія новая цѣль. Однако именно эти случаи даютъ
превосходное подтвержденіе того, что не воспоминанія
сами по себѣ вліяютъ на постановку цѣлей, а комби-
нація ихъ со стремленіями, существовавшими уже раньше
и даже, обыкновенно, обусловливающими предпочтеніе
къ самому этому воспоминанію. Напримѣръ, обдумы-
ваніе, сколько будетъ стоить печатаніе книги, легко
можетъ привести къ воспоминанію о какомъ-либо не-
уплаченномъ еще векселѣ, и къ стремленію пойти по-
смотреть въ записную книгу, когда истекаетъ срокъ
его. Интересъ къ векселю существовалъ, конечно, уже

давно, и не воспоминаніе возбудило его, а скорѣе, на оборотъ, при мысли о денежныхъ отношеніяхъ изъ числа всевозможныхъ идей, относящихся сюда, была выдѣлена и возведена въ фокусъ сознанія идея о векселѣ вслѣдствіе этого прежняго интереса къ ней.

Связь между производными и первоначальными стремленіями чувствуется непосредственно, такъ же, какъ и связь между стремленіемъ и соотвѣтствующею ему перемѣною. Однако по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ отъ производныхъ къ все болѣе первоначальнымъ стремленіямъ, опредѣлить, какое побужденіе привело къ тому, а не иному поступку становится все труднѣе. Воспитатель, узнающій, гдѣ находится директоръ гимназій, и идущій затѣмъ къ нему, чтобы доложить о проступкѣ гимназиста, вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, по какому побужденію онъ узнавалъ, гдѣ директоръ, и по какому побужденію шелъ къ нему, но не всякій воспитатель и не всегда можетъ опредѣлить, почему онъ дѣлаетъ докладъ, потому ли, что хочетъ чтобы проступокъ былъ наказанъ, или просто потому, что старается свалить съ себя отвѣтственность, и, наконецъ, хочетъ ли онъ наказанія, потому что лично задѣтъ проступкомъ гимназиста, потому что хочетъ нагнать страхъ на свой классъ, или же потому что огорченъ нравственною негодностью своего питомца и надѣется, что наказаніе принесетъ ему пользу. Въ главѣ «Сознаніе и знаніе» было уже указано на то, что эти затрудненія обусловливаются не отсутствіемъ побужденій, а неопознанностью ихъ.

Впрочемъ, цѣль побужденій не безконечна: въ ряду стремленій, обусловливающихъ другъ друга, и относящихся другъ къ другу, какъ цѣль къ средству, рано или поздно всегда встрѣчается такое, которое *и для непосредственной самонаблюденія* кажется ничѣмъ не обусловленнымъ, *и въ самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ средствомъ*, а всегда оказывается для даннаго лица самодовлѣющею цѣлью. Напримѣръ, для нѣкоторыхъ людей жизненные удобства, хорошая картина, вкусная

пища составляютъ самодовлѣющую цѣль, наоборотъ, для другихъ людей эти же самыя стороны жизни служатъ цѣлью лишь постольку, поскольку они стремятся удовлетворить своему честолюбію, блеснуть передъ знакомыми своимъ умѣніемъ устраиваться, вызвать ихъ зависть и т. п.; для этихъ людей жизненныя удобства сами по себѣ не имѣютъ большой цѣны; они питаются зачастую очень плохо, когда нѣтъ гостей, живутъ въ комнатахъ, прескверно убранныхъ, но зато у нихъ есть другія самодовлѣющія цѣли, напримѣръ, стремленіе къ превосходству передъ остальными людьми, удовлетвореніе честолюбія. Нѣкоторыя изъ такихъ самодовлѣющихъ цѣлей въ болѣе ранній періодъ жизни человѣка относятся къ числу производныхъ и только впоследствии пріобрѣтаютъ самостоятельность; напримѣръ, у человѣка, копящаго первоначально деньги для какой-нибудь цѣли, жадность къ деньгамъ можетъ стать со временемъ самостоятельною. Однако не всѣ самостоятельныя цѣли могутъ быть объяснены такимъ образомъ; этимъ объясненіемъ предполагается уже существованіе другихъ самодовлѣющихъ цѣлей, и такъ какъ процессъ происхожденія ихъ другъ изъ друга не можетъ идти въ безконечность, то необходимо предположить, что каждому человѣку присущи нѣкоторыя самодовлѣющія цѣли, вовсе не происходящія изъ другихъ стремленій. Относительно такихъ самодовлѣющихъ стремленій приходится признать, что они составляютъ первоначальную исконную принадлежность я, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что не причиняются другими «моими» состояніями, и для того чтобы опредѣлить причины ихъ происхожденія, нужно найти источникъ происхожденія я. Этого вопроса мы еще коснемся въ изслѣдованіи о «Личности».

Всѣ результаты предыдущихъ изслѣдованій порядка возникновенія психическихъ явленій можно выразить въ слѣдующемъ положеніи: *всякая «моя» перемѣна причиняется (отчасти) «моими» стремленіями, а всякое «мое» стремленіе или принадлежитъ къ числу первоначальныхъ*

или же причиняется (отчасти) какимъ либо больше первоначальнымъ стремленіемъ и относится къ нему, какъ средство къ цѣли. Это положеніе въ особенности утверждение, что среди «моихъ» состояній сознанія должны существовать стремленія первоначальныя (или, по крайней мѣрѣ, одно такое стремленіе), т.-е. не обусловленныя никакимъ другимъ «моимъ» состояніемъ сознанія, можетъ быть отчасти подтверждено еще слѣдующимъ путемъ. Всякое «мое» состояніе сознанія причиняется «моимъ» стремленіемъ, слѣдовательно, во-первыхъ, среди «моихъ» состояній сознанія должно быть хотя одно «мое» стремленіе, независящее отъ другихъ «моихъ» состояній сознанія; во-вторыхъ, всѣ остальные стремленія, т.-е. зависящія отъ другихъ «моихъ» состояній сознанія, причиняются (отчасти) входящими въ нихъ «моими» стремленіями.

Итакъ, всѣ дѣятельности каждаго я вытекаютъ изъ нѣсколькихъ (или одного) первоначальныхъ стремленій, относясь къ нимъ, какъ средство къ цѣлямъ. Быть можетъ, и эти первоначальныя стремленія какъ-либо связаны между собою, но они всегда бываютъ опознаны такъ плохо, что отношеніе между ними прослѣдить очень трудно. Рѣдкій человѣкъ можетъ сказать о себѣ съ увѣренностью, изъ какихъ источниковъ у него вытекаетъ жажда къ знанію, интересъ къ другимъ людямъ стремленіе къ общественной дѣятельности и т. п.; многіе люди могутъ опредѣлить, насколько они честолюбивы, честны, боязливы, насколько они дорожатъ имуществомъ, различными благами личной жизни и т. п. Когда отношенія между стремленіями будутъ хорошо изслѣдованы, быть можетъ, окажется, что всѣ дѣятельности каждаго лица вытекаютъ изъ одного какого-либо первоначальнаго стремленія. Это значило бы, что жизнь каждаго человѣка есть не что иное, какъ постепенное осуществленіе одной какой-либо цѣли. Пока это не доказано, приходится ограничиваться утверженіемъ, что жизнь я есть осуществленіе нѣсколькихъ первоначальныхъ цѣлей.

Итакъ, вся жизнь я развивается изнутри, всякое новое звено въ немъ обусловлено прежними его стремленіями, а не порождено прямо вліяніемъ внѣшняго міра, за исключеніемъ, можетъ быть, первоначальныхъ стремленій; однако это не значитъ, что прежнія стремленія суть полная причина возникновенія новыхъ стремленій: внѣшній міръ и осуществленныя раньше перемѣны («мои» состоянія) также принимаютъ участіе въ этомъ процессѣ, и роль ихъ намъ предстоитъ опредѣлить теперь.

Если человѣкъ къ которому подходитъ рыча собака, отлядывается вокругъ и тотчасъ же замѣчаетъ и схватываетъ палку или камень, которыми можно защититься, или подзываетъ хозяина, который можетъ успокоить собаку, то эти дѣйствія несомнѣнно обусловлены не только внутренними стремленіями, но еще и внѣшнимъ міромъ, именно присутствіемъ палки, камня и т. п., а также прежде осуществленными перемѣнами, на примѣръ, воспоминаніемъ о тѣхъ случаяхъ, когда камень удачно приводилъ къ цѣли. Въ особенности порядокъ осуществленія стремленій зависитъ отъ осуществленія средствъ, (на примѣръ, отправленіе письма на почту осуществляется не раньше, чѣмъ узнанъ адресъ и т. и.). Безъ внѣшнихъ условій не можетъ возникнуть «мое» стремленіе и «моя» дѣятельность (на примѣръ, стремленіе бросить камень), однако связь между этими условіями и слѣдующимъ за ними стремленіемъ имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ связь между первоначальными и производными стремленіями. Когда изъ стремленія защититься возникаетъ стремленіе схватить палку, а отсюда стремленіе разворотить заборъ, если изъ него можно вытащить жердь, у насъ есть непосредственное сознаніе того, что эти стремленія какъ бы вытекаютъ другъ изъ друга, мало того, они какъ бы съ какою-то силою порождаютъ другъ друга. Это чувствованіе аналогично чувствованію активности, связывающему стремленіе и соотвѣтствующую перемѣну. Чувствованіе активности оказалось не иллюзіею, а дѣйствительнымъ показате-

лемъ причинной зависимости; точно то же мы находимъ теперь и относительно чувствованія связи между стремленіями. Другія условія возникновенія стремленій вовсе не сопровождаются такимъ чувствованіемъ; намъ не кажется, что палка, камень или воспоминаніе *сами по себѣ вынуждаютъ* насъ къ дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, объектъ или воспоминаніе вліяютъ, побуждаютъ и. т. п., всегда при болѣе тщательномъ анализѣ оказывается, что этими чувствованіями сопровождаются стремленія, связанныя съ объектами и воспоминаніями, а не самые объекты и воспоминанія. Занятый человекъ, увидѣвъ знакомаго, который имѣетъ привычку, поздоровавшись, останавливаться и заводитъ нескончаемо длинные разговоры, старается пройти мимо незамѣченнымъ; это стараніе связано не съ самымъ видомъ объекта и не съ воспоминаніемъ о прежнихъ разговорахъ самихъ по себѣ, а съ опасеніемъ быть задержаннымъ. Чувствованіе связи между стремленіями наводитъ на мысль, что стремленія суть настоящій дѣятельный факторъ, настоящая *причина* возникновенія новыхъ стремленій, а остальные условія играютъ лишь роль *поводовъ*, по которымъ приходятъ въ дѣйствіе стремленія. И, въ самомъ дѣлѣ, исключительная роль стремленій въ процессѣ возникновенія новыхъ стремленій сказывается, во-первыхъ, въ томъ что объекты не оказываютъ никакого вліянія на жизнь я, если они вовсе не интересны, т.-е. если у даннаго я нѣтъ никакихъ относящихся къ нимъ прямо или ковенно стремленій, а во-вторыхъ, въ томъ, что одинъ и тотъ же объектъ можетъ привести различныхъ людей къ прямо противоположнымъ реакціямъ въ зависимости отъ ихъ стремленій; слѣдовательно, возникновеніе реакціи окончательно опредѣляется не объектомъ, а стремленіями. Въ логикахъ часто дѣлаются попытки различать среди условій возникновенія явленій двѣ категоріи, именно причины и поводы; однако это различеніе, обыкновенно, имѣетъ расплывчатый характеръ и потому вызываетъ противъ себя множество возраженій ¹⁾. Изъ

¹⁾ См. напримѣръ, Липпсъ, Основы логики, гл. XXI, стр. 109.

сказаннаго слѣдуетъ, что оно имѣетъ серьезныя основанія и можетъ быть точно установлено, по крайней мѣрѣ, въ психологiи; однако этимъ вопросомъ мы заниматься не будемъ, такъ какъ онъ относится къ теорiи знанiя.

Въ душевной жизни есть только одна категория случаевъ, когда новое стремленiе не имѣетъ въ прошломъ я никакихъ прецедентовъ, какъ бы вовсе не вытекаетъ изъ прошлаго я, а должно быть объяснено исключительно давленiемъ извнѣ: таковы упомянутые уже выше вынужденныя стремленiя и поступки ¹⁾. Они врываются въ непрерывную цѣпь «моихъ» первоначальныхъ и производныхъ стремленiй, какъ бы разрушая ее, и часто оказываются настолько несоотвѣтствующими всему прошлому я и его основнымъ стремленiямъ, что для нихъ и въ самомъ дѣлѣ нельзя подыскать причины въ самомъ я. Отъ первоначальныхъ стремленiй они отличаются своимъ характеромъ вынужденности. Происхожденiе этихъ сравнительно рѣдкихъ явленiй мы пытаемся опредѣлить значительно позже послѣ изслѣдованiя о «Личности».

Устанавливаемый нами законъ смѣны стремленiй, а вмѣстѣ съ ними и перемѣнъ имѣетъ слишкомъ общiй характеръ. Специальныя изслѣдованiя должны показать безчисленныя подробности и осложненiя въ этомъ порядкѣ, не нарушающiя однако общаго закона, а только маскирующiя его иногда. Напримѣръ, очень часто средства, соотвѣтствующiя какому-либо относительно первоначальному стремленiю, осуществляются въ формѣ психорефлекторнаго акта или даже нѣкоторыя звенья такихъ актовъ (ходьбы, воспрiятiя пищи и т. п.) относятся къ числу автоматическихъ. Очень часто рядъ дѣятельностей, развивающихся изъ какого-либо первоначальнаго стремленiя, вслѣдъ за какимъ-либо воспрiятiемъ или соображенiемъ вдругъ прекращается и дальнѣйшая дѣятельность направляется по другому руслу, сообразно другимъ

¹⁾ См. стр. 13.

стремленіямъ. Ученый, пишущій научную работу и переводящій какую-нибудь цитату, встрѣтивъ незнакомое слово встаетъ, подходитъ къ полкѣ съ книгами и достаетъ словарь, чтобы найти слово. Встрѣтившееся въ работѣ затрудненіе послужило поводомъ къ возникновенію новаго ряда дѣятельностей, вытекающаго однако изъ раньше поставленной имъ цѣли. Если, доставая книгу съ верхней полки шкафа, онъ очень больно ушибетъ колѣно, то почти навѣрное его работа на время совершенно прекратится, и онъ займется совершенно инымъ дѣломъ, на примѣръ, примачиваніемъ колѣна. Эта новая дѣятельность вытекаетъ изъ инстинкта самосохраненія, изъ отвращенія ко всякому физическому страданію; этотъ инстинктъ настолько интенсивенъ, что почти всегда какъ только являются поводы, пробуждающіе его, человѣкъ бросаетъ всѣ другія дѣятельности и слѣдуетъ этому инстинкту. Впрочемъ и въ приведенномъ примѣрѣ нельзя рѣшительно утверждать, что новый рядъ дѣятельностей есть отклоненіе въ сторону отъ предшествующей работы: извѣстно, что сильная боль сопровождается глубокими измѣненіями въ біеніи сердца, дыханіи, кровообращеніи, а слѣдовательно, и дѣятельности мозга; поэтому процессъ мышленія, поскольку онъ зависитъ отъ «данныхъ» состояній, между прочимъ отъ состояній, обусловленныхъ дѣятельностями тѣла, нарушается, и у насъ должна была выработаться привычка заботиться объ устраненіи непріятныхъ физическихъ состояній также и для того, чтобы безпрепятственно мыслить. Однако, случаевъ болѣе несомнѣннаго скачка отъ однихъ стремленій къ другимъ можно найти очень много; ряды дѣятельностей, соответствующихъ различнымъ стремленіямъ и потребностямъ, на каждомъ шагѣ самымъ прихотливымъ образомъ переплетаются, перебиваютъ другъ друга, содѣйствуютъ другъ другу и такимъ образомъ маскируютъ ту простую схему смѣны психическихъ состояній, которую мы установили.

Спеціальное изслѣдованіе должно опредѣлить сложныя взаимоотношенія между стремленіями различныхъ

порядковъ, а также между производными и относительно первоначальными стремленіями; оно должно выяснитъ также зависимость стремленій отъ внѣшней среды и опыта; рѣшенію всѣхъ этихъ задачъ въ особенности будетъ способствовать изслѣдованіе первоначальныхъ стремленій. Когда всѣ такія изслѣдованія будутъ произведены, не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что схема смѣны порядка психическихъ дѣятельностей, устанавливаемая нами, имѣетъ всеобщее значеніе, что въ самомъ дѣлѣ всякая «моя» перемѣна причиняется (отчасти) «моими» стремленіями, а всякое «мое» стремленіе или принадлежитъ къ числу первоначальныхъ или же причиняется (отчасти) какимъ-либо болѣе первоначальнымъ «моимъ» стремленіемъ и относится къ нему, какъ средство къ цѣли. Впрочемъ, примѣры нагляднаго осуществленія этой схемы очень многочисленны. и во многихъ болѣе запутанныхъ случаяхъ анализъ очень легко приводитъ все къ ней же; поэтому мы полагаемъ, что ее можно признать *шпите-тическимъ индуктивнымъ обобщеніемъ*, которымъ слѣдуетъ воспользоваться, какъ руководящимъ началомъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи порядка психическихъ явленій. Детальное изслѣдованіе или окончательно обоснуетъ ее или ограничитъ, но во всякомъ случаѣ не можетъ ниспровергнуть совсѣмъ

II. Законъ ассоціаціи идей.

Согласно предыдущему вся жизнь я развивается изнутри, событія внѣшняго міра служатъ лишь поводомъ для реакцій я. Прямую противоположность этому ученію составляютъ тѣ теоріи душевной жизни, которыя утверждаютъ, что новыя звенья въ жизни я и порядокъ ихъ возникновенія вполне и исключительно обуславливаются воздѣйствіями извнѣ. Таковы прежде всего ученія, признающія психическую жизнь за пассивный продуктъ матеріальныхъ процессовъ, и. во-вто-

рыхъ, нѣкоторыя формы чистаго ассоціационизма, которыя, обыкновенно, бываетъ связанъ съ материализмомъ, но можетъ существовать и самостоятельно или, по крайней мѣрѣ, скрывать эту связь. Перваго рода ученіями мы заниматься не будемъ, такъ какъ принципиально отвергли ихъ въ главѣ объ «Отношеніи между психическими и физическими явленіями», но ассоціационизма нельзя пройти молчаніемъ, такъ какъ это направление строить картину психической жизни, опираясь на обобщеніе, которое кажется достаточно обоснованнымъ и легко можетъ быть истолковано въ духѣ, противорѣчащемъ волюнтаризму. Къ тому же и психологи, вовсе не склонные сводить весь порядокъ психической жизни къ ассоціаціи, все же могутъ утверждать, что нѣкоторыя явленія ея возникаютъ согласно законамъ ассоціаціи и не подходятъ подъ схему волюнтаризма. Итакъ, намъ предстоитъ разсмотрѣть законъ ассоціаціи

Два основные закона ассоціаціи Бенъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «дѣйствія, ощущенія и чувства, возникающія одновременно или въ непосредственной преемственности, стремятся соединиться или связываться такъ, что какъ только въ послѣдствіи одно изъ нихъ появится въ умѣ, и остальные бываютъ готовы возстановиться въ видѣ идеи». «Наличныя (или реальныя) дѣйствія, ощущенія, мысли, эмоціи, стремятся оживлять, т.-е. возстановлять въ памяти сходныя съ съ ними прежнія духовныя состоянія» ¹⁾. Эти два закона указываютъ на зависимость порядка душевныхъ явленій отъ причинъ, лежащихъ внѣ я: отъ порядка явленій во внѣшнемъ мірѣ и отъ сходства между ними. Такъ какъ каждое состояніе появлялось въ нашемъ сознаніи въ прошломъ одновременно со многими другими состояніями и заключаетъ въ себѣ черты сходства со многими другими состояніями, то приведенные выше законы дополняются еще другими болѣе част-

¹⁾ Бенъ, Психологія. перев. подъ редакціей Бѣлкина, стр. 245, 300.

ными законами, устанавливающими, какія именно изъ ассоціированныхъ или сходныхъ состояній имѣютъ въ каждомъ данномъ случаѣ больше шансовъ на воспроизведеніе. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ указываютъ опять-таки на зависимость воспроизведенія отъ внѣшнихъ условій, сопутствующихъ моменту запоминанія и моменту воспроизведенія. Сюда относятся слѣдующія утвержденія: состоянія, чаще возникавшія вмѣстѣ съ наличнымъ состояніемъ, имѣютъ больше шансовъ на воспроизведеніе; состоянія, недавно повторявшіяся вмѣстѣ съ наличнымъ состояніемъ, имѣютъ больше шансовъ на воспроизведеніе; тѣ изъ ассоціированныхъ состояній, которыя были болѣе интенсивны, имѣютъ больше шансовъ на воспроизведеніе (мы имѣемъ здѣсь въ виду интенсивность, поскольку она зависитъ отъ интенсивности раздраженія); наиболѣе интенсивныя (мы опять имѣемъ въ виду интенсивность въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ) изъ наличныхъ состояній обладаютъ наибольшею воспроизводящею силою; если нѣсколько наличныхъ состояній ассоціированы съ однимъ и тѣмъ же состояніемъ, то оно обладаетъ большимъ количествомъ шансовъ на воспроизведеніе въ сравненіи съ другими состояніями. Если признать, что только этими и подобными имъ законами управляется теченіе душевныхъ процессовъ, то это значило бы, что весь порядокъ ихъ болѣе или менѣе прямымъ путемъ зависитъ отъ порядка, частоты и свойствъ (интенсивности) событій во внѣшнемъ мірѣ. При этомъ, обыкновенно, представляютъ себѣ, будто бы психическія состоянія дѣйствуютъ сами, какъ какія-либо вещи внѣшняго міра, сами воспроизводятъ другъ друга, стремятся другъ къ другу и т. д., такъ что объ участіи я въ этихъ дѣятельностяхъ ничего не упоминается; мало того, самое я съ этой точки зрѣнія считается, обыкновенно, продуктомъ ассоціацій, пучкомъ ассоціированныхъ состояній. Взамѣнъ постоянства я предполагается постоянство этихъ ассоціированныхъ состояній; представленія какъ бы овеществляются и рассматриваются, какъ

постоянно перебуваюція послѣ своего рожденія сущности, скриваюціяся гдѣ-то за предѣлами сознанія въ моментъ забвенія и вытаскиваемая наружу другими такими же сущностями въ моментъ воспроизведенія.

Въ наше время болѣе утонченнаго наблюденія надъ душевными процессами подобный ассоціационизмъ невыслимъ. Воспроизведенныя психическія состоянія вовсе не тождественны съ прошлыми, а только похожи на нихъ; воспроизведенное состояніе на самомъ дѣлѣ есть новое состояніе и даже не состояніе, а процессъ, актъ. Чтобы воспроизвести психическое состояніе, недостаточно взять его за руку и вывести на арену сознанія, нужно еще создать его; такое созиданіе не можетъ быть отнесено цѣликомъ за счетъ предшествующаго въ сознаніи «ассоцірованнаго» состоянія. Точно такъ же и единство сознанія, т.-е. я, не можетъ разсматриваться, какъ относительно устойчивый пучокъ ассоціированныхъ состояній; если всякое воспроизведенное состояніе есть новый фактъ, то единство сознанія не можетъ быть продуктомъ этихъ фактовъ, а коренится гдѣ-то глубже. Итакъ, чтобы объяснить воспроизведеніе, нужно поискать еще какіе-нибудь факторы, кромѣ порядка событій во внѣшнемъ мірѣ и кромѣ вліянія отдѣльныхъ наличныхъ «ассоціированныхъ» состояній. Такими факторами могутъ быть, во-первыхъ, какое-либо начало, лежащее внѣ сферы «моего» сознанія, какое-либо не-я, и, во-вторыхъ, внутренніе факторы «моего» сознанія, въ особенности та сторона сознанія, которая уже признана нами за дѣятельное начало въ жизни я и которая объединяетъ отдѣльныя совершающіяся въ сферѣ я перемѣны, именно система «моихъ» стремленій. Роль не-я мы оставимъ пока безъ разсмотрѣнія, и займемся прежде всего изученіемъ зависимости припоминанія отъ внутреннихъ факторовъ «моего» сознанія. Вліяніе внутреннихъ факторовъ сознанія на воспроизведеніе признается въ той или иной формѣ въ большинствѣ случаевъ даже и тѣми психологами, которые приписываютъ закону ассоціаціи крупную роль

въ душевной жизни. Къ числу такихъ внутреннихъ факторовъ относится, напр., вниманіе. Вышеприведенные частные законы воспроизведенія часто дополняются слѣдующими двумя: изъ состояній, ассоціированныхъ съ наличнымъ состояніемъ, большими шансами на воспроизведеніе пользуется то, которое привлекало къ себѣ больше вниманія въ прошломъ; изъ наличныхъ состояній наибольшую воспроизводящую силою обладаетъ то, на которомъ сильнѣе всего сосредоточено вниманіе. Наряду съ вниманіемъ упоминаются очень часто такіе факторы, какъ интересъ, эмоціональная окраска, стремленія и т. п. Джемсъ говоритъ, что наиболѣе вліятельнымъ факторомъ при самопроизвольномъ теченіи мыслей служатъ психическіе элементы, представлявшіе для насъ наибольшій интересъ, и что, «въ большинствѣ случаевъ данное представленіе вызоветъ за собою по ассоціаціи привычное, недавнее, живое или эмоціонально сходное представленіе» ¹⁾. Точно такъ же оцѣниваетъ вліяніе интереса и эмоцій на воспроизведеніе и Геффдингъ. Даже Цзэнъ въ своей «Физиологической психологіи» признаетъ, что чувственный тонъ представленій оказывается еще важнѣе интенсивности при ассоціативномъ выборѣ, и замѣчаетъ далѣе: «короче сказать, представленіямъ, которыя насъ затрагиваютъ, отдается преимущество» ²⁾.

Объ одномъ изъ этихъ внутреннихъ факторовъ, именно о вниманіи, было уже сказано, что онъ входитъ во всѣ «мои» психическія состоянія и заключаетъ въ себѣ «мои» стремленія; въ частности было уже указано на то, что въ процессахъ припоминанія не только воспроизводящая, но и воспроизводимая идея, идея всплывающая въ сознаніи, какъ нѣчто «данное», готовое, можетъ войти въ сферу «моихъ» состояній не иначе, какъ постольку, поскольку на ней сосредоточено вниманіе, т.-е. поскольку мы хотимъ воспринять

¹⁾ См. Джемсъ, Психологія, перев. П. Лапшина, 1 изд., стр. 207—211.

²⁾ Физиологическая психологія. 2 изд., стр. 129—130.

ее ¹⁾. Слѣдовательно, формулированные выше законы зависимости воспроизведенія отъ вниманія, нужно дополнить еще слѣдующимъ закономъ, не отмѣченнымъ пока въ психологїи: *изъ числа состояній, ассоціированныхъ съ наличными состояніями, воспроизводится то, на которомъ вниманіе сосредоточивается преимущественно.* Если намъ возразятъ, что вниманіе не можетъ быть направлено на еще не существующія состоянія, то мы въ отвѣтъ на это напомнимъ о своемъ различеніи «моихъ» и «данныхъ» состояній: съ точки зрѣнія этого различенія «данныя» ассоціированныя съ наличными «моими» идеями состоянія, конечно, не находятся еще въ «моемъ» сознаніи въ началѣ акта припоминанія, еще не «даны» мнѣ, но они, можетъ быть, уже существуютъ гдѣ-либо за предѣлами «моей» душевной жизни и потому могутъ стать предметомъ вниманія. И въ самомъ дѣлѣ нетрудно показать, что въ актахъ припоминанія вниманіе зачастую бываетъ направлено на идеи, еще не вошедшія въ кругъ «моей» душевной жизни. Припоминая какую-нибудь забытую фамилію, напр. фамилію автора пьесы «Свадьба Кречинскаго», мы еще до появленія ея въ фокусѣ сознанія чувствуемъ, дѣлая усилія припомнить ее, приближаемся ли къ цѣли или удаляемся отъ нея; что-то «вертится у насъ на языкѣ», и успѣхъ припоминанія зависитъ отъ того, сосредоточимъ ли мы свое вниманіе на *этомъ* «что-то» или же въ поспѣшныхъ торопливыхъ поискахъ бросимся въ сторону какого-нибудь *другого* «что-то» и, напавъ на ложный слѣдъ, припомнимъ не ту фамилію, какую надо, напр. возведемъ въ фокусъ своего сознанія фамилію Корвинъ-Круковской вмѣсто Сухово-Кобылинъ.

Такъ какъ «моего» состоянія безъ «моего» вниманія быть не можетъ, и такъ какъ вниманіе не вынуждается одними внѣшними условіями, а всегда зависитъ также отъ интересовъ, отъ болѣе первоначальныхъ стремленій я ²⁾,

¹⁾ См. выше стр. 38 с.

²⁾ См. предыдущій отдѣлъ настоящей главы.

то формулированный выше законъ нельзя поставить на одну доску съ другими законами воспроизведенія: онъ дѣйствуетъ не «при прочихъ равныхъ условіяхъ», а независимо отъ этихъ другихъ условій. Напр., какъ бы часто ни повторялась въ прошломъ какая-либо идея, какъ бы она ни была интенсивна и т. п., она не воспроизводится въ сознаниі, если интересы я сосредоточиваютъ его вниманіе на другихъ идеяхъ, хотя бы рѣдко повторявшихся и мало интенсивныхъ. Поэтому законъ ассоціаціи идей вовсе не противорѣчитъ указанному выше закону порядка душевныхъ явленій, согласно которому каждое явленіе «моей» душевной жизни обусловлено, во-первыхъ, внѣшнею средою и прежними «моими» переживаніями и, во-вторыхъ, «моими» стремленіями. Именно такъ совершается возникновеніе новыхъ перемѣнъ и по закону ассоціаціи. Внѣшнія условія готовятъ на порогъ сознанія обширныя группы состояній, смежныхъ болѣе или менѣе съ наличными, а господствующія стремленія опредѣляютъ, какія изъ этихъ подготовленныхъ идей войдутъ въ кругъ «моихъ» состояній сознанія, такъ что воспроизведеніе въ большинствѣ случаевъ есть внѣшній волевой актъ или психо-рефлекторный актъ. Такъ какъ этотъ выборъ опредѣляется вовсе не *степенью смежности* между всплывающими состояніями сознанія, то весьма возможно, что во многихъ случаяхъ смежность и *вовсе не играетъ никакой роли*, а существуетъ только потому, что *всѣ состоянія въ нашей душѣ и всѣ явленія въ мірѣ болѣе или менѣе смежны*. Впрочемъ, не будемъ настаивать на этой мысли, такъ какъ доказать ее было бы слишкомъ трудно, а между тѣмъ для цѣлей нашего труда она не необходима.

Мало того, что выборъ идеи, на которой сосредоточивается вниманіе, обусловленъ цѣлестремительною дѣятельностью я, а не внѣшними условіями, въ очень многихъ случаяхъ сами эти внѣшнія условія при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются вовсе не внѣшними, а внутренними событіями, продуктомъ цѣлестремитель-

ной дѣятельности. Такова, напр., во многихъ случаяхъ смежность. Нужно отличать смежность событій во внѣшнемъ мірѣ отъ смежности во внутреннемъ мірѣ; послѣдняя вовсе не есть точная копія первой, а получается путемъ выборки изъ необъятнаго моря наличной дѣйствительности нѣкоторой ограниченной группы явленій, интересныхъ для воспринимающаго лица. Такимъ образомъ зачастую отдаленно смежное во внѣшнемъ мірѣ становится непосредственно смежнымъ въ сознаниі наблюдателя. Къ тому же эта смежность вовсе не есть внѣшнее присоединеніе одного психическаго состоянія къ другому: содержаніе каждаго воспріятія, а также послѣдовательный рядъ событій въ душевной жизни образуютъ всегда тѣсно сплоченное единство; правда, огромное количество связей въ такомъ единствѣ всегда бываетъ «дано», и о нихъ мы поговоримъ позже, но не малое число ихъ возникаетъ, какъ результатъ активно произведеннаго синтеза, и составляетъ продуктъ типичнаго цѣлестремительнаго акта. Напр., если во время бури помѣщикъ смотритъ на барометръ и замѣчаетъ, насколько онъ опустился, эти двѣ идеи оказываются смежными и объединенными не потому, что соответствующіе объекты болѣе смежны, чѣмъ всѣ остальные,—шторы въ кабинетѣ, гдѣ виситъ барометръ, въ такой же мѣрѣ смежны съ бурей,— а потому, что въ умѣ наблюдателя показаніе барометра и буря непосредственно соотнесены другъ съ другомъ. Въ такихъ случаяхъ ассоціація есть результатъ *ассоцірованія*, которое очень часто относится даже къ числу опознанныхъ волевыхъ актовъ; напр., заучивая слова чужого языка, мы нарочно всѣми возможными способами сопоставляемъ слова родного языка съ иностранными, заглядывая въ словарь, прочитывая, произнося и записывая ихъ рядомъ другъ съ другомъ.

Какъ уже сказано выше въ главѣ о волѣ, очень часто синтезы, анализы и т. п. продукты волевыхъ актовъ, произведенные первоначально «моею» дѣятельностью, впоследствии всплываютъ въ сознаниі, какъ

нѣчто «данное», произведенное гдѣ-то за предѣлами я (быть можетъ, въ низшихъ центрахъ). Точно то же наблюдается и въ случаяхъ ассоцірованія, объединенія наличнаго разнообразнаго содержанія сознанія въ единство: это единство въ послѣдствіи возстановляется гдѣ-то за предѣлами я, и изъ него путемъ сосредоточенія вниманія выбираются тѣ элементы, которые оказываются соотвѣтствующими новымъ цѣлямъ, новымъ интересамъ, и выносятся въ сферу «моихъ» состояній. Слѣдовательно, ассоцірованіе есть въ высшей степени цѣлесообразный актъ: оно въ силу какого-то неизвѣстнаго намъ взаимоотношенія между я и не-я подготавливаетъ матеріалъ, облегчающій дѣятельности я. Большою приспособленностью къ жизни должно отличаться то я, которое обладаетъ умѣньемъ ассоціровать возможно большее количество самыхъ разнообразныхъ состояній съ такою силою, чтобы въ послѣдствіи за предѣлами я подготавливались на порогъ сознанія по малѣйшему поводу (напр., по иоводу воспріятія) сложные, выполнѣ сформировавшіеся ряды такихъ состояній, какъ нѣчто «данное», такъ чтобы на долю я оставалась лишь сравнительно легкая задача выбрать изъ этихъ состояній подходящія и сосредоточеніемъ на нихъ вниманія ввести ихъ въ кругъ «моихъ» состояній. Въ особенности очевидна эта цѣлесообразность ассоцірованія въ тѣхъ случаяхъ, когда объединяются особенно тѣсно не какіе попало элементы прошлаго, а наиболѣе необходимые для будущихъ дѣятельностей, напр., если ассоціруются цѣли и средства, сходныя явленія, наиболѣе выдающіяся интенсивныя состоянія, состоянія, отличающіяся наибольшимъ чувственнымъ тономъ и т. п. Это именно и наблюдается въ дѣйствительности.

Если ассоцірованіе есть цѣлестремительная дѣятельность, переносящаяся въ послѣдствіи куда-то за предѣлы я, наподобіе рефлексовъ и автоматическихъ актовъ, то не удивительно, если бы оказалось, что у людей съ высоко развитою способностью ассоцірованія установленіе синтеза во многихъ, по крайней мѣрѣ, простѣйшихъ

случаяхъ совершается и въ моментъ воспріятія гдѣ-то за предѣлами я (какъ это возможно, объ этомъ мы поговоримъ въ главѣ о «Личности»). И въ самомъ дѣлѣ, въ сознаніи взрослога человѣка такія группы объектовъ, какъ извозчикъ съ его экипажемъ и лошадыю, полкъ солдатъ, крыша, окна, стѣны и крыльцо дома, мелодія народной пѣсни, услышанная среди уличнаго шума, сразу выдѣляются изъ другихъ смежныхъ объектовъ, уже въ воспріятіи «даны», какъ объединенное цѣлое; слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ уже первоначальное ассоціированіе происходитъ гдѣ-то за предѣлами я, а воспроизведеніе такихъ ассоціацій и подавно производится не въ сферѣ я. Такимъ образомъ обширный запасъ матеріаловъ для дальнѣйшихъ дѣятельностей, комбинаціи цѣлей и средствъ, длинные ряды сходныхъ явленій и т. п. группы, могутъ быть заготовлены безъ всякой траты силъ со стороны я.

Многіе, хотя, конечно, далеко не всѣ случаи ассоціаціи по сходству также могутъ быть объяснены подобнымъ ассоціированіемъ. Намъ въ высшей степени полезно запоминать сходныя другъ съ другомъ явленія, такъ какъ выборъ средствъ для достиженія цѣлей чрезвычайно облегчается этимъ. Если у насъ нѣтъ подъ руками молотка съ раздвоеннымъ концомъ, чтобы вытащить гвоздь, можно сдѣлать это ножомъ; если нѣтъ линейки, можно замѣнить ее переплетомъ книги, и т. п. Вообще, во всякомъ случаѣ, когда обычно употребляемое средство для достиженія цѣли отсутствуетъ, стоитъ только вспомнить рядъ сходныхъ съ нимъ предметовъ, и среди нихъ тотчасъ же найдется что-нибудь вполне пригодное для достиженія той же цѣли. Поэтому у насъ должна существовать склонность обращать вниманіе на сходные предметы и ассоціировать ихъ въ особыя группы. Эта склонность между прочимъ обнаруживается въ томъ удовольствіи, которое доставляетъ находеніе сходствъ между различными предметами. Огромное количество остротъ, загадокъ и задачъ-шутокъ построены на этой склонности. При изученіи система-

тики растений и животныхъ умѣніе безъ помощи опредѣлителя правильно установить семейство или даже родъ, къ которому относится данный видъ, служить источникомъ громаднаго удовольствія. По поводу приведенныхъ примѣровъ ассоцірованія по сходству можно возразить, что это случаи сравнительно экстраординарные, между тѣмъ ассоціація по сходству есть явленіе чрезвычайно распространенное. Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ напомнить объ одномъ необычайно распространенномъ случаѣ ассоцірованія по сходству. Каждый актъ опознанія, слѣдовательно, всякое воспріятіе, всякое сознаніе внѣшняго объекта или внутренняго состоянія, какъ «этого опредѣленнаго» явленія, возможны нѣ иначе, какъ на основаніи различенія, а всякое различеніе возможно не иначе, какъ путемъ нахождения и сходствъ, и различіи. Если такъ, то всякое ассоцірованіе опознанныхъ состояній должно сопровождаться между прочимъ и ассоцірованіемъ по сходству и контрасту ¹⁾).

Очень часто въ сознаніи всплываютъ подъ вліяніемъ сходства идеи, никогда не встрѣчавшіяся прежде рядомъ, слѣдовательно, не могшія послужить матеріаломъ для ассоцірованія. Какъ извѣстно, и въ такихъ случаяхъ ассоціація по сходству можетъ быть сведена къ ассоціаціи по смежности, если сходныя состоянія сложны. Если одно состояніе складывается изъ частей abc, а другое изъ ade, то вслѣдъ за состояніемъ abc мы можемъ вспомнить ade потому, что a ассоціровано по смежности и съ bc и съ de. Наконецъ, надобно замѣтить, что ассоціація по сходству часто бываетъ опосредствована чувствованіями, настроеніями и стремленіями; если принять ихъ въ расчетъ, то такія воспроизведенія опять-таки сведутся къ ассоціаціи по смежности. Сюда относится, напр., такой случай: любясь пейзажемъ въ туманный осенній день, мы испытываемъ сложное мистическое настроеніе и вслѣдъ за этимъ вспоминаемъ картины художника, отличающіяся такимъ же мрачнымъ

¹⁾ См. главу „Сознаніе и знаніе“.

тономъ и неопредѣленностью силуэтовъ и вызывающія подобное же мистическое настроеніе.

Не всѣ случаи ассоціаціи по сходству могутъ быть сведены къ ассоціаціи по смежности, и въ свою очередь не всякой ассоціаціи по смежности предшествуетъ ассоціированіе, обусловленное человѣческимъ я. Соотвѣтственно наличному состоянію на порогѣ сознанія всегда толпится безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ идей, связанныхъ съ наличною иногда очень отдаленно; трудно допустить, чтобы всѣ такія связи были подготовлены предшествующимъ ассоціированіемъ, которое произведено человѣческимъ я. Такое появленіе прошлаго на порогѣ «моего» сознанія скорѣе слѣдуетъ объяснять какимъ-нибудь всеобщимъ свойствомъ міра, напр., цѣльностью и единствомъ мірового сознанія, цѣльностью, которая доходитъ до такихъ размѣровъ, что вмѣстѣ съ частью всегда дано и цѣлое, хотя бы и въ зачаточномъ состояніи. Съ этой точки зрѣнія ассоціированіе, производимое человѣческимъ я, есть лишь частный случай цѣльности мірового сознанія ¹⁾. Впрочемъ, мы не имѣемъ никакого права высказывать подобную гипотезу, да и вовсе не нуждаемся въ ней, такъ какъ вопросъ о томъ, что происходитъ за предѣлами я, какимъ образомъ готовится «данный» матеріалъ, состоящій изъ элементовъ болѣе или менѣе смежныхъ, совершенно не касается насъ въ этомъ сочиненіи. Ссылка на цѣльность мірового сознанія *и даже ссылка на ассоціированіе*, производимое предварительно человѣческимъ я, была сдѣлана исключительно съ цѣлью какъ либо *иллюстрировать* также и ту сторону процесса воспроизведенія, которая совершается за предѣлами человѣческаго я; иначе разсужденія о сторонѣ процесса, зависящей отъ я, могутъ показаться черезъ чуръ туманными. Наша задача была вполне разрѣшена уже тогда, когда мы показали, что появленіе воспроизведенной идеи въ «моемъ» сознаніи не опредѣляется

¹⁾ (в. Гефдингъ, Очерки Психологій. 3 изд., стр. 134.

одними внѣшними обстоятельствами, что они готовятъ какимъ-то образомъ «данный» матеріалъ, а проникновеніе его въ «мое» сознание всецѣло обусловлено «моимъ» вниманіемъ, т. е. «моими» интересами.

Остается разобрать еще нѣкоторые частные случаи, какъ бы опровергающіе насъ, какъ бы указывающіе на то, что, по крайней мѣрѣ иногда, внѣшнія условія, напр., чрезвычайно частое повтореніе какой-нибудь идеи въ прошломъ, всецѣло обуславливаютъ вторженіе этой идеи въ «мое» сознание, независимо отъ «моихъ» интересовъ и даже вопреки имъ. Если студентъ въ теченіе двухъ-трехъ недѣль упорно готовится къ экзамену изъ органической химіи, то послѣ экзамена его долго могутъ осаждать отрывки воспоминаній, касающихся этой науки, и явленіе это принимаетъ иногда патологическій характеръ: стоитъ только произнести какое-нибудь слово, хотя бы отданное напоминающее какой-либо терминъ химіи, чтобы этотъ терминъ тотчасъ всплылъ въ сознаніи, напр., за словомъ «хлѣбъ» тотчасъ же слѣдуетъ воспоминаніе о «хлорѣ». Подобныя воспоминанія могутъ быть почти постоянно на порогѣ сознанія, такъ что всякая попытка подумать о чемъ бы то ни было начинается всплываніемъ въ сознаніи такихъ неотвязныхъ идей. Конечно, это вовсе не значитъ, будто ихъ появленіе не есть цѣлестремительный актъ. Не слѣдуетъ смѣшивать цѣлестремительность съ цѣлесообразностью, т.-е. съ удачнымъ выборомъ средствъ. Когда мы обдумываемъ какую бы то ни было мысль, собираемся отвѣчать на вопросъ и т. п., всѣ эти дѣятельности почти всегда начинаются поспѣшнымъ исканіемъ подходящихъ матеріаловъ, въ ягъ сознаніи появляются хаотическіе обрывки мыслей, на которыхъ вниманіе на минуту останавливается, но тотчасъ же покидаетъ многія изъ нихъ, такъ какъ онѣ оказываются неподходящими. Во многихъ случаяхъ мысли, наиболѣе подготовленныя внѣшними условіями, напр., частымъ повтореніемъ, къ тому, чтобы, вполне сформировавшись, стоятъ на порогѣ сознанія,

быть можетъ, только потому привлекають въ себѣ вниманіе, что вполнѣ развиты, такъ что малѣйшаго отклоненія въ ихъ сторону совершенно достаточно, чтобы онѣ вошли въ сферу «моей» душевной жизни, и въ моментъ исканія и затрудненія невольно удѣляешь имъ хоть долю вниманія въ надеждѣ найти что-либо подходящее. Точно такъ, если упадетъ лампа и загорится керосинъ, присутствующіе, растерявшись, начинаютъ или, по крайней мѣрѣ, собираются бросать на пламя всякую попавшуюся подъ руки вещь.

Наконецъ, намъ могутъ еще возразить, что самыя стремленія, даже и стремленія въ актѣ вниманія возникаютъ по законамъ ассоціаціи. Съ этимъ и въ самомъ дѣлѣ необходимо согласиться, но лишь до известной степени, именно поскольку сложныя высоко развитыя стремленія бываютъ опознанными, заключаютъ въ себѣ представленія, воспоминанія и т. п., т.-е. требуютъ обработки путемъ сравненія, различенія, припоминанія и складываются послѣ такой обработки не изъ однихъ «моихъ», но и еще изъ «данныхъ» состояній сознанія. Таково, напр., стремленіе красиво разставить мебель въ комнатѣ по опредѣленному плану. Подобныя стремленія въ законченной формѣ составляютъ, какъ и всякое опознанное состояніе, вторичное явленіе въ душевной жизни, развивающееся вслѣдъ за первоначальнымъ болѣе простымъ неопознаннымъ стремленіемъ къ красивому цѣлому. Многія сложныя цѣли могутъ быть достигнуты не иначе, какъ при помощи такъ обработанныхъ стремленій; поскольку эта обработка основывается на прошломъ опытѣ и требуетъ припоминанія, постольку и самыя стремленія въ конечномъ, дифференцированномъ видѣ могутъ подлежать закону ассоціаціи. Правильнѣе, конечно, было бы выразиться, что закону ассоціаціи подчиняются не самыя стремленія, а выработка представленій, выражающихъ содержаніе стремленій. Такъ какъ мы знаемъ свое стремленіе только тогда, когда этотъ актъ опознанія его совершенъ, то мы не различаемъ этихъ двухъ

стадій развитія стремленія и потому подвергаемся опасности перенести на самое стремленіе тѣ законы, которымъ подчиняется актъ опознанія стремленія. Эта опасность еще увеличивается тѣмъ, что мы склонны относить къ области стремленій также и болѣе сложные внутренніе акты, возникающіе по поводу первоначально смутнаго стремленія; напр., если всѣдъ за смутнымъ влеченіемъ сдѣлать пріятный сюрпризъ другу по случаю его именинъ, тотчасъ же приходитъ въ голову остроумное средство для достиженія этой цѣли, то само-собою разумѣется придумываніе средства подчинено закону ассоціаціи идей, но зависимость отъ припоминаемаго матеріала распространяется лишь на *актъ* *нахожденія* средства для удовлетворенія первоначальнаго смутнаго влеченія, а не на *самое* это влеченіе.

Опознанное стремленіе часто можетъ быть предметомъ воспоминанія, и, слѣдовательно, возникать соотвѣтственно закону ассоціаціи идей. Однако *вспоминаемое* *стремленіе* вовсе не есть *дѣйствительное хотѣніе, желаніе*. Впрочемъ, оно легко можетъ послужить поводомъ къ возникновенію дѣйствительнаго стремленія, и это обстоятельство всего болѣе способствуетъ мысли, будто самыя стремленія подчиняются закону ассоціаціи идей. Несостоятельность этой мысли становится тотчасъ же ясною, если сопоставить воспоминаніе о какомъ-нибудь отжившемъ стремленіи (которое не служитъ теперь поводомъ къ пробужденію дѣйствительнаго стремленія) съ живымъ, дѣйствительнымъ хотѣніемъ; хотѣть и припоминать хотѣніе—это значитъ переживать два психическія состоянія въ такой же мѣрѣ различныя, какъ наличное воспріятіе Исаакіевскаго собора и воспоминаніе о немъ. Утверждать, что дѣйствительное хотѣніе есть воспроизведеніе прошлыхъ хотѣній, возникающее по ассоціаціи идей, это все равно, что говорить, будто наличное воспріятіе возникаетъ путемъ воспроизведенія. Кромѣ этого возраженія, основаннаго на различіи между воспроизведеннымъ и дѣйствительнымъ хотѣніемъ, можно сослаться еще на явленіе уми-

ранія стремленій. Какъ бы часто ни повторялось какое-нибудь стремленіе, какъ бы интенсивно оно ни было, все равно, если оно изжито, т.-е. есть цѣль вполне достигнута, оно умираетъ и можетъ воскреснуть только въ видѣ припоминанія или въ видѣ «даннаго» стремленія, но не какъ «мое» стремленіе. Напримѣръ, если ученый, написавшій сочиненіе и печатающій его, въ теченіе цѣлаго года съ большимъ интересомъ ходитъ въ типографію, наблюдая за печатаніемъ иллюстрацій и т. п., то какъ бы часто и интенсивно ни повторялись въ прошломъ стремленія посѣтить типографію, они тотчасъ же исчезаютъ, какъ только трудъ вполне оконченъ. Хорошій примѣръ этого рода есть въ Крейцеровой сонатѣ Толстого. Позднышевъ очень часто хотѣлъ совершить самоубійство изъ ненависти къ женѣ, желая потрясти ее, причинить ей сильное страданіе. Тяжело ранивъ ее, онъ идетъ въ свой кабинетъ, беретъ въ руки револьверъ, сознаетъ, что самоубійство необходимо, но чувствуетъ, что теперь у него нѣтъ въ дѣйствительности ни малѣйшаго желанія покончить съ собою.

Если всякое воспроизведеніе опирается на «данный» матеріалъ, подготовленный на порогъ сознанія соотвѣтственно закону ассоціаціи, но окончательный выборъ изъ этого матеріала тѣхъ элементовъ, которые дѣйствительно должны всплыть въ «моемъ» сознаніи, зависитъ отъ «моихъ» интересовъ, и въ частности отъ «моего» вниманія, то надобно ожидать, что индивидуальныя различія въ области воспроизведенія и вообще памяти чрезвычайно велики какъ между различными лицами, такъ и у одного и того же лица въ отношеніи къ разнымъ предметамъ; между тѣмъ, экспериментальныя изслѣдованія показываютъ, что существуютъ сравнительно однообразныя зависимости припоминанія отъ различныхъ внѣшнихъ факторовъ. Однако болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ изслѣдованій показываетъ, что они вовсе не противорѣчатъ развитымъ здѣсь взглядамъ. Экспериментальная психологія

не можетъ браться за изслѣдованіе явленій припоминанія во всей ихъ конкретной сложности. Она выдѣляетъ одну какую-нибудь сторону, одинъ факторъ изслѣдуемаго явленія и изучаетъ его съ помощью искусственнаго упрощенія дѣйствительности. При этомъ прежде всего изучаются объективные факторы, потому что ихъ легче всего учесть, но значеніе субъективныхъ индивидуальныхъ факторовъ при этомъ вовсе не отрицается: наоборотъ, ихъ тщательно приводятъ къ равенству въ различныхъ сравниваемыхъ случаяхъ, такъ какъ безъ этой предосторожности ряды опытовъ оказываются несравнимыми. Сошлемся, напр., на изслѣдованія Мюллера и Пильцекера, которые между прочимъ опредѣляли зависимость припоминанія отъ количества повтореній при запоминаніи. Для запоминанія они брали ряды бессмысленныхъ слоговъ; бессмысленность необходима для того, чтобы всѣ слоги представляли для испытуемаго субъекта одинаковую степень интереса. Читать эти слоги, наклеенные на равномѣрно вращающійся барабанъ, необходимо было съ одинаковымъ вниманіемъ, затрачивая на каждый слогъ одинаковое время, и по возможности не думать о нихъ въ промежуткѣ между запоминаніемъ и воспроизведеніемъ. Во время чтенія на слогахъ дѣлались трохаическія ударенія (одинъ слогъ съ удареніемъ, другой безъ ударенія); спустя нѣкоторое время послѣ чтенія испытуемому субъекту показывали слоги, прочтенные съ удареніемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ припомнилъ слѣдующій слогъ безъ ударенія. Количество правильно припоминаемыхъ слоговъ, быстрота воспроизведенія и т. п. особенности припоминанія оказываются зависящими отъ числа повтореній при запоминаніи. Этотъ результатъ нисколько не противорѣчитъ нашему утвержденію, что переходъ идеи въ сферу «моего» сознанія вполнѣ зависитъ отъ «моихъ» стремленій. Но, конечно, при относительномъ равенствѣ субъективныхъ условій припоминанія должно обнаруживаться также и вліяніе объективныхъ факторовъ. Впрочемъ, и здѣсь вліяніе

объективнаго фактора обнаруживается лишь благодаря еще одному упрощенію наблюденія, необходимостью котораго особенно подтверждаются наши взгляды. Если мы правы, то припоминаніе есть всегда выборъ нужной идеи изъ числа «данныхъ» идей, подготовленныхъ на порогѣ сознанія; слѣдовательно, всякое припоминаніе есть исканіе приводящее къ удачному результату, обыкновенно, не сразу; если бы изслѣдователь принималъ въ расчетъ самую *первую стадию исканія*, то каждый случай припоминанія оказался бы настолько своеобразнымъ, что почти невозможно было бы установить связь между припоминаніемъ и числомъ повтореній идеи въ прошломъ. Когда испытуемому субъекту показываютъ одинъ изъ прочитанныхъ слоговъ, ему, обыкновенно, вовсе не сразу припоминается слѣдующій слогъ: очень часто сначала припоминается только то мѣсто, гдѣ находится слогъ, или же припоминается цѣлый соотвѣтствующій рядъ слоговъ и путемъ реконструкции его получается искомый слогъ; иногда для припоминанія слога дѣлаются движенія губами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ припоминается прежде всего, что искомый слогъ относится къ числу легко произносимыхъ, что онъ похожъ на какое-нибудь осмысленное слово и т. п.; очень часто сначала припоминаются какіе-нибудь другіе слоги, но испытуемый субъектъ знаетъ, что они не нужны и роется въ памяти до тѣхъ поръ, пока не найдетъ нужный слогъ ¹⁾). Если сюда присоединить еще различныя чувствованія, сопровождающія этотъ процессъ исканія, всевозможные обертоны въ родѣ тѣхъ, что описаны Джемсомъ и т. п., то первоначальныя стадіи припоминанія окажутся бесконечно разнообразными, и при томъ разнообразіе это окажется неопредѣлимымъ, не подлежащимъ точному учету. Поэтому, для цѣлей экспериментальнаго изслѣдованія приходится еще болѣе упростить задачу,

¹⁾ Müller und Pilzecker, Experimentelle Beiträge zur Lehre vom Gedächtniss, S. 13—19.

именно, оставить въ сторонѣ то, что возникаетъ въ сознаниі *непосредственно* вслѣдъ за узнаваніемъ показаннаго слога, а отмѣчать лишь конечный результатъ исканія, т.-е. удачу или неудачу его. Неудивительно, если упрощенная такимъ образомъ дѣйствительность не даетъ никакихъ указаній на самый механизмъ припоминанія, на важнѣйшій дѣятельный факторъ его, именно на «мои» стремленія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Личность.

I. Понятія духа, личности и я.

Все содержаніе индивидуальнаго сознанія или, вѣрнѣе, даже каждое явленіе въ немъ можетъ быть подраздѣлено на двѣ стороны, не «мое» и «данное мнѣ». До сихъ поръ подъ словомъ я мы разумѣли просто совокупность «моихъ» состояній сознанія, но теперь пора придать болѣе специальное значеніе этому термину. Обыкновенно, этимъ словомъ обозначается не та или иная группа состояній сознанія, а болѣе высокое начало, гипотетически допускаемое для объясненія нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ «моей» психической жизни. Впрочемъ, слѣдую общему феноменалистическому теченію современной науки, подъ терминомъ я можно разумѣть также «мои» *состоянія сознанія или часть ихъ, поскольку они отличаются нѣкоторыми особенными свойствами.* Мы будемъ строить свои опредѣленія такъ, чтобы они соотвѣтствовали феноменалистическимъ тенденціямъ современнаго эмпирическаго изслѣдованія.

Особенныя свойства совокупности «моихъ» состояній сознанія, заслуживающія того, чтобы выразить ихъ въ особомъ понятіи суть единство и творческая активность этихъ состояній. Оба эти свойства приурочены къ «моимъ»

стремленіямъ. Перемѣны въ «моей» жизни всегда причиняются стремленіями, и эти стремленія не разрознены, а причиняють другъ друга, образуя системы, въ которыхъ производныя звенья относятся къ болѣе первоначальнымъ, какъ средство къ цѣли. Слѣдовательно, стремленія въ самомъ дѣлѣ суть не только активное начало, но и начало, связывающее «мои» состоянія въ систематическое цѣлое. Поэтому, мы будемъ обозначать терминомъ я систему «моихъ» стремленій.

Ходъ развитія самопознанія подтверждаетъ, что словомъ я обозначается объединяющее активное начало въ индивидуальномъ сознаніи ¹⁾. Такъ какъ разграничить данное и произведенное нами содержаніе сознанія трудно, то первоначально словомъ я обозначаются не только стремленія, но и вызываемыя ими переменны (мысли, эмоціи и т. п.) и даже тѣло, т.-е. та часть внѣшняго міра, которая наиболѣе зависитъ отъ нашей активности; впослѣдствіи тѣло уже не включается нами въ значеніе слова я: своимъ я мы начинаемъ называть лишь наши акты и ихъ психическое содержаніе. При этомъ психическія состоянія, разыгрывающіяся на периферіи сознанія, тоже не включаются въ сферу я. Если на периферіи сознанія промелькнетъ, не оставивъ никакого слѣда, совершенно «помимо нашей воли» какая-либо дурная едва сформировавшаяся мысль, мы чувствуемъ себя въ такой мѣрѣ неповинными въ ней, настолько же не относимъ ее къ своему я, какъ и судорогу въ ногѣ.

Наконецъ, при дальнѣйшемъ самоанализѣ является потребность произвести еще болѣе глубокое разграниченіе въ оставшемся содержаніи я. Содержаніе акта (воспріятіе, мысль, картина фантазіи) представляются чѣмъ-то болѣе далекимъ отъ я въ сравненіи со стремленіями, давшими начало этимъ актамъ. Если кто-либо коситъ глаза, чтобы заглянуть въ чужое письмо или настораживаетъ ухо, чтобы подслушать чужой разгово-

¹⁾ См. Вундтъ. Очеркъ психологін, перев. поль ред. Грота, стр. 261

воръ, то для характеристики его я не важно, видѣлъ ли онъ что-нибудь или слышалъ, а важно то, что ему хотѣлось видѣть и слышать. Если остановиться на этой ступени самоанализа, то подъ словомъ я нужно разумѣть совокупность стремлений, встрѣчающихся въ индивидуальномъ сознаниі.

Однако и на этомъ нельзя остановиться: стремленія, быть можетъ, стоятъ ближе всего къ я, но они еще не составляютъ самого я: о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, мы говоримъ «мое стремленіе» но не «я—стремленіе». Итакъ, позади «моихъ» стремлений или среди нихъ нужно еще отыскать отличное отъ нихъ я. Выполняя эту задачу, мы можемъ придти лишь къ очень неопредѣленному результату, именно принуждены лишь ограничиться констатированіемъ факта, что всѣ мои стремленія сознаются связанными съ какимъ-то однимъ и тѣмъ же ближе неопредѣлимымъ центромъ; иными словами, они, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣны, производимыя ими, составляютъ единство, *непосредственно сознаваемое, какъ единство*. Нѣкоторыя группы стремлений, относящихся другъ къ другу, какъ средства къ цѣлямъ, особенно тѣсно сплочены и непосредственно сознаются, какъ *обусловленные* лежащимъ въ основѣ ихъ *первоначальнымъ* стремленіемъ. Поэтому можно сказать, что каждое я выражается въ видѣ единства нѣсколькихъ первоначальныхъ стремлений, изъ которыхъ вытекаютъ ряды производныхъ стремлений. Быть можетъ, и эти опознанныя первоначальныя стремленія составляютъ единство также потому, что они суть производныя стремленія, возникающія изъ какого-либо одного неопознаннаго, наиболѣе глубокаго «моего» стремленія. Повидимому, я есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ отдѣльныя стремленія; однако для нашего познанія оно ближе неопредѣлимо и выражается для насъ лишь въ видѣ единства стремлений и соответствующихъ имъ перемѣнъ. Поэтому намъ остается лишь заняться изученіемъ свойствъ этого единства.

Самое замѣчательное свойство этого единства—это

его *относительная самостоятельность, непроеизводность*, въ томъ смыслѣ, что оно не есть сумма своихъ элементовъ (представлений, чувствъ и т. п.), что его элементы не существуютъ раньше его: оно возникаетъ не такъ, какъ куча камней, которая складывается изъ частей, лежавшихъ прежде отдѣльно. Новые члены въ единствѣ я не присоединяются извнѣ, а какъ бы вырастаютъ изъ самого этого единства, хотя и при участіи внѣшнихъ воздѣйствій, такъ что въ немъ цѣлое существуетъ раньше частей. Эта мысль подробно подтверждается всею предыдущей главой, въ которой показано, что всякая переменѣна въ жизни я, даже и возникающая по поводу внѣшнихъ явленій, есть реакція я, обусловленная его внутреннею природою, его стремленіями. Поэтому-то и возможно единство я: оно можетъ сохраняться лишь въ томъ случаѣ, если внѣшніе факторы переменѣнъ играютъ не одинаковую роль съ внутренними, если я реагируетъ не на всякій внѣшній поводъ, а лишь на тотъ, который соотвѣтствуетъ его природѣ, и лишь такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его природѣ.

Развертываніе жизни я изъ внутренней природы его нарушается только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно тогда, когда переменѣна возникаетъ на основаніи стремленій, которыя мы назвали вынужденными. Однако, именно эти исключительные случаи, объясненія которыхъ мы поищемъ въ концѣ настоящей главы, подчеркиваютъ нашу мысль о непроеизводности я изъ элементовъ, входящихъ въ него, о томъ, что эти элементы возникаютъ изъ я, а не складываютъ я. Въ самомъ дѣлѣ, переменѣны, насильственно вторгающіяся извнѣ, вовсе не составляютъ того, что мы называемъ нашимъ я, онѣ сознаются, какъ нѣчто нарушающее нормальный ходъ жизни я, и вызываютъ сопротивленіе, кончающееся рано или поздно побѣдою я.

Въ отвѣтъ на соображенія о зависимости реакцій я отъ его внутренней природы часто говорятъ, что сама внутренняя природа я складывается постепенно подъ

вліяніємъ внѣшнихъ условій, въ родѣ наслѣдственности (вліяніе организаціи родителей), воспитанія, климата, пищи и т. п. Поэтому хотя перемѣны въ развитомъ я и обусловливаются преимущественно внутреннимъ факторомъ, все же это не указываетъ на самостоятельность и непроеизводность я и реакцій, изъ которыхъ складывается его жизнь: своеобразіе его реакцій есть результатъ своеобразной совокупности прежнихъ внѣшнихъ вліяній. Однако возражающіе такимъ образомъ упускаютъ изъ виду, что и прежнія вліянія, *насколько мы знаемъ жизнь я на основаніи опыта*, вызывали перемѣны въ я не сами по себѣ, а при столкновеніи съ внутреннимъ факторомъ и соотвѣтственно ему. Слѣдовательно, реакціи развитого я дѣйствительно зависятъ отъ его прошлаго, однако подъ словомъ прошлое нужно разумѣть не совокупность внѣшнихъ условій, а совокупность внутреннихъ переживаній, которыя, правда, возникали по поводу внѣшнихъ условій, но имѣли своеобразную форму въ зависимости отъ стремленій я. Такъ, напр., два ребенка могутъ въ дѣтствѣ подвергаться несправедливостямъ и жестокому обращенію, но реакціи ихъ на эти воздѣйствія могутъ быть настолько различными, что изъ одного выйдетъ отъявленный негодяй, а изъ другого—святой. Мы не можемъ здѣсь отказать себѣ въ удовольствіи привести образное выраженіе этой мысли изъ статьи Геффдинга «Ueber Wiedererkenne-
nen, Association und psychische Activität»: «Какъ небесныя тѣла нашей солнечной системы, по канто-лапласовской гипотезѣ, имѣли нѣкоторую начальную скорость и начальное направленіе, когда оторвались отъ огромной туманности, такъ и наша сознательная жизнь,—въ тотъ моментъ, когда она пробуждается изъ мрака, не освѣщеннаго сознаниемъ,—начинается съ активности, сообразной съ законами, которымъ она подчиняется и впоследствии. Она начинается съ предрасположеній, не только обусловливающихъ то, что изъ нея можетъ выйти впоследствии, но и сообщающихъ ей въ отношеніи внѣшнихъ вліяній извѣстную самостоятельность.

Развитіе начинается не съ абсолютнаго покоя, а переходитъ отъ болѣе элементарныхъ къ болѣе сложнымъ формамъ активности. Индивидуальныя различія основываются на степени активности и направленіи, въ которомъ она движется съ самаго начала»¹⁾.

Не соглашаться съ этимъ разсужденіемъ, это значитъ утверждать, что всевозможныя условія въ **родѣ** кислорода, мяса, кофе, и т. п. обладаютъ до извѣстной степени самостоятельною, **непроизводною** активностью, за исключеніемъ только я, которое первоначально вполнѣ пассивно и реагируетъ вполнѣ лишь соотвѣтственно тому, что въ него вложили внѣшнія условія. Точнѣе говоря, это значить, что я первоначально вовсе не существовало (поэтому-то оно и было абсолютно пассивно), а вполнѣ оно возникло, какъ сумма явленій, которыя относятся къ различнымъ субстанціальнымъ (непроизводнымъ) единствамъ (напр., къ различнымъ клѣточкамъ тѣла), и составляютъ въ свою очередь вмѣстѣ нѣкоторое единство, однако это единство *не субстанціальное* (не производное изъ своихъ частей), а *внѣшнее* сложившееся, подобное, напр., единству спора въ научномъ обществѣ, въ томъ смыслѣ, что отдѣльныя явленія, изъ которыхъ складывается такой споръ или такое я, относятся къ различнымъ субстанціямъ. Именно такъ и смотрятъ на единство я матеріалисты; этотъ взглядъ необходимо вытекаетъ изъ основъ ихъ міровоззрѣнія, и потому хотя онъ противорѣчитъ непосредственному сознанию и приводитъ къ натяжкамъ, имъ приходится держаться его.

Въ иномъ положеніи находятся психологи, признающіе самостоятельность психическихъ явленій. Никакія внѣшнія для психологіи соображенія не препятствуютъ имъ признать, согласно съ непосредственнымъ свидѣтельствомъ опыта, относительную непроизводность я; поэтому для нихъ отрицать эту непроизводность значитъ впадать въ противорѣчія и натяжки, ничѣмъ неизви-

¹⁾ Vierteljahrsschrift für wiss. Phil. sophie, XIV, III, стр. 316

няемая. Къ тому же они слѣдуютъ при этомъ всеобщему закону нашей познавательной дѣятельности, а можетъ быть и самой познаваемой дѣйствительности, согласно которому ни одно явленіе намъ не представляется самостоятельно существующимъ: каждое изъ нихъ не только причиняется другими явленіями, но еще и представляется существующимъ въ какомъ-либо единствѣ явленій, которое, какъ единство, относительно своихъ частей непроизводно, т.-е. не складывается изъ нихъ, а существуетъ раньше ихъ, носитъ ихъ въ себѣ. Иными словами, каждое явленіе составляетъ принадлежность какой-либо *субстанции*, такъ какъ подъ словомъ субстанція современная эмпирическая наука, старающаяся не выходить за предѣлы даннаго во времени и пространствѣ, разумѣетъ не что иное, какъ относительно замкнутое и относительно непроизводное единство возможныхъ и дѣйствительныхъ явленій. Если психическія явленія не выводимы изъ физическихъ, то они должны, согласно этому закону, распадаться на такія единства, которыя можно назвать *духовными субстанціями*. При этомъ въ отношеніи единства я логически возможны двѣ гипотезы. во-первыхъ, можно считать единство я духовною субстанціею, которая или абсолютно непроизводна, или входитъ, какъ часть, въ какую-либо высшую духовную субстанцію, напр., есть единство какой-либо частной группы дѣятельностей абсолютнаго субъекта, или же отпочковывается отъ равнаго ему единства, т.-е. отъ другого подобнаго ему, частнаго я (въ такомъ случаѣ въ параллель положенію *omnis cellula e cellula* можно было бы сказать: «всякое я изъ я»); во-вторыхъ, можно считать я не субстанціальнымъ, а *сборнымъ единствомъ*, именно, предполагать, что оно складывается изъ болѣе простыхъ, но зато субстанціальныхъ духовныхъ единствъ, входящихъ въ него цѣликомъ, или же изъ отдѣльныхъ явленій, относящихся къ болѣе простымъ или болѣе сложнымъ, чѣмъ я, субстанціальнымъ духовнымъ единствамъ. Это вторая гипотеза въ высшей степени непослѣдовательна. Она допускаетъ существованіе духов-

ныхъ субстанцій, но подводитъ подъ это понятіе не я, а какія-то другія группы психическихъ явленій. Между тѣмъ единство и относительная самостоятельность жизни нашего я живѣе чувствуется нами, чѣмъ единство и самостоятельность какихъ бы то ни было другихъ группъ явленій. Какъ извѣстно, многіе философы предполагаютъ даже, что самая идея субстанціи явилась исключительно на почвѣ самонаблюденія и прилагается къ другимъ явленіямъ не только духовнаго, но и физическаго міра лишь по аналогіи, такъ сказать, путемъ полусознательнаго теоретизированія. Быть можетъ, эта мысль въ цѣломъ невѣрна, но ужъ во всякомъ случаѣ нужно согласиться, что въ мірѣ духовныхъ явленій наше я составляетъ единственный, хорошо намъ извѣстный примѣръ относительно самостоятельнаго сплошнаго единства духовныхъ явленій; поэтому надѣлать такими свойствами какія-то другія группы духовныхъ явленій, не данныя въ нашемъ непосредственномъ опытѣ въ такой полной формѣ, и отказывать въ нихъ нашему я, это значитъ противорѣчить основнымъ требованіямъ эмпирической науки. Психологъ, признающій самостоятельность психической жизни вообще, можетъ принять вторую гипотезу, развѣ только подчиняясь какимъ-либо побочнымъ теоретическимъ соображеніямъ. Въ данномъ случаѣ такія соображенія могутъ быть двоякаго рода. Во-первыхъ, несмотря на принципъ самостоятельности психологическаго изслѣдованія, такой психологъ можетъ все же невольно подчиняться даннымъ психо-физиологіи, истолкованнымъ въ духѣ матеріализма, и подъ вліяніемъ ихъ считать субстанціальнымъ единствомъ не я, а какую-нибудь болѣе простую группу психическихъ явленій. Во-вторыхъ, скептическое отношеніе къ субстанціальности я можетъ быть подсказано и нѣкоторыми фактами, указывающими на отсутствіе полной самостоятельности я; между прочимъ къ такому сомнѣнію могутъ приводить явленія рожденія и смерти, хотя они и не даны въ непосредственномъ опытѣ въ видѣ возникновенія или полнаго уничтоженія я, а изу-

чаются только объективнымъ методомъ, крайне ненадежномъ именно въ этомъ экстраординарномъ случаѣ. Нечего и говорить, что данныхъ, говорящихъ противъ самостоятельности я, очень много. Но вѣдь никто и не обязываетъ насъ даже и въ наукахъ о физическомъ мірѣ разумѣть подъ субстанцію абсолютно самостоятельное, абсолютно замкнутое единство ¹⁾. Достаточно, если мы признаемъ въ психологіи непроеизводность я изъ явленій, входящихъ въ него, и предоставимъ другой наукѣ, именно метафизикѣ, рѣшать вопросъ, не слѣдуетъ ли признать, что я есть единство производное, возникающее, напр., изъ абсолютнаго субъекта или изъ другого такого же я. Такое ученіе объ относительной самостоятельности я и производности его изъ болѣе высокаго единства довольно широко распространено въ современной психологіи. Его, напр., придерживаются въ различныхъ видоизмѣненіяхъ Лотце, Имм. Герм. Фихте, Ремке, Гартманнъ, Паульсенъ, Вундтъ, Липпсъ.

Проявленія единства сознанія настолько сложны и такъ настойчиво переводятъ изъ области психологіи въ область метафизики, что невозможно ограничиться разсмотрѣніемъ ихъ съ одной какой-либо точки зрѣнія, укладывающейся въ одномъ какомъ-либо понятіи. Поэтому многіе современные психологи, занимаясь этимъ вопросомъ, различаютъ понятія я и личности, души и я и т. п.

Значеніе этихъ терминовъ и характеръ этихъ различеній еще далеко не установились. Однако разбираться въ подробностяхъ намъ незачѣмъ. Мы занимаемся основными ученіями волюнтаристической психологіи, лишь поскольку они руководятъ эмирической психологіею; поэтому намъ достаточно двухъ понятій, одного психологическаго, соотвѣтственно данному въ опытѣ единству стремленій, и другого метафизическаго, соотвѣтственно предполагаемому высшему началу, лежащему въ основѣ этого единства. Первое понятіе мы

¹⁾ См. Логику Липпса, стр. 119 с.

обозначимъ терминомъ личность, а второе терминами духъ, душа, я, Впрочемъ этими послѣдними терминами мы будемъ пользоваться и вмѣсто термина личность, но не наоборотъ. Недоразумѣній отъ этого не произойдетъ, такъ какъ мы почти не будемъ заниматься метафизическимъ понятіемъ духа и его отношеніемъ къ личности, а будемъ изслѣдовать лишь данное въ опытѣ относительно самостоятельное единство стремленій. Даже вопросъ о томъ, не есть ли каждое индивидуальное единство стремленій, т.-е. личность, одна изъ стадій развитія соответствующаго ей духа, такъ что духъ вѣченъ, но на разныхъ ступеняхъ своего развитія выражается въ видѣ различныхъ личностей, не занимаетъ насъ: доказывать, что личность, возникающая и исчезающая во времени, есть фаза развитія чего-то вѣчнаго, намъ вовсе не нужно, такъ какъ говоря о непроеизводности и самостоятельности личности, мы имѣемъ въ виду лишь непроеизводность ея изъ ея элементовъ (представленій, чувствъ и т. п.).

Какъ мы уже говорили, развиваемое нами ученіе о я заключаетъ въ себѣ лишь примѣненіе къ душевной жизни понятій, съ которыми мы оперируемъ на каждомъ шагу, рассуждая о физическомъ мірѣ. Всѣ явленія его распадаются для нашего воспріятія на субстанціальныя (непроеизводныя изъ своихъ частей) единства, и каждый новый членъ такого единства возникаетъ по поводу воздѣйствія извнѣ, но опредѣляется по существу природою того единства, въ которомъ возникаетъ. Однако физическій міръ мы познаемъ лишь отрывочно въ сравненіи съ міромъ нашего я, поэтому нужно ожидать, что понятіе субстанции въ психологіи окажется болѣе содержательнымъ, чѣмъ въ наукахъ о физическомъ мірѣ. И это въ самомъ дѣлѣ такъ: мы назвали я не просто единствомъ явленій, а единствомъ стремленій; значитъ оно есть единство *дѣятельностей*, именно *цѣлестремительныхъ актовъ*. Въ болѣе общемъ смыслѣ признакъ дѣятельности, активнаго порожденія явленій мы невольно вводимъ во всякое понятіе субстанции:

измѣненія въ тѣлахъ подѣ вліяніемъ воздѣйствій извнѣ мы склонны считать также *реакціями* тѣла. Обыкновенно, такое представленіе о физическомъ мірѣ принимаютъ за проявленіе нашей склонности къ антропоморфизму и стараются искоренить его въ ученіи о физическомъ мірѣ, а затѣмъ изгнать понятіе активности также и изъ психологіи. Быть можетъ, въ ученіи о физическомъ мірѣ такое направленіе имѣетъ серьезныя основанія, но въ психологіи оно приводитъ къ заблужденію: оно игнорируетъ чувствованіе активности или же дѣлаетъ его, а также понятіе силы вообще необъяснимымъ безъ натяжекъ. Возстановляя права этихъ важныхъ элементовъ всякаго міросозерцанія и утверждая, что *я есть субстанція, непосредственно сознающая всѣ свои состоянія, какъ свои акты, производимые ею сообразно своимъ стремленіямъ*, мы, такъ сказать, лишь пытаемся вновь *вести антропоморфизмъ въ антропологию*. Самые эти термины уже указываютъ на законность нашего предпріятія.

Ученіе о личности, какъ о единствѣ стремленій, въ той формѣ, какъ оно развито до сихъ поръ, можетъ подать поводъ къ сопоставленію его съ известною сценою изъ комедіи Мольера, съ разсужденіемъ доктора, который на вопросъ, почему усыпляетъ опиумъ, отвѣтилъ, что у опиума есть «усыпляющая способность». Намъ могутъ сказать, что мы, слѣдуя рецепту этого доктора, очень легко справляемся съ задачею объясненія явленій. Передъ нами разыгрывается какой-либо рядъ событій, напр., арестуютъ преступника, но онъ сначала пытается выскочить черезъ окно, а потомъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ; мы утверждаемъ, что личность преступника заключаетъ въ себѣ стремленіе къ свободѣ, стремленіе выскочить черезъ окно, выхватить револьверъ, прицѣлиться и нажать курокъ, находимъ такимъ образомъ причину всѣхъ этихъ явленій и успокоиваемся на этомъ,

Такое комическое изображеніе изложеннаго нами ученія было бы несправедливымъ. Во-первыхъ, огром-

ная разница, между «усыпляющею способностью» и человеческими стремлениями, на которыя мы дѣйствительно *между прочимъ* сослались бы въ данномъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что способность, указываемая докторомъ, есть *не новый фактъ* въ сравненіи съ усыпленіемъ, а лишь описаніе того же факта усыпленія, какъ возможнаго; наоборотъ, стремленіе къ свободѣ, стремленіе выскочить черезъ окно и даже стремленіе нажать курокъ сѣуть *реальные факты иного порядка*, чѣмъ выскакиваніе, нажатіе курка и т. д. и при томъ факты, необходимо предшествующіе дѣйствительному сознательному выскакиванію и т. п. Во-вторыхъ, мы вовсе не утверждаемъ, что единство стремленій, составляющее личность, съ самаго начала дано цѣликомъ, такъ что преступникъ, уже при рожденіи на свѣтъ испытывалъ стремленіе выскочить черезъ окно, нажавъ курокъ, и эти стремленія только таились до того момента, когда обстановка дала поводъ къ соотвѣтствующей имъ реакціи. Ссылкою на стремленіе мы дѣйствительно объясняемъ перемѣну и ея характеръ, но вслѣдъ за этимъ намъ предстоитъ гораздо болѣе трудная задача—объяснить, почему въ данномъ единствѣ возникло именно такое, а не иное стремленіе. Новое стремленіе есть новый членъ внутренняго фактора перемѣнъ въ жизни я; въ единствѣ я эти новые члены, новыя стремленія обусловлены всѣми предыдущими стремленіями вмѣстѣ съ переживаніями, соотвѣтствующими имъ. Слѣдовательно, для объясненія новыхъ явленій въ жизни личности нужно изучить порядокъ возникновенія новыхъ производныхъ стремленій въ зависимости отъ единства старыхъ стремленій и перемѣнъ, иными словами, узнать законы смѣны психическихъ явленій. Одинъ изъ самыхъ общихъ такихъ законовъ мы попытались установить въ предыдущей главѣ.

II. Не личные („данные“) элементы индивидуальнаго сознанія.

Всѣ явленія индивидуальнаго сознанія мы подраздѣлили на «мои» и «данныя» мнѣ. Всеобщій законъ, согласно которому всякое явленіе есть членъ какого-либо субстанціальнаго единства, осуществляется для «моихъ» элементовъ индивидуальнаго сознанія чрезвычайно наглядно и опредѣленно въ томъ смыслѣ, что они непосредственно сознаются, какъ результаты дѣятельности я. Они составляютъ упорядоченную систему, въ которой всѣ члены зависятъ другъ отъ друга, а нѣкоторыя группы прямо-таки состоятъ изъ цѣли производныхъ цѣлей, приуроченныхъ къ одной первоначальной цѣли.

Посмотримъ же теперь, какъ выполняется этотъ же всеобщій законъ для данныхъ явленій, т.-е. явленій «не моихъ», изъ которыхъ складывается міръ данныхъ мнѣ объектовъ. Къ числу «даннаго» относится или можетъ относиться все содержаніе воспріятій физическаго міра, именно и ощущенія, и связи между ними; далѣе къ этой же области относятся органическія ощущенія и, наконецъ, сюда же можетъ относиться всякое другое психическое состояніе, напр., «поступки во мнѣ» или какое бы то ни было воспоминаніе, поскольку оно всплываетъ въ готовомъ видѣ, какъ нѣчто данное. Можно утверждать, что къ области даннаго относится все низшее, простѣйшее въ нашей душевной жизни (напр., всѣ ощущенія), а также, обыкновенно, все наивысшее; напр., неожиданныя вспышки творческой мысли въ моментъ зарожденія художественнаго произведенія или научнаго открытія совершаются, обыкновенно, такъ, какъ будто бы какой-то высшій геній сразу «даетъ», внушаетъ въ видѣ неяснаго клубка цѣлый новый міръ идей; таковы моменты вдохновенія. Слѣдовательно, область «моего» составляютъ продукты средняго достоинства: построенія изъ простѣйшихъ элементовъ, а также идеи и образы, полученные путемъ разработки

по болѣе или менѣе сознательному и не особенно творческому плану изъ новыхъ творческихъ идей, «данныхъ» въ моментъ вдохновенія.

«Данныя» состоянія сознания не принадлежатъ я, не принадлежатъ субъекту, слѣдовательно, они относятся къ объективному міру. Такимъ образомъ, наше понятіе объективнаго, существующаго внѣ меня міра отличается отъ общепринятаго понятія одною чрезвычайно существенною чертою: подъ объективнымъ міромъ мы разумѣемъ не только чужія психическія состоянія, не данныя въ нашемъ опытѣ, *также не только воспріятія физическаго міра, но и данныя мнѣ психическія состоянія, ни въ какомъ смыслѣ не относимыя ни къ сферѣ физическаго міра.* Если принять во вниманіе этотъ объективный данный въ опытѣ психическій міръ, а также если имѣть въ виду, что *дѣйствительно данный въ опытѣ объективный физическій міръ* тоже относится къ сферѣ психическаго (разлагается на рядъ воспріятій), то непроходимая пропасть между субъективнымъ и объективнымъ совершенно исчезаетъ: нѣкоторыя явленія, вполнѣ одинаковыя по содержанию (напр., страстное стремленіе выпить стаканъ вина и выпиваніе его), могутъ принадлежать то къ «моему» субъективному міру, то къ «данному мнѣ» объективному міру, и вся разница при этомъ состоитъ лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ они окрашены чувствованіемъ принадлежности мнѣ («мое» стремленіе и «мой» поступокъ), а во второмъ случаѣ сознаются, какъ «данныя» («стремленіе во мнѣ» и «поступокъ во мнѣ»).

Явленія объективнаго міра такъ же, какъ и «мои» состоянія сознания, представляются не разрозненными, а входящими въ субстанціальныя единства. Мы очень живо сознаемъ существованіе такихъ единствъ въ области физическаго міра. Можно сказать даже, что философской обработкѣ понятіе субстанции подвергается первоначально именно въ примѣненіи къ физическому міру. Однако этотъ путь изслѣдованія неправиленъ: міръ я данъ намъ въ гораздо болѣе полной и внутренно связ-

ной формѣ, чѣмъ міръ не-я. Поэтому изслѣдованіе я должно привести къ болѣе богатому содержаніемъ понятію субстанціи, чѣмъ изслѣдованіе міра не-я. И въ самомъ дѣлѣ, изучая я, мы нашли въ немъ 1) производное единство не просто явленій, а дѣятельностей, 2) вѣроятное, метафизическое высшее начало, лежащее въ основѣ единства дѣятельностей, 3) цѣлестремительность, какъ видъ причинности. Логично было бы, начавъ изслѣдованіе понятія субстанціи съ міра я, потомъ переходить къ объективному психическому міру, наконецъ, къ объективному данному въ опытѣ физическому міру. Однако современная эмпирическая наука, обыкновенно, идетъ инымъ путемъ. Упуская изъ виду указанный нами данный въ опытѣ объективный психическій міръ, она преувеличиваетъ различіе между физическимъ и психическимъ и строитъ понятіе субстанціи для физическаго міра, намѣренно стараясь обойтись безъ помощи психологіи и избѣжать антропоморфизма. Она обѣдняетъ понятіе субстанціи и, наконецъ, ограничиваетъ его лишь признакомъ непроеизводнаго единства явленій во времени, исключая изъ него не только идею высшаго объединяющаго начала, но даже и идею активности.

Гносеологическое изслѣдованіе воспріятій физическаго міра, какъ мы думаемъ, можетъ показать, что эти идеи вовсе не суть продуктъ антропоморфизма, что онѣ должны на основаніи опыта входить во всякое понятіе субстанціи. Однако здѣсь мы занимаемся не гносеологіею, а психологіею, и потому ограничимся лишь *полезною для психологіи гипотезою* о субстанціяхъ объективнаго міра, исходя изъ психическаго объективнаго міра.

Наблюдая такіа психическія состоянія, какъ «поступокъ во мнѣ» или органическія ощущенія, въ родѣ голода, жажды, ощущеній во всѣхъ внутренностяхъ, ощущеній усталости, бодрости и т. п., за которыми часто слѣдуютъ «поступки во мнѣ», нельзя не согласиться, что мы нерѣдко переживаемъ стремленія и слѣдующіе за ними поступки, во всѣхъ отношеніяхъ сход-

ные съ «моими» волевыми актами, за исключеніемъ лишь того, что непосредственное чувство связываетъ ихъ не съ я, а съ чѣмъ-то чуждымъ нашему я, даже иногда локализуя ихъ въ тѣлѣ. Хорошій примѣръ такого смутнаго представленія о принадлежности нѣкоторыхъ состояній индивидуальнаго сознанія не «моему» я, а какой-то другой субстанціи есть въ сочиненіи Левитова «Степная дорога днемъ», въ разсказѣ пьяницы о томъ, какъ «запойный червь» заставляетъ его пить ¹⁾. Психопатологія можетъ дать безчисленное количество примѣровъ этого рода; сюда, напр., относятся тѣ случаи, когда больной высказываетъ сложныя мысли или совершаетъ сложные поступки и увѣряетъ, что это дѣлаетъ не онъ, а другое лицо, вселившееся въ него. Въ виду аналогіи такихъ «данныхъ» состояній съ «моими» состояніями естественно предположить, что они образуютъ *единства*, непосредственно *сознаваемыя*, какъ «мои» (но, конечно, *не всегда опознаваемыя*) какими-либо *другими я*, и соотвѣтствуютъ «моимъ» стремленіямъ этихъ другихъ я.

Такъ какъ мы установили въ сферѣ я единственный видъ причинности — цѣлестремительную причинность и не нашли въ себѣ другихъ образцовъ причинности, то мы принуждены въ отношеніи къ этимъ «даннымъ» психическимъ явленіямъ или ограничиться внѣшнимъ изученіемъ отношеній ихъ во времени, слѣдовательно, отказаться отъ построенія связанной картины міра, или сдѣлать указанное допущеніе и свести къ одинаковой формулѣ, по крайней мѣрѣ, *всѣ психическія явленія*, потому что не только «поступки во мнѣ», но и тѣ явленія, которыя мы назвали «состояніями» въ собственномъ смыслѣ этого слова ²⁾, напр., воспоминанія, всплывающія въ готовомъ видѣ, всевозможныя смутныя идеи, толпящіяся постоянно на периферіи сознанія, стремительно врывающіяся въ моментъ вдохновенія потоки «данныхъ» идей и т. п., слѣдуетъ истолковывать по-

¹⁾ Собр. соч. т. I, стр. 160.

²⁾ См. выше стр. 30.

добнымъ же образомъ. Они менѣе похожи на «мои» волевые акты, чѣмъ «поступки во мнѣ», потому что въ нихъ нельзя подмѣтить отчетливо выраженныхъ «стремленій во мнѣ», однако въ остальныхъ отношеніяхъ они организованы такъ же, какъ и премѣны въ волевыхъ актахъ. Мало того, если всмотрѣться, то окажется, что и они заключаютъ въ себѣ какія-то смутныя «данныя» чувствованія, въ родѣ стремленій и активности, напр., это особенно замѣтно въ идеяхъ, данныхъ въ моментъ вдохновенія. Къ тому же всѣ эти «состоянія» тоже вовсе не неподвижны: они живутъ, разрастаются или сѣуживаются на нашихъ глазахъ, помимо нашей воли; это можно всегда подмѣтить на периферіи сознанія. Самостоятельная жизнь объективнаго даннаго въ непосредственномъ опытѣ психическаго міра особенно ярко обнаруживается въ сферѣ припоминаемаго: очень часто то, что мы обдумываемъ или строимъ въ воображеніи, въ послѣдствіи припоминается въ нѣсколько иной формѣ, нерѣдко болѣе организованной, какъ бы указывающей на цѣлестремительную самодѣятельность этого «даннаго» міра. Явленій такого рода очень много, они сильно говорятъ въ пользу нашей гипотезы, однако для подробнаго описанія ихъ пришлось бы дать рядъ монографій, потому что наблюденія надъ ними съ развиваемою здѣсь точки зрѣнія не производились, хотя указанія на нихъ встрѣчаются часто.

Впрочемъ, сколько бы мы такихъ фактовъ ни приводили, гипотеза наша все же осталась бы только гипотезою; она по существу принадлежитъ къ числу основныхъ вопросовъ, окончательное рѣшеніе которыхъ возможно не иначе, какъ въ связи со всѣми проблемами гносеологіи. Здѣсь въ психологическомъ изслѣдованіи, гдѣ приходится стоять на почвѣ аналогій, она уже и теперь въ достаточной степени вѣроятна для тѣхъ, кто выводитъ психическія явленія только изъ психическихъ и соглашается съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ я. Подробное наблюденіе жизни «состояній» сознанія скорѣе должно слѣдовать за этою

гипотезою, а не предшествовать ей. По крайней мѣрѣ, роль большинства гипотезъ въ томъ и состоитъ, что онѣ облегчаютъ дальнѣйшее наблюденіе фактовъ, указывая плодотворные пути для изслѣдованія.

Если наше допущеніе вѣрно, то это значитъ, что состоянія сознанія, приурочиваемыя нами къ человѣческому тѣлу, составляютъ множество различныхъ единствъ, множество различныхъ я, подчиненныхъ одному высшему я, при этомъ «моя» душевная жизнь возможна не иначе, какъ путемъ коопераціи моего я съ другими я, такъ какъ почти всякій «мой» актъ заключаетъ въ себѣ въ видѣ вкрапленій, какъ нѣчто «данное», результаты дѣятельности другихъ я. Мысль, что индивидуальное человѣческое сознаніе получается путемъ коопераціи многихъ сознаній, не нова въ психологіи; въ числѣ сторонниковъ ея можно назвать, напр., Гартмана, Горвица, Фолькманна. Вообще, современное естествознаніе даетъ удобную почву для нея, поскольку, изучая жизнь клѣтки или строеніе и отправленія нервныхъ центровъ, оно приводитъ къ мысли о существованіи клѣточныхъ сознаній или сознанія, напр., спинного мозга (Горвицъ, Вундтъ, Геффдингъ, Паульсенъ).

Замѣтимъ, что всѣ мы и въ жизни, и въ психологіи пользуемся гипотезою существованія другихъ я, въ болѣе ограниченномъ, правда, объемѣ, поскольку признаемъ одушевленность другихъ человѣческихъ тѣлъ. Крайняя степень обобщенія получается, если распространить эту гипотезу и на данный въ непосредственномъ опытѣ объективный физическій міръ, т.-е. если признать, что данные элементы этого міра тоже суть «мои» элементы какихъ-нибудь другихъ я или, по крайней мѣрѣ, мірового я. Для гипотетическаго рѣшенія этого вопроса тоже нѣтъ недостатка въ фактахъ, указывающихъ на аналогію между «моими» состояніями и физическимъ «даннымъ» мнѣ міромъ: Мы уже говорили, что чувствованіе «внѣшней» активности есть очень распространенный элементъ внѣшнихъ воспріятій, напр., въ воспріятіяхъ движенія. То же самое можно сказать и о чув-

ствованіи стремленія; его, пожалуй, можно найти даже въ ощущеніяхъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ, напр., въ красномъ цвѣтѣ. Впрочемъ, если бы даже эти факты уже были точно описаны и перечислены въ подавляющемъ количествѣ, все равно они не сдѣлаютъ эту гипотезу болѣе убѣдительною въ глазахъ тѣхъ, кто склоненъ такіе элементы воспріятія объяснять антропоморфизмомъ. Здѣсь еще настоятельнѣе требуется помощь гносеологіи. Поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ на эту возможность обобщить нашу точку зрѣнія и допустить, что всякое явленіе входитъ въ какое-либо я, какъ «мой» актъ этого я.

III. Самосознаніе и самопознаніе.

Противъ этого обобщенія и вообще противъ дѣленія психическихъ состояній на два класса «моихъ» и «данныхъ мнѣ» можетъ быть поставлено одно важное возраженіе, котораго нельзя было рассмотретьъ раньше. Намъ могутъ замѣтить, что многія психическія состоянія не сознаются ни какъ «мои», ни какъ «данныя мнѣ»: многія изъ нихъ не относятся нами никуда и вообще *наше я сознается нами довольно рѣдко*. Глубоко задумавшійся человѣкъ вполне сосредоточивается на содержаніи мыслей и совершенно не приписываетъ ихъ ни своему я, ни внѣшнему міру: представленіе о я въ этихъ случаяхъ, обыкновенно, совершенно отсутствуетъ. Точно то же можно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда мы что-либо припоминаемъ, внимательно наблюдаемъ и т. п. Если такъ, то уже тѣмъ менѣе можно говорить о сознаніи я въ спинномъ мозгу или въ какой-либо клѣточкѣ тѣла. Такимъ образомъ, повидимому, наблюдаемые факты противорѣчатъ ученію о данности единства я въ сознаніи, а также всѣмъ волюнтаристическимъ обобщеніямъ, изложеннымъ въ главѣ о волѣ.

На видъ это возраженіе кажется очень опаснымъ для *всѣхъ положительныхъ ученій о я*. На самомъ же

дѣлѣ, если указать лежащую въ основѣ его ошибку, то ученія о я, стремящіяся опираться на непосредственный опытъ, чрезвычайно выигрываютъ. Ошибка заключается въ отождествленіи самосознанія съ самопознаніемъ; это частный и при томъ наиболѣе распространенный случай отождествленія сознанія съ знаніемъ ¹⁾. «Мои» психическія состоянія могутъ чувствоваться, какъ «мои» но мы можемъ вовсе не *обращать вниманія* на этотъ отгѣнокъ ихъ, можемъ не опознавать его. Связи между психическими состояніями, характерно выражающія единство я, могутъ быть налицо, но мы можемъ не опознавать ихъ. Для того, чтобы мы знали свое я, нужно, чтобы наше я не только жило, но и еще, чтобы мы *опознавали* его жизнь, и при томъ не отрывочныя ея проявленія, а связь цѣлаго, что очень трудно. Если какіе-нибудь сложные ряды психическихъ состояній кажутся вовсе не имѣющими отношенія ни къ я, ни къ не-я, то стоитъ только воспроизвести ихъ и обратить на нихъ вниманіе съ этой стороны, какъ тотчасъ же окажется, что одни изъ нихъ самымъ опредѣленнымъ образомъ чувствуются, какъ «мои», другіе чувствуются, какъ «данные мнѣ», но мы только не замѣчали раньше, не опознавали этихъ чувствованій. У насъ было *самосознаніе* (жизнь я, какъ я), но не было *самопознанія*. Замѣтимъ, что, говоря о самопознаніи, какъ явленіи, параллельномъ самосознанію и ошибочно отождествлявшемся съ нимъ, мы имѣемъ въ виду не знаніе о томъ, храбръ ли я, честолюбивъ ли я, честенъ ли я и т. п., а *воспріятіе* я, познаваніе въ непосредственномъ опытѣ *существованія я*, какъ единства «моихъ» состояній; это познаваніе состоитъ только въ томъ, что изъ необъятнаго моря состояній индивидуальнаго сознанія мы выдѣляемъ, отличаемъ «свои» состоянія и связи явленій, обусловленныя дѣятельностью я.

Итакъ, разногласіе между тѣми, кто говоритъ, что я и не-я сознаются очень рѣдко, и тѣми, кто утвер-

¹⁾ См. главу Сознаніе и знаніе.

ждаетъ, что они сознаются всегда, примиряется слѣдующимъ образомъ: *я и не-я сознаются всегда, но опознаются рѣдко*. Иными словами, *въ психическомъ мірѣ самосознаніе* (сознаваніе связи въ каждомъ единствѣ явленій, даже и въ единствѣ дѣятельныхъ клѣточки организма) *есть явленіе всеобщее, а самопознаніе явленіе рѣдкое*.

Такъ и должно быть. Въ главѣ «Сознаніе и знаніе» мы указывали на нѣкоторыя изъ условій, затрудняющихъ опознаніе психическихъ состояній ¹⁾. Всѣ эти условія препятствуютъ опознанію я. Я постоянно сознается нами: не можетъ быть такого момента, когда въ этомъ субстанціальномъ единствѣ на почвѣ прежнихъ состояній не выросло бы новое состояніе, окрашенное чувствованіемъ «принадлежности мнѣ». Такое постоянное присутствіе одного и того же чувствованія вовсе не благоприятствуетъ его опознанію. Къ счастью еще, одно изъ важныхъ условій опознанія, именно присутствіе контрастирующихъ состояній соблюдено: мы всегда сознаемъ на ряду съ «моими» состояніями «данныя мнѣ», на ряду съ «моимъ» единствомъ чуждыя мнѣ единства. Однако и это условіе осуществлено не въ достаточной мѣрѣ: единства психическихъ явленій, находящіяся внѣ насъ, сознаются нами не интенсивно, не полно и безъ достаточнаго вниманія для того, чтобы служить хорошимъ опорнымъ пунктомъ при опознаніи я. Наконецъ, въ-третьихъ, интересъ (потребность, стремленіе) къ опознанію я очень невеликъ на низшихъ и среднихъ ступеняхъ развитія: для успѣшнаго осуществленія стремленій достаточно опознать ихъ содержаніе, а не ихъ принадлежность нашему я. Если же для обезпеченія своихъ потребностей въ будущемъ или для управленія собою намъ и нужно «познать себя», то прежде всего у насъ развивается самопознаніе въ ходячемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ знанія *отдѣльныхъ* преобладающихъ коренныхъ стремленій, склонностей, страстей и т. п., встрѣчающихся при извѣстныхъ

¹⁾ См. стр. 120 с.

обстоятельствахъ въ нашемъ индивидуальномъ сознаниі, а не воспріятіе нашего я, какъ *непрерывнаго единства дѣятельностей*. Между тѣмъ только такое самопознаніе можетъ дать матеріалъ для философскихъ изслѣдованій и послужить исходнымъ пунктомъ для болѣе сложнаго точнаго самопознанія, именно для опредѣленія того, какія стремленія, подмѣченныя уже нами въ нашемъ индивидуальномъ сознаниі, исходятъ изъ самого нашего я, какія вынуждаются у него внѣшними обстоятельствами и какія относятся къ числу «стремленій во мнѣ». При этомъ можетъ оказаться, что стремленія, сваливаемые въ одну кучу самопознаніемъ въ ходячемъ смыслѣ этого слова, на самомъ дѣлѣ суть явленія совершенно разнаго порядка. Какое-нибудь сильное половое возбужденіе сразу и окончательно подавляется у нѣкоторыхъ лицъ (если оно возникаетъ на почвѣ «стремленій во мнѣ») приѣмомъ бромистаго натрія, тогда какъ честолюбивыя стремленія могутъ быть измѣнены не иначе, какъ сложнымъ и продолжительнымъ воздействиемъ на самое я.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Интуиція.

I. Непосредственное воспріятіе внѣшняго міра.

«Мои» состоянія сознания образуютъ единство я. «Данныя» состоянія образуютъ объективный міръ, распадающійся также на субстанціальныя единства. Сознавая и этотъ міръ, я не создаетъ его, а относится къ нему, какъ зритель. Слѣдовательно, я обладаетъ способностью непосредственно сознать не только свои состоянія, но и состоянія, входящія въ другія субстанціальныя единства; опираясь на гипотезу, что эти другія единства суть тоже я, мы можемъ сказать еще опредѣленнѣе:

я обладаетъ способностью непосредственно сознавать не только свои состоянія, но и состоянія другихъ я. Назовемъ эту способность словомъ *интуиція*, а самый процессъ сознанія чужихъ состояній словомъ непосредственное воспріятіе или непосредственное сознаніе внѣшняго міра ¹⁾).

Конечно, говоря объ интуиціи, какъ о способности, мы вовсе не думаемъ, что этотъ терминъ проливаетъ какой-либо свѣтъ на указанное свойство я; мы вводимъ его лишь, какъ средство для краткаго обозначенія фактовъ этой категоріи. Общее теченіе современной психологіи рѣзко противорѣчитъ нашему мнѣнію. Почти во всякой психологіи въ наше время на первыхъ же страницахъ болѣе или менѣе обстоятельно доказывается, что мы никогда и никоимъ образомъ не можемъ воспринимать чужихъ психическихъ состояній, что во внѣшнемъ опытѣ намъ даны только физическія явленія и, наблюдая ихъ, мы по аналогіи строимъ представленіе о чужой душевной жизни, пользуясь матеріаломъ, почерпнутымъ въ собственной душѣ. Однако мы не будемъ здѣсь бороться съ этими взглядами для болѣе прочнаго обоснованія своихъ мнѣній. Мы основывались на чисто психологическомъ, не использованномъ еще въ наукѣ различеніи между «моими» и «данными» мнѣ состояніями и, благодаря ему, установили, что нужно разумѣть подъ словомъ я; далѣе, исходя изъ своего опредѣленія я, мы уже принуждены утверждать, что я сознаетъ не только свои, но и чужія состоянія. Если принять въ расчетъ, что мы разумѣемъ подъ словами чужія состоянія, то можно утверждать, что въ психологіи нѣтъ взглядовъ, противоположныхъ нашимъ, а потому намъ не съ кѣмъ бороться, намъ нужно лишь обосновывать свои утвержденія. Правда, мы склонны дѣлать безчисленныя при-

¹⁾ Терминъ мистическое воспріятіе, употребляемый профессоромъ А. И. Введенскимъ въ статьѣ „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“, былъ бы очень хорошъ, если бы слово мистическій не представляло опасности въ виду связанныхъ съ нимъ туманныхъ, не философскихъ понятій.

мѣненія изъ ученія о непосредственномъ воспріятіи внѣшняго міра. Мы утверждаемъ, напримѣръ, что знаніе о другихъ человѣческихъ я тоже возможно первоначально не иначе, какъ путемъ непосредственнаго воспріятія, и знаніе по аналогіи можетъ присоединяться къ нему лишь, какъ вторичное явленіе. Мы утверждаемъ даже, что знаніе о внѣшнемъ мірѣ вообще безъ непосредственнаго воспріятія было бы абсолютно невозможно. Эти утвержденія дѣйствительно сталкиваются съ прямо противоположными теоріями, однако они относятся не къ психологіи, а къ теоріи знанія. Поэтому мы займемся опроверженіемъ ихъ въ другомъ изслѣдованіи, посвященномъ обоснованію непосредственнаго воспріятія съ гносеологической точки зрѣнія.

Опираясь на частные факты, въ родѣ теленатическихъ явленій, ясновидѣнія и т. п., мы не считаемъ возможнымъ ни въ психологіи, ни въ гносеологіи, такъ какъ всякая частная ограниченная сфера явленій можетъ быть истолкована самыми разнообразными способами. Скорѣе наоборотъ, теорія непосредственнаго воспріятія, опирающаяся на самый общій психологическій анализъ или построенная гносеологією, можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для методическаго изслѣдованія этихъ загадочныхъ явленій.

II. Взаимодѣйствіе между различными я.

Человѣческое я не есть лейбницевская монада «безъ оконъ и дверей»: оно можетъ сознать и чужія душевныя состоянія. Однако эти чужія состоянія не врываются насильственно и не хозяйничаютъ по своему произволу въ другихъ душахъ; въ главѣ «Порядокъ смѣны душевныхъ явленій» было показано, что даже и воспринять ихъ мы можемъ лишь постольку, поскольку «мое» вниманіе направлено на нихъ, при чемъ направленіе вниманія обусловливается «моими» интересами, а «данныя» состоянія играютъ только родъ повода; дальнѣйшія

реакціи на эти воспріятія и подавно обусловлены «моими» интересами.

Однако связь между различными я не ограничивается этимъ воспріятіемъ чужихъ душевныхъ состояній и реакціею на нихъ. Если я способно непосредственно сознать не только себя, но и другія я, то весьма возможно, что при нѣкоторыхъ условіяхъ стремленіе одного я можетъ быть не только поводомъ, но и непосредственною причиною перемѣнъ въ другомъ я. И въ самомъ дѣлѣ, такіе случаи уже были найдены выше: таковы вынужденные стремленія и поступки.

Чтобы напомнить о нихъ, мы сошлемся на такъ-называемыя навязчивыя идеи. Вынужденныя стремленія характеризуются тѣмъ, что врываются въ непрерывную цѣпь «моихъ» первоначальныхъ и производныхъ стремленій, нарушая до извѣстной степени единство я; при этомъ на основаніи непосредственнаго чувства мы находимъ, что дѣйствовали не свободно, а какъ бы подъ давленіемъ извнѣ. Нерѣдко эти дѣйствія оказываются настолько несоотвѣтствующими всему прошлому я или, по крайней мѣрѣ, его ближайшему прошлому, что для нихъ и въ самомъ дѣлѣ трудно найти причину въ самомъ я. Обыкновенно такимъ вынужденнымъ стремленіямъ непосредственно предшествуютъ сильныя «стремленія во мнѣ», при чемъ вынужденныя стремленія относятся къ этимъ стремленіямъ во мнѣ, какъ средство къ цѣли и такая связь между ними чувствуется непосредственно. На основаніи всѣхъ этихъ признаковъ приходится допустить, что такія стремленія и перемѣны и въ самомъ дѣлѣ причиняются въ нашемъ я стремленіями другихъ я, напр., стремленіями низшихъ субстанціальныхъ единствъ (случаи чувственныхъ влеченій, съ которыми мы боремся).

Допущеніе возможности непосредственнаго причиннаго воздѣйствія чужихъ стремленій на «мое» я становится еще болѣе обоснованнымъ, если принять въ расчетъ, что въ своемъ опытѣ мы можемъ наблюдать и обратную сторону такого взаимодействія, именно тѣ

случаи, когда другія я зависятъ отъ нашихъ стремлений. Если мы правы, то должно существовать два типа воздѣйствія нашего я на объективный міръ: случаи, когда «мои» состоянія служатъ лишь *поводомъ* для перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ, и случаи, когда «мои» состоянія, именно «мои» стремленія, составляютъ непосредственную *причину* перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ. И въ самомъ дѣлѣ такіе два типа воздѣйствія на внѣшній міръ были уже описаны раньше: это психорефлекторные акты и мои внѣшніе волевые акты.

Примѣромъ внѣшнихъ волевыхъ актовъ могутъ служить произвольныя сокращенія мышцъ или намѣренное усиленное припоминаніе, а примѣромъ психорефлекторныхъ актовъ ненамѣренное воспоминаніе, вспыхиваніе въ сознаніи картинъ прошлаго, какъ «данныхъ» состояній, привлекающихъ къ себѣ «мое» вниманіе ¹⁾.

Психорефлекторные акты вовсе не подходятъ подъ типъ «моихъ» волевыхъ актовъ; перемѣна во внѣшнемъ мірѣ въ этихъ актахъ возникаетъ, правда, не иначе, какъ вслѣдъ за какимъ-либо «моимъ» состояніемъ, но оно не должно быть непременно стремленіемъ; къ тому же эта перемѣна не связана чувствованіемъ активности съ предшествующимъ ей «моимъ» состояніемъ, она сознается, какъ что-то случившееся независимо отъ нашей воли, воспринимается такъ же, какъ рефлекторное сокращеніе мышцы ²⁾.

Все это становится понятнымъ, если предположить, что въ такихъ случаяхъ «мое» состояніе было лишь поводомъ для реакціи какого-либо другого я, и эта реакція обратила на себя «мое» вниманіе, а потому попала также и въ сферу «моего» сознанія, но могла бы пройти и незамѣченной мною. Совершенно иначе протекаютъ внѣшніе волевые акты. Всѣ они, напр., произвольное поднятія руки или усиленное припоминаніе какой-либо забытой фамиліи, заканчивающееся тѣмъ,

¹⁾ Другіе примѣры см. выше стр. 26 с.

²⁾ Тамъ же, стр. 27.

что она вдругъ всплываетъ въ сознаниі, какъ готовое «данное» цѣлое, характеризуются тѣмъ, что исходнымъ пунктомъ ихъ служитъ непременно «мое» стремленіе, и переменна, слѣдующая за этимъ стремленіемъ, непосредственно связана съ нимъ чувствованіемъ активности, такъ что мы на основаніи непосредственнаго воспріятія увѣрены въ томъ, что имѣемъ дѣло съ явленіемъ, зависящимъ отъ нашей воли. Однако, если внимательно присмотрѣться къ переменѣ, то оказывается, что она сама по себѣ состоитъ вовсе не изъ «моихъ» состояній сознаниа (напр., изъ «данныхъ» ощущеній поднятія руки, изъ «даннаго» зрительнаго, слухового или моторнаго образа припоминаемой фамиліи и т. п.), за исключеніемъ того, поскольку на эти состоянія направлено «мое» вниманіе. Слѣдовательно, мы произвели перемену не въ своемъ я, а въ объективномъ мірѣ, въ какомъ-то другомъ субстанціальномъ единствѣ; поэтому-то, когда мы обратили на нее вниманіе, она попала въ наше сознаніе, какъ нѣчто «данное»; мало того, она могла бы и вовсе не попасть въ наше сознаніе, напр., въ томъ случаѣ, если бы у насъ было какое-либо пораженіе чувствительныхъ нервовъ руки. Всѣ эти особенности внѣшнихъ волевыхъ актовъ становятся понятными, если предположить, что въ такихъ случаяхъ «мое» стремленіе было не поводомъ, а непосредственною *причиною* переменъ въ другомъ я.

Въ случаяхъ автогипноза можно бываетъ наблюдать въ себѣ послѣдовательно обѣ стороны этого процесса, сначала дѣйствіе нашего я на низшія субстанціальныя единства, а потомъ подчиненіе нашего я имъ. Автогипнозъ является тогда, когда мы еще до наступленія какого-либо дѣйствія или положенія настѣйчиво убѣждаемъ себя, будто очень хотимъ этого положенія, при чемъ мысленно мы готовимся осуществить его путемъ соотвѣтствующихъ актовъ. Подъ влияніемъ этихъ «моихъ» стремленій въ насъ развиваются соотвѣтствующія стремленія «во мнѣ» и могутъ достигнуть такой силы, что въ рѣшительный моментъ, требующій

дѣйствія, мы выполняемъ его даже и тогда, если «мои» стремленія исчезаютъ при столкновеніи съ дѣйствительностью, какъ это очень часто бываетъ; въ этихъ случаяхъ мы дѣйствуемъ какъ бы подъ вліяніемъ гипноза мы вынуждены дѣйствовать подъ вліяніемъ «стремленій во мнѣ», которыя мы сами развили раньше въ себѣ. Нерѣшительный застѣнчивый человѣкъ иногда долго внутренно убѣждаетъ себя совершить какой-нибудь поступокъ, требующій нѣкотораго мужества, напр., высказать свое мнѣніе въ большомъ обществѣ, оборвать какого-нибудь импонирующаго своей дерзостью нахала или объясниться въ любви. Онъ вспоминаетъ, какъ часто онъ по нерѣшительности упустилъ самые благоприятные моменты, оправдывая себя разными выдуманнми соображеніями, и увѣряетъ себя, что теперь никакихъ отступленій дѣлать не будетъ, а совершитъ поступокъ, какъ только подвернется удобный случай. Ближайшій случай оказывается, наоборотъ, очень часто въ самомъ дѣлѣ неудобнымъ; загипнотизировавшее себя лицо чувствуетъ это, однако уже не можетъ задержать поступка; онъ совершается какъ бы противъ воли, что-то тянетъ за языкъ и заставляетъ его говорить; поступокъ совершается какъ-то неловко, автоматически, рѣчь глухо звучитъ и самъ говорящій слышитъ ее какъ бы въ полуснѣ. Онъ дѣйствуетъ на основаніи «стремленій во мнѣ» и слѣдующихъ за ними вынужденныхъ стремленій. Быть можетъ, такимъ образомъ совершаются многія задолго обдуманная со всѣхъ сторонъ преступленія, такія, какъ, напр., преступленіе Раскольникова.

Для насъ особенно важно то, что усиленное уговариваніе себя приводитъ къ возникновенію «стремленій во мнѣ». Такъ какъ эти данныя состоянія принадлежатъ объективному міру, въ настоящемъ случаѣ низшимъ сознаніямъ, которыя подчинены нашему я, то случаи автогипноза даютъ лучшее подтвержденіе того, что стремленія одного я могутъ быть причиною возникновенія стремленій въ другомъ я. Отсюда между прочимъ

становится понятнымъ, какимъ образомъ синтезы, произведенные первоначально моимъ я, напр., синтезы, воображенія или же простое обычное ассоціированіе различныхъ воспріятій (напр., словъ родного и чужого языка) могутъ въ послѣдствіи воспроизводиться гдѣ-то за предѣлами я.

Такія же психическія состоянія, какъ и тѣ, изъ которыхъ складывается внѣшній волевой актъ (мое стремленіе, живое чувствованіе активности, сознание, что мы произвели перемѣну, но отсутствіе перемѣны въ *нашемъ* сознаниі), случается иногда переживать также при воздѣйствіи нашемъ не на свое тѣло, а на другихъ людей. Почти всякому лектору, учителю, проповѣднику, навѣрное, случалось переживать такіе моменты, когда вся аудиторія какъ будто замираетъ и превращается точно бы въ одно существо, непосредственно связанное съ лекторомъ; въ эти моменты у лектора является живое чувствованіе активности, но результаты ея не даны въ его сознаниі, она какъ бы осуществляетъ перемѣны *внѣ* я.

Наоборотъ, въ моменты разобщенности съ аудиторією вся активность лектора тратится на развитіе мыслей и словъ, т.-е. на осуществленіе перемѣнъ въ *своемъ* сознаниі. Аудиторія въ это время также принуждена затрачивать силы на то, чтобы подавлять побочныя ассоціаціи идей и сосредоточивать вниманіе на словахъ оратора. Это вниманіе и пониманіе составляютъ въ сознаниі каждаго слушателя результатъ «моихъ» стремленій, часто борющихся съ другими «моими» стремленіями. Но какъ только наступаетъ моментъ объединенности лектора съ аудиторією, положеніе сразу мѣняется: идеи оратора начинаютъ развиваться въ умахъ слушателей какъ бы безъ усилія съ ихъ стороны; мало того, можетъ даже случиться, что иной слушатель, желая отвлечься отъ нихъ, не въ состояніи будетъ достигнуть этого, будетъ слушать, подчиняясь *вынужденному* стремленію слушать.

Наблюдая такіе случаи, нельзя не придти къ мысли,

что всевозможныя явленія *внушенія*, какъ въ гипнотическомъ, такъ и въ бодрственномъ состояніи, также могутъ быть объяснены непосредственнымъ воспріятіемъ, благодаря которому стремленія какого-либо я могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ стать причиною перемѣнъ не только въ немъ самомъ, но и внѣ его. Допуская эту гипотезу, мы утверждаемъ, слѣдовательно, что способность производить внушенія и способность производить «внѣшніе волевые акты», напр., произвольное поднятіе руки, суть явленія *одного и того же порядка*. Поэтому, желая опредѣлить, какія свойства даютъ гипнотизеру, или педагогу, или полководцу власть надъ другими людьми, полезно наблюдать для рѣшенія вопроса также и случаи особенно искуснаго управленія своимъ тѣломъ и подчиненія его волѣ ¹⁾).

Впрочемъ вопросъ о внушеніи такъ обширенъ, что требуетъ специальной монографіи, разсматривающей явленія внушенія съ указанной точки зрѣнія, а потому мы оставимъ его въ сторонѣ.

Изслѣдованіе, произведенное въ настоящей главѣ, даетъ право расширить основное волонтаристическое положеніе, обоснованное въ главѣ о «Волѣ»: въ самомъ дѣлѣ, раньше было установлено, что всѣ перемѣны *внутри* я протекаютъ по типу волевыхъ актовъ, а теперь можно утверждать, что и *дѣйствіе одного я на другое* совершается по тому же образцу.

II. Методологическіе выводы изъ ученія объ интуиціи.

1. Опредѣленіе психологіи.

Опредѣленія психологіи, отграниченія ея предмета отъ предметовъ другихъ наукъ всегда основываются на

¹⁾ См. между прочимъ по этому поводу взгляды Гегеля, высказанные въ его *Энцклопэдіе III Th.* § 405. Гегель говоритъ о магической дѣятельности духа, о непосредственномъ господствѣ одного духа надъ другимъ и затѣмъ прибавляетъ: „Самая непосредственная магія это та, которую индивидуальный духъ проявляетъ въ отношеніи собственнаго своего тѣла, превращая его въ подчиненнаго, покорнаго исполнителя своей воли“.

противоположеніи какой-либо пары понятій, чрезвычайно важныхъ для всего міросозерцанія. По мѣрѣ углубленія анализа старыя понятія оказываются слишкомъ расплывчатыми и замѣняются новыми, все болѣе поддающимися точному опредѣленію, все яснѣе очерчивающими кругъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію психологіи. У Аристотеля напр., опредѣленіе психологіи основывалось на противоположности *живого и мертвого* (поэтому Аристотель относилъ къ психологіи между прочимъ изслѣдованіе такихъ явленій, какъ процессы роста, питанія и т. п.); въ новой философіи опредѣленіе психологіи основывается на различеніи *духа и матеріи* или еще чаще *психическихъ и физическихъ явленій*; наконецъ, въ самое послѣднее время намѣчается новое направленіе, основывающееся на различеніи *субъективнаго и объективнаго міра*. Этимъ направленіемъ мы и займемся теперь и прежде всего посмотримъ, почему прежнее различеніе духовныхъ и физическихъ явленій оказалось неподходящимъ для установленія границъ психологіи.

Эмпирическая наука подъ вліяніемъ критическнй философіи старается освободиться отъ всякой инстинктивной метафизики и ограничиться лишь изученіемъ явленій, дѣйствительно данныхъ въ непосредственномъ опытѣ. Но въ этомъ опытѣ нѣтъ ничего, кромѣ состояній сознанія, даже и матеріальный міръ въ опытѣ данъ лишь, какъ воспріятіе. Это положеніе тѣмъ прочнѣе начинаетъ усваиваться, что обосновывается не только теоріею познанія, а и съ различныхъ точекъ зрѣнія разными частными науками, напр., физикой, физиологіею, психологіею. Слѣдовательно, тотъ, кто утверждаетъ, что психологія должна изучать *всѣ состоянія сознанія*, принужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что *все содержаніе опыта*, даже и то, которое рассматривается въ наукахъ о неорганическомъ мірѣ, подлежитъ вѣдѣнію психологіи. Отсюда необходимо сдѣлать одинъ изъ слѣдующихъ выводовъ: или признать, что со временемъ всѣ частныя науки упразднятся и превратятся въ главы психологіи, или же признать, что психологія и другія частныя на-

уки разсматриваютъ въ самомъ дѣлѣ одни и тѣ же явленія, одно и то же содержаніе опыта, но съ разныхъ сторонъ или разныхъ точекъ зрѣнія. Такъ какъ первая мысль есть явный абсурдъ, то въ современной психологіи начинаетъ укореняться второе изъ этихъ утвержденій ¹⁾.

Непосредственное содержаніе опыта, непосредственныя переживанія, служащія матеріаломъ для изслѣдованія во всевозможныхъ наукахъ, всѣ однородны по существу, но каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ двѣ стороны — объективную и субъективную, каждое есть продуктъ двухъ факторовъ — объекта и субъекта, и вотъ поэтому-то возможны двѣ различныя точки зрѣнія на каждое изслѣдуемое явленіе. Изслѣдованіе данныхъ опыта съ ихъ субъективной стороны составляетъ задачу психологіи, а изслѣдованіе данныхъ опыта съ ихъ объективной стороны составляетъ задачу естествознанія.

Необходимо признать, что эти взгляды на различіе между психологіею и естествознаніемъ должны все болѣе распространяться въ наукѣ по мѣрѣ того, какъ въ ней подъ вліяніемъ теоріи знанія распространяется убѣжденіе, что исходнымъ матеріаломъ для изслѣдованія могутъ служить только наши переживанія. Однако вслѣдъ за этимъ тотчасъ же возникаетъ трудный вопросъ: что же слѣдуетъ разумѣть подъ субъективною и объективною стороною опыта? на какомъ критеріи основывается это различіе? Въ этомъ вопросѣ существуютъ и долго еще будутъ существовать въ философіи коренныя разногласія, отражающіяся на всемъ изслѣдованіи психическихъ явленій.

Правильное разграниченіе субъективнаго и объективнаго, служащее *исходнымъ пунктомъ* для психологіи, должно быть свободнымъ отъ психологическихъ гипотезъ: слѣдовательно, оно должно основываться, если возможно, не на *отношеніяхъ*, существующихъ между

¹⁾ См. по этому вопросу статью проф. Челпанова „Обзоръ новѣйшей литературы по психологіи“ Киевскія университетскія извѣстія, 1902 № 8.

различными сторонами опыта (такія отношенія могутъ быть опредѣлены, да и то нерѣдко лишь гипотетически, только послѣ изслѣдованія), а на *качественномъ непосредственно воспринимаемомъ различіи*, присущемъ разнымъ сторонамъ опыта. Такое качественное различіе мы нашли въ окраскѣ опыта чувствованіями, на основаніи которыхъ однѣ стороны опыта мы называемъ «моими», а другія стороны «данными». Разсматривая «мои» состоянія сознанія, мы получили болѣе или менѣе связаную систему ученій и между прочимъ ученіе о я, о личности. Эти результаты даютъ право думать, что качественный признакъ, на который мы опирались, дѣйствительно соотвѣтствуетъ коренному для всего міросозерцанія различенію субъекта и объекта. Достоинство этого критерія заключается между прочимъ и въ томъ, что онъ не даетъ перевѣса другъ надъ другомъ ни субъективному, ни объективному фактору въ мировомъ цѣломъ, по крайней мѣрѣ, до изслѣдованія этого мирового цѣлага. Опираясь на этотъ критерій, можно дать слѣдующія опредѣленія: *психологія есть наука о субъективномъ мірѣ; субъективный міръ есть совокупность «моихъ» состояній сознанія*. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ вовсе, будто психологія совсѣмъ не должна касаться вопроса о «данныхъ» состояніяхъ. Такъ какъ субъективный и объективный міръ неразрывно связаны другъ съ другомъ, то въ очень многихъ случаяхъ психологія принуждена прибѣгать къ помощи другихъ наукъ, особенно къ помощи психофизиологіи, изучающей «данныя» состоянія, поскольку они обусловлены дѣятельностью нашего тѣла.

Распространенныя въ современной психологіи опредѣленія субъективнаго и объективнаго отличаются отъ нашего тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ спорныя гипотезы, предопредѣляющія ходъ психологическихъ изслѣдованій, и даютъ перевѣсъ или субъекту, или объекту въ мировомъ цѣломъ, что *a priori* представляется невѣроятнымъ. Таковы, напр., опредѣленія Маха, Кюльпе, Эббингауза и др. психологовъ, разумѣющихъ подъ субъ-

ективнымъ ту часть непосредственнаго опыта, которая *зависитъ отъ тѣлеснаго индивидуума* ¹⁾). Это опредѣленіе основывается на спорной гипотезѣ, будто всякому субъективному состоянію соответствуетъ какой-либо физиологическій процессъ. Психологъ, вводящій эту гипотезу даже въ опредѣленіе психологіи, неизбѣжно придаетъ всей психологіи психофизиологическое направленіе и, слѣдовательно, еще до изслѣдованія психическихъ явленій такъ или иначе переноситъ въ психологію точку зрѣнія наукъ о физическомъ мірѣ. Такимъ образомъ это опредѣленіе субъекта даетъ перевѣсъ объекту не только въ міровомъ цѣломъ, но даже и въ самой психологіи.

Противоположнымъ недостаткомъ страдаетъ опредѣленіе Вундта; онъ утверждаетъ слѣдующее: «Всякій опытъ непосредственно распадается на два фактора: на содержаніе, которое намъ дается, и на наше воспріятіе этого содержанія. Мы обозначаемъ первый изъ этихъ факторовъ именемъ объектовъ опыта, второй называемъ испытующимъ субъектомъ» ²⁾). Естествознаніе, по мнѣнію Вундта, «разсматриваетъ объекты опыта въ ихъ свойствахъ, мыслимыхъ независимо отъ субъекта», а психологія «изслѣдуетъ содержаніе опыта въ его отношеніяхъ къ субъекту и въ тѣхъ свойствахъ, которыя онъ непосредственно сообщаетъ этому содержанію. Поэтому точку зрѣнія естествознанія, поскольку она становится возможною только благодаря отвлеченію отъ субъективнаго фактора, который содержится во всякомъ дѣйствительномъ опытѣ, можно назвать точкой зрѣнія *опосредствованнаго* опыта, а сообразно съ этимъ точку зрѣнія психологіи, которая умышленно вновь отказывается отъ этого отвлеченія и всѣхъ его послѣдствій, — точкой зрѣнія *непосредственнаго* опыта» ³⁾). Въ естествознаніи это отвлеченіе дѣлаетъ въ то же время

¹⁾ Mach, Die Analyse der Empfindungen, Antimetaphysische Vorbemerkungen. 2 изд. Külpe, Grundriss der Psychologie, стр. 2—4.

²⁾ Очеркъ психологіи, перев. Викторова подъ ред. Грота, стр. 7.

³⁾ Тамъ же.

постоянно необходимыми гипотетическія дополненія дѣйствительности, именно гипотетическія понятія объ объективныхъ свойствахъ матеріи: наоборотъ, «психологія изслѣдуетъ содержаніе опыта въ его полной дѣйствительности», поэтому методъ ея познанія «непосредственный или воззрительный въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, который получило это понятіе въ новѣйшей научной терминологіи, и согласно съ которымъ оно обозначаетъ уже не только непосредственное содержаніе воспріятій внѣшнихъ чувствъ, въ особенности зрѣнія, но всю конкретную дѣйствительность, въ противоположность абстрактному и мыслимому въ понятіи». Поэтому, «психологія можетъ вскрыть связь содержаній опыта, какъ она дѣйствительно дана субъекту, если съ своей стороны совершенно воздерживается отъ упомянутыхъ абстракцій и гипотетическихъ вспомогательныхъ понятій естествознанія»¹⁾. Въ этихъ опредѣленіяхъ, во-первыхъ, не указанъ точный критерій для различенія субъекта и объекта и, во-вторыхъ, объектъ поставленъ въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ субъекта, выражающуюся между прочимъ въ томъ, что психологія у Вундта оказывается наукою болѣе высокаго порядка, чѣмъ естествознаніе; по его мнѣнію, естествознаніе, изучая объектъ въ отдѣльности отъ субъекта, поневолѣ всегда было и будетъ принуждено дополнять свой міръ гипотетическими абстракціями, искажающими дѣйствительность, именно абстрактными представленіями о свойствахъ матеріи, тогда какъ психологія, изслѣдуя субъектъ, всегда вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ виду и объектъ и потому изучаетъ всю конкретную дѣйствительность и можетъ обойтись безъ гипотезъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, Вундту слѣдовало бы итти дальше и утверждать, что со временемъ, когда психологія разовьется вполнѣ, она, охватывая всю дѣйствительность, дастъ также и свободное отъ гипотезъ ученіе объ объектахъ, слѣдовательно, упразднитъ естествознаніе. Такіе взгляды на

¹⁾ Тамъ же, стр. 10.

естествознание возможны лишь въ томъ случаѣ, если предположить, что объективный міръ весь цѣликомъ есть лишь содержаніе воспріятій субъекта и независимо отъ этихъ воспріятій не существуетъ ни въ какомъ смыслѣ. Но такой взглядъ на объективный міръ несостоятеленъ: въ дѣйствительности за нимъ необходимо признать въ какомъ либо смыслѣ слова реальность также и внѣ моего я, а вмѣстѣ съ этимъ и естествознание представляется наукою, вовсе не обреченною неизбежно пользоваться гипотетическими, завѣдомо ложными представленіями о матеріи; вмѣстѣ съ этимъ можно предположить, что оно пользуется этою гипотезою въ наше время, быть можетъ, лишь потому, что психологія еще не выработала болѣе высокаго понятія субстанции и со временемъ, когда психологія выполнитъ эту часть своей задачи, естествознание перейдетъ изъ разряда наукъ условныхъ въ разрядъ наукъ, опирающихся, какъ и психологія, исключительно на непосредственный опытъ. Именно такой взглядъ на естествознание и возможенъ съ точки зрѣнія нашего опредѣленія субъективного и объективного міра.

2. Методы психологіи.

По общераспространенному представленію, психологія пользуется двумя методами — субъективнымъ и объективнымъ; субъективный методъ состоитъ въ непосредственномъ наблюденіи надъ психическими состояніями безъ помощи органовъ чувствъ, а объективный — въ наблюденіи съ помощью органовъ чувствъ надъ физическими явленіями, по которымъ можно догадываться о соотвѣтствующихъ психическихъ состояніяхъ; при этомъ предполагается, что субъективный методъ можетъ познакомить насъ только съ состояніями нашего я, только съ субъектомъ, а знакомство съ объективнымъ психическимъ міромъ никоимъ образомъ не можетъ быть достигнуто путемъ непосредственнаго на-

блюденія; чужія состоянія сознанія не даны намъ въ опытѣ и могутъ быть изучаемы лишь съ помощью наблюденія надъ соответствующими имъ физическими проявленіями.

Такъ какъ мы употребляемъ понятія субъекта и объекта въ иномъ смыслѣ, чѣмъ это принято, то мы не можемъ называть эти два метода психологіи терминами субъективный и объективный и будемъ лучше обозначать ихъ терминами *методъ прямого наблюденія* (непосредственное сознаніе изучаемаго состоянія) и *методъ косвеннаго наблюденія* (воспріятіе съ помощью органовъ чувствъ физическихъ явленій и возникающая вслѣдъ за этимъ догадка о существованіи изучаемаго психическаго явленія). При этомъ мы не только измѣняемъ термины, но и представляемъ себѣ совершенно иначе, чѣмъ это принято въ психологіи, сферу ихъ примѣненія. Согласно развитымъ выше взглядамъ, необходимо признать, что методъ непосредственнаго наблюденія пригоденъ для изученія не только субъективнаго, но и объективнаго міра, не только состояній моего я, но и состояній другихъ я. Впрочемъ, это положеніе можетъ быть окончательно обосновано лишь съ помощью теоріи знанія; поэтому не стоитъ останавливаться на немъ здѣсь. Ученіе о методѣ косвеннаго наблюденія, конечно, остается и при нашей точкѣ зрѣнія безъ измѣненій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Удовольствіе и страданіе (неудовольствіе).

I. Виды удовольствій и неудовольствій.

Ученія объ удовольствіи и страданіи чрезвычайно многочисленны и противорѣчивы, главнымъ образомъ потому, что психологи, обыкновенно, не различаютъ разныхъ видовъ удовольствій и страданій, и даже вклю-

чаютъ въ этотъ классъ психическихъ состояній явленія совершенно иной природы, напр. эмоціи. Поэтому, чтобы не сбиться съ пути въ предстоящемъ изслѣдованіи, займемся прежде всего классификаціей этихъ состояній на основаніи непосредственно сознаваемыхъ признаковъ.

Какъ и другія психическія состоянія, чувствованіе удовольствія и неудовольствія можетъ быть «моимъ» или «даннѣмъ мнѣ». Во всѣхъ «моихъ» стремленіяхъ и во всѣхъ перемѣнахъ, слѣдующихъ за ними, оно сознается, какъ «мое». Таковы, напр., чувствованія удовольствія по поводу рѣшенія задачи, остроумнаго отвѣта, исполнившагося ожиданія и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, поскольку сюда не примѣшивается послѣдующая эмоція довольства или недовольства ¹⁾, чувствованіе лучше всего можетъ быть описано терминами *удовлетвореніе* или *неудовлетвореніе*. Совершенно иной характеръ имѣетъ чувствованіе «даннаго» удовольствія или неудовольствія. Оно вовсе не чувствуется, какъ мое удовлетвореніе, хотя со стороны *пріятности* его и можно отождествлять съ моимъ удовлетвореніемъ. Къ числу такихъ «даннѣхъ» состояній относятся, напр., всѣ чувственные тона ощущеній, цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, вкусовъ и т. п. Таково, напр., пріятное или непріятное ощущеніе прикосновенія рукою къ холодному предмету: несомнѣнно эта пріятность совершенно не похожа на пріятное состояніе, являющееся, когда мы, играя въ лаунъ-тенисъ, дѣлаемъ мѣткій ударъ. Впрочемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ «данному» удовольствію присоединяется еще и «мое» удовольствіе и наоборотъ; въ общемъ мы стремимся переживать ощущенія, окрашенные пріятнымъ чувственнымъ тономъ и избѣгаемъ непріятныхъ, поэтому «данность» чувственнаго тона въ большинствѣ случаевъ недостаточно замѣтна. Чтобы подчеркнуть ее, напомнимъ о тѣхъ случаяхъ, когда ощущеніе окрашено пріятнымъ чувственнымъ тономъ,

¹⁾ См. гл. VIII.

но мы не хотимъ его имѣть или наоборотъ. Нерѣдко мы испытываемъ сильное отвращеніе къ какимъ-либо физическимъ слабостямъ и страстямъ. а между тѣмъ случайное удовлетвореніе ихъ сопровождается интенсивнымъ чувствованіемъ «даннаго» удовольствія, которое возмущаетъ насъ, кажется намъ признакомъ нашей нравственной негодности. Иногда подъ вліяніемъ какихъ-нибудь преходящихъ мотивовъ является временное отвращеніе къ состоянію, окрашенному «даннымъ» чувствованіемъ пріятности. Если любимый человѣкъ обидитъ насъ, то прикосновеніе его попрежнему можетъ быть источникомъ «даннаго» пріятнаго состоянія, но въ то же время оно можетъ сопровождаться чувствованіемъ «моего» неудовольствія. Такъ, плачущій обиженный матерью ребенокъ испытываетъ зачастую, какъ и прежде, удовольствіе отъ поцѣлуевъ матери («данное» удовольствіе), но къ этому чувствованію присоединяется сильное «мое» неудовольствіе, поскольку онъ не хочетъ мириться съ матерью, и чѣмъ сильнѣе искушеніе податься чарамъ «данной» пріятности, тѣмъ сильнѣе начинаетъ бороться ребенокъ, отталкиваетъ мать, становится даже грубымъ. Иногда физическое раздраженіе вызываетъ сложныя ощущенія, окрашенныя съ одной стороны пріятнымъ, а съ другой стороны непріятнымъ чувственнымъ тономъ; въ этихъ случаяхъ, если является стремленіе избавиться отъ такого раздраженія, то «данность» пріятнаго чувственного тона становится особенно замѣтною. Когда мы съ удовольствіемъ ѣдимъ сладкое варенье, но потомъ начинаемъ чувствовать, что его сладость приторна и, наконецъ, перестаемъ ѣсть, ощущеніе сладости можетъ все-же сохранять пріятный чувственный тонъ, «данность» котораго при этомъ особенно ясно замѣтна. Всѣ такія «данныя» удовольствія мы будемъ называть *физическими* или *органическими* удовольствіями.

Выше уже было указано ¹⁾, что къ числу «данныхъ» состояній относятся, обыкновенно, самыя простыя, а

¹⁾ См. гл. V.

также самыя высокія проявленія душевной жизни. То же самое относится и къ чувствованію «даннаго» удовольствія. Оно возникаетъ не только по поводу физическихъ процессовъ въ организмѣ, но и встрѣчается также почти всегда въ сверхличныхъ дѣятельностяхъ, т.-е. въ тѣхъ дѣятельностяхъ, которыя, повидимому, выходятъ за предѣлы личныхъ интересовъ психической и физической индивидуальности. Таковы эстетическое созерцаніе, нравственная дѣятельность, религіозныя настроенія и т. п. Созерцая прекрасный пейзажъ, погружаясь въ благоговѣйное общеніе съ Богомъ (въ молитвѣ), облегчая положеніе страдающаго человѣка, мы испытываемъ очень сложное состояніе, въ которое входятъ и физическія и «мои» удовольствія, но къ нимъ примѣшивается еще характерное чувствованіе «даннаго» удовольствія, проецируемое наружу, какъ бы входящее въ составъ пейзажа, въ составъ того высшаго начала, которое мы благоговѣйно созерцаемъ и т. п. Эти чувствованія рѣзко отличаются отъ физическихъ удовольствій тѣмъ, что, переживая ихъ, мы сознаемъ какъ бы расширеніе своего существа, паденіе преградъ между я и не-я. Эти чувствованія мы будемъ называть *сверхличными*.

Наконецъ, надобно еще указать на психическое состояніе, наиболѣе затрудняющее психологовъ и всего болѣе вводящее путаницу въ ученіе объ удовольствіи и неудовольствіи, именно на боль, на физическое страданіе. Какъ извѣстно, одни психологи отождествляютъ боль съ *чувствованіемъ неудовольствія*, съ чувственнымъ тономъ ощущеній, а другіе, напр., Вундтъ, считаютъ боль самостоятельнымъ *ощущеніемъ*, отличающимся отъ другихъ ощущеній тѣмъ, что оно *всегда* окрашено не-пріятнымъ чувственнымъ тономъ ¹⁾.

Различеніе между «моими» и «данными» состояніями и здѣсь оказываетъ крупныя услуги. *Боль есть «данное» состояніе*. Поэтому нѣтъ основаній разсматривать явле-

¹⁾ Wundt, Grundzüge der physiolog. Psychologie, 4. изд. I. т. 412, 560.

нія боли *рядомъ* съ явленіями «моего» удовольствія и неудовольствія; такимъ образомъ мы избавляемся отъ многихъ затрудненій и противорѣчій. Возникающій вслѣдъ за этимъ различіемъ вопросъ, считать ли боль чувственнымъ тономъ или ощущеніемъ, не важенъ для ученія о «моей» жизни. Анатомическія основанія наводятъ на мысль, что боль есть самостоятельное ощущеніе, но нельзя не сознаться, что по содержанию это ощущеніе слишкомъ похоже на чувствованіе интенсивнаго «даннаго» неудовольствія; поэтому невольно является предположеніе, что боль есть психическое состояніе, занимающее среднее положеніе между ощущеніями и чувственными тонами. Впрочемъ, повторяемъ, этого вопроса можно и не касаться въ изслѣдованіи о «моей» душевной жизни.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что подъ терминами удовольствіе и неудовольствіе (страданіе) здѣсь разумѣются тѣ простыя психическія состоянія, которыми окрашено всякое стремленіе и всякая перемѣна, слѣдующая за стремленіями. Очень часто вслѣдъ за перемѣною, вызывающею интенсивное удовольствіе или неудовольствіе, является рядъ измѣненій въ организмъ, въ біеніи сердца, дыханіи, состояніи кровеносныхъ сосудовъ (краснѣніе, блѣднѣніе) и т. п. Эти органическія перемѣны всегда сопутствуются болѣе или менѣе сложными психическими состояніями, подобными радости или печали. Мы называемъ ихъ эмоціями довольства и недовольства и займемся ими подробнѣе въ главѣ объ «Эмоціяхъ». Многіе психологи отождествляютъ эти простѣйшія эмоціи съ чувствованіями удовольствія и неудовольствія, и даже заходятъ еще дальше, именно считаютъ всѣ эмоціи (страхъ, ненависть и т. п.) лишь модификаціями удовольствія и неудовольствія. Анализъ эмоцій покажетъ, что такіе психологи сваливаютъ въ одну кучу крайне разнородныя состоянія; однако этимъ вопросомъ можно будетъ заняться позже, теперь же слѣдовало упомянуть объ этомъ лишь для того, чтобы лучше очертить кругъ изслѣдуемыхъ явленій.

Установленныя выше различенія приводятъ между прочимъ къ рѣшенію спорнаго вопроса: однородны ли всѣ чувствованія удовольствія и всѣ чувствованія неудовольствія или нѣтъ. Если оставить въ сторонѣ «данныя» состоянія и разсматривать только «мои» чувствованія удовольствія и неудовольствія, то нельзя не признать, что они однородны, что они всегда сводятся къ одному и тому же чувствованію удовлетворенности или неудовлетворенности, которое измѣняется лишь по интенсивности, всѣ же остальные различія, сопутствующія этимъ чувствованіямъ коренятся не въ нихъ самихъ, а въ содержаніи окрашенныхъ ими перемѣнъ. Быть можетъ и «данныя» чувствованія удовольствія и неудовольствія тоже всегда однородны, и различія между ними тоже заключаются не въ нихъ самихъ, а въ другихъ тѣсно сросшихся съ ними элементахъ душевной жизни; однако мы не рѣшаемся утверждать этого, потому что «данныя» состоянія вообще не легко поддаются анализу. Вѣроятно, въ этомъ заключается причина того, почему доводы защитниковъ однородности чувствованій удовольствія и неудовольствія не представляются достаточно убѣдительными ¹⁾).

II. Связь между удовольствіями и стремленіями.

Выше уже было установлено, ²⁾ что чувствованіе удовольствія входитъ, какъ составная часть, въ «мои» состоянія сознанія, т.-е. въ перемѣны, слѣдующія за моими стремленіями, и что удовлетворенному стремленію всегда сопутствуетъ удовольствіе, а неудовлетворенному — неудовольствіе. Отсюда ясно, что между стремленіями и удовольствіями существуетъ законосообразная связь. На первый взглядъ кажется очевиднымъ, что это связь обоюдная, т.-е. что удовольствіе, доставляемое какимъ либо состояніемъ, есть непосредственная причина стре-

¹⁾ См. Hartmann, Philosophie des Unbewussten. 10. изд., стр. 210—215.

²⁾ См. первую главу.

мленія къ этому состоянію, и, наоборотъ, удовлетвореніе стремленія есть причина удовольствія. Второе изъ этихъ положеній отличается двусмысленнымъ характеромъ; въ немъ кроются двѣ различныя мысли, такъ какъ подъ словомъ удовлетвореніе можно разумѣть или *состояніе*, достигнутое благодаря осуществленію стремленія, или же *соотвѣтствіе* между стремленіемъ и осуществленіемъ его. Въ первомъ случаѣ мы утверждаемъ, что источникомъ удовольствія служитъ осуществленное содержаніе стремленія, такъ что стремленіе есть лишь отдаленная причина удовольствія, а во второмъ случаѣ мы утверждаемъ, что стремленіе есть непосредственная причина удовольствія, что состояніе, къ которому мы стремимся, пріятно именно потому, что мы къ нему стремимся, и настолько, насколько мы къ нему стремимся.

Итакъ, путемъ анализа ходячихъ взглядовъ мы получили три положенія относительно связи между стремленіями и удовольствіями: удовольствіе есть непосредственная причина стремленія, стремленіе есть косвенная причина удовольствія (черезъ посредство осуществляемыхъ имъ перемѣнъ), стремленіе есть непосредственная причина удовольствія. Второе изъ этихъ положеній составляетъ необходимый коррелятъ къ первому и не находится въ прямомъ противорѣчій съ третьимъ, но первое и третье положеніе прямо противорѣчатъ другъ другу. Обыденное сознаніе охотно допускаетъ, что они оба истинны, но наука не мирится съ такимъ эклектизмомъ и въ своихъ различныхъ, почти противоположныхъ другъ другу направленіяхъ стремится послѣдовательно провести одно изъ нихъ. Особенно широко распространено положеніе, что всякое состояніе, сопровождавшееся удовольствіемъ, становится цѣлью стремленій, такъ что удовольствіе есть всеобщая цѣль. Отсюда получаютъ чрезвычайно важные выводы въ области практической философіи, особенно этики и эстетики; ученіе о личности и теченіи душевныхъ процессовъ также принимаетъ отсюда своеобразный характеръ, противорѣчащій тому волюнтаризму, который мы отстаива-

емъ. Поэтому намъ нужно внимательно рассмотреть это положеніе.

Напомнимъ прежде всего, что удовольствія и страданія бываютъ двухъ родовъ—«мои» и «данныя мнѣ», и согласно своему обычному методу займемся прежде всего опредѣленіемъ отношенія между «моими» удовольствіями и стремленіями. Стоитъ только упростить такимъ образомъ вопросъ, чтобы тотчасъ же исчезли многія затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, при этомъ тотчасъ же становится яснымъ, что чувствованіе «моего» удовольствія, т.-е. «моего» *удовлетворенія* не можетъ быть причиною возникновенія «моего» стремленія и не составляетъ конечной цѣли его. Въ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ типичными «моими» удовольствіями, непосредственное самонаблюденіе рѣшительно показываетъ намъ, что вовсе не удовольствіе составляетъ цѣль нашей дѣятельности. Рѣшеніе задачи, удачная острова, мѣткій выстрѣлъ въ цѣль и т. п. доставляютъ намъ удовольствіе, но на основаніи непосредственнаго самонаблюденія никто не рѣшится сказать, будто въ этихъ случаяхъ цѣлью дѣятельности было удовольствіе, а не самое рѣшеніе задачи, острова и т. п.

Отсюда, повидимому слѣдуетъ, что необходимо признать истиннымъ второе изъ намѣченныхъ выше положеній, именно утверждать, что «мои» удовольствія причиняются «моими» стремленіями, что состояніе, къ которому мы стремимся, становится для насъ пріятнымъ именно потому, что мы къ нему стремимся. И въ самомъ дѣлѣ, можно привести много соображеній въ пользу этого обобщенія. Нерѣдко одна и та же переменна сопровождается то удовольствіемъ, то неудовольствіемъ явнымъ образомъ въ зависимости отъ предшествовавшихъ стремленій. Если мы, нарядившись въ потрепанный костюмъ, отправимся бродить по разнымъ закоулкамъ города съ цѣлью познакомиться поближе съ жизнью народа и какой-нибудь мастеровой закричитъ намъ фамиллярнымъ тономъ: «Эй, парень, посторонись», этотъ окрикъ доставитъ намъ огромное удо-

вольствіе. Наоборотъ, этотъ же самый окрикъ былъ бы для насъ очень непріятенъ въ другихъ условіяхъ, напр. тогда, если бы мы надѣли старый костюмъ для дороги. Если мы видимъ трефовую даму на столѣ передъ началомъ карточной игры, то мы не испытываемъ при этомъ замѣтнаго удовольствія или неудовольствія. Наоборотъ, если мы, играя въ винтъ, съ волненіемъ думаемъ, что останемся безъ одной и можемъ избѣжать проигрыша только въ томъ случаѣ, если нашъ противникъ пойдетъ съ трефовой дамы, то появленіе этой фигуры на столѣ доставляетъ намъ огромное удовольствіе. Во многихъ случаяхъ можно также замѣтить, что интенсивность удовольствія зависитъ отъ интенсивности предшествовавшаго стремленія, и это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ того, что удовольствіе причиняется стремленіемъ. Мѣткій выстрѣлъ въ цѣль всегда пріятенъ; однако это удовольствіе ослабѣваетъ, когда стрѣльба становится почти автоматическою; оно вновь появляется, если намъ укажутъ какой-нибудь трудный пріемъ и возбудятъ сильное желаніе преодолѣть новыя затрудненія.

Мы привели нѣкоторые положительные доводы въ пользу утвержденія, что удовольствія причиняются стремленіями, но тѣмъ не менѣе вовсе не считаемъ этого положенія истиннымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда два прямо противоположныя утвержденія рѣзко борются, и каждое приводитъ въ свою пользу вѣскія основанія, обыкновенно, истина оказывается не на той и не на другой сторонѣ, а заключается въ какомъ-нибудь положеніи, объединяющемъ противниковъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Между «моими» стремленіями и «моими» удовольствіями есть постоянное соотвѣтствіе, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что между ними существуетъ причинная зависимость. Какъ извѣстно, чувствованіе удовольствія входитъ не только въ перемѣну, слѣдующую за стремленіями. Всякое стремленіе еще до своего осуществленія заключаетъ въ себѣ относительно пріятную антиципацію переживанія, при чемъ эта относи-

тельная пріятность должна быть не воспоминаніемъ о прежнихъ удовольствіяхъ, а наличнымъ, теперь возникшимъ удовольствіемъ. Это чувствованіе «моего» удовольствія не предшествуетъ стремленію и не слѣдуетъ за нимъ, а входитъ въ него, какъ неотдѣлимая составная часть. Поэтому не удивительно, что въ психологіи появились двѣ противоположныя теоріи: стремленіе есть причина удовольствія, удовольствіе есть причина стремленія. Однако надобно сознаться, что эти теоріи суть плодъ абстракціи, а не наблюденія надъ дѣйствительными явленіями психической жизни: онѣ устанавливаютъ причинную связь между сторонами одного и того же явленія, которыя не могутъ существовать отдѣльно, которыя составляютъ единство, дѣлимое лишь въ абстракціи, и уже поэтому не могутъ быть причиною другъ друга; ставить ихъ въ причинную связь между собою это все равно, что находить причинную связь между высотой и интенсивностью тона на томъ лишь основаніи, что эти два качества тона всегда сопутствуютъ другъ другу. Такое постоянное сосуществованіе между двумя сторонами явленій объясняется вовсе не причинною связью между ними, а зависимостью ихъ отъ одной общей причины.

Итакъ, передъ нами является новый вопросъ; какова причина того, что нѣкоторыя антиципаціи становятся стремленіями, т.-е. сопровождаются чувствованіемъ удовольствія и чувствованіемъ стремленія? На этотъ вопросъ естественнѣе всего отвѣтить предположеніемъ, что причина возникновенія чувствованій удовольствія и стремленія заключается въ самой антиципаціи, однако не трудно замѣтить, что это предположеніе не даетъ окончательнаго рѣшенія вопроса: искомая причина не можетъ заключаться *сполна* въ самой антиципаціи, такъ какъ одна и та же антиципація въ однихъ случаяхъ становится, а въ другихъ не становится стремленіемъ. Значитъ нужно какое-то соотношеніе между антиципаціею и основнымъ содержаніемъ жизни я, чтобы возникло чувствованіе удовольствія и стремленія. Въ случаѣ производныхъ

стремленій еще можно найти нѣкоторыя указанія на то, какое условіе необходимо, чтобы антиципація стала относительно пріятною и превратилась въ предметъ стремленія: это бываетъ тогда, когда антиципація оказывается средствомъ для осуществленія какого-нибудь болѣе первоначальнаго стремленія, когда она соотвѣтствуетъ болѣе основному направленію активности. Однако такимъ образомъ нельзя найти окончательнаго рѣшенія загадки: эта *производная* пріятность и желательность осуществленія антиципаціи въ конечномъ итогѣ опирается на первоначальную пріятность и желательность какой-либо антиципаціи, составляющей содержаніе первоначальнаго стремленія, слѣдовательно, вопросъ былъ бы рѣшенъ окончательно только тогда, если бы удалось опредѣлить, какое соотношеніе между первоначальною антиципаціею и носителемъ первоначальныхъ стремленій, т.-е. метафизическимъ я, приводитъ къ возникновенію чувствованія удовольствія. Однако этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы эмпирической психологіи, поэтому его слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ остается открытымъ также и вопросъ, почему чувствованіе удовольствія всегда бываетъ связано со стремленіемъ. Намъ приходится лишь остановиться на томъ, что чувствованія стремленія и «моего» удовольствія въ извѣстномъ смыслѣ эквиваленты другъ другу: перемѣна сопровождающаяся чувствованіемъ «моего» удовольствія, есть всегда объектъ «моего» стремленія, и, наоборотъ, если я стремлюсь къ какому-либо переживанію, то оно всегда мною антиципируется, какъ пріятное. Если можно утверждать, что характеръ я опредѣляется его стремленіями, то съ не меньшимъ правомъ можно говорить также, что я характеризуется тѣмъ, какіе объекты доставляютъ ему удовольствіе. Чувствованіе удовольствія въ такой же мѣрѣ, какъ и стремленіе служитъ показателемъ направленія воли, направленія активности.

Итакъ, сторонники ученія объ эвдемонистической мотиваціи, утверждающіе, что мы всегда стремимся къ

пріятному состоянію, высказываютъ неоспоримую истину, однако поскольку здѣсь имѣется въ виду чувствованіе «моего» удовольствія, это истина очень бѣдная, сводящаяся къ слѣдующей тавтологіи: *мы всегда стремимся къ своему удовлетворенію, къ тому, что удовлетворяетъ насъ*. Ясно, что содержаніе стремленія опредѣляется вовсе не чувствованіемъ удовлетворенія, а тою антиципациею, которая сопровождается этимъ чувствованіемъ, а, слѣдовательно, и направленіе человѣческой активности опредѣляется тѣмъ, *какія* переменны составляютъ предметъ стремленія и источникъ удовлетворенія, а не тѣмъ, что всякое стремленіе есть стремленіе къ удовлетворенію.

Такіе же взгляды на отношеніе между стремленіемъ и чувствованіемъ удовольствія высказываетъ и Вундтъ. «Чувствованіе», говоритъ Вундтъ, «представляетъ состояніе, мыслимое только у существа, способнаго хотѣть. Удовольствіе и неудовольствіе представляютъ направленіе воли». «Если бы мы не возбуждались чувствами, мы бы не *хотѣли*». «Чувствованіе заранѣе предполагаетъ хотѣніе, а хотѣніе наоборотъ—чувствованіе». «Прежде, чѣмъ хотѣніе, становится дѣйствительнымъ, оно выражается, какъ направленіе воли; а это направленіе воли есть не что иное, какъ чувство, которое поэтому не есть какой-нибудь процессъ въ дѣйствительности отличный отъ хотѣнія, а лишь составная часть полнаго волевого процесса, и только потому можетъ быть отдѣляемо отъ послѣдняго, что въ насъ чрезвычайно часто возникаютъ чувства, изъ которыхъ не развивается никакихъ волевыхъ актовъ»¹⁾. Итакъ, чувствованія удовольствія и стремленія одинаково служатъ выразителями направленія активности, они невозможны другъ безъ друга, но не причиняютъ другъ другу, а составляютъ двѣ стороны одного и того же процесса. Мнѣніе Вундта отличается отъ нашего лишь тѣмъ, что оно допускаетъ существованіе направлений

¹⁾ Вундтъ, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, перев. Розенбаха съ 2 изд., стр. 224, 225, 230.

воли безъ стремленій, существованіе чувствованій удовольствія, не дополнившихся стремленіями. Намъ кажется, что если подъ словомъ удовольствіе разумѣть именно чувствованіе «моего» удовольствія, то тогда необходимо признать, что оно всегда сопровождается также и «моимъ» стремленіемъ.

Слѣдуя своему обычному методу, теперь мы можемъ заняться вопросомъ объ отношеніи чувствованія «даннаго» удовольствія къ стремленіямъ. Въ одной изъ предъидущихъ главъ была высказана гипотеза, что данныя мнѣ психическія состоянія суть «мои» состоянія какого-нибудь другого я, и что въ этомъ другомъ я они протекаютъ по типу волевыхъ процессовъ. Если такъ, то надобно предположить, что «данныя мнѣ» удовольствія суть «мои» удовольствія какого-нибудь другого я, сопутствующія стремленіямъ этого я и выражающія его природу. Эта гипотеза представляется вполне правдоподобною, если припомнить, что чувствованія «даннаго» удовольствія возникаютъ по поводу переменъ, стоящихъ сравнительно далеко отъ жизни нашего я, именно по поводу переменъ въ организмѣ или сверхличныхъ дѣятельностей.

Намъ остается теперь разобрать вопросъ объ отношеніи «данныхъ» удовольствій къ «моимъ» стремленіямъ. Мы установили, что чувствованіе «моего» удовольствія не есть мотивъ для «моей» дѣятельности, но этимъ мы не опровергли ученія объ эвдемонистической мотивации, такъ какъ оно можетъ опять всплыть въ формѣ утвержденія, что всякое «мое» стремленіе причиняется чувствованіемъ «даннаго» удовольствія. Однако это утвержденіе приводитъ къ выводамъ, противорѣчащимъ тому, что мы установили раньше ¹⁾. Если бы оно было истинною, то это значило бы, что во всякомъ я всѣ стремленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся цѣль «моихъ» состояній обусловливается воздѣйствіемъ *извне*, такъ что цѣль «моихъ» состояній не составляетъ сплошного

¹⁾ См. гл. IV.

единства, а складывается изъ разрозненныхъ звеньевъ. На самомъ же дѣлѣ «данныя» состоянія, если и могутъ вліять на жизнь я, то лишь, какъ поводъ, по которому въ единствѣ я, существующемъ независимо отъ «данныхъ» состояній, возникаютъ «мои» стремленія. Физическія удовольствія, а также сверхличныя вовсе не составляютъ исключенія изъ этого правила: воспріятіе ихъ и воспоминаніе о нихъ вовсе не возбуждаетъ къ дѣятельности то я, которое не интересуется ими. Не трудно догадаться однако, что «данныя» физическія удовольствія должны въ большинствѣ случаевъ особенно сильно интересовать человѣка. Состоянія, сопровождающіяся этимъ чувствованіемъ, соотвѣтствуютъ, какъ мы предположили выше, стремленіямъ, т.-е. потребностямъ другихъ я, другихъ субстанціальнахъ единствъ, именно субстанціальнахъ единствъ нашего тѣла. Слѣдовательно, избѣгая физическихъ страданій и достигая физическихъ удовольствій, мы избѣгаемъ всего того, что разрушаетъ организмъ или его части и ставимъ его въ наиболѣе выгодныя условія: стремясь къ физическимъ удовольствіямъ, мы удовлетворяемъ потребности тѣла. Не трудно показать, что въ человѣческихъ я должно быть глубоко укоренено стремленіе удовлетворять этимъ потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая «моя» дѣятельность возможна не иначе, какъ благодаря коопераціи съ тѣломъ; слѣдовательно, изъ *всѣхъ* «моихъ» стремленій должно вытекать *производное* стремленіе охранять тѣло, развивать его, удовлетворять его потребностямъ, однимъ словомъ, то, что называется инстинктомъ самосохраненія. Поэтому въ огромномъ количествѣ случаевъ «данныя» физическія удовольствія и страданія тотчасъ же осложняются чувствованіемъ «моего» удовлетворенія или неудовлетворенія, и при томъ тѣмъ быстрѣе и интенсивнѣе, чѣмъ болѣе обостренъ у даннаго индивидуума инстинктъ самосохраненія.

Такъ какъ сохраненіе тѣла требуетъ огромнаго количества заботъ и усилій, то огромное количество

актовъ и очень многіе интересы человѣка оказываются производными изъ инстинкта самосохраненія. Неудивительно поэтому, что въ психологіи чрезвычайно распространено ученіе о томъ, будто удовольствіе и страданіе обусловливаются исключительно повышеніемъ или пониженіемъ жизнедѣятельности, увеличеніемъ или уменьшеніемъ физическихъ силъ, опредѣленнымъ соотношеніемъ между тратою вещества и накопленіемъ его и т. п. Такъ, Горвицъ утверждаетъ, что «всякое чувство есть прямое выраженіе стремленія къ самосохраненію души, которая воспринимаетъ, какъ пріятное то, что гармонируетъ съ условіями благосостоянія, и какъ непріятное то, что противорѣчитъ этимъ условіямъ»¹⁾. По мнѣнію Гефдингга, «въ противоположности между удовольствіемъ и неудовольствіемъ — въ этой первоначальной противоположности въ мірѣ чувства — не трудно видѣть выраженіе противоположности между подъемомъ и упадкомъ жизненнаго процесса. Итакъ, за основное правило можно бы принять, что удовольствіе показываетъ подъемъ жизнедѣятельности, высшую и болѣе свободную трату энергіи»²⁾.

Подробнѣе всего развиты эти взгляды у Грота въ слѣдующихъ положеніяхъ. «Положительное удовольствіе сопровождается всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему его накопленію. Отрицательное удовольствіе сопровождается всякое соотвѣтствіе накопленія вещества предшествующей его тратѣ. Положительное страданіе сопровождается всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ. Отрицательное страданіе сопровождается всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою». «Чувствованія удовольствія и страданія вытекаютъ изъ бессознательной и относительной оцѣнки двоякой гармоніи и двоякой

¹⁾ Horwitz. Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage. I, стр. 169.

²⁾ Гефдинггъ, Очерки психологіи, 3 изд., стр. 233.

дисгармоніи между тратою нашихъ веществъ и ихъ накопленіемъ» ¹⁾).

Всѣ эти теоріи страдаютъ отъ одного очень важнаго недосмотра; онѣ имѣютъ въ виду и объясняютъ лишь физическое «данное» чувствованіе удовольствія. Всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ долю истины, поскольку въ громадномъ количествѣ случаевъ въ насъ есть стремленіе къ самосохраненію, руководящееся этими чувствованіями удовлетворенія или неудовлетворенія организма, такъ что мы и сами стремимся къ физически пріятнымъ состояніямъ и, слѣдовательно, испытываемъ при этомъ также «мое» удовольствіе. Однако это совпаденіе «моего» удовольствія съ физическимъ встрѣчается не всегда, и такого рода случаи не объяснимы безъ натяжекъ съ точки зрѣнія указанныхъ теорій, но становятся вполне понятными и необходимыми, если встать на нашу точку зрѣнія. Можно намѣтить три рода отклоненій отъ этого совпаденія. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ опыта стремленіе къ самосохраненію перестаетъ руководиться непосредственнымъ чувствованіемъ физическаго удовольствія и страданія. Во-вторыхъ, по мѣрѣ усложненія и развитія психической жизни многія другія стремленія оказываются болѣе сильными, чѣмъ стремленіе къ самосохраненію, и подъ вліяніемъ ихъ человѣку доставляютъ удовольствіе иногда даже такія дѣятельности, которыя сопровождаются интенсивными чувствованіями физическаго страданія, или, наоборотъ, непріятны—дѣятельности, сопровождающіяся интенсивными физическими удовольствіями; при этомъ инстинктъ самосохраненія можетъ постепенно все болѣе и болѣе ослабѣвать. Наконецъ, въ третьихъ, и это самое важное, стремленіе къ самосохраненію можетъ совершенно исчезнуть и замѣниться стремленіемъ къ саморазрушенію, т.-е. къ разрушенію тѣла. Въ такихъ случаяхъ дѣятельности, разрушающія тѣло, физическія страданія,

¹⁾ Гротъ. Психологія чувствованій, стр. 459.

сопутствующія этому разрушенію, сами по себѣ составляютъ источникъ «моего» удовлетворенія.

Легко понять, какимъ образомъ возникаетъ первая категория отклоненій чувствованія «моего» удовольствія отъ «даннаго» удовольствія. Если, стремясь осуществлять потребности тѣла, мы руководимся при этомъ чувствованіемъ физическаго удовольствія, то мы неизбежно должны впадать иногда въ грубыя ошибки. Во многихъ случаяхъ чувствованія удовольствія или неудовольствія служатъ показателями состоянія лишь одной какой-нибудь части организма или минутнаго состоянія организма и приводятъ къ актамъ, вреднымъ для остальныхъ частей его. Поэтому по мѣрѣ развитія опытности изъ общаго инстинкта самосохраненія, руководящагося чувствованіемъ физическаго удовольствія, возникаютъ иногда вполне понятныя съ нашей точки зрѣнія производныя стремленія совершить актъ, связанный съ чувствованіемъ физическаго страданія, напр., выдавить нарывъ, выдернуть зубъ, воздержаться отъ пищи, несмотря на голодъ и т. п. Точно такъ же, по мѣрѣ развитія я и опознанія его актовъ, *производность* инстинкта самосохраненія и вытекающихъ изъ него актовъ становится все болѣе очевидною. Это можно бываетъ прослѣдить, напр., на актахъ воспріятія пищи. Для дѣтей и многихъ взрослыхъ эти акты всегда представляются самодовлѣющими, и они руководятся при выборѣ пищи лишь пріятнымъ или непріятнымъ вкусомъ. Но у нѣкоторыхъ взрослыхъ людей, напр., у воздержнаго Спинозы, Паскаля, Франциска Ассизскаго и мн. др., этотъ актъ явно пріобрѣтаетъ служебное значеніе и, насколько это возможно въ такихъ примитивныхъ областяхъ жизни, приспосабливается сознательно къ высшимъ потребностямъ духа.

Ко второй категоріи относятся всѣ тѣ случаи, когда стремленіе къ самосохраненію по мѣрѣ развитія я начинаетъ отступать на задній планъ передъ всевозможными другими «моими» стремленіями и даже утрачиваетъ свой инстинктивный характеръ; это выражается прежде всего въ томъ, что вниманіе менѣе всего при-

ковывается къ органическимъ ощущеніямъ даже и тогда, когда они соотвѣтствуютъ настоящимъ потребностямъ тѣла; а если часть вниманія и удѣляется тѣлу, то все же органическія ощущенія, пріятныя и непріятныя, отчетливо сознаются только, какъ «данныя», но не влекутъ за собою тотчасъ же «моихъ» стремленій и чувствованій «моего» удовольствія и неудовольствія. Напр., художникъ, съ увлеченіемъ пишущій картину, естествоиспытатель, поглощенный экспериментами, зачастую не замѣчаютъ голода, жажды, холода или пренебрегаютъ ими. Интересъ къ тѣлу при такомъ направленіи жизни иногда до того ослабѣваетъ, что исчезаютъ цѣлыя группы ощущеній, постоянно руководящія поступками обыкновенныхъ людей. Бернардъ Клервосскій, напр., уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи и совершенно утратилъ вкусовыя ощущенія. Паскаль съ негодованіемъ относился ко всякой оцѣнкѣ пищи со стороны ея пріятности или непріятности, и называлъ это «чувственностью». Когда родные удивлялись, какъ онъ можетъ глотать, не морщась, самыя отвратительныя микстуры, онъ говорилъ, что непріятными могутъ быть лишь насиліе или неожиданность ¹⁾, т.-е. то, что противорѣчитъ «моимъ» стремленіямъ, а не стремленіямъ тѣла.

Вымираніе или временное ослабленіе инстинкта самосохраненія доходитъ нерѣдко до того, что самыя физическія страданія становятся источникомъ развлеченія. Таковы въ особенности случаи, когда, стремясь къ подъему психической жизни, къ разнообразію психической дѣятельности, человекъ съ обѣднѣвшею почему-либо душевною жизнью, прибѣгаетъ къ самому грубому средству, какое только можно себѣ представить,—причиняетъ себѣ физическую боль и развлекается ею; напр., вялый, утомленный ребенокъ стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, довольно больно стучается о нее головою и развлекается, за неимѣніемъ лучшей забавы, физическою болью. Быть можетъ, такимъ же образомъ

¹⁾ М. М. Филипповъ, Паскаль, стр. 61, 62.

объясняется поведение меланхоликовъ, склонныхъ наслаждаться своими физическими страданіями и причинять ихъ себѣ путемъ разрушеній тѣла.

Наконецъ, въ третьихъ, стремленіе къ самосохраненію можетъ совершенно исчезнуть и замѣниться стремленіемъ къ саморазрушенію. Тогда физическія страданія и непріятности сами по себѣ доставляютъ человѣку радость. Таково настроеніе многихъ аскетовъ, борющихся со своею плотью и разрушающихъ ее постомъ, изнурительнымъ трудомъ, бичеваніемъ и т. п. Они смотрятъ на свое тѣло, какъ на злѣйшаго врага, и всякое бѣдствіе этого врага радуется ихъ, а счастье его—удручаетъ. Паскаль «часто надѣвалъ на голое тѣло желѣзный поясъ съ остріями, и какъ только ему являлась какая-либо «праздная» мысль или желаніе доставить себѣ малѣйшее удовольствіе, онъ ударялъ локтями по поясу такъ, что острія вонзались въ тѣло» ¹⁾. Болѣе добродушный, чѣмъ Паскаль, истязатель плоти Францискъ Ассизскій говорилъ о своемъ тѣлѣ, что это «братъ-оселъ, котораго нужно подвергать тяжелой ношѣ, часто бить бичомъ и кормить плохимъ кормомъ», а передъ смертью онъ даже признался, что «согрѣшилъ противъ брата своего—осла» ²⁾. Дѣйствительно, этотъ добрый человѣкъ, любившій всякую тварь и даже проповѣдывавшій птицамъ, немилосердно насилывалъ свое тѣло, напр., посыпалъ пищу пепломъ, или же собиралъ, прося милостыню, въ одну кружку изъ разныхъ домовъ всевозможные остатки пищи и, побѣждая отвращеніе, питался ими.

Быть можетъ, подобное же, но менѣе послѣдовательное и не такъ ясно сознанное стремленіе освободиться отъ тѣла является у нѣкоторыхъ неизлечимо больныхъ съ организмомъ, настолько разстроеннымъ, что онъ причиняетъ уже почти одно лишь страданіе. Именно такъ описываетъ одинъ изъ случаевъ смерти Толстой въ

¹⁾ М. М. Филипповъ, Паскаль, стр. 60.

²⁾ См. Герье, Францискъ Ассизскій, Вѣстн. Евр., 1892, іюнь, стр. 528.

«Анна Карениной». Рассказывая о послѣднихъ дняхъ жизни Николая Левина, онъ говоритъ: «Въ немъ очевидно совершался тотъ переворотъ, который долженъ былъ заставить его смотрѣть на смерть, какъ на удовлетвореніе его желаній, какъ на счастье. Прежде каждое отдѣльное желаніе, вызванное страданіемъ или лишеніемъ, какъ голодъ, усталость, жажда, удовлетворялись отправленіемъ тѣла, дававшимъ наслажденіе, но теперь лишеніе и страданіе не получали удовлетворенія, а попытка удовлетворенія вызывала новое страданіе. И потому всѣ желанія сливались въ одно—желаніе избавиться отъ всѣхъ страданій и ихъ источника, тѣла» ¹⁾).

III. Ученіе объ эвдемонистической мотиваціи.

Всѣ сдѣланныя выше замѣчанія по поводу ученія объ эвдемонистической мотиваціи можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Это ученіе заключаетъ въ себѣ два самостоятельныя положенія, не различаемыя, обыкновенно, потому что психологи не отличаютъ чувствованія «моего» удовольствія отъ чувствованія «даннаго» удовольствія. Во-первыхъ, можно утверждать, что цѣлью и причиной всякаго стремленія служитъ чувствованіе даннаго (именно физическаго) удовольствія, во-вторыхъ, можно утверждать, что цѣлью и причиной всякаго стремленія служитъ чувствованіе «моего» удовольствія. Первое изъ этихъ утверженій заключаетъ въ себѣ ложь; цѣль «моихъ» состояній не опредѣляется причинно «данными» состояніями и развивается изнутри, изъ «моихъ» стремленій, составляющихъ производное, первоначальное единство. Впрочемъ «данныя» состоянія и стремленія тѣла могутъ быть поводомъ къ дѣятельности я, поскольку къ нимъ присоединяются стремленія я, соотвѣтствующія имъ, хотя и независимыя отъ нихъ. Это присоединеніе происходитъ чрезвычайно часто, такъ какъ всѣмъ человѣческимъ я присуще

¹⁾ Анна Каренина, часть пятая, гл. XX.

стремленіе къ самосохраненію, т.-е. къ сохраненію тѣла; однако оно происходитъ не всегда, и инстинктъ само-сохраненія вовсе не всемогущъ.

Второе изъ приведенныхъ положеній заключаетъ въ себѣ долю истины. Въ самомъ дѣлѣ, сторонники теоріи эвдемонистической мотиваціи имѣютъ право утверждать, что мы стремимся всегда къ пріятнымъ намъ состояніямъ: всякій объектъ «моего» стремленія есть вмѣстѣ съ тѣмъ объектъ «моего» удовольствія, моего удовлетворенія. Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «мое» удовольствіе есть причина и цѣль «моей» дѣятельности. Чувствованіе «моего» удовольствія не можетъ считаться возбудителемъ стремленія уже потому, что оно никогда не предшествуетъ стремленіямъ, а всегда составляетъ неразрывное единство съ ними. Поэтому противоположныя утвержденія: «мы стремимся къ этому состоянію, потому что оно доставляетъ намъ удовольствіе», и «это состояніе доставляетъ намъ удовольствіе потому, что мы къ нему стремимся», имѣютъ одинаково право на существованіе или, вѣрнѣе, они оба не имѣютъ права на существованіе и показываютъ лишь, что «мое» стремленіе и «мое» удовольствіе обусловлены одною и тою же причиною, какимъ-то соотношеніемъ между объектомъ и я. Слѣдовательно, утверждая, что мы стремимся всегда къ пріятному состоянію, къ удовлетворенію, сторонники эвдемонизма высказываютъ неоспоримую истину. Однако это истина очень бѣдная, и къ тому же вовсе не проливающая свѣта на характеръ человѣческихъ я, такъ какъ ясно, что этотъ характеръ опредѣляется самыми состояніями, влекущими за собою чувствованіе удовлетворенія, а не тѣмъ, что достиженіе цѣли и даже антиципація ея всегда сопровождается чувствованіемъ удовлетворенія.

IV. Нейтральныя состоянія сознанія.

Въ психологіи издавна ведется споръ о томъ, существуютъ ли или нѣтъ въ душевной жизни совер-

шенно безразличныя, т.-е. вовсе не сопровождающіяся чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія состоянія. Простымъ самонаблюденіемъ этотъ вопросъ едва ли можетъ быть рѣшенъ, во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя психическія состоянія слишкомъ мало интенсивны для того, чтобы можно было точно опредѣлить ихъ, а, во-вторыхъ, потому, что психическая жизнь, обыкновенно, очень сложна и какая-либо группа нейтральныхъ состояній можетъ маскироваться примѣшивающеюся къ ней группою пріятныхъ и непріятныхъ состояній. Къ счастью, можно подойти къ рѣшенію этого вопроса инымъ путемъ, исходя изъ условій возникновенія чувствованій удовольствія и неудовольствія. Если чувствованія удовольствія и неудовольствія такъ же, какъ и стремленія, служатъ показателями направленія воли, то всякое «мое» психическое состояніе должно быть окрашено этими чувствованіями. Однако въ сферу индивидуальнаго сознанія, кромѣ «моихъ» состояній, входятъ еще «данныя» состоянія: въ какомъ-нибудь другомъ я они тоже сознаются, какъ «мои», и тоже заключаютъ въ себѣ всѣ элементы волевыхъ актовъ, слѣдовательно, окрашены чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія, но въ томъ я, въ которомъ они «даны», они сознаются, обыкновенно, неполно и смутно; напр., въ нихъ нерѣдко вовсе не замѣчается чувствованія активности или стремленій. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что въ этихъ «данныхъ» психическихъ состояніяхъ, сознаваемыхъ неполно, иногда недостаетъ элемента «даннаго» удовольствія, у нихъ нѣтъ чувственного тона. Таковы, напр. воспріятія привычной мнѣ обстановки, моей мебели, когда я, утомленный чтеніемъ, поднимаю голову и безцѣльно смотрю передъ собою. Сюда же относятся и такія «данныя» психическія состоянія, какъ обрывки воспоминаній, неожиданныя комбинаціи простѣйшихъ идей, фразъ, образовъ, которые иногда бываютъ настолько неоформлены, что не заключаютъ въ себѣ никакого чувствованія даннаго удовольствія, но вызываютъ къ себѣ въ насъ интересъ

или же пробуждаютъ эмоцію досады на то, что на секунду отвлекли вниманіе въ сторону отъ дѣла. Во многихъ случаяхъ эти психическія состоянія сами по себѣ несомнѣнно не заключаютъ ничего похожего на чувственный тонъ, но поскольку они попадаютъ въ сферу «моего» сознанія, это значитъ, что и они возбуждаютъ такъ или иначе «мою» дѣятельность, которая непременно сопровождается чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія. Напр., шорохъ, самъ по себѣ лишенный какого бы то ни было чувственного тона, заставляетъ насъ насторожиться, и въ связи съ этой дѣятельностью является удовольствіе или неудовольствіе, если она оказывается излишнею и требующею напряженія.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что «мои» психическія состоянія никогда не бываютъ безразличными, а «данныя» психическія состоянія часто вовсе не заключаютъ въ себѣ чувствованій «даннаго» удовольствія или неудовольствія, но, поскольку пробуждаютъ «мою» дѣятельность, она тоже оказывается вовсе не безразличною.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Эмоціи.

І. Сенсуалистическая теорія эмоцій Джемса.

Современная психологическая литература не выработала еще отчетливаго и точнаго понятія эмоціи. Поэтому, говоря объ эмоціяхъ, не мѣшаетъ сдѣлать примѣрный списокъ психическихъ явленій, обозначаемыхъ этимъ именемъ. Большинство психологовъ относятъ къ этому классу такія состоянія, какъ испугъ, страхъ, ужасъ и т. п., печаль, горе, уныніе, грусть и т. п., скука, отчаяніе, томленіе, стѣсненіе, застѣнчивость, стыдъ, досада, раскаяніе, угрызеніе совѣсти и т. п., удивленіе,

недоумѣніе и т. п., радость, восторгъ, восхищеніе, умиленіе, благоговѣніе, великодушіе, гордость, довѣріе, вѣра, надежда и т. п., гнѣвъ, злость и т. п., тщеславіе, честолюбіе, самодовольство, самонадѣянность, властолюбіе, ревность, зависть, алчность, ненависть, отвращеніе и т. п.; высокоумѣріе, снисходительность, уваженіе, преданность, сочувствіе, жалость и т. п., и т. п., и т. п. Большинство психологовъ относятъ также къ числу эмоцій состояніе удовольствія и неудовольствія. Нерѣдко случается слышать также объ эмоціяхъ нравственныхъ, эстетическихъ, интеллектуальныхъ и религіозныхъ. Если согласиться съ Вундтомъ, который говоритъ, что «эмоція есть временной рядъ чувствованій, соединенныхъ въ одно непрерывное преемство, выдѣляющееся, какъ своеобразное цѣлое, изъ числа предыдущихъ и послѣдующихъ процессовъ, и притомъ такое цѣлое, которое оказываетъ, обыкновенно, и болѣе сильное вліяніе на субъектъ, чѣмъ отдѣльное чувство» ¹⁾, то приведенный списокъ придется расширить почти до безконечности. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія Вундта рѣзкой границы между чувствованіями и эмоціями нѣтъ; слѣдовательно, многія формы чувства ритма, чувствъ оптической формы или даже чувственные тона нѣкоторыхъ ощущеній, напр., интенсивнаго краснаго цвѣта, ничѣмъ не отличаются отъ эмоцій.

Просматривая приведенный списокъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что въ настоящее время подъ понятіе эмоціи подводятся разнородныя явленія, которыя будутъ распределены въ различные отдѣлы психологіи, когда явится удовлетворительная теорія ихъ. Эти явленія съ трудомъ поддаются изученію. Поэтому для изслѣдованія ихъ лучше всего прибѣгнуть къ такому приему: избрать небольшую группу явленій, наиболѣе доступныхъ анализу, построить теорію этихъ явленій и дать точное опредѣленіе ихъ, назвавъ ихъ эмоціями или какимъ-либо другимъ именемъ, и затѣмъ посмо-

¹⁾ Очеркъ психологіи, перев. Викторова, стр. 200.

трѣть, какія изъ перечисленныхъ явленій навѣрно не могутъ подойти подъ данное опредѣленіе и должны составить особую группу. Наибольшее количество исходныхъ пунктовъ для анализа даютъ тѣ душевныя волненія, которыя сопровождаются большимъ количествомъ измѣненій въ тѣлѣ. Таковы гнѣвъ, ненависть, отвращеніе, зависть, печаль, радость, страхъ; поэтому Джемсъ остроумно поступилъ, начавъ свое изслѣдованіе именно съ этихъ эмоцій.

Какъ извѣстно, разсматривая ихъ, онъ пришелъ къ выводу, прямо противоположному обыкновеннымъ взглядамъ. Обыкновенно, мы думаемъ, что порядокъ событій при переживаніи эмоцій бываетъ такой: какое-либо воспріятіе или представленіе вызываетъ эмоцію, а вслѣдъ за эмоціею является рядъ измѣненій въ тѣлѣ. Такъ, напр., увидѣвъ медвѣдя, мы пугаемся и начинаемъ дрожать, блѣднѣемъ; услышавъ обидное замѣчаніе, мы гнѣваемся и начинаемъ краснѣть, сжимаемъ кулаки, говоримъ повышеннымъ тономъ. По мнѣнію Джемса, это описаніе заключаетъ въ себѣ грубую ошибку, такъ какъ порядокъ событій въ дѣйствительности совершенно иной: нѣкоторыя воспріятія и представленія вызываютъ рядъ измѣненій въ тѣлѣ, и эти измѣненія составляютъ причину эмоціи. Слѣдовательно, увидѣвъ медвѣдя, мы начинаемъ блѣднѣть и тогда испытываемъ страхъ, услышавъ обидное замѣчаніе, сжимаемъ кулаки, говоримъ повышеннымъ тономъ и вслѣдствіе этого переживаемъ эмоцію гнѣва. Подчеркивая парадоксальный характеръ своей гипотезы, Джемсъ говоритъ: «согласно моей гипотезѣ, наиболѣе рационально выражаться слѣдующимъ образомъ, мы опечалены потому, что плачемъ, приведены въ ярость потому, что бьемъ другого, боимся потому, что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ потому, что опечалены, приведены въ ярость, испуганы».

Свою мысль Джемсъ подтверждаетъ слѣдующими соображеніями. Всякое воспріятіе или представленіе сопровождается рядомъ измѣненій въ большомъ мозгу,

и эти измѣненія не ограничиваются центральными областями нервной системы, а волнообразно разливаются по всему организму въ формѣ ускоренія или замедленія бѣженія сердца и дыханія, сокращенія или расширенія сосудовъ, усиленія перистальтики и т. п. Этими тѣлесными перемѣнами вызываються въ свою очередь центростремительные нервные токи, и потому всѣ онѣ отчетливо или смутно сознаются въ формѣ органическихъ ощущенийъ. Всякая эмоція и есть не что иное, какъ комплексъ такихъ органическихъ ощущенийъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ эмоцію страха, вызванную появленіемъ медвѣдя, и попытаемся мысленно анализировать ее и при этомъ мысленно устранимъ изъ нея ощущенія дрожи въ мускулахъ, ощущенія отъ сокращенія кровеносныхъ сосудовъ (холодокъ въ спинѣ), отъ усиленія перистальтики кишечника, отъ поднятія волосъ дыбомъ. Если мы произведемъ этотъ анализъ, то окажется, что послѣ вычета всѣхъ органическихъ ощущенийъ въ нашемъ сознаніи не осталось ничего, кромѣ чисто интеллектуальнаго состоянія, именно воспріятія медвѣдя.

Слѣдовательно, эмоція страха есть не что иное, какъ комплексъ органическихъ ощущенийъ. Точно также, анализируя гнѣвъ, мы найдемъ, что эта эмоція складывается изъ ощущенія волненія въ груди, ощущеній отъ прилива крови къ лицу, расширенія ноздрей, стискиванія зубовъ и т. п. За вычетомъ этихъ органическихъ ощущенийъ въ нашемъ сознаніи остается лишь чисто интеллектуальное состояніе, знаніе о медвѣдѣ, о фактѣ обиды и т. п. Слѣдовательно, эмоціональный характеръ гнѣва, страха и другихъ подобныхъ состояній сознанія слѣдуетъ всецѣло отнести за счетъ органическихъ ощущенийъ.

Приведенное разсужденіе Джемсъ считаетъ главнымъ аргументомъ въ пользу своей теоріи. По его словамъ, съ нимъ соглашались всѣ лица, производившія указанный имъ мысленный анализъ эмоцій, за исключеніемъ тѣхъ, которые, повидимому, не могли понять точно,

чего онъ требуетъ. Въ дополненіе къ этому аргументу Джемсъ приводитъ косвенное соображеніе въ пользу своей теоріи, именно согласіе дѣйствительности съ вытекающимъ изъ теоріи выводомъ, что искусственное воспроизведеніе внѣшнихъ тѣлесныхъ проявленій эмоці должно сопровождаться появленіемъ самой эмоці. Нарочно сжимая зубы и кулаки, топая ногами и говоря повышеннымъ тономъ, мы можемъ возбудить въ себѣ чувство гнѣва. «Чтобы придать себѣ храбрости,—говоритъ Джемсъ,—мы свистимъ и тѣмъ дѣйствительно придаемъ себѣ увѣренность. Съ другой стороны, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая и отвѣчая упавшимъ голосомъ на разспросы окружающихъ, и вы тѣмъ еще усилите ваше меланхолическое настроеніе».

Наоборотъ, подавленіе тѣлесныхъ проявленій эмоціи сопровождается исчезновеніемъ самой эмоціи.

Еще болѣе важны тѣ случаи, когда эмоція возникаетъ безъ соотвѣтствующаго объекта и безъ искусственнаго воспроизведенія тѣлесныхъ измѣненій, каковы, напр., гнѣвъ, страхъ, печаль у помѣшанныхъ, больныхъ, пьяныхъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Джемса, эмоція явнымъ образомъ есть не что иное, какъ комплексъ органическихъ ощущеній.

Бываютъ случаи, когда, задерживая проявленіе эмоціи, мы усиливаемъ ее, напр., удерживаясь отъ смѣха или отъ проявленій гнѣва, который въ такихъ случаяхъ переходитъ иногда въ ненависть. Эти случаи Джемсъ объясняетъ такъ. Подавляя экспрессію лица, мы этимъ не устраняемъ еще внутренняго возбужденія въ груди, брюшной полости, которое при этомъ можетъ даже усиливаться, какъ это бываетъ при подавленномъ смѣхѣ. Въ другихъ же случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ необходимости подавить проявленіе гнѣва, появляется совершенно новая эмоція вслѣдствіе возникновенія новыхъ внутреннихъ еще болѣе сильныхъ, чѣмъ прежде, но менѣе замѣтныхъ снаружи, органическихъ возбужденій. Не противорѣчитъ теоріи Джемса также и свидѣтельство

нѣкоторыхъ извѣстныхъ актеровъ, что они прекрасно могутъ воспроизводить на сценѣ мимикою лица, тѣлодвиженіями и голосомъ всѣ оттѣнки эмоцій, вовсе не переживая въ то же время самихъ эмоцій. Этимъ актерамъ удастся, повидимому, диссоціировать внутреннее органическое возбужденіе (дѣятельность сердца, дыханія) и наружную экспрессію эмоціи, а такъ какъ въ составѣ нѣкоторыхъ эмоцій ощущеніе внутренняго возбужденія играетъ очень важную роль, то воспроизведеніе однихъ внѣшнихъ измѣненій тѣла, соотвѣтствующихъ такимъ эмоціямъ (напр., гнѣву, печали), не создаетъ еще этихъ эмоцій.

Утверждая, что источникомъ грубыхъ эмоцій служатъ центростремительные токи, Джемсъ признаетъ однако, что болѣе тонкія эмоціи, нравственныя, интеллектуальныя, эстетическія, обусловливаются, вѣроятно, исключительно центральнымъ возбужденіемъ. «Но, прибавляетъ онъ, слабость и блѣдность этихъ чувствованій, когда они не связаны съ тѣлесными возбужденіями, представляютъ весьма рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями».

Главное достоинство своей теоріи Джемсъ видитъ въ томъ, что она указываетъ путь для детальнаго изслѣдованія эмоцій. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ съ точки зрѣнія Джемса всякая эмоція есть результатъ тѣлесной реакціи на нѣкоторыя воспріятія или представленія, напр., на представленіе врага, лающей собаки, умирающаго человѣка, то, желая изучить эмоцію, мы должны въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдовать происхожденіе такихъ тѣлесныхъ состояній, какъ измѣненіе въ біеніи сердца, дыханіи, перистальтикѣ и т. д. Само собою разумѣется, приступая къ рѣшенію этихъ проблемъ, мы а ргіогі можемъ разсчитывать, хотя бы на нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ имѣемъ дѣло съ фактами, поддающимися наблюденію и во многихъ отношеніяхъ изученными. «Эти проблемы,—говоритъ Джемсъ,—составляютъ задачу, съ одной стороны, фізіологической механики, а съ другой,—исторіи развитія человѣческой пси-

хики, задачу, которая какъ и всѣ реальныя научныя задачи, по существу разрѣшима, хотя и трудно, быть можетъ, найти ея рѣшеніе».

Вмѣсто того, чтобы положить начало ряду такихъ детальныя изслѣдованій, теорія Джемса вызвала обширную полемику, особенно со стороны американскихъ и англійскихъ психологовъ. Однако, большинство изъ нихъ, желая доказать, что эмоція складывается изъ центральныя процессовъ, заходитъ слишкомъ далеко, именно утверждаютъ, что органическія ощущенія *вовсе не входятъ* въ эмоціи, и потому подбираютъ возраженія, съ которыми Джемсъ легко справляется. Къ тому же они мало принимаютъ въ расчетъ ощущенія отъ внутренностныхъ реакцій, играющія важную роль въ теоріи Джемса. Такъ напр., Уорчестеръ и Айронъ говорятъ, что одна и та же эмоція въ различныхъ случаяхъ сопровождается различными тѣлесными реакціями. Въ отвѣтъ на это Джемсъ обращаетъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что различные внѣшніе симптомы могутъ сопровождаться одинаковыми внутренними, а во-вторыхъ, на то, что каждая эмоція дѣйствительно можетъ варьировать въ очень широкихъ предѣлахъ. Уорчестеръ указываетъ также на обратное явленіе, именно на то, что очень сильныя эмоціи сопровождаются сходными внѣшними проявленіями. Джемсъ соглашается съ этимъ, но прибавляетъ, что очень сильныя эмоціи сходны другъ съ другомъ и по своему психическому содержанию. Уорчестеръ и Айронъ замѣчаютъ также, что рыданіе или смѣхъ, возникшіе чисто рефлекторнымъ путемъ безъ соотвѣтствующаго печальнаго или смѣшнаго объекта, не похожи на эмоціи, ихъ можно сравнить съ икоюю, дрожью отъ холода и т. п. органическими ощущеніями. Рядомъ съ этимъ возраженіемъ нужно поставить соображеніе Штумпфа, что, принимая теорію Джемса, приходится отнести къ числу эмоцій и такія психическія состоянія, какъ мигрень или ревматическія боли. Эти два возраженія принадлежатъ къ числу очень сильныхъ, если не преувеличивать ихъ

значенія, именно видѣть въ нихъ не полное ниспроверженіе теоріи Джемса, а указаніе на то, что эмоція заключается въ себѣ, кромѣ органическихъ ощущеній, еще какой-то элементъ, упущенный изъ виду Джемсомъ.

Всѣ противники Джемса обращаютъ вниманіе на то, что тѣлесная реакція не можетъ быть вызвана воспріятіемъ объекта, и изъ этого дѣлаютъ выводъ, что мотивомъ ея служитъ эмоція, которая, слѣдовательно, должна предшествовать реакціи. Уорчестеръ, напр., указываетъ на то, что медвѣдь въ клѣткѣ не вызываетъ ничего похожаго на тѣлесную реакцію, которая у насъ является, когда мы видимъ его въ лѣсу. Изображая теорію Джемса въ каррикатурномъ видѣ, онъ говоритъ: «соотвѣтственно здравому смыслу мы бѣжимъ, потому что боимся быть съѣденными, а по теоріи Джемса намъ непріятно быть съѣденными, потому что мы бѣжимъ». Джемсъ отвѣчаетъ на это «своимъ противникамъ, что причиною реакціи, а, слѣдовательно, и эмоціи служитъ не просто воспріятіе, а воспріятіе вмѣстѣ съ возникающими по поводу него въ разныхъ случаяхъ различными воспоминаніями. Къ этому надо прибавить, что Уорчестеръ, какъ это видно изъ приведенной выше фразы его, а также изъ прямыхъ его заявленій, смѣшиваетъ чувства удовольствія и страданія съ эмоціями, а мы увидимъ дальше, что смѣшеніе этихъ понятій ведетъ къ крупнымъ заблужденіямъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія возникаетъ важнѣйшее возраженіе Вундта, а вслѣдъ за нимъ и Леманна. Вундтъ говоритъ, что эмоція начинается съ простого первоначальнаго чувствованія, имѣющаго субъективный характеръ въ отличіе отъ объективнаго характера ощущеній (поэтому онъ считаетъ чувство реакціею апперцепціи), а вслѣдъ за нимъ уже является тѣлесная реакція, дающая органическія ощущенія, чувственные тона которыхъ присоединяются къ первоначальному чувствованію и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ эмоцію.

Конечно, теорія Джемса вызвала не одни только возраженія. Она приобрѣла также крупныхъ защитни-

ковъ, вродѣ Рибо, Фулье, Серджи. Одинъ изъ защитниковъ, Соллье, сдѣлалъ даже попытку эмпирически подтвердить мысль Джемса. Соллье наблюдалъ одного больного, страдавшаго почти полною анестезіею не только кожи, слизистыхъ оболочекъ и мускуловъ, но и внутренностей, такъ что у него, напр., не было даже ощущеній голода и сытости. По описанію Соллье, этотъ субъектъ былъ почти абсолютно апатиченъ. Наблюденіе Соллье согласуется съ выводами, которые нужно сдѣлать изъ теоріи Джемса и потому служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ ея, но прямого доказательства, конечно, не даетъ, потому что измѣненія въ организмѣ невropата, изслѣдованнаго Соллье, навѣрное не ограничивались одною лишь утратою органическихъ ощущенийъ. Еще менѣе удачны опыты, произведенные Соллье надъ двумя истерическими больными, у которыхъ онъ путемъ внушенія уничтожалъ чувствительность внутренностей или чувствительность периферіи тѣла, а также ту и другую вмѣстѣ. Въ случаѣ полной анестезіи, а также анестезіи внутренностей больные были апатичны и даже говорили: «я не люблю никого, даже и себя потому что я не чувствую ничего (*puisque je ne sens rien*). По поводу этихъ опытовъ справедливо замѣчаетъ Штумпфъ ¹⁾, что даже и психологія до сихъ поръ не различаетъ строго терминовъ чувствовать и ощущать, слѣдовательно, Соллье могъ прямымъ внушеніемъ уничтожать у своихъ больныхъ не только ощущенія, но и эмоціональную жизнь.

II. Волюнтаристическая теорія эмоцій.

1. Волевые элементы эмоцій.

Теорія Джемса складывается изъ нѣсколькихъ утверждений, имѣющихъ не одинаковую цѣнность и не одинаково достовѣрныхъ. Поэтому она до сихъ поръ на-

¹⁾ Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, 1899.

ходитъ мало сторонниковъ и не принесла той пользы психологіи, какой ожидалъ отъ нея Джемсъ. Чтобы подвергнуть ее оцѣнкѣ и отдѣлить истину отъ заблужденія, выразимъ ее въ видѣ отдѣльныхъ положеній.

Во-первыхъ, по мнѣнію Джемса, тѣлесная реакція *есть не результатъ* эмоціи, а *причина* ея, такъ какъ эмоція складывается изъ *органическихъ ощущеній*, соотвѣтствующихъ тѣлесной реакціи. Во-вторыхъ, за вычетомъ органическихъ ощущеній, составляющихъ сложное эмоциональное состояніе, въ сознаніи или не остается ничего, или же остается какое-либо чисто интеллектуальное состояніе.

Первое изъ этихъ положеній не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только всмотрѣться внимательно въ психическія состоянія, называемыя гнѣвомъ, печалью, страхомъ, чтобы замѣтить, что въ нихъ входитъ множество органическихъ ощущеній изъ области сердца, дыхательныхъ органовъ, пищеварительнаго аппарата и т. д. Главная заслуга Джемса заключается именно въ этой мысли, не требующей никакихъ доказательствъ, кромѣ ссылки на самонаблюденіе.

Къ сожалѣнію, доказывая свою мысль, Джемсъ прибѣгнулъ, кромѣ ссылки на самонаблюденіе, еще къ двумъ аргументамъ, не выдерживающимъ критики и опровергнутымъ его противниками. Однако оспаривая мысль, что эмоція состоитъ изъ однихъ только органическихъ ощущеній, противники Джемса зашли слишкомъ далеко; нѣкоторые изъ нихъ стали утверждать, что эти органическія ощущенія вовсе не входятъ въ нее. Поскольку они въ пылу борьбы отстаиваютъ свое второе утвержденіе, полемика отчасти превращается въ споръ изъ-за словъ, именно въ споръ о томъ, обозначать ли словомъ эмоція психическое состояніе, упущенное изъ виду Джемсомъ и предшествующее тѣлесной реакціи, или же называть эмоціею это психическое состояніе вмѣстѣ съ присоединяющимися къ нему органическими ощущеніями. Поскольку споръ принимаетъ

такой характеръ, обычное словоупотребленіе стоитъ на сторонѣ Джемса, такъ какъ подъ гнѣвомъ, печалью, страхомъ и т. п. всѣ разумѣютъ такія сложныя психическія состоянія, въ которыхъ несомнѣнно важную составную часть являются ощущенія щемленія сердца, дрожанія мускуловъ, усиленной перистальтики и т. п.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ положительными сторонами теоріи Джемса. Теперь намъ нужно отмѣтить одинъ важный недостатокъ ея, заключающійся во второмъ утвержденіи, согласно которому эмоція состоитъ *только* изъ органическихъ ощущеній, такъ что послѣ вычитанія органическихъ ощущеній, составляющихъ сложное эмоціональное состояніе, въ сознаніи или не остается ничего или же остается какое-либо чисто интеллектуальное состояніе. Если бы это было такъ, то эмоція ничѣмъ не отличалась бы отъ такихъ пассивныхъ состояній, какъ мигрень, ломота въ спинѣ, усталость, ревматическія боли, пріятныя ощущенія отъ нормальнаго процесса пищеваренія и т. п. На самомъ дѣлѣ это невѣрно; въ эмоціяхъ гнѣва, страха, тоски и т. п.; кромѣ воспріятія органическихъ ощущеній, есть еще какой-то элементъ, заставляющій насъ считать эмоцію чѣмъ-то болѣе близкимъ къ нашему я, болѣе «моимъ», чѣмъ ощущенія. Если правда, что всякое психическое состояніе, поскольку оно чувствуется, какъ «мое», есть волевой актъ, то мы должны найти въ эмоціяхъ волевые элементы, именно стремленія и чувствованіе активности, упущенныя изъ виду Джемсомъ. Въ противномъ случаѣ эмоціи окажутся отрицательною инстанціею противъ нашего волюнтаризма.

Сначала мы не будемъ ссылаться на самонаблюденіе, такъ какъ эмоція складывается изъ состояній сознанія, слабо дифференцированныхъ, органическія ощущенія выступаютъ въ нихъ на первый планъ и маскируютъ другіе элементы эмоціи. Поэтому сначала мы постараемся подготовить рѣшеніе вопроса съ помощью косвенныхъ соображеній, именно исходя изъ тѣхъ элементовъ эмоціи, которые уже извѣстны. Мы знаемъ,

что значительная часть эмоціи состоитъ изъ органическихъ ощущеній, слѣдовательно, обуславливается тѣлесною реакціею. Нѣкоторыя стороны этой реакціи, именно внѣшнія проявленія эмоцій въ области главнымъ образомъ мускулатуры, подчиненной волѣ, подвергнуты уже изученію. Относительно происхожденія ихъ Дарвину удалось установить три закона, изъ которыхъ одинъ, наиболѣе важный и имѣющій наиболѣе широкую область примѣненія, принятъ въ той или иной формѣ дальнѣйшими изслѣдователями этого вопроса. Этотъ законъ, названный въ сочиненіи Дарвина «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» началомъ полезныхъ, ассоціированныхъ привычекъ, состоитъ въ слѣдующемъ: движенія, оказавшіяся полезными намъ въ прошлыхъ случаяхъ, повторяются нами по привычкѣ и въ новыхъ аналогичныхъ случаяхъ, даже тогда, когда они стали бесполезными. Таковы сжиманіе кулаковъ и зубовъ по адресу отсутствующей особы, вызвавшей въ насъ гнѣвъ, топаніе ногами, оскаливаніе клыка, закладываніе ушей назадъ, встрѣчающееся у разсерженныхъ животныхъ, имѣющихъ привычку кусаться въ дракѣ, опусканіе угловъ губъ при отвращеніи и печали, приподниманіе внутреннихъ угловъ бровей въ горѣ, нахмуриваніе при затрудненіи, вздрагиваніе и миганіе при неожиданномъ шумѣ, сокращеніе скуловой мышцы при зависти и ревности, раскрываніе рта и глазъ при изумленіи, облизываніе при мысли о чемъ-либо пріятномъ, улыбка, взглядъ искоса у хитрящаго человѣка и т. п., и т. п. Второй законъ, установленный Дарвиномъ, начало антитеза, заключаетъ въ себѣ лишь описаніе того факта, что нѣкоторыя противоположныя психическія состоянія сопровождаются противоположными движеніями, но не даетъ никакого намека на объясненіе этого факта, такъ какъ предположеніе Дарвина, что «при появленіи совершенно противоположнаго настроенія существуетъ сильное и непроизвольное стремленіе къ выполненію движеній противоположнаго свойства, хотя бы они были совершенно без-

полезны», построено имъ вполнѣ произвольно. Весьма возможно, что явленія, подведенныя Дарвиномъ подъ этотъ законъ, объясняются съ точки зрѣнія перваго закона. Напримѣръ, волнистыя движенія тѣла собаки, смѣняющія собою напряженное положеніе всего корпуса ея, когда она подходитъ къ человѣку съ враждебными намѣреніями, а потомъ, замѣтивъ, что это ея хозяинъ, радостно бросается къ нему, вѣроятно, объясняются тѣмъ, что эти движенія даютъ возможность, ласкаясь, прикасаться различными поверхностями тѣла къ хозяину. Третій законъ Дарвина, начало прямого вліянія нервной системы, заключаетъ въ себѣ слѣдующее утвержденіе: при сильномъ возбужденіи чувствительныхъ центровъ, развиваемая въ избыткѣ нервная сила или передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи нервныхъ клѣтокъ между собою и отчасти отъ привычки, или нервная дѣятельность можетъ, повидимому, быть прерываема. Высказавъ этотъ законъ, Дарвинъ прибавляетъ: «Конечно, всякое движеніе, совершаемое нами, обусловлено строеніемъ нервной системы, но мы исключаемъ въ этомъ случаѣ, насколько возможно, всѣ движенія, зависящія отъ воли, отъ привычки, или отъ начала антитеза. Предметъ, котораго мы коснулись теперь, чрезвычайно неясенъ; по крайней важности его, на немъ стоитъ остановиться подольше, такъ какъ всегда полезно видѣть собственное незнаніе». Въ этихъ словахъ Дарвина заключается полное осужденіе его третьяго закона. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ движенія наши обусловлены строеніемъ нервной системы, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ищемъ специальныхъ законовъ различныхъ группъ движеній, неопредѣленная общая ссылка на этотъ законъ есть лишь результатъ нашего незнанія. Поэтому-то Дарвинъ подводитъ подъ этотъ законъ просто всѣ тѣ явленія, которыя ему не удалось объяснить инымъ путемъ. Таковы дрожаніе мышцъ при страхѣ, злобѣ или сильной радости, измененія въ біеніи сердца, сосудодвигательной системѣ и

дыханіи, отдѣленіе пота, желчи и т. п. Слѣдовательно, какъ разъ тѣ реакціи, которыя происходятъ въ области самыхъ важныхъ органовъ и встрѣчаются чаще всего, возникаютъ, какъ случайный побочный результатъ соединенія нервныхъ элементовъ, установившагося для другихъ цѣлей. Это предположеніе противорѣчитъ современнымъ ученіямъ объ организмѣ, какъ продуктѣ продолжительной эволюціи, приспособленномъ къ внѣшнимъ условіямъ, т.-е. раздраженіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія этого ученія пути разрядовъ зависятъ отъ строенія нервной системы, но въ свою очередь это строеніе измѣняется подъ вліяніемъ разрядовъ, и это взаимодействіе приводитъ къ тому, что реакціи оказываются все болѣе и болѣе цѣлесообразно приспособленными къ соотвѣтствующимъ раздраженіямъ. Даже тѣ реакціи, которыя на первый взглядъ не заключаютъ въ себѣ ничего цѣлесообразнаго (мимическое выраженіе эмоцій), при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются возникшими изъ цѣлесообразныхъ приспособленій. Если такъ, то тѣмъ увѣреннѣе можемъ мы утверждать, что реакціи со стороны важнѣйшихъ органовъ возникли такимъ же путемъ, т.-е. могутъ быть подведены подъ начало полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Эта задача не выполнена до сихъ поръ потому, что реакціи сердца, сосудистой системы, дыхательныхъ органовъ возникли въ животномъ мірѣ раньше другихъ реакцій, входящихъ въ составъ эмоцій: онѣ составляютъ результатъ болѣе продолжительной эволюціи, въ которой могло быть много метаморфозъ и сложныхъ взаимоотношеній.

Итакъ, разсматривая эмоціональныя реакціи, мы нашли, что однѣ изъ нихъ объясняются началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ, а другія, особенно внутренностныя, вовсе не объяснены, но относительно ихъ можно съ огромной вѣроятностью утверждать, что ихъ удастся подвести подъ тотъ же законъ. Далѣе, принимая въ расчетъ, что тѣлесная реакція не слѣдуетъ за эмоціею, какъ ея результатъ, а входитъ въ

нее, какъ составная часть, мы принуждены будемъ сдѣлать выводъ, что эмоція, по крайней мѣрѣ главная часть ея, есть не что иное, какъ совокупность привычныхъ актовъ, приносившихъ пользу въ другихъ аналогичныхъ данному случаяхъ: слѣдовательно, эмоція есть или рефлексъ, или волевой актъ, или психо-рефлекторный актъ ¹⁾. Рефлексомъ эмоціональную реакцію, конечно, назвать нельзя, такъ какъ подъ это понятіе подводятся лишь реакціи, возникающія безъ участія сознанія; раздраженіе, вызывающее рефлексъ, достигаетъ своего результата даже и въ томъ случаѣ, если центры сознательной дѣятельности разрушены. Между тѣмъ большинство эмоціональныхъ реакцій не возникаетъ при этомъ условіи, на примѣръ, собака, у которой разрушенъ центръ зрительныхъ воспріятій, не обнаруживаетъ при видѣ кнута своимъ дыханіемъ и біеніемъ сердца никакихъ признаковъ страха. Итакъ, эмоція есть или волевой, или психо-рефлекторный актъ. Присматриваясь къ субъективнымъ оттѣнкамъ эмоцій, необходимо признать, что однѣ изъ нихъ относятся къ числу волевыхъ актовъ, а другія къ психо-рефлекторнымъ актамъ. Сначала мы займемся первыми. Къ этому разряду относятся тѣ эмоціи, въ которыхъ мы особенно живо сознаемъ себя дѣятельными, такъ что это сознаніе выражается нами даже въ языкѣ: мы говоримъ «я гнѣваюсь, ненавижу, завидую», а не «воспринимаю себя гнѣвающимся, ненавидящимъ» и т. п. Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что, говоря объ этихъ эмоціяхъ, мы должны употребить оба выраженія: «я гнѣваюсь» и «воспринимаю себя гнѣвающимся», такъ что въ эмоціи есть два акта, актъ порожденія реакціи въ тѣлѣ и актъ воспріятія ея. Этимъ она отличается отъ воспріятій, возникшихъ вслѣдствіе перемѣнъ на периферіи тѣла, которыя порождены не нами, а произошли отъ внѣшняго раздраженія или рефлекторнымъ путемъ. Говоря о нихъ, напр., о воспріятіи ста-

¹⁾ См. гл. I, стр. 27.

кана, мы не можемъ сказать «я стаканюсь» и потомъ «воспринимаю стаканъ». Говоря о рефлекторномъ сокращеніи мышцы вѣкъ или мышцы на лбу (когда мы нервно. разстроены, такъ что принуждены прибѣгать къ бромистому калию и т. п.), мы говоримъ «у меня подергивается мышца» (я воспринимаю ее подергивающеюся), а не «я подергиваю мышцу».

Отсюда ясно, какой элементъ эмоціи упущенъ изъ виду Джемсомъ. Джемсъ считаетъ эмоцію воспріятіемъ переменъ въ тѣлѣ; на самомъ же дѣлѣ эмоція есть порожденіе нами переменъ въ тѣлѣ и воспріятіе этой переменъ. Поясимъ это примѣромъ: Джемсъ находитъ въ эмоціи лишь такія состоянія сознанія, какія возникаютъ у насъ, когда кто-либо сгибаетъ нашу руку (воспріятіе пассивнаго движенія); на самомъ же дѣлѣ эмоція складывается изъ такихъ состояній сознанія, какія бываютъ у насъ, когда мы сами сознательно, а не рефлекторно сгибаемъ руку (сознаніе объ активномъ движеніи). Значитъ, Джемсъ упускаетъ изъ виду состоянія, предшествующія поступку, заключающія въ себѣ отѣнокъ активности, и, стремленіе чего-либо достигнуть или избѣжать.

Къ сожалѣнію, эти важные отѣнки психическихъ состояній рѣдко становятся предметомъ нашего наблюденія и плохо запоминаются нами, такъ какъ мы обращаемъ вниманіе исключительно на свои цѣли, а не средства, которыми онѣ осуществляются. Въ эмоціяхъ еще труднѣе подмѣтить эти элементы, такъ какъ всѣ вообще психическія состоянія, входящія въ эмоцію, слабо дифференцированы, и чувство активности, составляющее исходный пунктъ эмоціи, поглощается массою интенсивныхъ слѣдующихъ за нимъ органическихъ ощущеній. Однако, обративъ вниманіе на элементъ активности и стремленія, исходя изъ теоретическихъ соображеній, мы можемъ найти также и яркія подтвержденія этихъ соображеній уже путемъ самонаблюденія. Для этого нужно подыскать такіе случаи, когда эмоція состоитъ главнымъ образомъ изъ внутренностныхъ

реакцій и вызывается такимъ раздраженіемъ, которое могло бы породить эти реакціи и чисто рефлекторнымъ путемъ. Такова эмоція испуга, вызываемая неожиданнымъ стукомъ. Благодаря стеченію обстоятельствъ, она дала мнѣ нѣсколько наблюдений, подтверждающихъ сходство эмоцій съ поступками. Въ теченіе одной зимы въ моей комнатѣ очень часто трескался паркетъ, и каждый разъ трескъ его вызывалъ во мнѣ, такъ какъ я былъ нѣсколько разстроены, вздрагиваніе, интенсивное ощущеніе въ области сердца, которое кажется происходящимъ отъ того, что сердце будто бы сжимается, и ощущенія въ области сосудистой системы на периферіи тѣла. Психическое состояніе при этомъ было типичнымъ образцомъ эмоціи испуга, очень тягостной, какъ извѣстно. Желая освободиться отъ нея, я сталъ бороться тѣмъ способомъ, который удачнѣе всего приводитъ къ цѣли, когда хочешь отдѣлаться отъ какой-нибудь неприятной привычки, именно всякій разъ, когда она являлась, я мысленно живо представлялъ себѣ причину ея, т.-е. трескъ паркета, и мысленно настойчиво представлялъ себѣ, что воздерживаюсь отъ безмысленной реакціи. Черезъ нѣсколько дней я сталъ наблюдать такое явленіе: трескъ тотчасъ вызывалъ во мнѣ совершенно спокойную мысль о причинѣ этого явленія, я вовсе не вздрагивалъ, но въ то же время съ изумленіемъ, и это изумленіе очень характерно въ данномъ случаѣ, воспринималъ длительную волну неприятныхъ ощущеній изъ области сердца и сосудовъ. Психическое состояніе складывалось почти изъ тѣхъ же органическихъ ощущеній, кромѣ вздрагиванія, что и въ первомъ случаѣ; по крайней мѣрѣ, можно поручиться, что самые интенсивные и неприятные элементы были налицо, и, несмотря на то, я бы не назвалъ это психическое состояніе эмоціею, а сравнилъ бы его съ мигренью, нытьемъ почекъ и т. п. пассивно воспринимаемыми психическими состояніями, возникающими отъ перемѣнъ на периферіи, не зависящихъ отъ сознанія. Изумленіе, съ которымъ я воспринималъ это состояніе,

аналогично тому чувству, съ которымъ относишься иногда къ подколѣнному рефлексу, къ этому сильному сокращенію ноги, которое поражаетъ насъ тѣмъ, что происходитъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго участія съ нашей стороны.

Переживая нѣкоторыя эмоціи, напр., печаль, мы вовсе не въ такой мѣрѣ относимъ ихъ къ своему я, какъ гнѣвъ, ненависть, зависть. Это выражается и въ языкѣ: мы обыкновенно, говоримъ: «я опечаленъ», а не «я печалюсь». Однако мы не ставимъ свою печаль съ ея мучительными ощущеніями въ области сердца, ощущеніями вялости мускуловъ и т. п. въ одинъ рядъ съ ощущеніями; испытывая эту эмоцію, мы все же замѣчаемъ въ ней смутныя стремленія и активность, хотя и не принадлежащія «моему» я, какія-то «стремленія во мнѣ». Опираясь на эти признаки, такія эмоціи слѣдуетъ отнести къ числу «поступковъ во мнѣ» и къ числу психо-рефлекторныхъ актовъ, такъ какъ онѣ возникаютъ все-же вслѣдъ за какимъ-либо «моимъ» состояніемъ, напр. мыслью о смерти друга.

Собственно, во всѣхъ сложныхъ эмоціяхъ, складывающихся изъ множества тѣлесныхъ реакцій, нѣкоторые элементы навѣрное относятся къ числу не «моихъ» актовъ, но «актовъ во мнѣ». Таковы большею частью внутренностныя реакціи, напр. реакціи кишечника и мочевого пузыря во время страха, клочотаніе въ груди во время гнѣва, щемленіе сердца. Мало того, всякая эмоція, даже и начавшаяся, повидимому, какъ «мой актъ», можетъ продолжаться, какъ «поступокъ во мнѣ». Это замѣтно, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда мы уже перестали и думать о томъ, что раздосадовало насъ, а между тѣмъ насъ все «что-то грызетъ» и т. п.

Утверждая, что эмоція есть волевой актъ, мы высказываемъ одну парадоксальную мысль, противорѣчащую установившимся въ наукѣ взглядамъ. Съ нашей точки зрѣнія краснѣніе отъ радости (расширеніе сосудовъ), блѣднѣніе отъ страха (сжиманіе сосудовъ), дрожь, измѣненіе въ пищеварительныхъ аппаратахъ приходится

считать поступками, такъ какъ имъ предшествуетъ неясно сознанный стремленіе («мое» или во «мнѣ») чего-нибудь достигнуть или избѣжать. Между тѣмъ въ наукѣ установилось мнѣніе, что всѣ эти тѣлесныя явленія совершенно не зависятъ отъ воли: сознательные процессы очень часто вліяютъ на эти дѣятельности, но это вліяніе есть результатъ иррадіаціи нервныхъ токовъ, оно не сопровождается чувствомъ усилія, стремленія, и потому оно не можетъ быть сравниваемо съ волевымъ вліяніемъ сознанія. Противорѣчить этому прочно установившемуся мнѣнію до такой степени опасно, что раньше, чѣмъ привести аргументы противъ него, цѣлесообразно будетъ прибѣгнуть къ авторитетамъ (хотя такая ссылка есть непозволительный *argumentum ad hominem*) именно сослаться на соображенія Вундта, которыя могутъ послужить исходнымъ пунктомъ. «Основываясь на общей исторіи развитія», — говоритъ Вундтъ, — можно допустить, что даже такія движенія, какъ сокращеніе сердца, которыя у высшихъ животныхъ совсѣмъ не зависятъ отъ воли, или какъ движенія дыханія, отчасти не зависящія отъ воли, развились изъ первоначальныхъ движеній, вытекающихъ изъ стремленій (*Triebbewegungen*). Разсматривая вопросъ о происхожденіи рефлексовъ и автоматическихъ актовъ, Вундтъ вообще высказывается въ пользу предположенія, что всѣ они возникли изъ движеній, вытекающихъ изъ стремленій. Наблюдая проявленія одноклѣточныхъ организмовъ, у которыхъ вся жизнь проходитъ въ такихъ актахъ, какъ сжиманіе и расширеніе всего тѣла, обволакиваніе съѣдобныхъ веществъ, выталкиваніе несъѣдобныхъ и т. д., мы должны признать, по его мнѣнію, что это простые волевые акты, т.-е. движенія, вытекающія изъ стремленій (*Triebbewegungen*). Въ высоко развитомъ организмѣ такіе акты производятся не всѣмъ тѣломъ, а приурочиваются къ опредѣленнымъ органамъ (сжиманіе и расширеніе органа въ связи съ сжиманіемъ и расширеніемъ сосудовъ, органы пищеваренія и т. п.) и регулируются низшими нервными цен-

трами (въ которыхъ, можетъ быть, есть свое сознаніе), такъ что совершаются безъ контроля высшихъ центровъ, безъ контроля высшаго сознанія, непреднамѣренно.

Не удивительно, что мы привыкли считать такіе процессы въ организмѣ независящими отъ нашихъ стремленій и намѣреній (отъ воли). Между тѣмъ рѣшительныхъ основаній для этого у насъ нѣтъ. Если у нашихъ безконечно отдаленныхъ предковъ эти акты были обусловлены ихъ стремленіями, хотя бы и не ясными, слабо дифференцированными и потому не похожими на наши рѣшенія, то естественно предположить, что и у насъ сохранилась способность сознательно вліять на свой кишечникъ, свои кровеносные сосуды и т. д. Однако, дѣятельность этихъ органовъ необходима для нашего организма ежесекундно, поэтому управленіе ими сосредоточивается въ низшихъ центрахъ (напр., въ продолговатомъ мозгу), и свою способность вліять на эти органы сознательно мы проявляемъ очень рѣдко. Поэтому наши сознательныя воздѣйствія на сосуды, сердце, кишечникъ и т. д. до сихъ поръ остаются въ формѣ слабо дифференцированныхъ состояній сознанія, съ трудомъ улавливаемыхъ самонаблюденіемъ. Именно такія воздѣйствія на организмъ мы и производимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда получаемъ извѣстіе о смерти друга, сталкиваемся носъ къ носу съ медвѣдемъ въ лѣсу, выслушиваемъ обидное замѣчаніе и т. д. Потрясеніе, вызываемое этими воспріятіями, такъ велико, что мы не успѣваемъ реагировать обдуманно и производимъ рядъ примитивныхъ органическихъ актовъ, которые мы и наши самые отдаленные предки привыкли производить въ другихъ болѣе обычныхъ, примитивныхъ непріятныхъ случаяхъ. Результатомъ этихъ актовъ является такая масса органическихъ ощущеній, что въ нихъ тонетъ неясное стремленіе, предшествовавшее имъ. Сложное состояніе сознанія, получившееся такимъ образомъ, есть эмоціа. Слѣдовательно, эмоціа по существу есть такое же состояніе сознанія, какъ и то, которое мы переживаемъ, когда сознательно поднимаемъ

руку, съ тою лишь разницею, что элементы этого послѣдняго состоянія — рѣшеніе поднять руку и моторныя ощущенія отъ дѣйствительнаго поднятія руки — дифференцированы и потому легко опредѣлимы. Въ отвѣтъ на это могутъ возразить, что въ такомъ случаѣ мы могли бы по желанію во всякій данный моментъ вызвать какой угодно фізіологическій процессъ такъ же легко, какъ поднять руку. Однако это возраженіе не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, органическіе процессы находятся въ постоянной зависимости отъ дѣятельности низшихъ центровъ нервной системы (даже и въ эмоціяхъ они, обыкновенно, вызываются не «моими» стремленіями, а «стремленіями во мнѣ»), которая иногда можетъ противодѣйствовать вліянію высшихъ центровъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что даже и рѣшеніе поднять руку не всегда приводитъ къ цѣли, вслѣдствіе противодѣйствія низшихъ центровъ, напр., въ случаѣ судороги. Во-вторыхъ, произвольный актъ выполняется легко въ томъ случаѣ, когда ему предшествуетъ стремленіе къ какой-либо цѣли, связанное съ отчетливымъ воспоминаніемъ о моторныхъ ощущеніяхъ, сопровождающихъ достиженіе этой цѣли, при чемъ, конечно, въ послѣдствіи ассоціація между цѣлью и движеніемъ можетъ настолько упрочиться, что промежуточный элементъ, воспоминаніе о моторныхъ ощущеніяхъ, можетъ выпасть безъ ущерба для акта. Управление внутренностями не можетъ пройти этихъ фазъ развитія, потому что моторныя ощущенія, исходяція отъ нихъ, всегда должны оставаться слабо дифференцированными и, слѣдовательно, не могутъ хорошо запоминаться. Въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія должны оставаться на низшей степени развитія, во-первыхъ, потому, что они мало важны для насъ, такъ какъ исходятъ изъ органовъ, управление которыми предоставлено низшимъ центрамъ, а во-вторыхъ, потому, что они обусловлены органами внутренними и, слѣдовательно, не могутъ вступать въ комбинацію съ ощущеніями высшихъ органовъ чувствъ и контролироваться ими.

Если высказанныя здѣсь соображенія вѣрны, то аргюи нужно ожидать, что нѣкоторымъ людямъ удастся въ силу какихъ-либо исключительныхъ условій достигнуть высокой сравнительно степени способности управлять своими внутренними органами, и дѣйствительность подтверждаетъ это предположеніе. Въ литературѣ описано много подобныхъ случаевъ. Я напому нѣкоторые изъ нихъ, заимствуя ихъ изъ заслуживающаго довѣрія сочиненія Хэкъ Тьюка «Духъ и тѣло». Хэкъ Тьюкъ самъ изслѣдовалъ одного члена лондонскаго королевскаго общества Фокса, который обладалъ способностью усиленіемъ воли увеличить число ударовъ пульса на десять и даже двадцать ударовъ въ минуту. *При этомъ дыханіе у него вовсе не измѣнялось.* Онъ упоминаетъ также о полковникѣ Тоунсендѣ, обладавшемъ способностью вызывать у себя летаргію въ родѣ той, которая наблюдается у индійскихъ факировъ. При этомъ дыханіе и биеіе сердца у него, повидимому, совершенно прекращались. Нѣкоторые субъекты обладаютъ способностью произвольно вызывать у себя рвоту. Эразмъ Дарвинъ сообщаетъ объ одной особѣ, обладавшей способностью вызывать у себя усиленную перистальтику напряженіемъ воли. Вообще можно привести много случаевъ вліянія воображенія на перистальтику. Извѣстны случаи, когда больные завалами кишечника, которымъ собирались дать лѣкарство, видѣли во снѣ, будто они уже приняли лекарство, и этотъ сонъ излѣчивалъ ихъ. Нерѣдко въ больницахъ по ошибкѣ или нарочно давали такимъ больнымъ какое-нибудь индифферентное вещество, и оно приводило къ желаемымъ результатамъ. Одинъ господинъ, присутствовавшій при смерти своего друга, погибшаго отъ спазмодическаго суженія пищевода, былъ страшно пораженъ картиной его смерти, не могъ отдѣлаться отъ мысли о ней и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ той же болѣзни. Вообще, продолжительное сосредоточеніе вниманія на какой бы то ни было части тѣла сопровождается, какъ извѣстно, измѣненіями въ ней. Одинъ врачъ обладалъ способностью произвольно

вызывать боль въ какой угодно части своего тѣла: при этомъ въ органѣ, гдѣ онъ вызывалъ боль, увеличивалась пульсація сосудовъ. Здѣсь можно напомнить также о явленіяхъ стигматизма — о Луизѣ Лато и т. п. Многіе субъекты обладаютъ способностью произвольно расширять зрачокъ; впрочемъ это достигается, обыкновенно, черезчуръ окольнымъ путемъ, именно живымъ воспоминаніемъ о темнотѣ. Однако, докторъ Paxton обладалъ способностью расширять и суживать зрачокъ безъ этого искусственнаго приема. Въ заключеніе сошлюсь еще на проф. Тарханова, описавшаго нѣсколько случаевъ способности произвольно увеличивать количество біеній сердца.

Построенная нами гипотеза, что эмоція есть поступокъ, сдѣлается еще болѣе вѣроятною, если мы въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи пойдемъ по пути, указываемому ею, именно обратимся къ исторіи развитія поступковъ вообще. Къ сожалѣнію, по этому вопросу въ психологической литературѣ существуетъ лишь одно изслѣдованіе, сочиненіе Шнейдера *Der thierische Wille*, но и оно уже даетъ крайне цѣнныя указанія. Анализируя поступки всѣхъ животныхъ отъ одноклѣточныхъ до человѣка и слѣдя за возрастающею сложностью ихъ, Шнейдеръ приходитъ къ мысли, что всѣ движенія высшихъ животныхъ явились, какъ результатъ дифференціаціи двухъ первоначальныхъ движеній низшихъ организмовъ. Эти два первоначальныя движенія суть сокращеніе и расширеніе всего организма. Стремленіе къ сокращенію является у низшихъ организмовъ при встрѣчѣ съ чѣмъ-либо непріятнымъ, стремленіе къ расширенію при встрѣчѣ съ чѣмъ-либо пріятнымъ. Изъ первичнаго стремленія къ сокращенію развиваются всѣ движенія самозащиты, удаляющія насъ отъ вреднаго объекта, напр., всѣ движенія страха, а изъ стремленія къ расширенію развиваются всѣ движенія, сближающія насъ съ пріятнымъ объектомъ, напр., движенія при питаніи, половыхъ сношеніяхъ. Къ сожалѣнію, Шнейдеръ не воспользовался своимъ изслѣдованіемъ для

построенія теоріи эмоцій. Джемсъ ссылається на сочиненіе Шнейдера, но тоже мало примѣняетъ его для своей теоріи, вѣроятно, потому что вообще упускаетъ изъ виду волевой характеръ эмоцій. Удачнѣе воспользовался взглядами Шнейдера Фулье, который опредѣляетъ эмоціи почти такъ же, какъ онѣ опредѣлены въ этой статьѣ. Фулье говоритъ: «эмоціи въ концѣ концовъ суть инстинктивныя движенія воли, реагирующей подъ вліяніемъ удовольствія или страданія; эти движенія измѣняютъ, съ одной стороны, теченіе идей, а съ другой—сообщаются органамъ, которыми онѣ и выражаются во внѣ». Нужно только прибавить къ этому опредѣленію, что движенія органовъ входятъ въ составъ самой эмоціи въ томъ смыслѣ, что органическія ощущенія, порождаемыя ими, составляютъ, пожалуй, важнѣйшую часть эмоціи; быть можетъ они-то, благодаря своему ярко-выраженному чувственному тону, своей пріятности, или непріятности, и заставляютъ насъ смотрѣть на эмоціи, какъ на особую своеобразную группу душевныхъ явленій. Не обращая вниманія на этотъ пунктъ, Фулье даже черезчуръ подчеркиваетъ волевой характеръ эмоцій, и потому изслѣдованіе Шнейдера для него цѣнная находка. Изложивъ взгляды Шнейдера, онъ говоритъ: «Теперь разсмотримъ, какія состоянія чувствованія должны были соотвѣтствовать у первичныхъ животныхъ различнымъ видамъ общей дѣятельности, сопровождаясь общими движеніями расширенія и сокращенія. Мы получимъ два слѣдующихъ положенія: 1) съ приближеніемъ предмета благопріятнаго повышается общая дѣятельность выше нормальной; отсюда удовольствіе и движеніе общаго расширенія, которое и дѣлается выраженіемъ этого удовольствія; 2) съ приближеніемъ предмета вреднаго дѣятельность понижается ниже нормальной, а отсюда страданіе и общее сократительное движеніе, которое дѣлается выраженіемъ страданія. Слѣдя дальше за развитіемъ организмовъ, мы увидимъ, что внутреннее сократительное движеніе, совершенствуясь естественнымъ подборомъ,

приведетъ живой организмъ къ передвиженію всей своей массы въ пространствѣ, и это передвиженіе будетъ удалять организмъ отъ предмета; это движеніе и есть движеніе отклоненія, отвращенія, удаленія и бѣгства. Наоборотъ, расширительное движеніе, развиваясь, приведетъ организмъ къ перемѣщенію всѣмъ тѣломъ къ предмету пріятному; это движеніе склонности, стремленія и преслѣдованія. Такимъ образомъ получились два знака въ этомъ естественномъ языкѣ. Прибавьте теперь идею или представленіе о предметѣ, причиняющемъ страданіе или удовольствіе, и вы получите сознательное отвращеніе и сознательное желаніе. Таковы первичныя эмоціи съ ихъ общими тѣлесными движеніями, которыя выражаютъ ихъ въ первый моментъ. Мы можемъ сказать, противно Спенсеру, что если пріятное чувство выражается возбужденностью и повышеніемъ двигательной дѣятельности, то, наоборотъ, усиленность подавляющаго чувствованія тотчасъ выражается сокращеніемъ и пониженіемъ двигательной дѣятельности. Во время радостной эмоціи различныя органы, въ сущности, только воспроизводятъ съ своей стороны общія расширительныя движенія и помогаютъ имъ: черты лица расширяются, брови приподнимаются, ротъ раскрывается, вся фізіономія дѣлается, что называется, открытой, голосъ дѣлается громче, жесты дѣлаются многочисленнѣе и рѣзче» ¹⁾...

Опредѣляя эмоціи, какъ поступки, и принимая во вниманіе изложенныя мысли Шнейдера и Фулье, нельзя не согласиться съ Джемсомъ, что детальное изученіе эмоцій цѣликомъ должно основываться на исторіи развитія психической дѣятельности. Мало того, самый методъ этого изслѣдованія обрисовывается совершенно ясно. Этотъ методъ долженъ быть психо-фізіологическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, напр., что намъ предстоитъ изслѣдовать эмоцію страха. Съ точки зрѣнія изложенной гипетезы эта эмоція есть не что

¹⁾ Фулье, о выраженіи душевныхъ волненій, пер. Оболенскаго, стр. 70.

иное, какъ сознание о цѣломъ рядѣ такихъ поступковъ и рефлексовъ, какъ широкое раскрываніе глазъ и рта, задержка дыханія, съезживаніе всего тѣла и пригибаніе къ землѣ, ускореніе біенія сердца, сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ, отдѣленіе холоднаго пота, дрожаніе мускуловъ, подниманіе волосъ дыбомъ, наконецъ, учащеніе дыханія, прекращеніе слюноотдѣленія и т. д. Комплексъ органическихъ ощущеній, порождаемыхъ этими поступками и рефлексами, поддается анализу съ большимъ трудомъ. Поэтому, если мы сосредоточимъ вниманіе исключительно на психическомъ состояніи, мы опредѣлимъ лишь немногіе элементы страха, и вовсе не догадаемся, какъ они возникли. Для успѣшнаго анализа необходимо воспользоваться приборами физиологовъ, вродѣ плетисмографа, сфигмографа и т. д., и отмѣтить всѣ физическія проявленія страха. Далѣе, смотря на каждое изъ этихъ проявленій, какъ на инстинктивный поступокъ, основанный на стремленіи чего-либо достигнуть или избѣжать, поступокъ, приносившій пользу намъ или нашимъ предкамъ въ аналогичныхъ случаяхъ, мы должны будемъ произвести рядъ наблюденій надъ физическими реакціями низшихъ животныхъ на непріятные или вредные объекты, пока каждое изъ проявленій страха у человѣка не объяснится, т.-е. пока мы не найдемъ тѣ случаи, когда реакціи, бесполезныя для человѣка, были полезны для другихъ животныхъ и упрочились настолько, что сохранились въ формѣ инстинктивнаго акта у человѣка.

Такое детальное изслѣдованіе каждой тѣлесной реакціи покажетъ зависимость между ними и дастъ, слѣдовательно, матеріалъ для окончательнаго рѣшенія разногласія между Джемсомъ и Ланге, который одновременно съ Джемсомъ построилъ по существу однородную теорію эмоцій. Ланге утверждаетъ, что эмоція есть комплексъ органическихъ ощущеній, происходящихъ отъ сокращеній произвольныхъ мышцъ, непроизвольныхъ мышцъ и вазомоторовъ, но въ отличіе отъ Джемса онъ считаетъ эти три элемента неравноцѣнными, именно

думаетъ, что первичною причиною эмоціи служатъ измѣненія въ вазомоторахъ, которыя влекутъ за собою рядъ сокращеній или расслабленій въ остальныхъ гладкихъ и въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ. Очевидно, теорія Ланге болѣе узка, чѣмъ теорія Джемса; она заключаетъ въ себѣ съ трудомъ доказуемое добавочное предположеніе о порядкѣ тѣлесныхъ реакцій, предположеніе сомнительное и въ то же время заставляющее насъ отказаться отъ хорошо обоснованной мысли Дарвина, что множество эмоціональныхъ реакцій объясняются началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Къ тому же самъ Ланге признаетъ необоснованною какъ разъ ту часть своего добавочнаго предположенія, которую всего легче было бы отстаивать, именно утвержденіе, что измѣненія въ гладкихъ мышцахъ обусловлены измѣненіями въ вазомоторахъ. Въ примѣчаніи 20 къ своему сочиненію «Аффекты» онъ говоритъ: «Мы до сихъ поръ противопоставляли сосудодвигательную функцію остальной нервной дѣятельности, главнымъ образомъ, ради упрощенія дѣла; при этомъ впрочемъ не забывали, что въ вопросѣ о первичныхъ проявленіяхъ аффектовъ, пожалуй, можно бы было допустить и то, что сосудодвигательный аппаратъ оказывается тутъ вообще только частью произвольнаго нервно-мышечнаго аппарата и что этотъ именно послѣдній противопоставляется въ аффектахъ, какъ первично-пораженный, такъ что, напримѣръ, и расстройства въ движеніяхъ пузыря и кишекъ слѣдовало бы считать первичными». Итакъ, теорія Ланге сомнительна именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она отличается отъ теоріи Джемса, и кромѣ того, конечно, въ тѣхъ, гдѣ сама теорія Джемса оказывается неполною.

2. Опредѣленіе эмоціи.

Теперь мы можемъ заняться окончательнымъ опредѣленіемъ понятія эмоціи, именно опредѣленіемъ отдѣла и класса, къ которому относятся эти поступки.

Поступки бываютъ инстинктивными или предумышленными. Инстинктивный поступокъ складывается изъ реакцій безотчетныхъ (не сопровождающихся представленіемъ о цѣлесообразности ихъ и цѣли), но въ то же время цѣлесообразныхъ и врожденныхъ, т.-е. возникшихъ на почвѣ опыта предковъ. Такъ какъ гнѣвъ, радость, страхъ, отвращеніе складываются изъ актовъ, которые не сопровождаются представленіемъ о достигаемомъ ими результатѣ и врождены (усиленіе или задержка дыханія, перемѣны въ біеніи сердца, широкое раскрываніе глазъ и т. п.), то эти простые волевые поступки можно назвать инстинктивными.

Отъ другихъ инстинктивныхъ поступковъ, наприм., осенняго перелета птицъ, постройки гнѣзда и т. п. эмоціи отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что состоятъ главнымъ образомъ изъ самыхъ примитивныхъ актовъ, именно изъ внутренностныхъ реакцій, и въ этомъ состоитъ ихъ главная отличительная особенность. Во-вторыхъ, многіе изъ актовъ, входящихъ въ эмоціи, отличаются рудиментарнымъ характеромъ. Таковы въ особенности мимическія и пантомимическія проявленія эмоцій, оскаливаніе клыка, топаніе ногой, улыбка и т. п. Это, собственно, не поступки, а недоразвитые зачатки поступковъ. Весьма вѣроятно, что и внутренностныя эмоціональныя реакціи отличаются такимъ же характеромъ, такъ какъ онѣ возникли раньше остальныхъ, и вслѣдствіе измѣнившихся условій однѣ изъ нихъ должны были видоизмѣниться, а другія, сдѣлавшись нецѣлесообразными, должны постепенно вымирать. Однако эту догадку можно будетъ провѣрить лишь тогда, когда внутренностныя эмоціональныя реакціи подвергнутся изслѣдованію съ указанной точки зрѣнія и будутъ сравнены съ соотвѣтствующими реакціями низшихъ животныхъ.

Въ-третьихъ, нѣкоторые элементы эмоціональной реакціи могутъ возникать чисто рефлекторнымъ путемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эмоція вызвана очень простымъ внѣшнимъ раздражителемъ (таковы, наприм.,

нѣкоторые элементы испуга отъ неожиданнаго шума). Рефлекторныя реакціи могутъ возникнуть также, какъ производное явленіе, вызванное инстинктивными реакціями. Такъ, наприм., объясняетъ Дарвинъ слезы: онъ полагаетъ, что крики страдающаго человѣка являются причиною переполненія кровью сосудовъ глаза; для защиты тканей глаза отъ возможнаго разрыва сосудовъ является сильное сокращеніе круговой мышцы глаза, а непріятное раздраженіе глаза отъ переполненія его кровью и сильнаго сокращенія мышцы служитъ причиною рефлекторнаго отдѣленія слезъ. Съ этимъ объясненіемъ причины слезъ, повидимому, нельзя согласиться (Вундтъ), но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что нѣкоторые элементы эмоціональной реакціи могутъ возникнуть такимъ путемъ.

Итакъ, эмоція есть отчасти рудиментарный инстинктивный волевой или психо-рефлекторный поступокъ («мой» или «во мнѣ»), заключающій въ себѣ большое количество внутренностныхъ реакцій, въ числѣ которыхъ могутъ быть также реакціи, возникшія чисто рефлекторнымъ путемъ. Изъ этого опредѣленія видно, что, кромѣ типичныхъ эмоцій, должны существовать еще психическія состоянія, составляющія переходную ступень между эмоціями и сложными рефлексамъ, а также состоянія противоположныя, заключающія въ себѣ очень мало внутренностныхъ реакцій, складывающіяся главнымъ образомъ изъ инстинктивныхъ актовъ произвольной мускулатуры и потому приближающіяся по характеру къ другимъ видамъ инстинктивныхъ поступковъ. Переходныя состоянія перваго рода отличаются отъ типичныхъ эмоцій тѣмъ, что имѣютъ слишкомъ пассивный характеръ, сводятся главнымъ образомъ къ воспріятію органическихъ ощущеній, возникшихъ благодаря рефлексамъ. Къ этому разряду относятся простѣйшія формы печали и нѣкоторыя простѣйшія эмоціи, о которыхъ мы поговоримъ ниже, называя ихъ эмоціями недовольства и довольства. Переходныя состоянія второго рода отличаются отъ типичныхъ эмоцій слишкомъ

ясно выраженной активностью и опознанными реакциями.

Надобно замѣтить, что къ каждой эмоціи навѣрное примѣшивается еще одинъ элементъ пассивнаго характера, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали, именно воспоминаніе о прежнихъ эмоціяхъ того же рода. Быть можетъ, присутствіе этихъ воспоминаній, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они предваряютъ возникновеніе настоящей эмоціи, заставляетъ противниковъ Джемса утверждать, что тѣлесной реакціи предшествуетъ центральное состояніе, уже составляющее эмоцію. Возможны также случаи, когда раздраженіе почему-либо не можетъ вызвать въ насъ настоящей эмоціи, т. е. тѣлесной реакціи, а порождаетъ лишь воспоминанія объ эмоціяхъ, пережитыхъ нами прежде въ аналогичныхъ случаяхъ. Наблюдая въ себѣ такія состоянія, мы можемъ ошибочно придти къ выводу, что теорія Джемса не включаетъ въ себѣ ни одного элемента истины, и этотъ выводъ будетъ такъ же ошибоченъ, какъ если бы мы утверждали, что зрительные образы не зависятъ отъ раздраженій на периферіи, такъ какъ мы можемъ, закрывши глаза, представлять себѣ домъ, лошадь и т. п.

Примѣсь воспоминаній и возможная полная замѣна эмоціи воспоминаніями лишаетъ насъ надежды, что споръ о происхожденіи эмоціи можетъ быть рѣшенъ легко экспериментальнымъ методомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже и удалось найти много случаевъ, когда испытуемый субъектъ переживаетъ эмоцію, а на периферіи тѣла не происходитъ при этомъ замѣтныхъ измѣненій, защитники теоріи Джемса и гипотезы, изложенной въ этой главѣ, могутъ утверждать, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ эмоціею, а съ воспоминаніемъ объ эмоціи.

Разсматривая опредѣленіе эмоцій, данное въ этой главѣ, мы можемъ кратко выразить отличіе нашей точки зрѣнія отъ теоріи Джемса такимъ образомъ: теорія Джемса имѣетъ *сенсуалистическій* характеръ, а

дополненія къ ней, сдѣланныя нами, превращаютъ ее въ *волюнтаристическую*. Благодаря этому превращенію утвержденія Джемса сохраняются, отпадаютъ только его отрицанія.

3. Выводы изъ волюнтаристическаго ученія объ эмоціяхъ.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшему выводу, который можно сдѣлать изъ ученія объ эмоціяхъ, какъ инстинктивныхъ поступкахъ,—выводу, подробное изложеніе котораго нужно особенно потому, что онъ устраняетъ нѣкоторыя недоумѣнія, вызываемыя теоріею Джемса.

Съ точки зрѣнія изложенной теоріи мѣсто, занимаемое эмоціями среди психическихъ явленій, мѣняется. Прежде онѣ выдѣлялись въ особый основной отдѣлъ, а теперь должны войти въ отдѣлъ инстинктовъ. Однако не весь прежній отдѣлъ эмоцій войдетъ сюда. Такъ какъ эмоціи относятся къ числу душевныхъ явленій, съ трудомъ поддающихся анализу и легко сливающихся съ другими душевными состояніями, то а priori слѣдуетъ предполагать, что отдѣлъ эмоцій въ психологіи былъ сборный; въ него навѣрное включено много явленій, не подходящихъ подъ построенную Джемсомъ теорію. Намъ предстоитъ исключить такія психическія состоянія изъ отдѣла эмоцій и сохранить это названіе лишь за состояніями, въ родѣ страха, гнѣва, печали и т. д., которыя подходятъ подъ данное опредѣленіе эмоціи. Конечно, можетъ оказаться, что кто-нибудь захотѣлъ бы за исключаемыми состояніями сохранить названіе эмоцій, а разсматриваемыя психическія явленія окрестить другимъ какимъ-либо именемъ. Но это все равно, дѣло не въ названіи, а въ томъ, можно ли признать традиционный отдѣлъ эмоцій состоящимъ изъ однородныхъ явленій или же его слѣдуетъ разбить на нѣсколько группъ, такъ какъ въ немъ свалены въ кучу разнородныя явленія.

Прежде всего на основаніи опредѣленія эмоціи, какъ

инстинктивнаго поступка, изъ этого отдѣла нужно исключить удовольствіе и страданіе, такъ какъ удовольствіе и страданіе суть вовсе не акты, а элементы всякаго волевого акта. Между тѣмъ въ психологіи широко распространено мнѣніе, что эмоціи суть модификаціи удовольствія и страданія. Если эмоціи состоятъ главнымъ образомъ изъ органическихъ ощущеній, то не трудно понять, какимъ образомъ возникло это ученіе. Чувственный тонъ ощущеній по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ ощущеній высшихъ чувствъ (зрѣнія, слуха) къ низшимъ (вкусу, обонянію), все возрастаетъ и становится менѣе отдѣлимымъ отъ качества ощущенія, такъ что уже запахи мы склонны дѣлить прежде всего на пріятные и непріятные. Органическія ощущенія голода, жажды, дыханія, изъ которыхъ состоятъ эмоціи, еще менѣе дифференцированы, и въ нихъ еще сильнѣе выступаетъ на первый планъ интенсивный чувственный тонъ. Поэтому мы прежде всего дѣлимъ эмоціи на пріятныя и непріятныя, и даже ничего кромѣ пріятности и непріятности въ нихъ не замѣчаемъ. Согласно этому нужно было бы думать, напр., что страхъ и зависть суть разныя формы непріятности, какъ непріятности. На самомъ же дѣлѣ эти состоянія различаются другъ отъ друга тѣмъ, что складываются изъ разныхъ актовъ и, слѣдовательно, разныхъ органическихъ ощущеній, которыя всѣ въ данномъ случаѣ сходны лишь въ томъ, что непріятны; слѣдовательно, считая ихъ модификаціями страданія, мы пытаемся различать ихъ какъ разъ на основаніи того признака, который въ нихъ одинаковъ. Ошибку эту можно пояснить такою аналогіею: каждое ощущеніе высшихъ чувствъ обладаетъ чувственнымъ тономъ, бываетъ пріятнымъ или непріятнымъ; если считать эмоціи модификаціями удовольствія и страданія, то необходимо и зрительныя и т. п. ощущенія считать модификаціями удовольствія и страданія.

Кромѣ указанной, есть еще одна, пожалуй, болѣе важная причина того, что многіе психологи отоже-

ствляютъ удовольствіе и страданіе съ эмоціями. А ргіогі нужно предполагать, что такіе важные для насъ оттѣнки состояній сознанія, какъ удовольствіе или страданіе, влекутъ за собою по привычкѣ, унаслѣдованной отъ самыхъ первоначальныхъ предковъ, рядъ инстинктивныхъ актовъ, имѣвшихъ цѣлью у этихъ предковъ какъ можно лучше воспользоваться пріятнымъ объектомъ или освободиться отъ непріятнаго. Эти инстинктивные акты, вызываемые непосредственно всякимъ или почти всякимъ удовольствіемъ или неудовольствіемъ, должны быть эмоціями, и при томъ самыми примитивными, онѣ должны главнымъ образомъ сводиться къ сокращенію и расширенію организма. Наконецъ, эти эмоціи должны состоять изъ реакцій примитивныхъ до такой степени, что многія изъ нихъ нужно отнести къ числу рефлексовъ, а не инстинктивныхъ поступковъ. Назовемъ эти а ргіогі допускаемыя нами эмоціи *довольствомъ* и *недовольствомъ* и посмотримъ, каковы онѣ въ дѣйствительности. Если человѣкъ ударится очень болѣзненнымъ мозодемъ о что-либо твердое, то болѣзненное ощущеніе удара едва успѣетъ дойти до сознанія, какъ уже явится рядъ реакцій во всемъ организмѣ, хорошо изслѣдованныхъ Моссо, Гейденгаймомъ, Леманномъ и др. Дѣятельность сердца замедляется и становится неправильною, ритмъ дыханія дѣлается неправильнымъ, количество выдѣляемой углекислоты уменьшается, слѣдовательно, горѣніе замедляется, температура тѣла понижается. Сначала можетъ явиться нѣсколько энергичныхъ движеній руками и ногами подъ вліяніемъ эмоціи гнѣва, ярости и т. п., но потомъ все время, пока существуютъ болевья ощущенія въ ногѣ, замѣтна склонность сокращать движенія, сидѣть или даже идти какъ-то съезжившись. Реакціи, слѣдующія за первымъ ощущеніемъ боли, вѣроятно, приносятъ пользу низшимъ организмамъ, для которыхъ единственнымъ способомъ спастись отъ непріятнаго объекта было сокращеніе организма и замираніе его дѣятельности на время, но для насъ эти реакціи, навѣрное,

во многихъ случаяхъ только вредны: онѣ не избавляютъ насъ отъ причиняющаго страданіе объекта, а только производятъ новое, бесполезное страданіе, происходящее отъ разстройства нормальной дѣятельности организма. Осложняясь этими добавочными неприятными ощущеніями, первоначальный неприятный чувственный тонъ ощущенія боли ¹⁾, иногда сравнительно незначительный, можетъ возрасти до крайнихъ предѣловъ. Такъ какъ первоначальное неприятное ощущеніе боли и описанныя реакціи сливаются въ одно цѣлое, съ трудомъ поддающееся анализу, то психологіи и физиологіи, обыкновенно, не раздѣляютъ этихъ двухъ моментовъ и считаютъ неприятный чувственный тонъ и эмоцію, слѣдующую за нимъ, лишь различными степенями одного и того же психическаго состоянія, которое можно назвать родовымъ именемъ неудовольствія. На самомъ дѣлѣ изъ предыдущаго видно, что въ описанномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чувствомъ неудовольствія, страданія и вслѣдъ за тѣмъ съ эмоціею-поступкомъ, которая состоитъ изъ ряда органическихъ ощущеній, въ свою очередь опять сопровождающихся чувствомъ страданія, и вмѣсто того, чтобы облегчить наше положеніе, только ухудшаетъ его, подобно эмоціи страха. Это можно подтвердить слѣдующимъ опытомъ. Какъ только явится описанная реакція, можно постараться овладѣть собою, особенно овладѣть дыханіемъ, такимъ образомъ повліять также на сердце и сосуды и расправить свои съезженные члены; при этомъ допускаемая нами примитивная эмоція недовольства начинаетъ слабѣть, остается лишь неприятный чувственный тонъ боли, исходящій лишь отъ дѣйствительно пораженнаго органа, и страданіе оказывается не такимъ значительнымъ, какъ это было тогда, когда оно осложнялось эмоціею недовольства. Быть можетъ, нѣкоторыя хроническія болѣзни оказы-

¹⁾ Если вслѣдъ за Вундтомъ считать боль не чувственнымъ тономъ, а особымъ ощущеніемъ, всегда сопровождающимся неприятнымъ чувственнымъ тономъ.

ваются тягостными и разрушительными для организма не столько вслѣдствіе важности пораженія, сколько вслѣдствіе возникновенія описанной примитивнѣйшей изъ эмоцій. Въ такомъ случаѣ важнымъ средствомъ противъ болѣзни была бы психическая дисциплина, стараніе больного овладѣть собою, не обращать вниманія на непріятность боли. Врачи могли бы сдѣлать интересныя наблюденія, подтверждающія или опровергающія предположеніе, что типичная внѣшняя картина страданія есть картина примитивной эмоціи, возникшей по поводу чувства неудовольствія. Если предыдущія разсужденія вѣрны, то эмоціональныя натуры, въ особенности склонныя къ эмоціямъ печали, ненависти, гнѣва, должны при равныхъ условіяхъ испытывать болѣе тяжелыя страданія и хуже переносить болѣзни, чѣмъ люди, владѣющіе собою, не склонныя къ инстинктивнымъ реакціямъ. Впрочемъ, производя эти наблюденія, можно легко натолкнуться на кажущіяся противорѣчія, напр., смѣшать самообладаніе съ природной нечувствительностью или нечувствительностью, явившеюся вслѣдствіе упадка организма.

Совершенно тѣ же разсужденія можно повторить, анализируя состоянія удовольствія. Большинство этихъ состояній сложны. Они складываются изъ чувства удовольствія и тотчасъ же слѣдующей за ними чрезвычайно примитивной эмоціи довольства (радости), складывающейся изъ тѣлесныхъ реакцій, для насъ отчасти бесполезныхъ, но приносившихъ, вѣроятно, большую пользу нашимъ отдаленнымъ предкамъ. У ребенка, положившаго въ ротъ вкусную конфету, вслѣдъ за пріятнымъ ощущеніемъ сладости является усиленное біеніе сердца, расширеніе сосудовъ, блескъ глазъ, болѣе интенсивное дыханіе, и оживленная мускульная дѣятельность. Всѣ эти реакціи влекутъ за собой рядъ пріятныхъ органическихъ ощущеній, которыя сливаются съ первоначальнымъ удовольствіемъ отъ сладкаго вкуса и значительно повышаютъ это удовольствіе. Само собою разумѣется, эта эмоція довольства полезна и для

человѣческаго организма, но не въ томъ смыслѣ, что она упорочиваетъ за нимъ обладаніе пріятнымъ объектомъ, а въ томъ смыслѣ, что она есть повышение жизнедѣятельности.

Существованіе этихъ двухъ эмоцій прекрасно подтверждается экспериментальнымъ изслѣдованіемъ Леманна о чувственномъ тонѣ ощущеній. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. «Простыя ощущенія, обладающія пріятнымъ чувственнымъ тономъ, сопровождаются расширеніемъ сосудовъ и, можетъ быть, также увеличеніемъ объема сокращеній сердца въ связи съ повышеніемъ иннервации произвольныхъ мускуловъ, въ особенности мускуловъ, дѣйствующихъ при дыханіи» ¹⁾. «Всякое раздраженіе, вызывающее неудовольствіе, производитъ въ первый моментъ сокращеніе сосудовъ на поверхности тѣла, сокращеніе ихъ внутри и уменьшеніе объема сокращеній сердца. Два первыхъ фактора производятъ внезапное и нерѣдко сильное уменьшеніе объема членовъ, а два послѣднихъ фактора производятъ уменьшеніе высоты пульсовой волны, и въ то же время уменьшенный объемъ сердечныхъ сокращеній является причиною застоя венозной крови, который выражается въ наступающемъ вскорѣ увеличеніи объема органовъ. Это увеличеніе объема возрастаетъ далѣе, такъ какъ за сокращеніемъ сосудовъ слѣдуетъ расширеніе ихъ, и сосуды внутри тѣла возвращаются къ прежнему своему тону» ²⁾.

Примитивныя эмоціи довольства и недовольства такъ быстро и часто слѣдуютъ за всевозможными состояніями удовольствія и страданія, что психофизиологи или не различаютъ двухъ этихъ моментовъ, или же, что еще хуже, отождествляютъ удовольствіе и страданіе съ эмоціями довольства и недовольства, потому что страданіе и удовольствіе сильно повышаются тогда, когда являются эти эмоціи. Такимъ образомъ искажается и

¹⁾ Lehmann. Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 91.

ученіе объ удовольствіи и неудовольствіи и ученіе объ эмоціяхъ. Искаженіе это, несмотря на всю его громадность, трудно замѣтить и даже трудно подобрать слова для указанія его, потому что, говоря о пріятности и непріятности, мы тотчасъ же даже и въ томъ случаѣ, когда говоримъ о чувственномъ тонѣ ощущеній, присоединяемъ къ этому простому отгѣнку состояній сознанія цѣлую эмоцію довольства или недовольства.

Теперь мы можемъ разобрать возраженіе Вундта противъ теоріи Джемса, затрогивающее и развитіе въ этой статьѣ взгляды. Вундтъ говоритъ, что эмоція начинается съ простаго первоначальнаго чувствованія, имѣющаго субъективный характеръ въ отличіе отъ объективнаго характера ощущеній (поэтому онъ считаетъ чувство реакціе апперцепціи), а вслѣдъ за нимъ уже является тѣлесная реакція, дающая органическія ощущенія, чувственные тона которыхъ присоединяются къ первоначальному чувствованію и вмѣстѣ съ нимъ образуютъ эмоцію. Первоначальное чувствованіе, о которомъ говоритъ Вундтъ, есть непосредственное чувствованіе пріятности или непріятности объекта. Очевидно, что описаніе хода душевныхъ процессовъ, слѣдующихъ за воспріятіемъ, и ихъ состава, у Вундта не отличается отъ взглядовъ, развитыхъ въ этой статьѣ. Разница лишь въ словахъ: Вундтъ называетъ словомъ эмоція первоначальное чувствованіе вмѣстѣ съ чувственными тонами органическихъ ощущеній тѣлесной реакціи, мы же называемъ этимъ словомъ все то, что слѣдуетъ за первоначальнымъ чувствованіемъ, т. е. неясное стремленіе избѣжать непріятнаго или привлечь пріятное (существованіе его Вундтъ отчасти долженъ допускать, такъ какъ часть эмоціональной реакціи онъ относитъ къ числу *Triebbewegungen*) и *органическія ощущенія* тѣлесной реакціи съ ихъ чувственными тонами. Обычное словоупотребленіе въ этомъ случаѣ скорѣе на нашей сторонѣ, такъ какъ подъ словами гнѣвъ, страхъ разумѣются такія состоянія, въ которыя входятъ и самыя ощущенія отъ поднятія волосъ дыбомъ, отъ усиленной

перистальтики, а не только чувственные тона этих ощущений. Наконецъ, слово эмоція происходитъ отъ глагола *movege* (двигать) и потому также удобнѣе применять его ко всему комплексу состояній, которыя вызываются тѣлесною реакціею, а не къ одному чувственному тону.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Характеры.

I. Существенныя черты характера.

Общая психологія занимается преимущественно изученіемъ общихъ законовъ психической жизни, т.-е. законовъ, которымъ подчиняются психическіе процессы всякой человѣческой индивидуальности. Между тѣмъ намъ уже извѣстно, что всякое психическое состояніе есть *реакція* *человѣческой индивидуальности* и, какъ таковая, носитъ на себѣ отпечатокъ ея особенностей. Слѣдовательно, если мы хотимъ подойти къ самой жизни, намъ необходимо изучить различныя формы индивидуальностей, познакомиться съ характерами человѣческихъ я.

Подъ характеромъ мы будемъ разумѣть *всю совокупность особенностей* данной личности, *отличающую* ее отъ другихъ личностей. Слѣдовательно, въ понятіе характера могутъ входить всѣ свойства, не составляющія содержанія общаго понятія личности, т.-е. и такіе сравнительно важные признаки, какъ противорѣчивость или, наоборотъ, гармоничность стремленій, постоянство и непостоянство ихъ, честолюбивыя стремленія или полное забвеніе себя ради сверхличныхъ интересовъ, и такія мелочи, какъ привычка черезъ каждыя три слова говорить «именно», умѣніе дѣлать пѣгушковъ изъ бумаги и т. п. Само собою разумѣется, изучая характеръ, угнаться за всѣми мелочами нельзя, да это и не тре-

буется: среди свойствъ личности интересны, конечно, прежде всего существенныя свойства, т.-е. тѣ свойства, изъ которыхъ вытекаетъ множество слѣдствій, тѣ, которыми преимущественно окрашена жизнь личности. Здѣсь поднимается важнѣйшій для всей характерологіи вопросъ: какія свойства личности слѣдуетъ признать существенными? Мы не будемъ тратить много времени на изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ онъ уже почти рѣшенъ раньше. Отвѣтъ на него заключается въ ученіи о я. *Я есть субстанція, непосредственно сознающая всѣ свои состоянія, какъ свои акты.* Субстанціальныи характеръ я, именно единство его состояній и активность, обусловливаются стремленіями, которыя образуютъ связанную активную систему. Слѣдовательно, стремленія составляютъ самый важный элементъ душевной жизни; перечислить всѣ стремленія, встречающіяся въ данномъ я, это значитъ обрисовать все направленіе душевной жизни этого я. Но, какъ уже извѣстно, стремленія не равноцѣнны: одни изъ нихъ относятся къ другимъ, какъ средство къ цѣли, одни оказываются произвольными, а другія первоначальными. Чтобы узнать самыя существенныя черты личности, тѣ двигатели, которыми опредѣляется вся ея жизнь, нужно опредѣлить, какія стремленія для нея первоначальны, какія цѣли имѣютъ для нея самодовлѣющее значеніе. Узнать такія самодовлѣющія цѣли данной личности, это значитъ опредѣлить, *чѣмъ живѣтъ человѣкъ*

Опредѣленіе самодовлѣющихъ цѣлей изучаемой личности, конечно, не можетъ основываться на одномъ самонаблюденіи этой личности, или на показаніяхъ ея. Самонаблюденіе только въ простѣйшихъ случаяхъ безошибочно показываетъ, какіе мотивы руководятъ нашими дѣйствіями. Для того, чтобы съ увѣренностью опредѣлить, что для насъ есть лишь средство, и что составляетъ безусловную цѣль, нужно наблюдать всю совокупность поведенія и всю совокупность чувствованій и настроеній. Если скупой человѣкъ копитъ имущество и увѣряетъ, что деньги для него лишь средство

хорошо воспитать дѣтей, то, можетъ быть, онъ искренно вѣрить въ это, но изслѣдователь не согласится съ нимъ, когда замѣтитъ, что въ случаяхъ столкновенія денежныхъ интересовъ съ интересами дѣтей онъ всегда отдаетъ предпочтеніе первымъ. Если какой-нибудь благотворитель расходуетъ много средствъ на бѣдныхъ, но занимается филантропическою дѣятельностью только въ тѣхъ случаяхъ, когда она можетъ привлечь къ нему вниманіе общества, когда о ней говорятъ въ газетахъ и т. п., то, вѣроятно, благотворительность служитъ ему лишь средствомъ тѣшить свое тщеславіе.

Положеніе изслѣдователя особенно затрудняется тѣмъ, что буквально почти всякая дѣятельность можетъ быть самодовлѣющею для однихъ людей, а для другихъ средствомъ, и при томъ средствомъ для разныхъ цѣлей, начиная съ самыхъ возвышенныхъ и кончая самыми ничтожными. Спортъ, катанье на конькахъ, гребля, бѣгъ на лыжахъ, можетъ быть для однихъ людей самодовлѣющею цѣлью; другимъ онъ доставляетъ удовольствіе, поскольку ихъ я выдвигается при этомъ изъ ряда другихъ я; третьимъ эти упражненія служатъ средствомъ поддерживать бодрость тѣла, необходимую для умственной дѣятельности, для занятій искусствомъ и т. п. Въ особенности трудно бываетъ опредѣлить даже и самому дѣйствующему лицу зависимость своихъ поступковъ отъ чисто личныхъ мотивовъ, отъ честолюбія, тщеславія, властолюбія и т. п. И это не удивительно: личность, какъ цѣлое, съ трудомъ доступна опознанію, а потому и стремленія, исходящія изъ я, какъ самостоятельнаго цѣлага, противостоящаго другимъ я, должны опознаваться съ трудомъ ¹⁾.

Анализъ еще болѣе затрудняется тѣмъ, что въ очень многихъ случаяхъ средство для достиженія какой-нибудь самодовлѣющей цѣли въ свою очередь само бываетъ самодовлѣющею цѣлью. Сальери, какъ его ри-

¹⁾ См. гл. V. Личность. Самосознаніе и самопознаніе.

суетъ Пушкинъ въ пьесѣ «Моцартъ и Сальери», страстно любить искусство. Онъ говоритъ:

Родился я съ любовью къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли.

Онъ рассказываетъ объ упорномъ трудѣ и лишеніяхъ, перенесенныхъ имъ для искусства:

Нерѣдко просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!.

Несомнѣнно онъ любитъ искусство, оно для него само-довлѣющая цѣль. Однако онъ еще сильнѣе любитъ себя, онъ страстно ищетъ славы и пользуется музыкою, какъ средствомъ для достиженія славы, для удовлетворенія честолюбія. Это видно изъ того, что онъ завидуетъ Моцарту и убиваетъ его. Если бы онъ дорожилъ интересами самого искусства болѣе, чѣмъ собою, онъ въ такой же мѣрѣ цѣнилъ бы и великаго творца любимыхъ имъ художественныхъ произведеній.

II. Основы классификаціи характеровъ.

Всякая классификація должна устанавливать такія группы, чтобы объекты, отнесенные въ одинъ и тотъ же классъ, отличались свойствами, влекущими за собою множество слѣдствій; только такіе классы могутъ быть полезными въ наукѣ; наблюденія надъ такими *естественными* группами оказываются не безплодными и какъ бы сами собою наталкиваютъ на множество индуктивныхъ обобщеній. Что касается человѣческихъ личностей, такими существенными свойствами оказываются первоначальныя самодовлѣющія стремленія. Слѣдовательно, основное подраздѣленіе характеровъ должно

опираться на различія между первоначальными самодовлѣющими цѣлями, присущими различнымъ я. Чтобы построить такую классификацію, нужно сопоставить всевозможныя первоначальныя стремленія и найти существенныя различія между ними. Конечно, и эта задача можетъ быть рѣшена не иначе, какъ на основаніи изложенной выше теоріи личности и ученія о структурѣ индивидуальнаго сознанія, къ которымъ мы и обратимся теперь.

Всякое индивидуальное сознаніе есть результатъ *кооперации множества я*: въ душевной жизни человѣка нельзя найти ни одного состоянія, которое не заключало бы въ себѣ «данныхъ» элементовъ, а вѣдь всѣ «данные» элементы суть состоянія сознанія какихъ-то другихъ я. Такимъ образомъ душевная жизнь каждаго человѣка образуетъ сплошную связаную систему «моихъ» состояній, въ которую *вкраплены* отрывки состояній другихъ я. Къ числу этихъ «данныхъ» состояній относятся всѣ *простѣйшіе* элементы душевной жизни: ощущенія, все сознаніе физической жизни организма, простѣйшія эмоціи, всевозможныя физическія стремленія во мнѣ съ соответствующими имъ поступками и т. п.; къ числу «данныхъ» состояній относятся также и всѣ *сложнѣйшія*, высочайшія проявленія душевной жизни, интуитивныя творческія концепціи въ моментъ вдохновенія, въ моментъ какъ бы наитія свыше, прослѣживаніе *объективныхъ связей* между явленіями при научномъ изслѣдованіи ихъ или вообще всякомъ объективномъ познаніи ихъ, эстетическое созерцаніе *внутренней* гармоніи объективнаго міра, религіозное созерцаніе Бога и полная преданность волѣ его и т. п.; «мон» дѣятельности оказываются такимъ образомъ средними по достоинству и сложности. Низшія «данныя» состоянія объясняются дѣятельностью тѣла, а высшія, напр., сознаніе объективныхъ связей между явленіями, чувствованіе объективности, сознаніе внутренней гармоніи или дисгармоніи объективнаго міра и т. п. суть интуіціи, выходящія за предѣлы человѣческаго тѣла,

за предѣлы какъ духовнаго, такъ и физическаго индивидуума; въ этомъ смыслѣ ихъ можно назвать сверхличными состояніями. Среди «данныхъ» высшихъ и низшихъ состояній чрезвычайно часто встрѣчаются также и «стремленія во мнѣ», физическія, напр., во время жажды, голода, усталости и т. п., и сверхличныя, напр., въ чувствѣ состраданія, когда чужое страданіе и желаніе избавиться отъ него переживается съ большою живостью, въ чувствѣ долга или религіозномъ чувствѣ, когда человѣку кажется, что стремленія, которымъ онъ слѣдуетъ, принадлежатъ не ему, а какой-то высшей волѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ «мои» поступки могутъ быть подраздѣлены на три категоріи: во-первыхъ, поступки, обусловленные «моими» стремленіями, во-вторыхъ, поступки, обусловленные физическими стремленіями и присоединившимися къ нимъ «моими» стремленіями, и, въ-третьихъ, поступки, обусловленные сверхличными стремленіями и присоединившимися къ нимъ «моими» стремленіями. Этими категоріями поступковъ обусловливаются характерныя различія между людьми: въ душевной жизни однихъ преобладаютъ «физическіе» данные элементы и поступки, обусловленные прямо или косвенно физическими «данными» стремленіями, въ жизни другихъ преобладаютъ «мои» элементы и поступки, обусловленные исключительно «моими» стремленіями, у третьихъ преобладаютъ сверхличные «данные» элементы и поступки, прямо или косвенно обусловленные сверхличными «данными» стремленіями.

Преобладаніе однихъ элементовъ надъ другими обнаруживается въ преобладаніи соответствующихъ стремленій. Такія преобладающія стремленія относятся къ числу первоначальныхъ стремленій, и при томъ въ этой группѣ они бываютъ наиболѣе интенсивными. Характерный признакъ большей интенсивности стремленія заключается въ томъ, что въ случаѣ столкновенія его съ другими стремленіями они отступаютъ на задній планъ или вовсе отмѣняются. Сильное развитіе стремленія и степени этого развитія обнаруживаются еще и

въ томъ, что самые ничтожные отдаленные поводы содѣйствуютъ возникновенію преобладающаго стремленія; еще большее развитіе стремленія слѣдуетъ предполагать въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ не удовлетворяется одними встрѣчающимися безъ его содѣйствія поводами для осуществленія стремленія, но и самъ создаетъ эти поводы; напр., среди любителей музыки есть люди, съ удовольствіемъ слушающіе музыку, когда самъ собою представится случай къ этому, и есть другіе люди, у которыхъ потребность наслаждаться музыкою такъ сильна, что они не удовлетворяются случайностями, а затрачиваютъ много труда, чтобы достать билетъ въ какой-нибудь концертъ, убѣдить кого-либо изъ знакомыхъ сыграть пьесу и т. п. Еще болѣе высокая степень интенсивности стремленія обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ затрачиваетъ много труда на создаваніе обстановки, необходимой для осуществленія стремленія, даже и въ томъ случаѣ, если при этомъ ему приходится сталкиваться со многими другими своими стремленіями и жертвовать ими. Подобное изслѣдованіе свойствъ стремленій и ихъ зависимости другъ отъ друга дастъ со временемъ много средствъ для опредѣленія относительной интенсивности ихъ ¹⁾. Указанные выше приемы вовсе не исчерпываютъ всѣхъ методовъ опредѣленія интенсивности стремленій, и приведены здѣсь лишь съ цѣлью показать, что у психологовъ есть средства для рѣшенія этой задачи.

Если какая-нибудь группа первоначальныхъ стремленій изучаемаго лица настолько развита, что большая часть его дѣятельностей направлена на осуществленіе этихъ стремленій, что малѣйшій поводъ пробуждаетъ ихъ, и всѣ остальные стремленія отступаютъ передъ ними, то можно сказать, что такая группа стремленій опредѣляетъ собою *весь тонъ* душевной жизни личности.

¹⁾ См. по вопросу объ опредѣленія интенсивности душевныхъ качествъ соображенія, высказанныя А. Лазурскимъ въ статьѣ „О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ея изученія“. „Вопр. фил.“, кн. 53.

Даже и не вдаваясь въ спеціальныя изслѣдованія, опираясь на повседневныя наблюденія, нельзя не признать, что у однихъ людей даютъ тонъ всей душевной жизни физическія стремленія, у другихъ—личныя стремленія, а у третьихъ—сверхличныя. Характеры перваго типа можно назвать *чувственными*, характеры второго типа—*эгоцентрическими*, а характеры третьяго типа—*сверхличными*. Эти три группы образуютъ первое основное подраздѣленіе въ классификаціи характеровъ, такъ какъ онѣ объединяютъ характеры, наиболѣе сходные другъ съ другомъ и глубоко отличающіеся отъ характеровъ другихъ группъ. Къ первой группѣ относятся тѣ люди, интересы которыхъ преимущественно сосредоточены на своемъ тѣлѣ; у людей второй группы почти всѣ интересы сосредоточены на своемъ я, а у людей третьей группы почти всѣ интересы сосредоточены на внѣшнемъ мірѣ, выходящемъ за предѣлы ихъ *физической и духовной* индивидуальности. Можно сказать, что первые еще не возвысились до интереса къ своему я, какъ личности, какъ субстанціальному единству, противостоящему другимъ единствамъ и занимающему определенное мѣсто въ міровомъ цѣломъ. Это люди, ведущіе какъ бы *домичное* существованіе. Люди второй группы, наоборотъ, интересуются прежде всего своимъ я, его мѣстомъ въ міровомъ цѣломъ, его совершенствованіемъ, слѣдовательно, развитіемъ и усложненіемъ всевозможныхъ «моихъ» дѣятельствъ. Они ведутъ *лично* существованіе. Наконецъ, третьи выходятъ за предѣлы своего тѣла и своего я, съ большою живостью схватываютъ интуитивно стремленія внѣшняго міра, страданія и радости другихъ людей, социальныя теченія, гармонию или дисгармонию внѣшняго міра, объективныя связи между вещами и слѣдуютъ этимъ «даннымъ» стремленіямъ, иногда даже во вредъ своему тѣлу и своему я. Эти люди ведутъ *сверхличное* существованіе. Намѣченныя группы соотвѣтствуютъ также и порядку усложненія духовной жизни, во-первыхъ, потому, что каждая слѣдующая группа заключаетъ въ себѣ душев-

ныя проявленія низшихъ группъ, а, во-вторыхъ, потому, что специфическія дѣятельности каждой группы болѣе сложны, чѣмъ дѣятельности предыдущихъ группъ. Наконецъ, намѣченныя группы, какъ это и должно быть во всякой естественно-научной классификаціи, по-видимому, соотвѣтствуютъ ходу эволюціи. Если человѣческая жизнь есть лишь одна изъ ступеней развитія духа, то несомнѣнно, что чувственные характеры составляютъ первый фазисъ развитія человѣческой личности, образуютъ переходную ступень отъ животнаго міра къ чисто человѣческому, эгоцентрическіе характеры образуютъ специфически человѣческій міръ, а сверхличныя характеры стоятъ уже на границѣ между людьми и міромъ болѣе высокихъ духовъ.

Къ первому классу относится самый низшій слой сѣрой массы человѣчества, тѣ существа, для которыхъ всѣ интересы въ жизни сводятся къ тому, чтобы плотно или вкусно поѣсть, попить, поспать, пріятно отдохнуть послѣ подневольнаго труда, попариться въ банѣ и т. п. Они встрѣчаются среди всѣхъ классовъ общества съ тою лишь разницею, что физическія удовольствія низшихъ классовъ отличаются грубымъ характеромъ, а въ высшихъ принимаютъ самыя утонченныя и нерѣдко извращенныя формы, напр., кревоугодіе у первыхъ проявляется, обыкновенно, въ видѣ обжорства, а у вторыхъ—въ видѣ лакомства. Въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества можно найти не мало людей не самолюбивыхъ, не честолюбивыхъ, не властолюбивыхъ, а затрачивающихъ свои силы преимущественно на выдумываніе новыхъ соусовъ, суповъ, комбинацій изъ ликеровъ и наливокъ и т. п. «Когда мужчины говорятъ между собою не о женщинахъ,—замѣчаетъ Поланъ въ своей Психологіи характера ¹⁾,—они охотно посвящаютъ бесѣду воспоминаніямъ о хорошемъ обѣдѣ и выгружаютъ свои гастрономическія впечатлѣнія или теоріи

¹⁾ Перев. подъ ред. Семешковскаго, стр. 108.

съ оживленіемъ, свидѣтельствующимъ объ интересѣ, которій вызывается этимъ предметомъ».

Привести общеизвѣстные примѣры такихъ натуръ довольно трудно: въ литературѣ онѣ рѣдко встрѣчаются или, если и встрѣчаются, то недостаточно обрисованы, потому что мало интересны и всегда играютъ второстепенную роль. Среди біографій выдающихся людей также нельзя найти подходящихъ примѣровъ, потому что люди этого типа передъ судомъ исторіи никогда не могутъ оказаться выдающимися и не могутъ заслужить себѣ біографіи. Зато хорошіе примѣры этого рода сохранились въ лѣтописяхъ медицины и физиологіи. Это тѣ случаи, когда какая-либо физическая страсть принимаетъ патологическіе размѣры, подчиняя себѣ все сознание человѣка. Мы приведемъ лишь одинъ примѣръ этого рода. Поланъ рассказываетъ со словъ Декюре исторію какой-то Діонисіи Лермина, «которая въ дѣтствѣ съѣдала больше, чѣмъ другія дѣти ея возраста. Впослѣдствіи случалось, что она въ день съѣдала отъ тридцати до тридцати двухъ фунтовъ хлѣба. Діонисія только и думала, что объ ѣдѣ, не говорила ни о чемъ другомъ, не гнушалась никакихъ средствъ, чтобы добыть себѣ пищу. Когда кто-нибудь предлагалъ ей отдать другому кусокъ хлѣба, она приходила въ ярость». Правда, она любила дѣлать добро и охотно раздавала деньги, но все же на первомъ мѣстѣ у нея стояла ѣда. «Въ предсмертной агоніи она заставляла свою сестру ѣсть въ своемъ присутствіи и послѣднія слова ея были: «Богу не угодно уже, чтобы я сама ѣла, дайте же мнѣ посмотреть, какъ другіе ѣдятъ»¹⁾.

Ко второму классу, къ числу эгоцентрическихъ натуръ относятся всѣ тѣ люди, интересы которыхъ сосредоточены преимущественно на «моихъ» дѣятельностяхъ, на тѣхъ дѣятельностяхъ, исходнымъ пунктомъ которыхъ служатъ не физическія «стремленія во мнѣ», а типичныя «мои» стремленія, «мои» наклонности, «мои»

¹⁾ Поланъ „Психологія характера“, стр. 99.

планы. Такія натуры часто встрѣчаются среди тѣхъ людей, которые съ увлеченіемъ занимаются ремеслами, съ любовью ведутъ торговыя предпріятія, устраиваютъ заводы, фабрики, любятъ бороться съ препятствіями и опасностями; такіе люди любятъ повелѣвать своимъ тѣломъ, справляться съ препятствіями, воздвигаемыми противъ дѣятельности человѣка матеріальнымъ міромъ, стремятся подчинять себѣ другихъ людей и управлять ими. Натура такихъ людей между прочимъ хорошо обнаруживается въ отличіе отъ чувственныхъ людей въ играхъ и удовольствіяхъ, которымъ они предаются, когда вполне свободны отъ подневольнаго труда и хотятъ отдохнуть. Чувственныя натуры вознаграждаютъ себя послѣ труда физическими удовольствіями, пищею, питьемъ, лѣнивымъ покоемъ и т. п.; эгоцентрическія натуры съ увлеченіемъ предаются разнымъ видамъ спорта, занимаются охотой, азартными играми, игрою въ карты, шашки, въ шахматы, т.-е. такими забавами, которыя требуютъ «моей» дѣятельности.

Къ категоріи эгоцентрическихъ натуръ могутъ относиться даже и тѣ люди, которые увлекаются самыми сложными и высокими, казалось бы, по преимуществу сверхличными дѣятельностями. Сюда относятся, напр., тѣ ученые экспериментаторы, интересы которыхъ сосредоточены не столько на прослѣживаніи объективныхъ связей между явленіями, сколько на самомъ процессѣ «моей» дѣятельности, необходимой для того, чтобы вынудить природу раскрыть свои тайны; такой ученый интересуется не столько самою истиною, сколько своимъ планомъ эксперимента, осуществленіемъ его и своею побѣдою надъ природою.

Такіе люди нерѣдко обладаютъ огромнымъ интеллектомъ, схватывающимъ чрезвычайно мѣтко объективныя связи между вещами, но чаще всего умъ ихъ сосредоточивается на сравнительно внѣшней матеріальной оболочкѣ вещей и дѣйствуетъ отрывочно, познавая объективныя связи лишь настолько, насколько это необходимо для ихъ дѣятельностей. Еще чаще они не

столько сами изслѣдуютъ, сколько пользуются плодами чужихъ изслѣдованій, усваивая ихъ съ помощью памяти, которая у людей этого типа нерѣдко бываетъ феноменально развита. Среди людей, посвятившихъ себя преимущественно интеллектуальной дѣятельности, къ этому классу могутъ относиться въ особенности собиратели коллекцій, компиляторы, неутомимые собиратели историческихъ и т. п. фактовъ, библіографы, путешественники и т. п. Къ этому классу могутъ относиться также поэты, художники и другіе представители искусства, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые создаютъ художественныя произведенія, почти никогда не чувствуя порывовъ вдохновенія, какъ бы наитій свыше, художники разсудочнаго типа, работающіе по опредѣленному плану, руководясь постепенно выработанными техническими приѣмами. Таковъ, напр., беллетристъ Тригоринъ въ «Чайкѣ» Чехова, который постоянно ходитъ съ записною книжкою и отмѣчаетъ въ ней все интересное, что находитъ въ новыхъ лицахъ, напр., пишетъ о старой дѣвѣ: «пьетъ водку, нюхаетъ табакъ», записываетъ «на всякій случай» хорошія выраженія, нечаянно пришедшія въ голову, а потомъ склеиваетъ изъ этихъ матеріаловъ свои произведенія. Правда, Тригоринъ говоритъ, что его ремесло утомляетъ его, что онъ не любитъ его, и, вѣроятно, онъ занимается имъ ради хлѣба или изъ честолюбія. Однако можно себя представить и такого беллетриста, который создаетъ художественное произведеніе тѣмъ же путемъ, какъ Тригоринъ, но съ большею любовью, съ болѣе большимъ оживленіемъ, съ большею легкостью, съ болѣе живымъ чувствомъ успѣха и побѣдимости всякаго препятствія; такой беллетристъ несомнѣнно принадлежалъ бы къ числу эгоцентрическихъ натуръ, къ числу людей, интересы которыхъ сосредоточены на «моей» дѣятельности, именно на «моихъ» синтезахъ, анализахъ и т. п.

Скала «моихъ» дѣятельностей безконечно широка въ смыслѣ ихъ сложности и значительности: она начинается такими простыми актами, какъ поднятіе руки, и

кончается такими сложными проявленіями человѣка, какъ построеніе плана битвы, синтеза и анализа ученаго или изобрѣтателя, построенія художника. Отсюда ясно, что къ классу эгоцентрическихъ натуръ могутъ принадлежать люди разныхъ величинъ. Мы можемъ даже надѣяться, рассматривая жизнь великихъ людей, найти среди нихъ несомнѣнно образцы этого типа. Примѣромъ такой высокой, хотя и эгоцентрической, природы можетъ служить извѣстный путешественникъ Пржевальскій, у котораго страсть къ путешествіямъ развилась изъ страсти къ охотѣ, преодолѣнію опасностей и изъ любви къ свободѣ, къ жизни, въ которой ничего не дѣлается «по формѣ, по мѣркѣ», даннымъ извнѣ. Никакихъ наклонностей къ искусству у него нѣтъ; любовь къ женщинѣ, одинъ изъ мотивовъ, особенно склоняющихъ человѣка выходить за предѣлы своего я, у него совершенно отсутствуетъ: онъ ненавидитъ женщинъ; общество людей онъ любитъ, но только въ томъ случаѣ, когда они вполнѣ подчинены ему; онъ держитъ себя всегда самоувѣренно и повелительно. Его интеллектуальная дѣятельность выдается изъ ряда вонъ, но онъ не мастеръ обрабатывать абстрактныя идеи, онъ не идетъ дальше изслѣдованія конкретной дѣйствительности и собиранія коллекцій; будучи учителемъ въ юнкерскомъ училищѣ, онъ преподаетъ географію и исторію, при чемъ поражаетъ своихъ слушателей необыкновенною памятью, которая даетъ ему возможность цитировать наизусть цѣлыя страницы изъ лучшихъ авторовъ. Вся его жизнь сводится къ тому, что онъ ставитъ себѣ сложныя цѣли, требующія типичныхъ «моихъ» дѣятельностей, и съ любовью энергично осуществляетъ ихъ, а не отдается во власть «данныхъ», хотя бы и сверхличныхъ стремленій, отказываясь отъ своей личности. Въ этомъ смыслѣ онъ принадлежитъ къ числу эгоцентрическихъ натуръ.

Хорошимъ примѣромъ широкой, но уже вовсе не симпатичной эгоцентрической дѣятельности можетъ служить также жизнь Натана Ротшильда, одного изъ круп-

нѣйшихъ представителей фирмы Ротшильдъ, жившаго въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Натанъ Ротшильдъ не получилъ почти никакого образованія, никто не видѣлъ его читающимъ ни одной книги, онъ вовсе не интересовался поэзіей, музыкой, философіею, всю жизнь онъ посвятилъ исключительно торговлѣ, биржевымъ спекуляціямъ и постояннымъ разгѣздамъ по дѣламъ; онъ не терпѣлъ бездѣйствія и наполнялъ весь свой день трудомъ. Въ своихъ спекуляціяхъ онъ руководился смѣлымъ расчетомъ; гонясь за наживою, онъ строилъ остроумные планы, рискуя нерѣдко значительными суммами. «Борьба—моя сфера», говорилъ онъ. Онъ проявлялъ огромную интеллектуальную дѣятельность, но вся она была направлена лишь на то, чтобы уловить благоприятную для себя комбинацію обстоятельствъ, построить на ней остроумный планъ и осуществить его. Онъ рассказываетъ объ одномъ изъ такихъ плановъ; «я узналъ, что Остъ-индская компанія имѣетъ въ продажѣ золота на восемьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я пошелъ и купилъ его. Мнѣ было извѣстно, что Веллингтонъ, командовавшій въ то время войсками въ Португаліи и не получившій своевременно денегъ, нуждался въ звонкой монетѣ. Я не ошибся. Правительство, узнавъ о моей операціи, прислало за мной и объявило, что ему нужно мое золото». Онъ продалъ свое золото правительству, но оно затруднялось, какъ доставить его въ Португалію. Ротшильдъ взялъ и это дѣло на себя и переправилъ деньги *черезъ враждебную англичанамъ Францію*. На этой рискованной операціи онъ нажилъ около полутора милліона рублей» ¹⁾. Для успѣха своихъ биржевыхъ спекуляцій онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ самымъ оригинальнымъ, смѣло и всесторонне обдуманымъ средствамъ. Чтобы получать политическія свѣдѣнія раньше самихъ министровъ и такимъ образомъ навѣрняка распоряжаться биржею, онъ заводитъ почтовыхъ голубей и очень внимательно от-

¹⁾ Е. Соловьевъ, Ротшильды, стр. 34.

носится къ вопросу о достоинствахъ голубей, не щадитъ никакихъ средствъ на нихъ. Онъ не задумывается рисковать жизнью, если это необходимо для его плановъ. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка всѣ его биржевые расчеты основывались на предположеніи, что рано или поздно Англія останется побѣдительницею въ своей борьбѣ съ Наполеономъ. Когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и готовился вступить въ битву съ Веллингтономъ, Ротшильдъ самъ поѣхалъ на материкъ; во время битвы онъ выѣхалъ на поле сраженія такъ, чтобы видѣть обѣ арміи и, несмотря на опасность, слѣдилъ за битвою до тѣхъ поръ, пока старая гвардія Наполеона не была отброшена англичанами. Убѣдившись послѣ этого, что Наполеонъ будетъ побѣжденъ, онъ тотчасъ же безъ отдыха помчался въ Англію. Въ Остенде рыбаки не хотѣли перевезти его черезъ Ламаншъ, потому что погода была бурная, и никто не рѣшался пуститься въ море. Лишь за двѣ тысячи франковъ одинъ изъ рыбаковъ согласился поѣхать съ нимъ, но и то съ тѣмъ, чтобы плата была выдана его женѣ ранѣе, чѣмъ онъ выѣдетъ въ море. Благополучно приѣхавъ въ Дувръ, Ротшильдъ тотчасъ же взялъ лучшихъ лошадей и на слѣдующій день утромъ стоялъ уже на биржѣ, сдѣлавъ видъ, будто совершенно подавленъ какимъ-то ужаснымъ несчастіемъ. «На биржѣ стало извѣстно, что Ротшильдъ необыкновенно поспѣшно возвратился съ континента, и что его агенты усиленно сбываютъ съ рукъ всѣ бумаги. Посѣтители, видя сумрачное лицо Ротшильда, обмѣнивались между собою многозначительными взглядами и единодушно пришли къ заключенію, что всѣ ихъ надежды рушились окончательно, и что какая-то страшная катастрофа произошла по ту сторону Ламанша. Спекуляторы тихо переходили одинъ отъ другого, шопотомъ объясняя другъ другу причины, почему главный воротила биржи такъ усиленно продаетъ бумаги. Общій страхъ увеличился, когда стало извѣстнымъ, что Ротшильдъ по секрету сообщилъ одному своему пріятелю, будто Блюхеръ со

всею стосемнадцатитысячною арміею былъ разбитъ подъ Линьи, а Веллингтонъ со своимъ незначительнымъ отрядомъ не надѣется остановить побѣдоноснаго Наполеона, располагающаго гораздо большими боевыми силами. Началась общая паника. Фонды вдругъ сильно понизились, такъ какъ всѣ были убѣждены, что только что водворенный въ Европѣ миръ опять смѣнитъ новою продолжительною войной. На слѣдующій день однако произошла полная и неожиданная перемена декорацій. Повсюду разнеслась вѣсть, что Веллингтонъ одержалъ надъ Наполеономъ блистательную побѣду. Натанъ Ротшильдъ первый сообщилъ эту вѣсть пріятелямъ; лицо его сіяло восторгомъ. Фонды, разумѣется, поднялись сразу до небывалой высоты. Многіе сожалѣли о громадныхъ потеряхъ Ротшильда, продававшего вчера бумаги по низкой цѣнѣ. Никто и не подозрѣвалъ, что въ то время, какъ его официальные агенты продавали бумаги, неофициальные скупали, гдѣ и сколько возможно. Въ результатъ Ротшильдъ нажилъ болѣе одного милліона фунтовъ стерлинговъ въ одинъ только день¹⁾. Отношеніе его къ людямъ также указываетъ на преобладаніе эгоцентрическихъ стремленій. Онъ говоритъ: «Я никогда не имѣлъ и не буду имѣть дѣла съ людьми, которымъ не везетъ. Если они не умѣютъ устроить своихъ собственныхъ дѣлъ, то чѣмъ они могутъ пригодиться мнѣ». Онъ держитъ себя съ людьми властно, надменно и презрительно, съ подчиненными онъ повелителенъ и жестокъ. Всѣхъ людей онъ дѣлитъ на два разряда, на должниковъ и не-должниковъ, и къ обоимъ разрядамъ относится съ недовѣріемъ, говоря: «Нельзя вѣрить тому, кто вамъ долженъ, такъ какъ онъ очевидно хочетъ увильнуть отъ уплаты; нельзя вѣрить и тому, кто вамъ не долженъ, такъ какъ онъ хочетъ занять у васъ». Своими богатствами онъ вовсе не пользовался для удовлетворенія не только эстетическихъ, но

¹⁾ Е. Соловьевъ, Ротшильды, со словъ Рива (John Reeves, the Rothschilds), стр. 37 с.

даже и физическихъ потребностей; онъ одѣвался плохо, обѣдалъ наскоро между дѣломъ, роскошью своей обстановки вовсе не пользовался для себя.

Высшее и полнѣйшее развитіе эгоцентрическаго характера является тогда, когда предметомъ интереса служить не та или другая изъ «моихъ» дѣяльностей, а я, какъ *цѣлое*, со всѣми «моими» дѣяльностями; такая натура стремится ко всестороннему развитію своего я, къ самоусовершенствованію, къ поднятію я на все высшія и высшія ступени. При этомъ вовсе не необходимо быть честолюбивымъ, т.-е. стремиться обогнать другихъ: сосредоточивая всѣ свои интересы на томъ, чтобы поднимать свое я на все болѣе и болѣе высокую ступень, можно вовсе не интересоваться своимъ положеніемъ *въ ряду другихъ я*, а измѣрять свои успѣхи по сравненію съ прежнимъ состояніемъ *своего же я*. Впрочемъ, найти въ жизни и литературѣ чистые несомнѣнные образцы такихъ эгоцентрическихъ натуръ довольно трудно; чаще всего стремленіе къ совершенствованію я опирается на сравненіе съ другими я и принимаетъ характеръ честолюбія, самолюбія, завистливости и т. п. При этомъ нерѣдко стремленіе обогнать другихъ до такой степени преобладаетъ передъ стремленіемъ обогнать самого себя, т.-е. дѣйствительно подвигнуться впередъ, что люди начинаютъ довольствоваться мнимымъ, кажущимся первенствомъ, честолюбіе превращается въ тщеславіе. Такъ какъ «мои» дѣяльности невозможны безъ коопераціи съ моимъ тѣломъ или же съ внѣшнимъ міромъ, съ такъ называемыми матеріальными вещами и другими людьми, то эгоцентрическія натуры вообще, и въ особенности эгоцентрическія натуры, заинтересованныя своимъ я, какъ *цѣлымъ*, въ его отношеніи къ другимъ я, очень часто развиваютъ въ себѣ въ высшей степени умѣніе *внушать*, повелѣвать, подчинять себѣ. Любовь къ власти нерѣдко изъ средства превращается у нихъ въ *цѣль*. Литература и исторія изобилуютъ отрицательными типами этого рода. Таковъ, напр., «баловень судьбы» Меншиковъ,

высокомѣрный, завистливый, надменный властелинъ, гонящийся за всевозможными почестями. Петръ Великій говоритъ, что онъ «присваиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе». Однако этотъ ловкій способный человекъ умѣетъ добиться всего, чего хочетъ; несмотря на свое низкое происхожденіе, онъ становится фельд-маршаломъ и княземъ, а по смерти Петра Великаго даже претендентомъ на курляндскій престолъ, генералиссимусомъ и нареченнымъ тестемъ императора. Проявляя кипучую дѣятельность, не менѣе разностороннюю, чѣмъ дѣятельность Петра, хотя и идущую лишь по слѣдамъ его, онъ вовсе не любитъ отечества такъ, какъ Петръ Великій: онъ взяточникъ, грабитель и казнокрадъ, но этого мало, онъ вступаетъ въ соглашенія съ иностранными полководцами и дипломатами, близкія къ государственной измѣнѣ, и все это изъ-за денегъ, и при томъ несмотря на несмѣтныя богатства, награбленныя имъ.

Люди, ревниво оберегающіе свою власть, достоинство и репутацію, постоянно сосредоточенные на своемъ я, часто привлекаютъ къ себѣ вниманіе художниковъ и бываютъ героями ихъ произведеній. Таковъ, напр., Домби въ романѣ Диккенса «Домби и Сынъ». Однако мы не будемъ приводить примѣровъ потрясающихъ, трагическихъ столкновеній, вытекающихъ нерѣдко изъ характера такихъ натуръ. Для цѣлей повседневнаго наблюденія, пожалуй, интереснѣе мелочныя, можно сказать, ежеминутныя проявленія ихъ. Типичный честолюбецъ каждымъ своимъ словомъ, каждымъ жестомъ преслѣдуетъ все одну и ту же цѣль — показать себя, выдвинуться, обратить на себя вниманіе. Характерны въ этомъ отношеніи разговоры Иртеньева въ семьѣ Нехлюдовыхъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» Толстого. «Вы уже читали Роброя?» спросила у него Софія Ивановна Нехлюдова. Считая своею обязанностью «на каждый самый простой вопросъ отвѣчать очень умно и оригинально» и стыдясь короткихъ и ясныхъ отвѣтовъ, Иртеньевъ говоритъ, «что онъ не читалъ Роброя,

но что ему очень интересно слушать, потому что онъ больше любитъ читать книги съ середины, чѣмъ съ начала. Вдвое интереснѣе, догадываешься о томъ, что было и что будетъ»,—говоритъ онъ съ самодовольною улыбкой. Все, что ни происходитъ вокругъ него, онъ ставитъ въ связь со своимъ я. Въ этомъ отношеніи очень интересна слѣдующая сцена во время чая у Нехлюдовыхъ. «Во время чая чтеніе прекратилось, и дамы занялись разговоромъ между собою о лицахъ и обстоятельствахъ, мнѣ незнакомыхъ, какъ мнѣ казалось только для того, чтобы, несмотря на ласковый пріемъ, все-таки дать мнѣ почувствовать ту разницу, которая по годамъ и по положенію въ свѣтѣ была между мною и ими. Въ разговорахъ же общихъ, въ которыхъ я могъ принимать участіе, искупая свое предшествовавшее молчаніе, я старался выказать свой необыкновенный умъ и оригинальность, къ чему особенно я считалъ себя обязаннымъ своимъ мундиромъ. Когда зашелъ разговоръ о дачахъ, я вдругъ рассказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотрѣть изъ Лондона и изъ Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которая стоитъ триста восемьдесятъ тысячъ, и что князь Иванъ Ивановичъ мнѣ очень близкій родственникъ, и я нынче у него обѣдалъ, и онъ звалъ меня непременно пріѣхать къ нему на эту дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто, но что я отказался, потому что знаю хорошо эту дачу, нѣсколько разъ бывалъ на ней и что всѣ эти рѣшетки и мосты для меня нисколько не занимательны, потому что я терпѣть не могу роскоши, особенно въ деревнѣ, я люблю, чтобы въ деревнѣ было ужъ совсѣмъ какъ въ деревнѣ. Сказавъ эту страшную сложную ложь, я сконфузился и покраснѣлъ, такъ что всѣ вѣрно замѣтили, что я лгу». Когда ему предлагаютъ пойти гулять въ садъ, онъ, желая быть оригинальнымъ, отвѣчаетъ, что терпѣть не можетъ гулять безъ всякой цѣли, и если ужъ любитъ гулять, то совершенно одинъ. Затѣмъ, очень

довольный своимъ отвѣтомъ, онъ все же идетъ гулять вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ.

Какъ ни распространены среди эгоцентрическихъ натуръ уродливыя явленія, все же нельзя не признать, что для человѣчества, какъ такового, это самый нормальный типъ. Если человѣческое я есть субстанціальное производное единство «моихъ» стремленій, то само собою разумѣется, что главное содержаніе жизни человѣка должны составлять «мои» стремленія, и я, какъ цѣлое, само по себѣ, а также въ его отношеніи къ другимъ я. Это до такой степени необходимо, что является вопросъ, какимъ образомъ могутъ возникнуть чувственные характеры, т.-е. такія натуры, всѣ интересы которыхъ сосредоточены на удовлетвореніи «данныхъ» физическихъ стремленій, тѣ натуры, у которыхъ мои стремленія лишь присоединяются къ стремленіямъ тѣла. Быть можетъ, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить такъ: «мои» дѣятельности человѣка возможны не иначе, какъ при коопераціи я съ тѣломъ. Поэтому построение тѣла и сохраненіе его есть *первое и самое важное средство* для широкаго разнообразнаго развитія «моихъ» дѣятельностей. На первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества всѣ силы, все вниманіе затрачиваются на осуществленіе этого средства; такимъ образомъ чувственные натуры исходятъ изъ «моихъ» дѣятельностей, но, осуществляя одно изъ средствъ для развитія этихъ дѣятельностей, именно построение и сохраненіе тѣла, онѣ такъ и не успѣваютъ дойти до настоящихъ «моихъ» дѣятельностей.

Ни одна классификація характеровъ не можетъ дать такихъ рубрикъ, между которыми вполне распредѣлилась бы вся дѣйствительность. Въ жизни всегда встрѣчаются переходные типы, стоящіе посрединѣ между двумя намѣчаемыми въ классификаціи группами. Это замѣчаніе вполне приложимо и къ нашей классификаціи. Существуютъ характеры въ такой же мѣрѣ чувственные, какъ и эгоцентрическіе. Таковъ, напр., Стива Облонскій въ «Аннѣ Карениной» Толстого. Его жизнь

равномѣрно наполнена какъ физическими удовольствіями, устрицами, шампанскимъ, наслажденіями комфорта, такъ и увлекательными для него «моими» дѣятельностями—охотою, игрою въ карты, общеніемъ съ людьми, составленіемъ каламбуровъ, ухаживаніемъ за дамами и т. п. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать количество такихъ переходныхъ типовъ. Углубленный анализъ показываетъ, что у многихъ людей сложнѣйшіи эгоцентрическія проявленія, напр., стремленіе къ первенству, бываютъ лишь средствомъ, чтобы достигнуть положенія, способствующаго удовлетворенію физическихъ страстей; наоборотъ, другіе люди затрачиваютъ много силъ на то, чтобы обставить хорошо свою физическую жизнь, но на самомъ дѣлѣ оказывается, что не она сама интересуется ихъ, а возможность блеснуть ею передъ другими людьми, поддерживать обширныя сношенія съ людьми и т. п.

Къ третьему классу, къ числу неэгоцентрическихъ натуръ относятся тѣ люди, которые живутъ преимущественно, такъ сказать, *внѣ своей психической и физической индивидуальности*, которые дѣйствуютъ, присоединяя свои стремленія къ сверхличнымъ «даннымъ» стремленіямъ, напр., повинясь чувству долга, религіозному чувству, состраданію и т. п. Конечно, они осуществляютъ эти стремленія съ помощью «моихъ» дѣятельностей, но ихъ интересуется не столько «моя» дѣятельность, не столько «мой» успѣхъ, сколько успѣхъ самой той внѣ ихъ существующей жизни, развитію которой они способствуютъ. Въ громадномъ количествѣ случаевъ сверхличные радости или интересы тѣсно переплетаются съ личными и не требуютъ отрѣшенія отъ я. Поэтому не легко привести примѣры явно сверхличной, непохожей на эгоцентрическую дѣятельности. Чтобы выяснить разницу, приведемъ случаи, когда сверхличная дѣятельность наименѣе совмѣстима съ эгоцентрическими интересами, когда всякая примѣсь ихъ шокируетъ насъ. Таковы моральныя и религіозныя сверхличныя дѣятельности. Какихъ бы взглядовъ мы ни придерживались

на происхожденіе нравственности, хотя бы мы выводили ее изъ эгоизма, изъ тонкаго расчета, все равно мы по самонаблюденію знаемъ, что бываютъ минуты, когда поступокъ совершается такъ, что въ немъ нельзя подмѣтить никакого участія «моихъ» интересовъ въ точномъ смыслѣ этого слова, чужой интересъ какъ бы непосредственно становится «моимъ» интересомъ; при этомъ самый возвышенный поступокъ становится жалкимъ, какъ только къ нему примѣшается какой бы то ни было эгоцентрической элементъ, хотя бы только удовлетвореніе самимъ собою. Когда Каренинъ прощаетъ свою жену, смягченный и пораженный ея болѣзною, онъ великъ, однако онъ недолго остается на этой высотѣ. Жена, выздоровѣвъ, опять покидаетъ его; Облонскій прѣзжаетъ къ нему и убѣждаетъ дать разводъ, взявъ вину на себя, что противорѣчитъ религіознымъ убѣжденіямъ Каренина. Ему приходится дѣлать страшное усиліе надъ собою. «И ударившему въ правую щеку подставь лѣвую, и снявшему кафтанъ отдай рубашку», подумалъ Алексѣй Александровичъ. «Да, да! — вскрикнулъ онъ визгливымъ голосомъ, — я беру на себя позоръ, отдаю даже сына, но... не лучше ли оставить это? Впрочемъ дѣлай, что хочешь... И онъ отвернувшись отъ шурина такъ, чтобы тотъ не могъ видѣть его, сѣлъ на стулъ у окна, ему было горько, ему было стыдно, но вмѣстѣ съ этимъ горемъ и стыдомъ онъ испытывалъ радость и умиленіе предъ высотой своего смиренія». Напряженіе, сдѣланное имъ, превосходило мѣру его моральныхъ силъ, и потому онъ сосредоточилъ свое вниманіе на себѣ, умилился передъ самимъ собою. Кому не извѣстно, что какъ только явилось это чувство, вся моральная сторона поступка теряетъ цѣну даже и для насъ самихъ, а тѣмъ болѣе для другихъ. Мало того, какъ только возникаетъ умиленіе передъ собою, тотчасъ же является какой-нибудь не только эгоцентрической, но уже и прямо эгоистической, дурной поступокъ, *хотя бы только мысленный*. Это свойство человѣческой души особенно хорошо извѣстно было

святымъ подвижникамъ; въ своихъ наставленіяхъ они особенно убѣждаютъ своихъ учениковъ покорять самолюбіе, тщеславіе и т. п. страсти, вытекающія изъ интереса къ своему я, какъ къ цѣлому. Только тогда, когда «правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая», когда, иными словами, поступокъ не поставленъ мною въ связь съ своимъ я, когда я совершаю его вполне безлично или сверхлично, я не рискую примѣшать къ нему свои интересы. Записки и проповѣди святыхъ полны разказовъ о паденіи человѣка подъ вліяніемъ простой радости по поводу своихъ моральныхъ и подвижническихъ успѣховъ. Святой Антоній, услышавъ отъ пришедшихъ къ нему старцевъ, что какой-то юный пустыльникъ, желая помочь имъ, приказалъ дикимъ осламъ привезти ихъ къ нему, и ослы повиновались, скорбитъ объ этомъ юношѣ: онъ предвидитъ, что подвижникъ возгордится и падетъ, что и случилось въ самомъ дѣлѣ. Къ числу послѣднихъ испытаній каждаго святого принадлежитъ, обыкновенно, какое-нибудь искушеніе тщеславія, самолюбія. Послѣднее искушеніе Христа дьяволомъ состояло въ томъ, что дьяволъ поставилъ Іисуса Христа на крылѣ храма и сказалъ ему: «Если ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ; ибо написано: ангеламъ своимъ заповѣдалъ о Тебѣ сохранить Тебя, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». По мнѣнію самихъ подвижниковъ, чтобы окончательно смирить тщеславіе, нужно прибѣгать сначала къ разнымъ ухищреніямъ, напримѣръ, выполняя подвигъ молчанія, придавать ему самоуничижительный смыслъ, именно считать себя недостойнымъ говорить и потому обреченнымъ на молчаніе.

Благодаря такой борьбѣ съ тѣломъ и своимъ я получается, по словамъ св. Марка подвижника, направленіе воли, прямо противоположное обыкновенному: самоугодникъ печалится отъ укоровъ и лишеній, а Боголюбецъ отъ похвалъ и многодоговльства.

Человѣкъ, дошедшій до такой степени очищенія отъ я и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тѣла, руководится въ своей

жизни почти исключительно сверхличными мотивами, напр., чувством долга. Такова была жизнь Бернарда Клервосского ¹⁾. Бернардъ началъ съ того, что совершенно подавилъ въ себѣ интересъ къ физической жизни. «Онъ постился такъ усердно, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи; принятіе ея въ немъ вызывало непріятное ощущение, такъ что онъ впалъ въ болѣзнь, мучительную для него самого и тяжелую для товарищей». «Онъ довелъ себя до такого омертвѣнія внѣшняго чувства, что утратилъ способность различать пищу по вкусу, и его біографъ приводитъ поразительные примѣры недоразумѣній, въ которыя онъ впадалъ въ этомъ отношеніи». Чтобы сохранять сосредоточенность, необходимую для пламенной молитвы, онъ старался совершенно отвлечься отъ общенія съ внѣшнею чувственною оболочкою міра и удалиться отъ суетныхъ интересовъ людей; для этого, выходя въ толпу людей, онъ закупоривалъ себѣ уши воскомъ. Его способность сосредоточиваться достигла поразительныхъ размѣровъ. Однажды «ему пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней совершать свой путь вдоль береговъ Женевского озера; онъ ничего не замѣтилъ, и когда уже миновалъ озеро, привлекающее и теперь взоры тысячи любопытныхъ, съ удивленіемъ спросилъ своихъ спутниковъ, о какомъ озерѣ они между собою говорятъ». Цѣлью этой борьбы Бернарда со всѣми естественными человѣческими стремленіями было уничтоженіе своей воли, т.-е. не безволіе, конечно, а уничтоженіе той воли, которая не тождественна съ волею Бога. «Своею волею,—говоритъ Бернардъ,— я называю ту, которая не тождественна съ Божіею и людскою, но принадлежитъ намъ самимъ; она проявляется, когда мы дѣлаемъ то, что желаемъ не ради славы Божіей, не ради пользы братьевъ, но ради насъ самихъ, удовлетворяя собственнымъ движеніямъ души. Ей прямо противоположна любовь, которая тождественна

¹⁾ (См. Герье. Средневѣковое міровоззрѣніе, „Вѣств. Евр.“ 1891, февраль, мартъ, апрѣль.

съ Богомъ» ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, онъ достигъ этой цѣли. Его душевная жизнь вовсе не обѣднѣла, какъ это можно было бы думать на основаніи вышеприведеннаго, его воля вовсе не ослабѣла, но всѣмъ своимъ существомъ онъ живетъ внѣ себя. Мотивы для его дѣятельности исходятъ изъ сверхъиндивидуальныхъ интересовъ, и это нерѣдко выражается въ томъ, что онъ приступаетъ къ дѣятельности, чувствуя какъ бы принужденіе извнѣ. Въ своей литературной и проповѣднической дѣятельности онъ пользуется громаднымъ успѣхомъ, но, несмотря на это, онъ, по собственному признанію, «никогда не возвышалъ своего голоса въ какомъ-нибудь обществѣ, какъ бы оно ни было просто, безъ того, чтобы имъ не овладѣвало чувство страха, и всегда предпочелъ бы молчать, если бы не былъ побуждаемъ голосомъ совѣсти, страхомъ передъ Господомъ и братскою любовью». Въ мірскую жизнь онъ вмѣшивается лишь потому, что грѣхъ не борется противъ зла. Если бы не чувство долга, онъ сосредоточился бы на той увлекательной для него духовной жизни, которая развилась въ немъ, когда ему удалось побороть свое тѣло и свое я. Казалось бы, здѣсь мы должны встрѣтиться опять съ какою-нибудь формою эгоцентрической жизни. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Благодаря аскетическимъ подвигамъ Бернардъ становится въ высшей степени способнымъ переживать сложныя сверхличныя «данныя» состоянія. Въ пламенной молитвѣ онъ приходитъ въ состояніе экстаза и чувствуетъ свое единеніе съ Богомъ. Даже и знаніе пріобрѣтаетъ у него этотъ характеръ непосредственнаго цѣлостнаго созерцанія. Не удивительно поэтому, что ему приписывается много пророчествъ. Историки рассказываютъ о нихъ со скептической сдержанностью, и потому мы не будемъ ссылаться на пророчества Бернарда, какъ на доказательство его способности выходить за предѣлы своего я, интуитивно схватывая цѣпь явленій во внѣш-

¹⁾ Герье, „Вѣств. Евр.“, февр., стр. 759.

ней дѣйствительности, но мы указываемъ на эти легенды, потому что онѣ въ извѣстномъ смыслѣ тоже говорятъ въ нашу пользу. Если отдѣльные примѣры пророчествъ оказываются недостаточно подтвержденными, то все же общая тенденція народа приписывать способность пророчества людямъ, подавляющимъ свое тѣло и свою личную волю, возникла не безъ основанія, «не бываетъ дыма безъ огня». Въ особенно живой и общепонятной формѣ проявляется способность Бернарда выходить за предѣлы своего я въ его сострадательности. Этотъ строгій аскетъ, затыкающій уши воскомъ, утратившій вкусовыя ощущенія, казалось бы, долженъ быть страшнымъ фанатикомъ и изувѣромъ, способнымъ сжигать людей на кострахъ. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. «Онъ надрывается жалостью къ своимъ монахамъ, когда взираетъ на ихъ подвиги», «онъ вступается за чужихъ монаховъ, подлежащихъ наказанію за нарушеніе обѣта», и оправдываетъ свое заступничество слѣдующимъ образомъ: «Состраданіе есть чувство, которое не управляется волею и не подчиняется разсудку; невольнымъ побужденіемъ оно принуждаетъ сожалѣть о скорбящихъ, такъ что если бы и грѣшно было сострадать, то я при всемъ стараніи не могъ бы не сострадать». Руководясь состраданіемъ, онъ проповѣдуетъ взгляды, далеко опережающіе его вѣкъ. Когда поднялось гоненіе противъ евреевъ, онъ въ защиту ихъ написалъ къ духовенству окружное посланіе. Мало того, онъ утверждалъ даже, что и еретиковъ нельзя преслѣдовать, а нужно побѣждать ихъ доводами. Даже и его пренебреженіе къ внѣшнему міру, дошедшее до того, что онъ способенъ былъ проѣхать мимо Женевскаго озера, не замѣтивъ его, оказывается лишь пренебреженіемъ къ внѣшней оболочкѣ міра. Утонченное созерцаніе природы, развившееся собственно лишь въ наше время, то созерцаніе, въ которомъ цвѣта, звуки и формы служатъ лишь проводниками во внутреннюю мистическую духовную жизнь природы, доступно Бернарду. Онъ предостерегаетъ одного магистра противъ

книжной учености: «Повѣрь испытавшему это на себѣ: въ лѣсахъ ты найдешь нѣчто лучшее, чѣмъ книги; деревья и скалы научатъ тебя тому, чего отъ учителей не услышишь».

Сверхличная дѣятельность вовсе не исчерпывается областью моральнаго и религіознаго подвижничества. Въ познавательной дѣятельности, въ эстетическомъ творествѣ, въ социальной дѣятельности, въ семейной любви и т. п. не трудно подмѣтить сверхличные элементы. Правда, великій ученый, поэтъ, государственный дѣятель долженъ обладать чрезвычайно высоко, все-сторонне развитымъ я; «мои» дѣятельности великихъ людей чрезвычайно разнообразны, подвижны, способность управлять своими мыслями, подчинять себѣ материю и другихъ людей у нихъ чрезвычайно велика, а соотвѣтственно этому любовь къ своему я, интересъ къ себѣ, чувство своего достоинства, честолюбіе и самолюбіе у многихъ великихъ людей чудовищно развиты. Но все же они обладаютъ еще болѣе высокою способностью ступевываться передъ сверхъиндивидуальнымъ, дѣлаться носителями его; они не умѣютъ ступевываться только передъ людьми и, можетъ быть, имѣютъ право на это. Великій ученый забываетъ свою личность и эгоцентрическія дѣятельности, когда прослѣживаешь объективныя связи между явленіями. Но стоитъ только ему послѣдовать за личною страстью, хотя бы лишь увлечься краснымъ словцомъ, и, смотришь, вмѣсто объективной связи появилось личное измышленіе. Иногда въ моменты наиболѣе плодотворнаго мышленія, цѣлые длинные ряды мыслей развиваются какъ бы сами собою. Однажды Паскаль, измученный зубною болью, чтобы отвлечься, сталъ думать о свойствахъ кривой линіи циклоиды. Онъ «вычислялъ какъ бы безсознательно и самъ былъ изумленъ своими открытіями. Но онъ давно уже бросилъ математику. Еще задолго передъ тѣмъ онъ прекратилъ переписку съ Ферматомъ, написавъ послѣднему, что совершенно разочаровался въ математикѣ, что считаетъ ее любопытнымъ, но беспо-

лезнымъ занятіемъ. На этотъ разъ, однако, математическія открытія какъ бы противъ воли навязывались его уму, и Паскалю пришла мысль посовѣтоваться съ однимъ изъ своихъ портърояльскихъ друзей. Получивъ совѣтъ, «печатать то, что внушено ему Богомъ», Паскаль рѣшился, наконецъ, взяться за перо¹⁾).

Рибо въ своемъ сочиненіи «Творческое воображеніе»²⁾ приводитъ слѣдующія слова Якова Беме изъ его «Авроры»: «Заявляю передъ лицомъ Божиимъ, что и самъ не знаю, какимъ образомъ происходитъ все это во мнѣ, помимо собственной моей воли. Я предварительно не знаю даже, что именно долженъ писать. Я пишу потому лишь, что меня вдохновляетъ духъ, сообщающій мнѣ великое и дивное знаніе. Зачастую я не отдаю себѣ отчета даже и въ томъ: живу ли я духовно въ адъшнемъ дѣйствительномъ мірѣ, и я ли именно имѣю счастье обладать достовѣрнымъ и неопровержимымъ знаніемъ».

Казалось бы, поэты должны принадлежать къ числу типичныхъ эгоцентрическихъ натуръ, потому что ихъ творенія суть созданія ихъ ума. Однако это невѣрно; художественное произведеніе вовсе не есть продуктъ исключительно «моей» дѣятельности: только то произведеніе принадлежитъ къ числу истинно художественныхъ, которое развивается какъ бы само-собою, подобно организму, по своимъ *внутреннимъ* законамъ, согласно своей *внутренней цѣлестремительности* или *цѣлесообразности*, а не той, которую могъ бы сообщить художникъ извнѣ: этимъ они отличаются отъ машинъ. Мы не будемъ пускаться въ разрѣшеніе вопроса, какимъ образомъ человѣкъ можетъ содѣйствовать рожденію на свѣтъ такихъ произведеній. Быть можетъ, для рѣшенія этой загадки необходимо примкнуть къ Ницше, который утверждаетъ, что какое-то Высшее Существо пользуется художникомъ, какъ орудіемъ, чтобы строить эстетическіе міры и подготавливать себѣ въ нихъ вѣчное

¹⁾ М. М. Филипповъ, Паскаль, стр. 60.

²⁾ Перев. Предтеченскаго и Равцева, стр. 297.

наслаждене, и полагаеть, что «только геній обладаетъ нѣкоторыми свѣдѣніями о вѣчной сущности искусства, поскольку онъ въ актѣ художественнаго творчества сливается съ первоначальнымъ Художникомъ міра»¹⁾. Намъ достаточно констатировать, что какъ только личная цѣль, умыселъ, вліяніе абстрактныхъ понятій начинается примѣшиваться къ художественному творчеству, тотчасъ же является мертвенность, тенденціозность. «Обладающій волею и преслѣдующій свои эгоистическія цѣли, индивидуумъ можетъ быть лишь противникомъ, а не источникомъ искусства», говоритъ Ницше²⁾. Нерѣдко поэты сами описываютъ процессъ своего творчества, какъ что-то «данное», что-то такое, въ чемъ они играютъ лишь роль зрителя, воспріемника. Альфредъ Мюссе говоритъ: «Изобрѣтеніе меня волнуетъ и бросаетъ въ дрожь. Процессъ выполнения, кажущійся мнѣ всегда медленнымъ, вызываетъ у меня всегда страшное сердцебіеніе. Обливаясь слезами и съ трудомъ лишь удерживаясь отъ рыданій, я разрѣшаюсь словно отъ бремени идеей, приводящей меня въ восторженное опьянѣніе. На слѣдующій день утромъ я чувствую, что она мнѣ опротивѣла и не могу помышлять о ней безъ величайшаго стыда. Если я начинаю ее перерабатывать, становится еще хуже, такъ какъ она меня покидаетъ: всего лучше о ней забыть и ждать другой идеи, но эта другая идея приходитъ до такой степени неопредѣленной и громадной, что злополучное мое существо не можетъ ее вмѣстить въ себѣ. Она давитъ и терзаетъ меня до тѣхъ поръ, пока не приметъ сама размѣровъ, доступныхъ для осуществленія. Тогда возвращаются опять прежнія муки, напоминающія разрѣшеніе отъ бремени»³⁾. Такимъ сверхличнымъ «даннымъ» былъ, повидимому, также процессъ творчества у Моцарта. Онъ пишетъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что, если онъ чувствуетъ

¹⁾ Nietzsches Werke, I. B., Die Geburt der Tragödie, стр. 45.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

³⁾ Примѣръ приведенъ Рибо въ соч. «Творческое воображеніе» и заимствованъ изъ романа Жоржъ-Зандъ «Она и онъ».

себя хорошо, мысли потоками осаждаютъ его. «Откуда и какъ — этого я не знаю, да и я тутъ ни при чемъ. Мысли, которыя мнѣ нравятся, я удерживаю въ головѣ и напѣваю ихъ про себя, по крайней мѣрѣ какъ замѣчаютъ другіе. Если я запоминаю свою мысль, то тотчасъ же появляются одно за другимъ соображенія, для чего можно было бы употребить такую кроху, чтобы сдѣлать изъ нея паштетъ, соображенія о контрапунктѣ, о звукѣ различныхъ инструментовъ. Это разгорячаетъ мою душу, въ особенности если мнѣ ничто не мѣшаетъ; тогда мысль все разрастается и я все расширяю и уясняю ее, пьеса оказывается почти готовою въ моей головѣ, хотя бы она и была длинна, такъ что впослѣдствіи я охватываю ее въ душѣ однимъ взглядомъ, какъ прекрасную картину или красиваго человѣка, и слышу ее въ воображеніи вовсе не послѣдовательно, какъ она должна потомъ выразиться, а какъ бы сразу, въ цѣломъ. Вотъ это такъ пирушка! Все изобрѣтеніе и обработка происходитъ во мнѣ, какъ въ прекрасномъ глубокомъ снѣ, но такой обзоръ всего сразу лучше всего»¹⁾). Описаніе Моцарта важно особенно тѣмъ, что показываетъ, какимъ образомъ обширное художественное произведеніе можетъ обладать внутреннею гармоніею: оно переживается художникомъ какъ сразу, непосредственно данное единство, въ которомъ нѣтъ прежде и послѣ, и потому, не можетъ случиться, чтобы конецъ не сошелся съ началомъ.

Не только въ моменты творчества, но и въ обыкновенной жизни художникъ, какъ бы онъ ни былъ самолюбивъ и честолюбивъ, на каждомъ шагу тратитъ свои силы на сверхличныя дѣятельности. Безъ всякаго заранѣе составленнаго плана, въ силу естественнаго влеченія художникъ, встрѣчаясь съ каждымъ явленіемъ, съ каждымъ лицомъ входитъ въ его *внутреннюю* сущность, *постигаетъ* его. У Толстого въ «Аннѣ Карениной»

¹⁾ Hartmann, Philosophie des Unbewussten. Примѣръ заимствованъ изъ Jahn's Mozart, т. III, стр. 423—425.

есть очень характерное изображеніе этой наклонности. Художникъ Михайловъ, идя навстрѣчу Вронскому и Аннѣ и волнуясь самыми эгоистическими интересами, все же схватываетъ освѣщеніе фигуры Анны. «Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ онъ, подходя къ нимъ, схватилъ и проглотилъ это впечатлѣніе такъ же, какъ и подбородокъ купца, продававшего сигары, и спряталъ его куда-то, откуда онъ вынетъ его, когда понадобится». Замѣтивъ Голенищева, онъ вспоминаетъ, что видѣлъ его, но не знаетъ, гдѣ встрѣчалъ его. «Онъ помнилъ только его лицо, какъ помнилъ всѣ лица, которыя онъ когда-либо видѣлъ, но онъ помнилъ тоже, что это было одно изъ лицъ, отложенныхъ въ его воображеніи въ огромный отдѣлъ фальшиво значительныхъ и бѣдныхъ по выраженію. Большіе волосы и очень открытый лобъ давали внѣшнюю значительность лицу, въ которомъ было одно маленькое, дѣтское безпокойное выраженіе, сосредоточившееся надъ узкою переносицею». Михайловъ отмѣчаетъ скулы, лбы, носы, но не какъ таковыя, а какъ значительныя или бѣдныя, какъ выраженіе духовныхъ цѣнностей, которыя онъ схватываетъ непосредственно. Какъ бы ни былъ эгоцентриченъ, самолюбивъ, честолюбивъ такой художникъ, все же *тонъ его жизни* въ цѣломъ опредѣляется этою способностью выходить за предѣлы своей индивидуальности.

Приведенные примѣры вовсе не слѣдуетъ истолковывать въ томъ смыслѣ, будто только великіе люди и только сложнѣйшія дѣятельности могутъ отличаться сверхличнымъ характеромъ. На самомъ дѣлѣ самыя обыденныя дѣятельности заключаютъ въ себѣ на каждомъ шагѣ сверхличные элементы, но ихъ трудно указать и потому, несмотря на ихъ всеобщую распространенность, мы не начали съ нихъ. Всякій ремесленникъ, если онъ любитъ самую обрабатываемую вещь, и при томъ не только сработанную имъ самимъ, всякій любитель растений, всякая мать, ухаживающая за ребенкомъ, всякій помѣщикъ, который любитъ и цѣнитъ свое имѣніе и полагаетъ свои силы на него ради его

благоустройства, а не ради одной лишь личной выгоды, дѣйствуютъ, хотя бы отчасти, на основаніи сверхличныхъ мотивовъ, выходятъ за предѣлы своей личности. Въ «Аннѣ Карениной» одинъ помѣщикъ дворянинъ стараго закала, встрѣтившись съ Левинымъ на выборахъ, жалуется на убыточность своего хозяйства, тогда какъ у землевладѣльцевъ-купцовъ имѣнія приносятъ доходъ. «Сосѣдъ купецъ былъ у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. «Нѣтъ,—говоритъ Степанъ Васильевичъ,— все у васъ въ порядкѣ идетъ, но садикъ въ забросѣ». А онъ у меня въ порядкѣ. «На мой разумъ, я бы эту липу срубилъ. Только въ сокъ надо. Вѣдь ихъ тысяча липъ, изъ каждой два хорошихъ лубка выйдетъ, а нынче лубокъ въ цѣнѣ, иструбовъ бы липовенькихъ нарубилъ». «А на эти деньги онъ бы накупилъ скота, или землю купилъ бы за безцѣнокъ и мужикамъ роздалъ бы въ наймы, — съ улыбкою докончилъ Левинъ, очевидно, уже не разъ сталкивавшійся съ подобными расчетами. — И онъ составитъ себѣ состояніе. А вы и я, только дай Богъ намъ свое удержать и дѣтямъ оставить»... «Такъ мы безъ расчета и живемъ, точно приставлены мы, какъ весталки древнія, блюсти огонь какой-то».

Не слѣдуетъ думать, будто къ области сверхличнаго относятся только благородныя и прекрасныя дѣятельности. Какъ всегда, такъ и здѣсь величайшія уродства получаютъ путемъ искаженія того, что могло бы привести къ величайшему благородству. Много примѣровъ этого рода можно найти въ проявленіяхъ семейнаго эгоизма. Быть можетъ, нѣкоторыя формы скупости вытекаютъ не изъ однихъ личныхъ мотивовъ, а еще и изъ любви къ вещи самой по себѣ, къ ея цѣлости и сохранности: различныя формы уродливаго консерватизма также могутъ возникать не изъ полезности для насъ общественнаго строя, а изъ преклоненія передъ сложнымъ общественнымъ цѣлымъ съ его многовѣковыми историческими традиціями.

Разсмотрѣвъ выдающіеся случаи сверхличной дѣя-

тельности, легко понять, въ чемъ заключается различіе между эгоцентрическими и неэгоцентрическими натурами. Общая черта всѣхъ сверхличныхъ характеровъ, преобладаніе въ нихъ сверхличныхъ элементовъ, указываетъ на высоко развитую способность интуиціи. Различіе между неэгоцентрическими и эгоцентрическими натурами заключается въ этомъ *внутреннемъ* признакъ, а не во *внѣшнемъ* характерѣ поступковъ. Поступки, напоминающіе качества неэгоцентрическихъ натуръ, напр., честность, чувство долга, снисходительность, готовность помочь и т. п., могутъ вытекать также изъ личнаго расчета, а не изъ интуитивнаго проникновенія во внѣшній міръ. Такимъ образомъ слѣдуетъ различать эгоцентрическія и неэгоцентрическія честность, чувство долга, готовность помочь и т. п. Поэтому, основываясь на внѣшнихъ особенностяхъ поступковъ, очень трудно судить о характерѣ; возможны случаи, когда лицо, совершавшее преступленія, оказывается менѣе эгоцентрическою натурою, болѣе способною совершенно забывать себя и непосредственно входить въ чужой душевный міръ, чѣмъ многіе изъ абсолютно безупречныхъ, никогда не отклонявшихся отъ требованій долга людей, у которыхъ, однако, эта безупречность вытекаетъ изъ эгоцентрическаго житейскаго такта. Поэтому-то иногда грѣшникъ и преступникъ бываютъ привлекательнѣе, такъ называемаго, порядочнаго человѣка. Жанъ Вальжанъ въ романѣ Гюго «Отверженные», даже и тогда, когда онъ отнялъ монету у маленькаго савояра, привлекательнѣе въ глазахъ проницательнаго человѣка, чѣмъ Жаверъ.

Нечего и говорить, что между классомъ эгоцентрическихъ и сверхличныхъ характеровъ существуютъ самыя разнообразныя переходныя формы. Обиліе переходныхъ формъ тѣмъ болѣе понятно, что одинъ и тотъ же человѣкъ, развиваясь, постепенно переходитъ изъ одного разряда въ другой. Основной биогенетическій законъ Геккеля, согласно которому *онтогенія* (исторія развитія индивида) *есть краткое повтореніе фило-*

genii (исторіи развитія вида), приложимъ также и къ развитію характера, и при томъ въ направленіи, подтверждающемъ нашу классификацію. Всякій человекъ, даже и самый выдающійся впоследствии представитель неэгоцентричности, при появленіи на свѣтъ въ первые мѣсяцы и даже годы жизни принадлежитъ несомнѣнно къ числу чувственныхъ натуръ; затѣмъ все болѣе и болѣе развивается интересъ къ «моимъ» дѣятельностямъ, что особенно проявляется въ играхъ дѣтей и, наконецъ, въ ранней юности, въ особенности у даровитыхъ людей, эгоцентричность достигаетъ максимума своего развитія, что выразится въ честолюбивыхъ и самолюбивыхъ мечтахъ юноши. Очень многіе величайшіе представители отреченія отъ своего я, напр., Паскаль, Францискъ Ассизскій, Владиміръ Соловьевъ, въ юности были въ высокой степени честолюбивыми натурами. Только вслѣдъ за эгоцентрическимъ періодомъ развитія можетъ появиться преобладаніе сверхличной дѣятельности.

Намѣченныя группы составляютъ лишь первое основное дѣленіе въ классификаціи характеровъ. Дальнѣйшія подраздѣленія этихъ группъ могутъ также основываться на различіи между стремленіями по содержанію. Очень много цѣннаго матеріала для такой классификаціи даетъ Поланъ во второй части своей «Психологіи характеровъ». Наконецъ, возможны также и сдѣланныя Поланомъ подраздѣленія, основывающіяся на формальныхъ различіяхъ между характерами, на такихъ качествахъ, какъ уравновѣшенность или противорѣчивость характера, широта или узкость характера, сила стремленій и т. п. Однако мы не будемъ заниматься построеніемъ полной классификаціи характеровъ, такъ какъ это выходило бы за предѣлы нашей задачи. Мы должны были указать лишь на тѣ положенія въ ученіи о характерѣ, которыя необходимо вытекаютъ изъ развитого выше волюнтаристическаго ученія о личности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАШ.
ВВЕДЕНИЕ.	
Предварительное опредѣленіе волюнтаризма	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	
Воля	2
Элементы волевого акта	2
1. Стремленія	5
2. Чувствованіе активности и перемѣна	24
3. Чувствованіе удовлетворенія.	28
4. Виды волевыхъ актовъ	29
5. Составъ индивидуальнаго сознанія: волевые акты, „акты во мнѣ“ и состоянія сознанія	29
Волюнтаризмъ	30
1. Волевой характеръ всѣхъ „моихъ“ процессовъ сознанія	30
2. Основное положеніе и окончательное опредѣленіе волюнтаризма.	47
3. Чувствованіе активности	50
4. Воля и законъ причинности	69
5. Волюнтаризмъ и интеллектуализмъ	73
6. Логически возможныя ученія о волѣ	75
ГЛАВА ВТОРАЯ.	
Отношеніе между физическими и психическими явленіями	83
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	
Сознаніе и знаніе.	107
Неопознанныя состоянія сознанія	108
Ученія о бессознательномъ	123
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	
Порядокъ смѣны душевныхъ процессовъ	136
Порядокъ смѣны стремленій	136
Законъ ассоціаціи идей	151

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СТРАН.

Личность	169
Понятія духа, личности и я	169
Не личные („данные“) элементы индивидуальнаго сознанія.	181
Самосознаніе и самопознаніе	187

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Интуиція	190
Непосредственное воспріятіе вѣшняго міра	190
Взаимодѣйствіе между различными я	192
Методологическіе выводы изъ ученія объ интуиціи	198
1. Опредѣленіе психологін.	198
2. Методы психологін	204

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Удовольствіе и страданіе (неудовольствіе)	205
Виды удовольствія и неудовольствія	205
Связь между удовольствіями и стремленіями	210
Ученіе объ эвдемонистической мотиваци	224
Нейтральныя состоянія сознанія.	225

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Эмоціи	227
Сенсуалистическая теорія эмоцій Джемса	227
Волюнтаристическая теорія эмоцій	235
1. Волевые элементы эмоціи	235
2. Опредѣленіе эмоціи	253
3. Выводы изъ волюнтаристическаго ученія объ эмоціяхъ.	257

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Характеры	264
Существенныя черты характера	264
Основы классификаціи характеровъ	267

- Ч. XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. Бубнова. 1890.
- " XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 1-й. 1889.
- " XXII. Города Московскаго государства въ XVI в. Изслѣдованіе Н. Чечулина. 1889.
- " XXIII. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. 1890.
- " XXIV. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651 — 1709). И. Шляпкина. 1891.
- " XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. Сырку. 1891.
- " XXVI. Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. В. Ернштедта. 1891.
- " XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера „On the Russe Common Wealth“ какъ историческій источникъ. С. Середонина. 1891.
- " XXVIII. Прокопія Кессарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарий Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Вандами. Книга первая. 1891.
- " XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Θεодора, архіепископа Едесскаго. Издаѣ И. Помяловскій. 1892.
- " XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.
- " XXXI. Вып. 1. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. Форстена. Выпускъ 2-й.—2. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Прѣсякова. 1893.
- " XXXII. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Часть I. С. Булича. 1893.
- " XXXIII. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544 — 1648. Томъ I. Борьба изъ-за Ливоніи. Изслѣдованіе Г. Форстена. 1893.
- " XXXIV. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544 — 1648. Томъ II. Борьба Швеціи съ Польшей и съ Габсбургскимъ домоу. 30-лѣтняя война. Изслѣдованіе Г. Форстена. 1894.
- " XXXV. Житіе Св. Аванасія Аеонскаго. Изд. И. Помяловскій. 1895. — Житіе Св. Григорія Синаита. Изд. И. Помяловскій. 1894.
- " XXXVI. Θεодорита, епископа Киррскаго, отвѣты на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми египетскими епископами. Изд. А. Пападопуло-Керамевсъ. 1895.
- " XXXVII. Августалы и сакральное магистерство. Изслѣдованіе въ области римскаго муниципальнаго права и древностей. М. Крашенинникова. 1895.
- " XXXVIII. Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus. Ediderunt W. Wassiliewski et V. Jernstedt. 1896.
- " XXXIX. Психологія Джемса. Пер. И. И. Лапшина. 1896.
- " XL. Вѣднѣя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774)). Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. 1896.
- " XLI. Святѣйшаго патриарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. По аеонскимъ рукописямъ издаѣ Пападопуло-Керамевсъ 1896.
- " XLII. Проекты реформъ по запискамъ современниковъ Петра Великаго. Н. Павлова-Сильванскаго. 1897.

- Ч. XLIII. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. С. Рождественскаго. 1897.
- " XLIV. Сборникъ источниковъ по Трапезундской имперіи. Собралъ Панадопуло-Керамевсъ. Часть I. 1897.
- " XLV. Введеніе въ изученіе социологіи. Н. Карѣева. 1897.
- " XLVI. Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Б. Тураева. 1898.
- " XLVII. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. А. К. Бороздина. 1898.
- " XLVIII. Изъ исторіи Азійъ. 229—31 годы до Р. Хр. С. Жебелева. 1898.
- " XLIX. Н. В. Карамзинъ, авторъ „Писемъ Русскаго Путешественника“. В. В. Сиповскаго. 1899.
- " L. Выпускъ 1-й. Житіе иже во святыхъ отца нашего Арсенія Великаго. Издавъ Г. Ф. Церетели. 1899.
- " LI. Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи. М. И. Ростовцева. 1899.
- " LII. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время). С. Ф. Платонова. 1899.
- " LIII. И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I. 1899.
- " LIV. Вып. I. В. Н. Перетцъ. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. 1899.
- " Вып. II. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. 1900.
- " LV. Э. Д. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. I. 1900.
- " LVI. А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Аморійской династіи. 1900.
- " LVII. Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета. 1900.
- " LVIII. А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 табл. въ текстѣ. 1901.
- " LIX. Георгій Киприянинъ и Іоаннъ Іерусалимскій, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ. Изслѣдованіе В. М. Меліоранскаго. 1901.
- " LX. Очерки бытового театра Лопе де Вега. Д. К. Петрова. 1901.
- " LXI. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское (1569—1586). 1901.
- " LXII. И. Л. Досъ. Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. 1901.
- " LXIII. Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. 1901.
- " LXIV. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. 1902.
- " LXV. Вып. I. В. Тураевъ. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эііопіи. Вып. 2 и 3. *Fontes rerum Aethiopicarum hagiologicae*. Ed. Turajev. 1902.
- " LXVI. А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи. 1902.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.
A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.
Please return promptly.

347582

MAY 1 1971 H

Cancelled

